

СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ НАУКА И СОЦИАЛЬНАЯ ПРАКТИКА

НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ

S O C I O L O G I C H E S K A J A N A U K A
I S O C I A L ' N A J A P R A K T I K A

Рецензируемый научный журнал

Основан в 2013 г.
Выходит 4 раза в год;
с 2023 г. в сетевом формате

2023. Том 11, № 4

DOI: 10.19181/snsp.2023.11.4

Учредитель:

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Федеральный научно-исследовательский социологический
центр Российской академии наук (ФНИСЦ РАН)

Журнал включен в базу РИНЦ,
перечень ВАК – категория К1, индексируется в WoS RSCI
Журнал открытого доступа

Все выпуски журнала размещаются на официальном сайте:

<https://www.socnp.ru>

Редакционная коллегия

ГОРШКОВ Михаил Константинович	главный редактор, академик РАН, доктор философских наук, директор, Институт социологии ФНИСЦ РАН (Россия)
АКТАМОВ Иннокентий Галималаевич	кандидат педагогических наук, доцент, директор Восточного института Бурятского государственного университета (Россия)
БАРАШ Раиса Эдуардовна	кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН (Россия)
ГРИГОРЬЕВА Ксения Сергеевна	кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН (Россия)
ГОФМАН Александр Бенционович	доктор социологических наук, профессор, НИУ ВШЭ (Россия)
ГРИНБЕРГ Руслан Семёнович	член-корреспондент РАН, научный руководитель, Институт экономики РАН (Россия)
ДУАЙЕР Том	профессор, университет Кампинаса, член Исполкома Международной социологической ассоциации (Бразилия)
ЗУБОК Юлия Альбертовна	доктор социологических наук, профессор, заместитель директора по научной работе, Институт социологии ФНИСЦ РАН (Россия)
КОНСТАНТИНОВСКИЙ Давид Львович	доктор социологических наук, главный научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН (Россия)
КРАВЧЕНКО Сергей Александрович	заместитель главного редактора, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социологии МГИМО-Университет МИД РФ (Россия)
МОЗГОВАЯ Алла Викторовна	заместитель главного редактора, доктор социологических наук, главный научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН (Россия)
МОРГАН Джон	доктор философии, профессор, Председатель национальной комиссии ЮНЕСКО Соединенного Королевства, заведующий кафедрой политической экономики образования Ноттингемского университета (Великобритания)
МУКОМЕЛЬ Владимир Изявич	доктор социологических наук, главный научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН (Россия)
ЛИ Пейлин	академик, Китайская академия общественных наук (Китай)
СМИРНОВ Александр Ильич	доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН (Россия)
ТИХОНОВА Наталья Евгеньевна	доктор социологических наук, профессор-исследователь НИУ ВШЭ (Россия)

Editorial Board

GORSHKOV Mikhail	(Editor in Chief), Academician, Director, Institute of Sociology of FCTAS RAS (Russia)
AKTAMOV Innocentiy	Candidate in Pedagogy, Associate Professor, Director of the Oriental Institute of the Buryat State University (Russia)
BARASH Raisa	Candidate of Politology, Leading Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS (Russia)
DWYER Tom	Professor, University of Campinas, a Board member of the International Association of a sociological (Brazil)
GOFMAN Alexander	Doctor of Sociology, Professor of Department of General Sociology of the HSE University (Russia)
GRIGOR'EVA Ksenija	Candidate of Sociology, Senior Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS (Russia)
GRINBERG Ruslan	Corresponding Member of Russian Academy of Sciences, Scientific Director of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (Russia)
KONSTANTINOVSKY David	Doctor of Sociology, Professor, Main Researcher, Head of the Department of Sociology of Education, Institute of Sociology of the FCTAS RAS (Russia)
KRAVCHENKO Sergey	(Deputy Editor), Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Chair of Sociology MGIMO-University of the Russian Foreign Ministry (Russia)
LI Pailin	Academician, Chinese Academy of Social Sciences, (China)
MORGAN John	Ph.D., Professor, Chairman of the National Commission for UNESCO, the United Kingdom, Head of the Political Economy of Education University of Nottingham (UK)
MOZGOVAYA Alla	(Deputy Editor), Doctor of Sociology, Main Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS (Russia)
MUKOMEL Vladimir	Doctor of Sociology, Professor, Main Researcher, Institute of Sociology of the FCTAS RAS (Russia)
SMIRNOV Alexander	Doctor of Sociology, Leading Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS (Russia)
TIKHONOVA Natalia	Doctor of Sociology, Professor, HSE University (Russia)
ZUBOK Julia	Doctor of Sociology, Deputy Director for Research, Institute of of Sociology of FCTAS RAS (Russia)

СОДЕРЖАНИЕ

СОЦИОЛОГИЯ МАССОВОГО СОЗНАНИЯ

- Великая Н. М., Зайцева А. А., Ирсетская Е. А.*
Репрезентация образа будущего России в печатных СМИ
в контексте консолидации российского общества 8

СОЦИОЛОГИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ГРУПП

- Мещерякова Н. Н., Крыштановская О. В.*
Смарт-элита: контуры концепции 30
- Подлесная М. А., Ильина И. В.*
Героизм через призму размышлений о стране
и ее будущем: оценки поколений 53

СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ

- Кулагина Е. В.*
Активная политика занятости в отношении лиц
с инвалидностью 78

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ. СОЦИАЛЬНАЯ ДИНАМИКА

- Уханова Ю. В., Жданова А. Э.*
Малые города в России как комфортное пространство
для жизни: миф vs реальность
(на примере Вологодской области) 112
- Петухов Р. В.*
Особенности формирования доверия к муниципальной власти
среди молодых россиян 134

ЭТНОСОЦИОЛОГИЯ

- Рыжова С. В.*
Этническая идентичность и толерантность в поликультурном
обществе: общероссийская перспектива и ситуация
в Кабардино-Балкарии 156
- Щеголькова Е. Ю.*
Особенности межнациональных отношений в представлениях
жителей полиэтничного региона (на примере
Кабардино-Балкарской Республики) 178

СОЦИОЛОГИЯ КОММУНИКАЦИИ

- Адамьянц Т. Э.*
Смыслы и смысловые нюансы на открытых
интернет-платформах как предмет социологического изучения
(на примере блогов патриотической направленности
в «Дзене») 204

СОЦИОЛОГИЯ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ*Брюно В. В., Позднякова М. Е.*Распространение самогоноварения в России в период
социальных кризисов 221**СОЦИОЛОГИЯ ПРОФЕССИЙ***Прямикова Е. В., Шалагина Е. В., Шихова О. Н.*Молодые педагоги между «Сциллой» и «Харибдой»:
о профессиональных дефицитах в социологическом ракурсе
(на примере Свердловской области) 248**БЛАГОДАРНОСТЬ РЕЦЕНЗЕНТАМ 273**

CONTENT

SOCIOLOGY OF MASS CONSCIOUSNESS

- Velikaya N. M., Zaytseva A. A., Irsetskaya E. A.*
Representation of the image of Russia's future
in print media in the context of Russian society's
consolidation 8

SOCIOLOGY OF SOCIAL GROUPS

- Meshcheryakova N. M., Kryshtanovskaya O. K.*
Smart elite: conceptual framework. 30
- Podlesnaia M. A., Ilina I. V.*
Heroism through the prism of reflections on the country
and its future: assessments by generations 53

SOCIOLOGY OF MANAGEMENT

- Kulagina E. V.*
Active market labour policies towards people with disabilities . . . 78

SOCIAL PROCESSES. SOCIAL DYNAMICS

- Ukhanova Y. V., Zhdanova A. E.*
Small towns in Russia as a comfortable living space:
myth vs. reality (based on the Vologda region) 112
- Petukhov R. V.*
Features of building trust in municipal authorities among
young Russians 134

ETHNOSOCIOLOGY

- Ryzhova S. V.*
Ethnic identity and tolerance in a multicultural society:
an all-Russian perspective and research
in Kabardino-Balkaria. 156
- Shchegolkova E. Yu.*
Features of interethnic relations in the perceptions of residents
of a multiethnic region (a case study
of the Kabardino-Balkar Republic). 178

SOCIOLOGY OF COMMUNICATIONS

- Adamyants T. Z.*
Meanings and semantic nuances on open Internet platforms
as a subject of sociological study (on the example
of patriotic blogs in Zen) 204

SOCIOLOGY OF DEVIANT BEHAVIOR*Briuno V. V., Pozdniakova M. E.*

The spread of moonshine production in Russia
during social crises 221

SOCIOLOGY OF PROFESSIONS*Pryamikova E. V., Shalagina E. V., Shikhova O. N.*

Young teachers caught between “Scylla” and “Charybdis”:
professional deficits in a sociological perspective
(case of Sverdlovsk region) 248

APPRECIATION TO REVIEWERS 273

УДК 32.019.5
DOI: 10.19181/snsp.2023.11.4.1
EDN: EXVFUC

Научная статья

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ОБРАЗА БУДУЩЕГО РОССИИ В ПЕЧАТНЫХ СМИ В КОНТЕКСТЕ КОНСОЛИДАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Наталья Михайловна Великая¹
Анастасия Андреевна Зайцева²
Елена Александровна Ирсетская³

^{1, 2, 3} Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН,
Москва, Россия,

¹ natalivelikaya@gmail.com,
ORCID 0000-0001-5532-844X

² aa.zaytseva23@yandex.ru,
ORCID 0000-0002-2923-0497

³ e.irs@rggu.ru,
ORCID 0000-0003-0191-6486

Для цитирования: Великая Н. М., Зайцева А. А., Ирсетская Е. А. Репрезентация образа будущего России в печатных СМИ в контексте консолидации российского общества // Социологическая наука и социальная практика. 2023. Т. 11, № 4. С. 8–29. DOI 10.19181/snsp.2023.11.4.1. EDN EXVFUC.

Аннотация. Получение социологической информации об особенностях репрезентации образа будущего в печатных СМИ актуализировано задачами интеграции и консолидации российского социума в условиях гибридной реальности. Опираясь на теории информационного общества и коммуникативного действия, авторы рассматривают информационно-коммуникативную сферу как определяющую в конструировании трендов социального и политического процесса, где СМИ являются важнейшим институтом формирования общественного мнения. Методы и эмпирическая база. Эмпирическое исследование проведено методом количественного и качественного контент-анализа и критического дискурс-анализа публикаций в трёх ведущих печатных СМИ в течение 2013–2014 гг. и 2022–2023 гг. Генеральная совокупность составила 521 статью, выборочная совокупность – 174 статьи, опубликованных в периодических изданиях «Московский комсомолец», «Российская газета», «Комсомольская правда» и «Новая газета». Результаты и их обсуждение. Было выявлено, что конструирование образа будущей России формируется на основе двух групп факторов – внутренних (социальная политика, человеческий капитал, традиции, развитие экономики, поддержание экологии) и внешних (противостояние России, многополярный мир). Эмоциональный фон

© Великая Н. М., 2023
© Зайцева А. А., 2023
© Ирсетская Е. А., 2023

статей с 2013 по 2023 гг. стал иметь более негативную коннотацию; сократилось количество статей, содержащих долгосрочный прогноз, в связи с проведением СВО. Были описаны доминирующие дискурсы, конструирующие образ будущей России и наиболее активно тиражируемые в СМИ: дискурс «Россия – Евразийский колосс», дискурс прорыва и преодоления, дискурс «осаждённой крепости», дискурс справедливости и дискурс отмены. В будущем Российская Федерация предстаёт в роли евразийского интегратора на основе культурных традиций, исторического прошлого, идеологических императивов высококонсолидированного общества; как будущий лидер технологического развития, экономики, построенной на импортозамещении и прорывных производственных мощностях, развитии науки и инноваций, эффективной образовательной и молодёжной политики. Позитивные представления о будущем формируют образы России-мессии, лидера справедливого миропорядка, который отражён в статьях, посвящённых новому многополярному мироустройству. Дискурсы «осаждённой крепости» и дискурс отмены конструируют как негативные образы страны, не способной ответить на вызовы современности и преодолеть риски социально-экономического развития, так и позитивные, где общество и власть выстраивают эффективные стратегии противостояния угрозам и внешним обстоятельствам.

Ключевые слова: печатные СМИ, информационное пространство, Россия, образ будущего, дискурсивные стратегии СМИ, консолидация

Введение

Постановка проблемы. Проблематика, связанная с конструированием образа будущего, актуализируется в связи с общественным запросом на оптимальную стратегию развития в кризисных условиях глобальной неопределённости, которая в современной социологической литературе описывается в терминах гибридной реальности [1], где неконтролируемые информационные потоки формируют неопределённый образ окружающего мира в условиях разных цивилизационных парадигм. Это порождает дополнительную потребность индивидов и социальных общностей в самоидентификации, в обретении чувства принадлежности к различным социальным общностям и в определении своего места как на локальном, так и на глобальном уровнях. Как справедливо заметил А. И. Неклесса, активное представление будущего предполагает борьбу за доминирование в процессе выбора, редактирования и утверждения предпочтительной версии цивилизации [2, с. 152]. Кроме того, упомянутая неопределённость сказывается на социальном самочувствии индивидов, порождая своеобразный феномен «Большого беспокойства», социальный невротизм, обусловленный социальными страхами [3].

В условиях широкомасштабной санкционной политики в отношении России и осуществления специальной военной операции одним из факторов усиления социально-политической устойчивости может стать фор-

мирование и поддержание в общественном сознании позитивного образа будущего России, который служил бы основанием социального оптимизма и социально-политической консолидации российского общества.

Образ будущего, являясь динамическим феноменом общественного сознания, трансформируется в зависимости от внешних и внутренних факторов. При этом образ будущего в массовом сознании граждан во многом детерминирован действиями органов власти, проводимой ими политикой в различных сферах жизнедеятельности социума, а также информационной повесткой в СМИ, которые являются важнейшими инструментами формирования общественного мнения в современных условиях.

Исследование будущего общественного развития имеет давнюю научно-методологическую традицию в социологической науке и наиболее полно представлено в работах Ф. Полака, Э. Тоффлера, Дж. Урри и др. [4; 5; 6], в которых рассмотрены теоретико-методологические подходы к изучению и конструированию будущего. Их идеи с успехом применялись отечественными учёными, которые обращали внимание на конструктивистскую функцию образов, считая, что ход истории проектируется настоящими представлениями о грядущем [7; 8]. Основные инструменты его конструирования рассматривались в работах А. И. Селиванова; И. В. Желтиковой и Е. Хохловой, С. А. Кравченко, В. К. Левашова [9; 10; 11; 12]. Подавляющее большинство учёных разделяют точку зрения, что «Положительный образ будущего способствует прогрессивно-восходящему развитию социума, негативный – порождает пессимизм общественного сознания, апокалиптичность мировосприятия» [13].

Для реализации задач нашего исследования видится целесообразным подход к изучению будущего с точки зрения его семантических составляющих, тех знаний, понятий и значений, которыми располагает социальный субъект по отношению к воспринимаемой им окружающей реальности [14], в том числе благодаря деятельности масс-медиа, которые рассматривались как механизм и фактор формирования дискурсивного образа настоящей и будущей России в работах Ю. А. Горностаевой, А. В. Анненковой, Э. В. Будаева. [15; 16; 17].

Осмыслению вопросов социальной консолидации посвящён широкий пласт исследований современных учёных. Подчёркивая реформирующийся характер современных общественных отношений, в котором протекают процессы взаимодействия гражданского общества и институтов власти, исследователи отмечают необходимость развития и усиления процесса социальной интеграции и консолидации с целью обеспечения устойчивого и стабильного развития российского общества [18].

Методология и эмпирическая база. Учитывая влияние СМИ и новых информационных технологий на общественную консолидацию и содер-

жание образов будущего [19; 20; 21], наиболее продуктивным нам представляется подход, основанный на теории коммуникативного действия [22], в которой средства массовой информации рассматриваются не только в качестве субъекта информационного и идеологического воздействия на аудиторию [23], но и в качестве инструмента манипуляций общественным сознанием [24]. В качестве методов исследования использован количественный и качественный контент-анализ текстов с элементами критического дискурс-анализа по Ван Льюэну [25; 26], что позволило выявить тематический репертуар публикаций и отдельные дискурсивные практики.

Эмпирическая база статьи: 1) данные контент-анализа и дискурс-анализа статей, опубликованных в два периода: с июля 2013 по июль 2014 гг. и с июля 2022 по июль 2023 гг. Генеральная совокупность включает 521 статью в периодических изданиях: «Московский комсомолец», «Российская газета», «Комсомольская правда» и «Новая газета»¹. Общая выборка составила 174 статьи: 87 за первый период и 87 за второй период. Способ отбора единиц анализа – систематический, анализировалась каждая третья статья.

Диагностика влияния российских СМИ на уровень социального оптимизма российского общества

Мы исходим из того, что в современном информационном обществе медиаресурсы не только формируют общественное мнение, но и влияют на поведение людей, «мобилизуют социальные группы в поддержку определённых людей, идей, событий» [27, с. 32].

И хотя цифровизация и расширение доступа к информации массовым социальным группам отразились на снижении влияния СМИ, прежде всего традиционных, на общественное сознание, среди российского населения, особенно старших возрастов, газеты, ТВ всё ещё сохраняют авторитет по сравнению с Интернет-ресурсами. Данные 53 волны социологического мониторинга «Как живёшь, Россия?» [28] демонстрируют, что российские граждане в большей степени продолжают доверять ТВ и радио (47 %), в меньшей степени – информации на сайтах в Интернете (40 %) и в социальных сетях, блогосфере (37 %) (см. табл. 1).

¹ Критерием отбора являются: общероссийская значимость, широта охвата аудитории, тираж изданий, противоположная идеологическая направленность. Количественный и качественный контент-анализ текстовых сообщений, размещённых в информационном пространстве Российской Федерации (федеральные СМИ, оппозиционные СМИ), проводился в несколько этапов: отбор статей с упоминаниями ключевых слов (по базе МЕДИАЛОГИЯ); отбор текстов статей (ключевые слова: «образ будущего», «будущее России»), кодирование текстов, интерпретация результатов кодирования. Генеральная совокупность статей в период с июля 2013 по июль 2014 гг. и с июля 2022 по июль 2023 гг. в трёх изданиях – 521 статья. В рамках выборочной совокупности было проанализировано 174 статьи.

Таблица 1

Мнение респондентов о соответствии действительности информации по текущим событиям в стране, которую транслируют российские телевидение, радио, Интернет, %

Мнение	Радио, телевидение	Сайты СМИ в Интернете	Социальные сети, блоги в Интернете
Соответствует	13,4	6,1	7,4
Скорее соответствует	32,8	34,2	30,5
Скорее не соответствует	24,4	25,5	21,6
Не соответствует	15,6	13,6	14,5
Затруднились ответить	13,8	20,6	26,0
<i>Итого в целом соответствует</i>	<i>46,2</i>	<i>40,3</i>	<i>37,9</i>
<i>Итого в целом не соответствует</i>	<i>40,0</i>	<i>39,1</i>	<i>36,1</i>

Источник: Данные мониторинга «Как живёшь, Россия?», опрос 2023 г. [28]

Согласимся с коллегами, считающими, что позитивная идентификация граждан, резервы их социального оптимизма определяются содержательным и отвечающим ценностному ядру культуры образом будущего [29], который доминирует в информационном пространстве. Рассмотрим роль СМИ и межличностной коммуникации в формировании оптимистического или пессимистического образа будущего в массовом сознании населения. Оценки, высказанные респондентами, сведены в интегральный индекс (см. табл. 2) и отражают ответы в среднем 65% опрошенных, пользующихся соответствующими каналами СМИ и Интернетом.

Согласно значениям индекса, по совокупности получаемой информации из разных источников, у населения складывается в целом оптимистический образ будущего, который основывается, прежде всего, на основе общения с ближним кругом, в меньшей степени – телевидением и радио. Отрицательный образ будущего в массовом сознании населения формирует информация в Интернете и общение в соцсетях. Действительно, данные контент-анализа печатных СМИ, имеющих в том числе и сайты в Интернете, показывают, что эмоциональный окрас статей в 2013–2014 гг. в целом оставался позитивно-нейтральным. Негативный тон публикаций присутствовал при анализе политических противоречий России и Украины в январе–феврале 2014 г., до воссоединения Республики Крым с РФ (см. рис. 1).

Таблица 2

Образ будущего (оптимистический или пессимистический), возникающий у респондентов после просмотра и прослушивания передач по радио и телевидению, знакомства с информацией в Интернете, общения в социальных сетях с родственниками и друзьями, %

Источники информации	Оптимистический (a=+1)	Пессимистический b=-1)	Трудно сказать	Общее количество (сумма) сформулированных положительных или отрицательное мнение	Индекс психологического влияния СМИ на граждан (R) ²
Телевидение	37,0	35,4	27,6	72,4	0,0
Радио	27,3	28,2	44,5	55,5	0,0
Печатные СМИ	20,3	29,3	50,4	49,6	-0,2
Информация в Интернете	21,7	45,4	32,9	67,1	-0,4
Общение в социальных сетях	28,8	34,5	36,7	63,3	-0,1
Общение с родственниками и друзьями	50,1	29,1	20,8	79,2	0,3
Образ будущего в целом	37,5	27,1	35,4	64,6	0,2

Источник: Данные мониторинга «Как живёшь, Россия?», опрос 2023 г. [28].

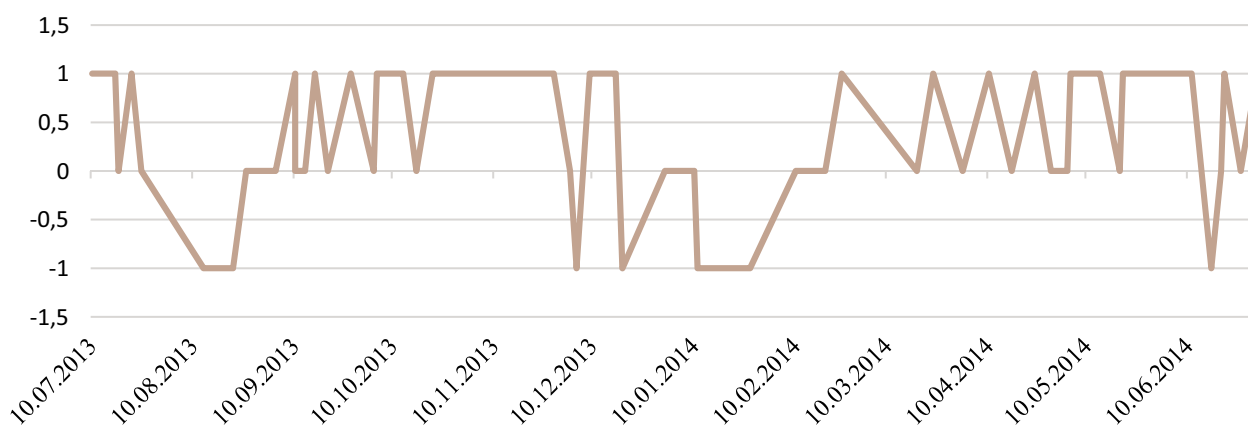

Рис. 1. Эмоциональный фон статей в период с июля 2013 по июль 2014 гг. (1 – позитивный, 0 – нейтральный, -1 – негативный)

Источник: Рассчитано авторами по данным контент-анализа за первый период.

¹ Индекс психологического влияния СМИ рассчитан из соотношения: $R=(a-b)/(a+b)$. Числовые значения индекса: «+1» – оптимистический образ будущего, «-1» пессимистический образ будущего; «0» – число оптимистически оценивающих образ будущего и число пессимистически оценивающих образ будущего примерно равно при условии, что число не ответивших минимально.

Спустя почти 10 лет эмоциональная нагруженность текстов приобрела больше негативных коннотаций. Особенно выделяется в этом смысле период октябрь–декабрь 2022 г., который последовал после сентябрьской мобилизации, вызвавшей неоднозначную реакцию в информационном пространстве. Публикации с негативным эмоциональным фоном в основном касались прогнозов экономической ситуации на фоне санкций и недостаточностью импортозамещения, опасениями по поводу сохранения производства, развития технологий и искусственного интеллекта.

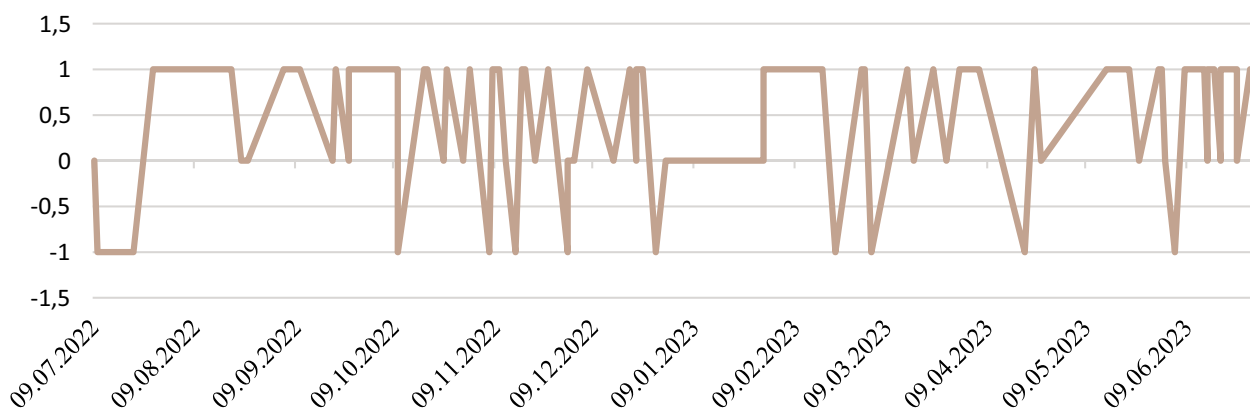

Рис. 2. Эмоциональный фон статей в период с июля 2022 по июль 2023 гг.

Источник: Рассчитано авторами по данным контент-анализа за второй период.

Изменение эмоционального тона статей не сильно сказалось на социальном оптимизме российских граждан. Треть опрошенных в 2023 году респондентов продолжают смотреть в будущее с уверенностью, оптимизмом и надеждой, а пятая часть опрошенных оценивает и свои жизненные перспективы, и будущее страны в негативном ключе, смотрит вперёд с неуверенностью, отчаянием и безысходностью [28, с. 59].

Важным индикатором исследований об образе будущего является долгосрочность прогноза, который позволяет судить о горизонтах планирования и социального «предвидения» будущего. По данным контент-анализа СМИ, в 2013–2014 гг. наблюдалось доминирование долгосрочных прогнозов (более трёх лет), а в период 2022–2023 гг., наоборот, большая часть статей даёт краткосрочные прогнозы (см. рис. 3), что коррелирует и со снижением общего оптимистического эмоционального фона публикаций.

Заметим, что и горизонт планирования российских граждан остаётся более чем коротким: треть респондентов планирует своё будущее на не-

сколько месяцев и только 11% опрошенных смотрит вперёд на несколько лет. Большинство наших сограждан, учитывая их скромные жизненные возможности, планов не строит и ничего не планирует, живя одним днём [28, с. 60], поскольку реализуемая в России политика ориентирована на отдалённые стратегические цели – от укрепления статуса нового центра мировой политики до объединения «русского мира» и построения цифровой экономики не способствует выработке индивидуальных жизненных стратегий.

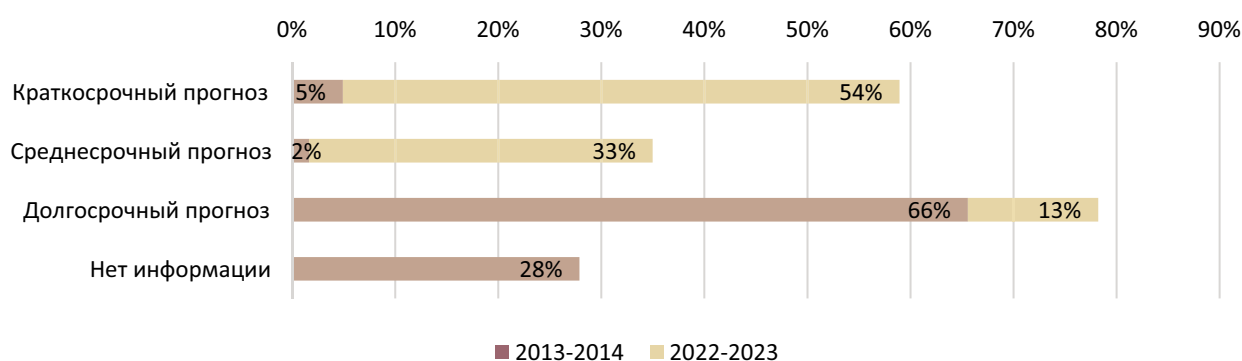

Рис. 3. Доли кратко-, средне-, долгосрочного прогноза в период 2013–2014 гг. и 2022–2023 гг.

Источник: рассчитано авторами по данным контент-анализа двух периодов.

Рост индикаторов по источникам и причинам тревожности (от экономических проблем до хода СВО) позволяет предположить, что резервы социального оптимизма сокращаются.

Доминирующие дискурсы образа будущего в печатных СМИ

По мнению С. Хилгартнера и Ч. Боска, наиболее высокие шансы попасть в повестку дня имеют те проблемы, которые обладают новизной, драматичностью, соответствуют интересам властных элит и культурным предпочтениям общества [30, с. 157], что неизбежно должно сказываться на дискурсивных стратегиях.

Анализ тематических кластеров, представленных в корпусе текстов двух временных периодов показывает, что конструирование образа будущей России формируется на основе двух групп факторов – внутренних (национальных, региональных) и международных, внешних. Внутренние факторы главным образом описываются через успешную реализа-

цию социальной политики и сохранение человеческого капитала страны, следование традициям и воспроизводстве культуры через приумножение экономического потенциала и поддержание экологической устойчивости. Внешние факторы обозначаются либо как противостояние России и других международных и политических акторов, либо как мессианство или лидерство России в глобализирующемся мире.

Представленные в виде облака тегов, наиболее часто встречающиеся в статьях ключевые слова, позволяют сформировать представление о доминирующих дискурсах. В 2013–2014 гг. в корпусе текстов преобладали такие смысловые категории будущего России, как «развитие», «экономика», «митинг», «форум», «безопасность», «охрана», «спасение», «Китай», «инвестиции», «дети», «торговля», «литература», «искусство», «качество», «США», «Крым», «бизнес» (см. рис. 4).

В 2022–2023 гг. наиболее употребимы были «Евразия», «Евразийство», «Европа», «единство», «традиционные ценности», «развитие», «увеличение», «суверенитет», «война», «победа», «инфраструктура», «жизни», «молодёжь», «семьи», «защита», «многополярность», «адаптация», «консолидация». (см. рис. 5.) Важнейшим источником формирования представлений о будущем является социальная мифология [31, с. 373], которая в т. ч. конструируется и тиражируется в СМИ. В этом смысле резко возросший интерес СМИ к евразийству и идеологии особого пути является хорошим примером подтверждения этой мысли. По данным мониторинга ИСПИ ФНИСЦ РАН, количество считающих, что у России должен быть свой путь развития, спустя 30 лет вернулось к показателям 1992 года, достигнув 52% (в 2017 и 2020 гг. этот показатель был на уровне 42 и 33%) [28, с. 57].

Рис. 4. Наиболее часто упоминаемые ключевые слова в статьях о будущем России в период 2013–2014 гг. в виде облака тегов

делённых возможностей и ресурсов после распада СССР, осознание трудностей и потери позиций, которое занимало государство: «*Посмотрите на Герб СССР – на нём над Землёй встаёт Солнце. Уверен, несмотря на все проблемы, ужасы, катастрофы, это Солнце взойдёт и будет освещать будущее всего человечества*»¹.

Активная наступательная политика России в деле отстаивания своих интересов в максимальной степени отражена в публикациях 2022–2023 гг., которая выстраивается на апелляции к ностальгическим настроениям, к советскому ресентименту, требующих восстановления как минимум единства славянских народов: «*Тридцать лет хаоса слишком много, и пора трём славянским частям империи: России, Малороссии, Белоруссии – слиться в одно целое, пока “мировое сообщество” не сожрало нас по частям*»², а также на актуализации идеологических ценностей, которые должны быть положены в основу процветания будущей России: «*Именно сейчас, в период самых значимых цивилизационных испытаний со времён распада СССР, нам всем нужна идеология*»³.

В содержательном плане существенных различий в выбранные периоды выявлено не было, за исключением того факта, что в 2022–2023 гг. почти в два раза выросло количество упоминаний В. В. Путина (27 против 15) в связи с его ролью в сохранении единства России.

Дискурс прорыва и преодоления, присутствующий в четверти статей по выборке, основан на признании факта отставания России в тех или иных областях, но акцент здесь сделан на возможность его преодоления при имеющихся природных, социальных и культурных ресурсах: «*Надо признать, что изменился принцип управления будущим, надо быть готовым к максимальному спектру возможностей, и уметь в них включаться и стартовать в новом управлении*»⁴. Характерно, что в содержательном плане этот дискурс сохраняет устоявшуюся структуру и в 2023 году, когда авторы сокрушаются об упущенных возможностях и о сохраняющемся разрыве с другими странами: «*Сегодня очевидно, что впереди эра креативной, а не сырьевой экономики. В будущее возьмут тех, кто способен генерировать и воплощать в жизнь новые идеи*»⁵.

¹ СССР убили в самом расцвете сил // МК.ru : [сайт]. 28.12.2022. URL: <https://www.mk.ru/politics/2022/12/28/sssr-ubili-v-samom-rascvete-sil.html> (дата обращения: 18.09.2023).

² Роскошь воевать из сострадания // МК.ru : [сайт]. 10.10.2022. URL: <https://www.mk.ru/social/2022/10/10/roskosh-voevat-iz-sostradaniya.html> (дата обращения: 15.09.2023).

³ Почему России так необходима государственная идеология // МК.ru : [сайт]. 21.11.2022. URL: <https://www.mk.ru/politics/2022/11/21/pochemu-rossii-tak-neobkhodima-gosudarstvennaya-ideologiya.html> (дата обращения: 20.09.2023).

⁴ В АСИ обсудят стратегию российского бизнеса на ближайшие 25 лет // rg.ru : [сайт]. 17.07.2013. URL: <https://rg.ru/2013/07/17/proekt-site.html> (дата обращения: 08.10.2023).

⁵ Роман Карманов: «Нужно осознать, что мир вокруг – результат чьей-то творческой деятельности» // rg.ru : [сайт]. 01.02.2023. URL: <https://rg.ru/2023/02/01/roman-karmanov-nuzhno-osoznavat-cto-mir-vokrug-rezultat-chej-to-tvorcheskoj-deiatelnosti.html> (дата обращения: 11.10.2023).

В рамках этого дискурса делается попытка сформировать образ современной высокотехнологичной державы, где особую роль играют инновационная и образовательная политика. В статьях рассматривается необходимость развития креативных проектов, поддержка научной деятельности молодёжи, создание условий для талантливых инициативных людей¹.

В целом по выборке каждая десятая статья (17 из 174) так или иначе посвящена молодёжи, которая рассматривается как важнейший социальный и интеллектуальный капитал страны. Это хорошо понимает власть, которая последнее десятилетие довольно активно выстраивает молодёжную политику, что нашло отражение в медийной повестке².

Этот дискурс строится в том числе и на негативных коннотациях возможного развития страны, что отражено по крайней мере в четверти публикацией по выборке, и может быть связано с провалами политики импортозамещения, и с усилением санкционного давления: *«Давно ли размышляли о 25 млн высокотехнологичных рабочих мест, а теперь в основном говорим, что 25 млн – это наш мобилизационный ресурс»*³. Традиционно СМИ фокусируют внимание и на таких проблемных зонах развития общества и экономики, как инфляция, рост цен, повышение тарифов, что, однако, компенсируется многообещающими прогнозами роста ВВП, замены европейских компаний китайскими, активизацией собственного производства: *«в будущем Россия сможет производить более качественные машины, чем Toyota, если всерьёз возьмётся за свою промышленность»*⁴.

Третий дискурс может быть условно назван *дискурсом «осаждённой крепости»*, где внимание читателей фокусируется на сложной геополитической обстановке, необходимости защищать свою идентичность и целостность страны перед лицом новых угроз современности: *«Мы всегда знали, а сегодня вновь убеждаемся, что суверенное, независимое, безопасное будущее России зависит только от нас, от нашей силы и воли»*⁵.

¹ ВЦИОМ открыл регистрацию на Грушинскую социологическую конференцию // Комсомольская правда : [сайт]. 1 июля 2014. URL: <https://www.kp.ru/daily/27495.3/4754026/> (дата обращения: 11.10.2023).

² «Движение первых»: Чем будет заниматься новая организация, какие ценности исповедует и как к ней присоединиться // rg.ru : [сайт]. 20.12.2022. URL: <https://rg.ru/2022/12/20/dvizhenie-pervyh-chem-budet-zanimatsia-novaia-organizaciia-kakie-cennosti-ispoveduet-i-kak-knej-prisoedinitia.html> (дата обращения: 10.10.2023).

³ Даже лопаты в России китайские // МК.ru : [сайт]. 15.11.2022. URL: <https://www.mk.ru/economics/2022/11/15/dazhe-lopaty-v-rossii-kitayskie.html> (дата обращения: 04.10.2023).

⁴ Глава индийского бизнес-альянса назвал условие, при котором Россия будет производить машины лучше, чем Toyota // Комсомольская правда : [сайт]. 09.07.2022. URL: <https://www.kp.ru/online/news/4823888/> (дата обращения: 04.10.2023).

⁵ «Вместе мы преодолеем все трудности и сохраним нашу страну великой и независимой»: Владимир Путин выступил с новогодним обращением. Главное // rg.ru : [сайт]. 31.12.2022. URL: <https://rg.ru/2022/12/31/vmeste-my-preodoleem-vse-trudnosti-i-sohranim-nashu-stranu-velikoj-i-nezavisimoj-vladimir-putin-vystupil-s-novogodnim-obrashcheniem-glavnoe.html> (дата обращения: 03.10.2023).

Большинство статей по международной тематике, выстраивающие геополитическое будущее России, описывают его как в категориях рисков и угроз, так и в терминах возможностей и перспектив. Относительно стран-партнёров и антагонистов ситуация в 2013–2014 гг. выглядит противоречиво: некоторые акторы указываются одновременно и как перспективные партнёры, и как недружественные страны (США, страны Европы, Украина, Япония, Канада, Грузия). К 2022–2023 гг. среди партнёров чаще встречаются страны БРИКС (Индия, Китай, Бразилия), Беларусь, Иран. В качестве стран-антагонистов назывались США, страны ЕС, Вьетнам, Великобритания. Отметим, что в долгосрочной перспективе Турция, как и Украина встречаются как в антагонистах, так и в партнёрах. Вокруг России ведётся информационная пропаганда и обозначается конфликт интересов между Россией и США на политической арене.

Особое внимание в 2013–2014 гг. уделялось будущему Украины, ещё оставалась надежда, что эта страна останется в зоне влияния России: *«Россия мастерски владеет дипломатическим искусством и умело применяет кнуты и пряники. Но вот нарисовать привлекательный образ будущего не получается. Даже для себя, что уж говорить о соседях»*¹, при этом тиражировались ожидания, что это событие станет *«закваской, дрожжами для изменения страны»*².

Значимый пул публикаций 2022–2023 гг., где так или иначе затрагивалось будущее страны, был связан с проведением СВО (10 из 87 статей – явный контекст, 25 из 87 – латентный контекст). В этих статьях Россия рассматривается как та сторона конфликта, которая противостоит агрессии на разных направлениях. *«Против России ведётся именно война, война очень широким фронтом, противостояние в зоне СВО – это только часть этой войны. Кроме неё, есть колоссальная экономическая война – такого количества санкций не было никогда в истории ни против одной страны мира. Идёт война информационная, психологическая, война с фундаментальными основами российской культуры»*³. Проведение СВО позиционируется здесь через историческую необходимость: *«Мы не можем допустить возрождения идеологии, унёсшей миллионы человеческих жизней по всему миру»*⁴.

¹ Фёдор Лукьянов: Россия умело применяет кнуты и пряники // rg.ru : [сайт]. 03.12.2013. URL: <https://rg.ru/2013/12/04/vibor.html> (дата обращения: 08.10.2023).

² Первый раз в Крыму: записки командированного // Комсомольская правда : [сайт]. 1 июля 2014. URL: <http://www.kp.ru/daily/26249/3130283/> (дата обращения: 09.10.2023).

³ Первый замруководителя Администрации президента РФ Сергей Кириенко: Война против России ведётся небывало широким фронтом // rg.ru : [сайт]. 30.10.2022. URL: <https://rg.ru/2022/10/30/kirienko-protiv-rossii-vedetsia-vojna-ochen-shirokim-frontom.html> (дата обращения: 07.10.2023).

⁴ Сохранить память о великих подвигах: глава Якутии рассказал, как создавалась уникальная историческая выставка в парке «Патриот» // Комсомольская правда : [сайт]. 20 августа 2022. URL: <https://www.kp.ru/daily/27434.5/4635365/> (дата обращения: 09.10.2023).

В рамках дискурса справедливости (четвёртая часть проанализированных статей) конструируется международный образ России прежде всего в контексте становления нового многополярного мира, где для России самым важным остаётся сохранение своих ценностей и построение многополярной системы взаимоотношений между государствами. При этом сложившиеся социально-политические условия оцениваются как несправедливые и оскорбительные для России: *«Россию надо поднимать с колен!»*¹. В этом ключе анализируется и конфликт с Украиной, который рассматривается именно как восстановление справедливости для жителей её восточных территорий. В изучаемых статьях особая роль в построении справедливого будущего отводится проведению специальной военной операции: *«В бой идём за право языка», «Да, мы в бой идём за такую малость. Но за этой малостью – сама история и само будущее России»*².

Другая группа статей, где присутствует дискурс справедливости, посвящена социальной политике государства, в том числе в области поддержки малоимущих, пенсионеров, защиты материнства и детства. Особое внимание уделяется необходимости создания благоприятных условий для многодетных семей, борьбе со стигматизацией, предоставлении им финансовой поддержки: *«Нужно помогать многодетным семьям, повышать их авторитет и избавлять их от ореола маргинальности»*³.

«Дискурс отмены», который был выявлен менее чем в 10% публикаций, описывает будущее России через катастрофические и апокалиптические прогнозы, обращает внимание на множественные риски актуального развития страны, которые могут вести к её социально-экономической деградации, потере влияния в мире. *«Территория страны пустеет. Население при малейшей возможности переезжает в крупные города, деревни постепенно умирают, а в мегаполисах, «высасывающих» людей из регионов, перенаселение»*. Тревожные коннотации и негативная эмоциональная нагруженность присутствует в статьях о состоянии экологической сферы⁴.

¹ Евгений Евтушенко во Владимире: «Как можно радоваться ссоре двух ядерных держав?» // Комсомольская правда : [сайт]. 20 мая 2014. URL: <http://www.kp.ru/daily/26232/3115032/> (дата обращения: 09.10.2023).

² Слова в камуфляже: Уральские поэты представили сборник стихов про СВО // Российская газета: [сайт]. 19.06.2023. URL: <https://rg.ru/2023/06/19/reg-urfo/slova-v-kamufliazhe-uralskie-poety-predstavili-sbornik-stihov-pro-svo.html> (дата обращения: 09.10.2023).

³ Владимир Путин поставил новые задачи по росту доходов семей с детьми // rg.ru : [сайт]. 08.11.2022. URL: <https://rg.ru/2022/11/08/vzroslye-garantii.html> (дата обращения: 09.10.2023).

⁴ Госдума запретила вылов морских млекопитающих для дельфинариев и «китовых тюрем» // rg.ru : [сайт]. 08.11.2022. URL: <https://rg.ru/2022/12/15/gosduma-zapretila-vylov-morskih-mlekopitaiushchih-dlia-delfinariev-i-kitovyh-tiurem.html> (дата обращения: 03.10.2023).

Выводы

В средствах массовой информации транслируется противоречивый образ России будущего. На основе выявленных дискурсов конструируется несколько образов России: позитивные образы страны, объединяющей территории на всём пространстве Евразии, страны – субъекта формирования справедливого миропорядка, лидера инновационной экономики и цифровизации формируются в рамках дискурса «Россия – Евразийский колосс», дискурса справедливости и дискурса преодоления. Положительные и отрицательные характеристики образа будущего отражены в статьях, где реализуется дискурс «осаждённой крепости» и дискурс отмены, где, с одной стороны, напряжённый тон публикаций сопровождает анализ социальных и политических рисков и угроз, а с другой – создаёт образ консолидированной, объединённой перед трудностями и обстоятельствами страны, противостоящей недружественным странам.

Тем не менее, в СМИ практически не присутствует образ России как «гражданской» нации – полинациональной, полирелигиозной, объединённой общими гражданскими ценностями и интересами, связанной солидарными практиками. Этот образ уступает место России этатистской, где общество призвано только поддерживать власть. Очевидно, что трансформации и флуктуации политического режима влияют как на общественное мнение, так и на повестку СМИ, которые стараются избегать острых и опасных тем. Такие зоны молчания, неготовность дискутировать по острым и политическим проблемам ведут к стагнации и замораживанию политического режима. Интересно, что конструирование образа будущего в большей степени осуществляется сегодня на основе событий прошлого, чем настоящего. Образы будущего России, отражённые в СМИ, не отвечают имеющемуся в общественном мнении запросу на национальную идею, ясный и чёткий проект будущего.

Вместе с тем, использование дискурса «осаждённой крепости», «Жертвы», конструирование образа страны как «борца за справедливость» выступает своеобразным катализатором социально-политической консолидации российского общества, которое демонстрирует высокий уровень поддержки действующей власти и проводимой политики. Интересно, что конкурентоспособность и технологическое отставание России от ряда стран Запада, замедленные темпы экономического роста неоднозначно оцениваются обществом, интерпретируются не как результат неэффективной политики государства, а как следствие исключительно антипатий со стороны Запада. Дал о себе знать активно насаждаемый и тиражируемый российскими СМИ образ врага в лице ряда зарубежных стран. Более половины жителей России уверены, что основные угрозы для России исходят из-за

рубежа (73% в 2023 году против 59% в 2020 году), а треть поддерживает снижение международной активности страны [28, с. 54–56].

Выявленные и описанные дискурсы строятся на разных социокультурных, идеологических, институционально-организационных основаниях, но ведущая роль принадлежит мировоззренческим установкам, связанным с представлениями о месте России в новой системе миропорядка. Отображение в СМИ специальной военной операции, вызвавшей беспрецедентное количество санкций и нарастающую русофобию в публичном пространстве ряда западных стран, способствовало объединению российского общества против «внешнего врага» в связи с осознанием опасности внешних угроз безопасного и устойчивого развития страны. Однако эксплуатация в дискурсе образов врага, негативных механизмов идентификации может иметь следствием временный и краткосрочный характер социально-политической консолидации.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Левашов В. К., Новоженина О. П. Гибридная социально-политическая реальность: сущность, мнения граждан и тенденции // Социологические исследования. 2022. № 12. С. 139–149. DOI [10.31857/S013216250022369-8](https://doi.org/10.31857/S013216250022369-8). EDN [CJXXAJ](https://www.edn.ru/EDN_CJXXAJ).
2. Неклесса А. И. Мускулы войны и нервы мира: гибридная метаморфоза. Методологические и прогностические аспекты постсовременного общежития // Полис. Политические исследования. 2019. № 4. С. 149–164. DOI [10.17976/jpps/2019.04.11](https://doi.org/10.17976/jpps/2019.04.11). EDN [CFSKTD](https://www.edn.ru/EDN_CFSKTD).
3. Manfred B.S., James P. Globalization Matters: Engaging the Global in Unsettled Times. Cambridge : Cambridge University Press, 2019. 301 p. ISBN 978-1-108-55707-8. DOI [10.1017/9781108557078](https://doi.org/10.1017/9781108557078).
4. Polak F. The Image of the Future / F. Polak ; transl. and abridged by E. Boulding. Amsterdam, London, New York : Elsevier Scientific Publishing Company, 1973. 319 p.
5. Тоффлер Э. Шок будущего / Э. Тоффлер ; пер. с англ. М. : ООО «Издательство АСТ», 2002. 560 с. ISBN 5-17-010706-4.
6. Урри Д. Как выглядит будущее? / Д. Урри ; пер. с англ. А. Матвиенко ; под науч. ред. С. Щукиной. М. : Издательский дом «ДЕЛО», РАНХИГС, 2018. 320 с. ISBN 978-5-7749-1324-4. EDN [XGCBGF](https://www.edn.ru/EDN_XGCBGF).
7. Щербинин А. И., Щербинина Н. Г. Политическое конструирование образа будущего // Вестник Томского университета. Философия. Социология. Политология. 2020. № 56. С. 285–299. DOI [10.17223/1998863X/56/25](https://doi.org/10.17223/1998863X/56/25). EDN [OIAVVZ](https://www.edn.ru/EDN_OIAVVZ).
8. Zheltikova I., Khokhlova E. The image of the future of contemporary Russia // Journal of Futures Studies. 2019. Vol. 24, № 1. P. 63–76. DOI [10.6531/JFS.201909_24\(1\).0005](https://doi.org/10.6531/JFS.201909_24(1).0005). EDN [WIGKKM](https://www.edn.ru/EDN_WIGKKM).
9. Селиванов А. И. Познание будущего развивающихся социальных объектов // Социологические исследования. 2015. № 4 (372). С. 11–17. EDN [TRRQJB](https://www.edn.ru/EDN_TRRQJB).
10. Желтикова И. В. Исследования будущего и место в них концепта «образ будущего» // Философская мысль. 2020. № 2. С. 15–32. DOI [10.25136/2409-8728.2020.2.32302](https://doi.org/10.25136/2409-8728.2020.2.32302). EDN [QJXQZL](https://www.edn.ru/EDN_QJXQZL).

11. *Кравченко С. А.* Риски будущего: востребованность нелинейно-гуманистического знания // Наука. Культура. Общество. 2018. № 1. С. 20–33. EDN [UVNYHY](#).
12. *Левашов В. К., Новоженина О. П.* Меняющийся образ будущего в сознании российских граждан // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки. 2021. № 5 (107). С. 38–51. DOI [10.22204/2587-8956-2021-107-05-38-51](#). EDN [DLLPZE](#).
13. *Лукьянова Н. А., Семерник С. З., Охотницкая Е. М.* Технологии конструирования образов будущего: культур-философский анализ // Векторы благополучия: экономика и социум. 2023. № 1 (48). DOI [10.18799/26584956/2023/1/1527](#). EDN [OVFAFR](#).
14. *Токарева С. Б.* Конструирование образа России в публичном и общественно-политическом дискурсе: от семантического описания к метафорическому фреймингу событий // Logos et Praxis. 2021. Т. 20, № 1. С. 36–48. DOI [10.15688/lp.jvolsu.2021.1.5](#). EDN [OLXUGN](#).
15. *Горностаева Ю. А.* Метафорические модели дискурсивного конструирования негативного образа России в испанских СМИ // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2020. № 6. С. 47–53. DOI [10.37482/2687-1505-V062](#). EDN [YGSQRD](#).
16. *Анненкова А. В., Таныгина Е. А.* Образ России в современных СМИ (на примере материалов русскоязычных новостных онлайн-агрегаторов) // Общество: политика, экономика, право. 2021. № 9 (98). С. 26–31. DOI [10.24158/per.2021.9.4](#). EDN [GBKARD](#).
17. *Метафорический образ будущего России в зарубежных СМИ / Э. В. Будаев, О. А. Солопова, Р. И. Зарипов, А. В. Бойко.* СПб. : Наукоёмкие технологии, 2021. 217 с. ISBN 978-5-6045558-9-7. EDN [KPMMAO](#).
18. *Великая Н. М.* Идеологические и институциональные доминанты консолидации российского общества и государства // Вопросы политологии. 2022. Т. 12, № 11 (87). С. 3632–3646. DOI [10.35775/PSI.2022.87.11.003](#). EDN [CCWEAV](#).
19. *Бардин А. Л.* Цифровые разрывы в современном мегаполисе: политическое измерение // Полис. Политические исследования. 2021. № 6. С. 73–88. DOI [10.17976/jpps/2021.06.06](#). EDN [TZBNNK](#).
20. *Вареник М. С.* Свобода СМИ в контексте духовно-нравственной и идеологической консолидации российского общества // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2010. № 2. С. 147–153. EDN [MVPXMB](#).
21. *Селезнев П. С., Сургуладзе В. Ш.* Цифровые вызовы социально-политической консолидации и коллективной идентичности общества // Век глобализации. 2021. № 4 (40). С. 131–144. DOI [10.30884/vglob/2021.04.09](#). EDN [TKUWLO](#).
22. *Хабермас Ю.* Моральное сознание и коммуникативное действие / Ю. Хабермас. СПб. : Наука, 2001. 382 с. ISBN 5-02-026810-0.
23. *Озюменко В. И.* Медийный дискурс в ситуации информационной войны: от манипуляции к агрессии // Вестник РУДН. Серия: Лингвистика. 2017. Т. 21, № 1. С. 203–220. DOI [10.22363/2312-91822017-21-1-203-220](#). EDN [XWEYAV](#).
24. *Кихтан В. В.* Исследование процессов манипулирования массовым сознанием в современных средствах массовой информации // Вестник Волжского университета имени В. Н. Татищева. 2018. Т. 2, № 2. С. 221–227. EDN [XREBMD](#).
25. *Kress G. R., Van Leeuwen T.* Reading Images: The Grammar of Visual Design. London : Routledge, 1996. 288 p.
26. *Матыцина М. С.* Критический дискурс-анализ: теоретико-методологические

- подходы // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2019. Т. 18, № 3. С. 206–216. DOI [10.15688/jvolsu2.2019.3.17](https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.3.17). EDN [OGNREC](https://edn.ras.ru/OGNREC).
27. Бурдые П. О телевидении и журналистике / П. Бурдые ; пер. с фр. М. : Фонд научных исследований «Прагматика культуры»; Институт экспериментальной социологии, 2002. 159 с. ISBN 5-7333-0041-8.
28. Как живёшь, Россия? Экспресс-информация. 53 этап социологического мониторинга, июнь 2023 года : [бюллетень] / В. К. Левашов, Н. М. Великая, И. С. Шушпанова [и др.] ; ФНИСЦ РАН. М. : ФНИСЦ РАН, 2023. 91 с. ISBN 978-5-89697-418-5. DOI [10.19181/monogr.978-5-89697-418-5.2023](https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-418-5.2023). EDN [UVGWIE](https://edn.ras.ru/UVGWIE).
29. Образ будущего России как основа для позитивной идентификации граждан / С. Г. Максимова, Н. Ю. Атясова, О. В. Суртаева [и др.] // Society and Security Insights. 2021. Т. 4, № 4. С. 77–94. DOI [10.14258/ssi\(2021\)4-05](https://doi.org/10.14258/ssi(2021)4-05). EDN [GCWKWW](https://edn.ras.ru/GCWKWW).
30. Хилгартнер С., Боск Ч. Л. Рост и упадок социальных проблем: концепция публичных арен // Социальные проблемы: конструкционистское прочтение : хрестоматия / Сост. и пер. с англ. И. Г. Ясавеев. Казань : Изд-во Казан. ун-та, 2007. С. 145–184.
31. Иванов А. Г. Социальный миф как фактор конструирования образов будущего // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2021. Т. 21, № 4. С. 372–376. DOI [10.18500/1819-7671-2021-21-4-372-376](https://doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-4-372-376). EDN [ACJHRD](https://edn.ras.ru/ACJHRD).

Сведения об авторах

Н. М. Великая

доктор политических наук, профессор,
главный научный сотрудник
AuthorID РИНЦ: [286986](https://elibrary.ru/author_index.action?id=286986)

А. А. Зайцева

кандидат социологических наук,
научный сотрудник
AuthorID РИНЦ: [811880](https://elibrary.ru/author_index.action?id=811880)

Е. А. Ирсетская

кандидат социологических наук, доцент,
старший научный сотрудник
AuthorID РИНЦ: [617235](https://elibrary.ru/author_index.action?id=617235)

Авторы внесли эквивалентный вклад в подготовку публикации.

У авторов нет конфликта интересов для декларации.

Статья поступила в редакцию 17.10.2023; одобрена после рецензирования 28.10.2023; принята к публикации 07.11.2023.

Original article

DOI: 10.19181/snsp.2023.11.4.1

REPRESENTATION OF THE IMAGE OF RUSSIA'S FUTURE IN PRINT MEDIA IN THE CONTEXT OF RUSSIAN SOCIETY'S CONSOLIDATION

Natalia Mihailovna Velikaya¹
Anastasiya Andreevna Zaytseva²
Elena Alexandrovna Irsetskaya³

^{1, 2, 3} Institute of Socio-Political Research of FCTAS RAS,
Moscow, Russia,

¹ natalivelikaya@gmail.com,
ORCID 0000-0001-5532-844X

² aa.zaytseva23@yandex.ru,
ORCID 0000-0002-2923-0497

³ e.irs@rggu.ru,
ORCID 0000-0003-0191-6486

For citation: Velikaya N. M., Zaytseva A. A., Irsetskaya E. A. Representation of the image of Russia's future in print media in the context of Russian society's consolidation. *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. 2023;11(4):8–29. (In Russ.). DOI [10.19181/snsp.2023.11.4.1](https://doi.org/10.19181/snsp.2023.11.4.1).

Abstract. Acquiring current sociological information on the features of representing the image of the future in print media is a task that has been highlighted in the context of the integration and consolidation of Russian society in a hybrid reality. Drawing upon theories of the information society and communicative action, the authors examine the information and communicative sphere as determinants in constructing trends in social and political processes, with the media serving as a crucial institution for shaping public opinion. *Methods and Empirical Basis:* The empirical study was conducted using quantitative and qualitative content analysis and critical discourse analysis of publications in three leading print media outlets during the years 2013–2014 and 2022–2023. The total sample consisted of 521 articles, with a selected sample of 174 articles published in periodicals such as “Moskovsky Komsomolets”, “Rossiyskaya Gazeta”, “Komsomolskaya Pravda,” and “Novaya Gazeta”. *Results and Discussion:* It was found that the construction of the image of future Russia is based on two groups of factors – internal (social policy, human capital, traditions, economic development, environmental preservation) and external (Russia's confrontation, multipolar world). The emotional tone of articles from 2013 to 2023 has acquired more negative connotation; the number of articles containing long-term forecasts has decreased due to the implementation of Special Military Operations (SMO). Dominant discourses that construct the image of future Russia and are most actively propagated in the media were described: the “Russia - Eurasian Colossus” discourse, the breakthrough and overcoming discourse, the “besieged fortress” discourse, the discourse of justice, and the discourse of cancellation. In the future, the Russian Federation is presented as a Eurasian integrator based on cultural traditions, historical heritage, and ideological imperatives of a highly consolidated society. It is portrayed as a future leader in technological development, an economy based on import substitution and breakthrough production capacities,

the advancement of science and innovation, effective educational and youth policies. Positive representations of the future create images of Russia as a saviour, a leader of a just world order, which is reflected in articles dedicated to the new multipolar world order. The “besieged fortress” and the discourse of cancellation construct both negative images of the country, incapable of responding to contemporary challenges and overcoming socio-economic development risks, as well as positive images where society and authority establish effective strategies to resist threats and external circumstances.

Keywords: print media, information space, Russia, image of the future, media discourse strategies, consolidation

REFERENCES

1. Levashov V. K., Novozhenina O. P. Hybrid socio-political reality: essence, opinions of citizens and trends. *Sociological studies=Sociologicheskie issledovaniya*. 2022;(12):139–149. (In Russ.). DOI [10.31857/S013216250022369-8](https://doi.org/10.31857/S013216250022369-8).
2. Neklessa A. I. Muscles of war and nerves of peace: a hybrid metamorphosis. Methodological and prognostic aspects of post-modern hostelry. *Polis. Political studies=Polis. Politicheskie issledovaniya*. 2019;(4):149–164. (In Russ.). DOI [10.17976/jpps/2019.04.11](https://doi.org/10.17976/jpps/2019.04.11).
3. Manfred B.S., James P. Globalization matters: engaging the global in unsettled times. Cambridge: Cambridge university press; 2019. 301 p. ISBN 978-1-108-55707-8. DOI [10.1017/9781108557078](https://doi.org/10.1017/9781108557078).
4. Polak F. The image of the future. Transl. and abridged by E. Boulding. Amsterdam, London, New York: Elsevier scientific publishing company; 1973. 319 p.
5. Toffler E. Future shock. Transl. from English. Moscow: ACT; 2002. 560 p. (In Russ.). ISBN 5-17-010706-4.
6. Urry D. What does the future look like? A. Matvienko transl.; S. Shchukina, ed. Moscow: DELO; 2018. 320 p. (In Russ.). ISBN 978-5-7749-1324-4.
7. Shcherbinin A. I., Shcherbinina N. G. Political construction of the image of the future. *Bulletin of Tomsk university. Philosophy. Sociology. Political science=Vestnik Tomskogo universiteta. Filosofiya. Sociologiya. Politologiya*. 2020;(56):285–299. (In Russ.). DOI [10.17223/1998863X/56/25](https://doi.org/10.17223/1998863X/56/25).
8. Zheltikova I., Khokhlova E. The image of the future of contemporary Russia. *Journal of Futures Studies*. 2019;24(1):63–76. DOI [10.6531/JFS.201909_24\(1\).0005](https://doi.org/10.6531/JFS.201909_24(1).0005).
9. Selivanov A. I. Knowledge of the future of developing social objects. *Sociological studies=Sociologicheskie issledovaniya*. (In Russ.). 2015;(4):11–17.
10. Zheltikova I. V. Studies of the future and the place in them of the concept “image of the future”. *Philosophical thought=Filosofskaya my'sl'*. 2020;(2):15–32. (In Russ.). DOI [10.25136/2409-8728.2020.2.32302](https://doi.org/10.25136/2409-8728.2020.2.32302).
11. Kravchenko S. A. Risks of the future: demand for nonlinear humanistic knowledge. *Science. Culture. Society=Nauka. Kul'tura. Obshchestvo*. 2018;(1):20–33. (In Russ.).
12. Levashov V. K., Novozhenina O. P. The changing image of the future in the minds of Russian citizens. *Bulletin of the Russian fund for fundamental research. Humanities and social sciences=Vestnik Rossijskogo fonda fundamental'ny'x issledovanij. Gumanitarny'e i obshchestvenny'e nauki*. 2021;5(107):38–51. (In Russ.). DOI [10.22204/2587-8956-2021-107-05-38-51](https://doi.org/10.22204/2587-8956-2021-107-05-38-51).

13. Lukyanova N. A., Semernik S. Z., Okhotnitskaya E. M. Technologies for constructing images of the future: cultural and philosophical analysis. *Vectors of well-being: economics and society=Vektory' blagopoluchiya: e'konomika i socium..* 2023;1(48). (In Russ.). DOI [10.18799/26584956/2023/1/1527](https://doi.org/10.18799/26584956/2023/1/1527).
14. Tokareva S. B. Constructing the image of Russia in public and socio-political discourse: from semantic description to metaphorical framing of events. *Logos et Praxis.* 2021;20(1):36–48. (In Russ.). DOI [10.15688/lp.jvolsu.2021.1.5](https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2021.1.5).
15. Gornostaeva Yu. A. Metaphorical models of discursive construction of the negative image of Russia in the Spanish media. *Bulletin of the Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanities and social sciences=Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarny'e i social'ny'e nauki.* 2020;(6):47–53. (In Russ.). DOI [10.37482/2687-1505-V062](https://doi.org/10.37482/2687-1505-V062).
16. Annenkova A. V., Tanygina E. A. The image of Russia in modern media (based on the example of materials from Russian-language online news aggregators). *Society: politics, economics, law=Obshchestvo: politika, e'konomika, pravo.* 2021;9(98):26–31. (In Russ.). DOI [10.24158/pep.2021.9.4](https://doi.org/10.24158/pep.2021.9.4).
17. Budaev E. V., Solopova O. A., Zaripov R. I., Boyko A. V. Metaphorical image of the future of Russia in foreign media. St. Petersburg: Naukoemkie texnologii; 2021. 217 p. (In Russ.). ISBN 978-5-6045558-9-7.
18. Velikaya N. M. Ideological and institutional dominants of the consolidation of Russian society and state. *Questions of political science=Voprosy' politologii.* 2022;12(11):3636–3646. (In Russ.). DOI [10.35775/PSI.2022.87.11.003](https://doi.org/10.35775/PSI.2022.87.11.003).
19. Bardin A. L. Digital divides in the modern metropolis: political dimension. *Polis. Political studies=Polis. Politicheskie issledovaniya.* 2021;(6):73–88. (In Russ.). DOI [10.17976/jpps/2021.06.06](https://doi.org/10.17976/jpps/2021.06.06).
20. Varenik M. S. Freedom of the media in the context of spiritual, moral and ideological consolidation of Russian society. *Bulletin of Moscow university. Series 18. Sociology and political science=Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sociologiya i politologiya.* 2010;(2):147–153. (In Russ.).
21. Seleznev P., Surguladze V. Digital challenges to socio-political consolidation and collective identity of society. *Century of globalization=Vek globalizacii.* 2021;4(40):131–144. (In Russ.). DOI [10.30884/vglob/2021.04.09](https://doi.org/10.30884/vglob/2021.04.09).
22. Habermas Yu. Moral consciousness and communicative action. St. Petersburg: Nauka; 2001. 382 p. (In Russ.). ISBN 5-02-026810-0.
23. Ozyumenko V. I. Media discourse in a situation of information war: from manipulation to aggression. *Bulletin of RUDN university. Series: Linguistics=Vestnik RUDN. Seriya: Lingvistika.* 2017;21(1):203–220. (In Russ.). DOI [10.22363/2312-91822017-21-1-203-220](https://doi.org/10.22363/2312-91822017-21-1-203-220).
24. Kikhtan V. V. Study of the processes of manipulating mass consciousness in modern media. *Bulletin of the Volgograd state university named after V. N. Tatishchev=Vestnik Volzhskogo universiteta imeni V. N. Tatishheva.* 2018;(2):221–227. (In Russ.).
25. Kress G., Van Leeuwen T. Reading images: The grammar of visual design. London: Routledge; 1996. 288 p.
26. Matytsina M. S. Critical discourse analysis: theoretical and methodological approaches. *Bulletin of Volgograd State University=Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Yazy'koznanie.* 2019;18(3):206–216. (In Russ.). DOI [10.15688/jvolsu2.2019.3.17](https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.3.17).
27. Bourdieu P. About television and journalism [O televidenii i zhurnalistike]. Moscow: Institut e'ksperimental'noj sociologii; 2002. 159 p. (In Russ.). ISBN 5-7333-0041-8.

28. Levashov V. K., Velikaya N. M., Shushpanova I. S. [et al.]. How are you living, Russia? Express information. 53rd stage of sociological monitoring, June 2023: [bulletin]. Moscow: FNISC RAN; 2023. 91 p. (In Russ.). ISBN 978-5-89697-418-5. DOI [10.19181/monogr.978-5-89697-418-5.2023](https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-418-5.2023).
29. Maksimova S. G., Atyasova N. Yu., Surtaeva O. V. [et al.]. The image of the future of Russia as a basis for positive identification of citizens. *Society and Security Insights*. 2021;4(4):77–94. (In Russ.). DOI [10.14258/ssi\(2021\)4-05](https://doi.org/10.14258/ssi(2021)4-05).
30. Hilgartner S., Bosk C. L. The rise and fall of social problems: the concept of public arenas. Social problems: constructionist reading: a reader. [Rost i upadok social'ny'x problem. In: Konceptiya publichny'x aren. Social'ny'e problemy': konstrukcionistskoe prochtenie: xrestomatiya]. Kazan: Kazanskij universitet; 2007. P. 145–184. (In Russ.).
31. Ivanov A. G. Social myth as a factor in constructing images of the future. *News of Saratov university. New episode. Series: Philosophy. Psychology. Pedagogy=Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Filosofiya. Psixologiya. Pedagogika*. 2021; 21(4):372–376. (In Russ.). DOI [10.18500/1819-7671-2021-21-4-372-376](https://doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-4-372-376).

Information about the Authors

N. M. Velikaya

Doctor of Sociology, Professor,
Main Researcher
ResearcherID: [A-9577-2017](https://orcid.org/0009-0001-9577-2017)
Scopus AuthorID: [8438345700](https://orcid.org/0009-0001-9577-2017)

A. A. Zaytseva

Candidate of Sociology,
Research Associate
ResearcherID: [AAC-9454-2022](https://orcid.org/0009-0001-9454-2022)
Scopus AuthorID: [57195350584](https://orcid.org/0009-0001-9454-2022)

E. A. Irsetskaya

Candidate of Sociology, Associate Professor,
Senior Researcher
ResearcherID: [L-5385-2016](https://orcid.org/0009-0001-5385-2016)
Scopus AuthorID: [57195632910](https://orcid.org/0009-0001-5385-2016)

Contribution of the authors: The authors contributed equally to this article.
The authors declare no conflicts of interests.

The article was submitted 17.10.2023; approved after reviewing 28.10.2023; accepted for publication 07.11.2023.

СМАРТ-ЭЛИТА: КОНТУРЫ КОНЦЕПЦИИ

Наталья Николаевна Мещерякова¹
Ольга Викторовна Крыштановская²

^{1, 2} Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия,
¹ natalia.tib@mail.ru,
ORCID 0000-0001-7658-7993
² olgakrysht@yandex.ru,
ORCID 0000-0001-5278-0940

Для цитирования: Мещерякова Н. Н., Крыштановская О. В. Смарт-элиты: контуры концепции // Социологическая наука и социальная практика. 2023. Т. 11, № 4. С. 30–52. DOI 10.19181/snsp.2023.11.4.2. EDN SLGDNI.

Аннотация. В статье рассматривается новая субгруппа внутри правящего класса, которую предлагается называть смарт-элиты. Её функциональное предназначение – стратегическое планирование и руководство цифровизацией экономики, системой государственного управления и пр. Цифровизация в данном контексте рассматривается как механизм трансформации общества по пути становления передовых практик и социальных институтов. С точки зрения осуществляемых функций выделенная группа является элитой развития. Локализована смарт-элиты главным образом в рамках институтов развития и ряде околоэлитных групп: экспертов, IT-специалистов, бизнесменов. Компетенции её представителей сосредоточены в области стратегического планирования и проектного управления. Также в смарт-элиты присутствует запрос на продвинутую цифровую грамотность: знания и умение работать с CMS системами, Google Analytics, GTM, Яндекс. Метрика» и пр. Для пополнения субгруппы в государстве созданы каналы социальной мобильности открытого типа: конкурс «Лидеры России», гранты фонда «Сколково», Агентства стратегических инициатив. Социокультурные смыслы, которыми смарт-элиты спаяны внутри, и которые её представители транслируют за пределы группы, связаны с деятельностью в интересах России.

Существует постоянное противоречие между стремлением представителей элиты сохранить полученную власть и поэтому ничего не менять в сложившейся системе и необходимостью обеспечить технологическое и социальное развитие страны. На личностном уровне это противоречие проявляется как конфликт охранителей-консерваторов и новаторов в структурах власти. Но смарт-элиты – это новаторы особого социокультурного типа, связанного с формированием горизонтальных не иерархических отношений в сетевом обществе, в том числе в вопросах распределения власти. Смарт-элиты в высшем эшелоне власти соответствует

«сетевому народу» в обществе, – обе эти социальные группы являются прообразом нового типа стратификации общественной системы.

Необходимость изучения смарт-элиты связывается с оценкой эффективности государственного стратегического планирования и управления, достаточности квалифицированных управленческих кадров, наличием/отсутствием противоречий между декларируемыми и латентными целями созданных институтов развития, в рамках которых функционирует смарт-элита.

Ключевые слова: смарт-элита, элита развития, институты развития, цифровизация, социальная мобильность

Благодарности: исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда, проект № 23-28-01579 «Легитимация социальной стратификации в России».

Научная проблема

Противоречие современного социально-экономического развития Российской Федерации заключается в том, что её стратегической целью является «прорывное развитие» (Указ «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года»), а текущая реальность складывается из проблем, связанных с экономической стагнацией, высокой инфляцией, инвестиционной блокадой и проч. В этих условиях возникает вопрос: существует ли актер, способный в ближайшие годы ответить на вызовы современности и осуществить технологический прорыв? Мы предполагаем, что внутри политической элиты сегодня выделяется особая группа, которая берёт на себя не только ответственность за вопросы оперативного управления страной, но и направлена на осмысление стратегических задач, перспективного планирования, в первую очередь связанных с использованием новых технологий. Именно цифровизация всех сфер общественной жизни рассматривается в наше время как условие качественного перехода общества к новому уровню цивилизационного развития [1]. Такого актора можно было бы назвать *смарт-элитой* (Smart Elite), то есть элитой, иницирующей и осуществляющей развитие.

Экзистенциальный спор между охранительной и прогрессивной линиями развития государства и общества не нов, но в каждый исторический момент он приобретает конкретные черты. Выдвижение на передний план части элиты, способной к стратегическому видению путей развития, планированию инноваций и реформ, подготовке государственных решений, включая законопроекты и программы, обеспечению реализации этих решений, происходит в моменты, когда отказ от направленных преобразований в государстве означал бы стагнацию, поражение и возможную потерю власти. Поскольку сохранение её является одной из важных задач политической элиты, то в такие кризисные моменты в точках бифуркации

системы даже её консервативное охранительное крыло достигает консенсуса по вопросу необходимости серьёзных преобразований.

Хотя в российском научном дискурсе сложилась концепция «консерватизма для развития» [2], пытающаяся синтезировать и примирить два этих подхода, важно помнить, что на уровне отдельной личности консерватизм и прогрессизм выглядят антонимами, описывающими противоположные тренды развития. Охранители и новаторы могут работать в тандеме, но это не одни и те же люди. Выдвижение на передний план вторых, делегирование им большей доли властных полномочий, означает привнесение в систему власти неопределённости, а возможно и нестабильности. Поэтому в момент, когда охранительное крыло правящей элиты чувствует, что новация может подорвать сложившийся *статус-кво*, они пытаются оттеснить группы развития от власти или хотя бы помешать им.

Подобным вызовом системе советской власти в начале XX в. была индустриализация, связанная с кардинальным преобразованием экономики страны. На этапе разработки и планирования новой экономической политики (НЭП), а затем первой пятилетки, к решениям были допущены такие выдающиеся учёные–новаторы, как Н. Д. Кондратьев, которого называют отцом индустриализации. На тот момент он был директором Конъюнктурного института при Наркомате финансов Союза ССР (1920–1928). Новаторам была дана возможность предложить руководству страной модель экономических реформ, но как только охранители решили, что дальше с задачами индустриализации справятся сами, специалисты были отстранены, опорочены, некоторые физически уничтожены. Привлечение учёных технократов и их последующее устранение подробно описаны В. Г. Роговиным в пятом томе его произведения «А была ли альтернатива?» [3].

Ещё один пример – так называемая косыгинская реформа второй половины 60-х гг. Её вызвало замедление темпов экономического роста в СССР, что вело не только к ухудшению экономических показателей, но и к возможному политическому недовольству [4, с. 185–186]. Реформа председателя Совета министров СССР Алексея Косыгина предоставила предприятиям большую хозяйственную самостоятельность, но была свёрнута в конце 70-х гг. в том числе под влиянием Пражской весны, которая напугала руководство страны последствиями либерализации.

Заметим, что и Николай Кондратьев, и Алексей Косыгин возглавляли группы развития *внутри* правящей элиты тех лет и имели возможности канализировать свои идеи на самый верх. Быстрый успех предложенных ими реформ, а затем их свёртывание, демонстрирует конфликты, возникавшие внутри правящей группы по поводу стратегии развития страны, в которых неизменно побеждало консервативное крыло.

Крах СССР в 1991 году привёл к коллапсу системы, охранители не смогли удержать власть, что позволило новаторам приступить к реформам, вызвавшим тектонические сдвиги. Внутри государства появилась группа «младореформаторов» (А. Гайдар, А. Чубайс, Б. Немцов, С. Кириенко и др.), которые осуществили реформы столь глубокие, что, казалось, развитие страны приняло необратимый характер.

Таким образом, элита развития как часть правящей элиты, способная к стратегическому прогнозированию и планированию, существовала и раньше в нашей стране. Но инициировать инновации она могла или в момент консенсуса с консервативным большинством в руководстве, или при наличии сильной политической воли лидера, который брал на себя задачу преодоления инерции «старой гвардии».

Какой вызов стоит перед элитой сегодня? Сложилась ли внутри нынешней российской элиты группа развития? И если да, то из кого она состоит и какое место в системе власти занимает?

Элита развития сегодня

Необходимость цифровой трансформации всех сфер общественной жизни – это и есть вызов актуального исторического момента. Без решения этой задачи невозможно обеспечить сохранение суверенитета государства, экономический рост, информационную безопасность и сохранение стабильности власти. Технологическое отставание России было озвучено Президентом РФ много раз: в обращении к Госсовету ещё в 2007 году, в послании к Федеральному собранию в 2018 году, на расширенном заседании коллегии минобороны РФ в 2020 году и т. д. В 2018 году Владимир Путин заявлял, что отставание является основной угрозой для суверенитета, даже более сильной, чем внешние угрозы¹. Таким образом, технологический прорыв стал целью государства, что закреплено во многих официальных документах. Но артикулирование этой цели проходило параллельно с нарастающим доминированием консервативных настроений в российском политикуме. В технологиях – прорыв и инновации, во всех остальных сферах – наступление традиционных ценностей и идеологии охранительства. Как это сочетается? И кто является основным актором реформаторского направления? Существуют ли группы внутри правящей элиты, которые способны это обеспечить?

О наличие элиты развития – *смарт-элиты* – говорит многое. Сам факт того, что государство ставит цель совершить технологический прорыв, свидетельствует о том, что на высших постах в управлении им есть люди,

¹ Послание Президента Федеральному Собранию // Президент России : [сайт]. 1 марта 2018 г. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/56957> (дата обращения: 21.07.2022).

которые эту цель формулируют и предпринимают усилия по её достижению. В 2008 году на базе Министерства информационных технологий и связи Российской Федерации было создано Министерство цифрового развития, которое призвано концентрировать усилия по созданию соответствующих технологий. Но кроме этого специализированного органа, в функции которого входит оперативное решение задач цифровой трансформации, в исполнительной ветви власти есть группы, занятые законодательным обеспечением цифровизации России. К ним можно отнести комитет Государственной думы по информационной политике, информационным технологиям; с 2012 года действует Совет при Президенте Российской Федерации по модернизации экономики и инновационному развитию России, в задачу которого входит обеспечение взаимодействия федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, общественных объединений, научных и других организаций при рассмотрении вопросов, связанных с модернизацией экономики и инновационным развитием России¹.

28 ноября 2018 г. Президент России подписал разработанные Правительством Федеральные законы о создании механизма координации деятельности институтов развития² Лидирующую роль занял ВЭБ (бывший Внешэкономбанк) под руководством Игоря Шувалова³. Система призвана комплексно заниматься стимулированием инновационных процессов, способствовать реализации национальных проектов, включающих разработку цифровых технологий и обеспечение информационной безопасности.

4 июня 2019 г. протоколом заседания президиума Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам утверждена национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации»⁴, главной целью которой является ускоренное внедрение цифровых технологий в экономике и социальной сферах.

Кроме инсайдеров, занимающих важные государственные посты, в смарт-элиту следует включить и специалистов, находящихся за бортом

¹ Совет при Президенте Российской Федерации по модернизации экономики и инновационному развитию России // Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации : [сайт]. URL: <https://digital.gov.ru/ru/activity/advisories/4/> (дата обращения: 21.07.2022).

² Институты и инструменты развития // Правительство России : [сайт]. URL: <http://government.ru/rugovclassifier/28/events/> (дата обращения: 21.07.2022).

³ Распоряжение Правительства РФ от 05.02.2021 № 241-р (ред. 7 от 23.01.2023) «Об утверждении перечня федеральных институтов инновационного развития» // ЮИС Легалакт : [сайт]. URL: <https://legalacts.ru/doc/rasporjazhenie-pravitelstva-rf-ot-05022021-n-241-r-ob-utverzhdanii/> (дата обращения: 21.07.2022).

⁴ Цифровая экономика РФ // Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации : [сайт]. URL: https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/858/?utm_referrer=https%3a%2f%2fwww.google.com%2f#section-description (дата обращения: 22.07.2022).

системы власти, но непосредственно участвующих в выработке решений по цифровизации: работников сферы it, бизнесменов, юристов, политтехнологов и пр. Эти околоэлитные группы привносят новые идеи, обеспечивают юридическую проработку законодательной поддержки цифровизации, пишут проекты государственных программ, занимаются их экспертизой, а также разрабатывают собственно технологии и цифровые платформы.

Современное состояние исследований

Надо признать, что мы не обнаружили специальных исследований драйверов цифровой трансформации современного общества – смарт-элиты – ни в отечественной научной литературе, ни зарубежной. Но теории нового типа элит, связанных с особенностями цифровой эпохи, существуют.

Прежде всего надо сказать о концепции *digerati* американского бизнесмена и исследователя новых технологий Джона Брокмана [5]. Его «диджерасти» – это техно-гики, которые не только разрабатывают технологии, но и создают информацию, манипулируют ею в сети. Верхушка IT-индустрии, предприниматели-инноваторы, исследователи в области компьютерных технологий, авторы технических журналов, известные блогеры (т. е. сетевые лидеры мнений) также были включены Брокманом и его соавторами в число «*digerati*». Эта группа объединяет таких знаменитостей, как Стив Джоббс, Илон Маск, Марк Цуккерберг и др. Заметим, что в русском языке до сих пор не появилось принятого термина для обозначения такого рода специалистов, ведь они не являются просто инженерами или бизнесменами, или блогерами. Их феномен не описывает ни одна лингвистическая категория, принятая в русскоязычных работах.

Шведские авторы Александр Бард и Ян Зюдерквист в 2017 году издали книгу под названием «Нетократия», посвященную элите нового типа, возникновение которой связано с распространением социальных сетей [6]. Для них критерием выделения нетократии является не отношение человека к современным технологиям, а его способность использовать новое коммуникационное пространство для манипулирования информацией. Авторы уверены, что именно такие люди в ближайшем будущем встанут у руля финансов и законодательства, тем самым обретя могущество и власть.

Определённый интерес представляет работа австралийцев Д. Хейманса и Г. Тиммса «Новая власть» [7], в которой авторы анализируют тектонические изменения, ставшие следствием цифровизации общества. Современная консервативная политическая элита предпринимает усилия по

внедрению новых технологий для обеспечения потребностей национальной безопасности, контроля за сетевым народом и т. п., но в конечном счёте новые технологии изменяют характер власти. Авторы полагают, что новую власть в сетевом обществе делают многие. Она открыта, в ней участвуют и ею управляют равные. Цель новой власти – не накапливать её, а направлять в нужное русло. Исследователи далеки от видения новой техноутопии, в которой расширение возможностей коммуникации ведёт к немедленной демократизации и процветанию. Сложные преобразования только начинаются. Новая власть использует растущую способность и желание людей участвовать в жизни общества. В основе возможности организации функционирования власти нового типа лежат технологии, но их движущей силой является обострённое чувство человеческой самостоятельности. Борьба и балансирование между старой и новой властью станут определяющей чертой общества и бизнеса в ближайшие годы, полагают Хейманс и Тиммс [7, с. 4].

Горизонтальные «слабые связи» начинают играть большую роль, чем традиционная эшелонированная субординация, чему американский социолог Марк Граннветтер посвятил ставшую знаменитой статью «Сила слабых связей» [8]. Он показал, что связи реальной жизни начинают играть меньшую роль, чем связи онлайн-сообщества, которые пронизывают всю ткань информационного общества.

Иной подход к изучению акторов инновационных процессов предпринял в 2002 году Р. Флорида [9], введя понятие «креативный класс». Он включил в эту группу представителей профессий, которые вовлечены в творческий процесс, а основой их трудовой деятельности является создание инноваций. Флорида предложил относить к креативному классу также тех работников, которым для выполнения профессиональных задач необходима сложная совокупность знаний.

В российской социологии исследования цифровизации только набирают силу, но уже опубликованы работы, которые рассматривают влияние развития Интернета на изменения в стратификации общества и его верхних слоев. Например, А. П. Кочетков пишет о ведущей страте информационного общества – «цифровой элите», которая в России только формируется [10]. Автор полагает, что она состоит из владельцев и CEO транснациональных IT-компаний, которые стремятся на основе новейших диджитал-технологий создать систему глобального доминирования. Критерием вхождения в обозначенную социальную группу А. П. Кочетков считает не столько способность производить такие технологии, сколько владение IT-корпорациями и контроль над их действиями.

Подобным вопросом задаются и петербургские учёные Дмитрий Гавра и Владислав Декалов [11], которые предлагают разделять акторов циф-

рового и политического пространства, противопоставляя цифровую и аналоговую (традиционную политическую) элиту.

Отдельно разворачиваются исследования инфлюенсеров как прообраза цифровой элиты, изучается их отличие от традиционной интеллигенции [12] и способность выступать лидерами мнений для молодых поколений [13].

Но если в западной социологии уже сформировались обобщающие теории нового типа элиты, то в России пока изучаются отдельные аспекты цифровизации. Консенсуса по вопросам, к каким именно изменениям она ведёт в социальном устройстве, кто является главным инициатором и автором процесса трансформации, в российской социологии пока нет.

Концепции Smart Nation и «Общество 5.0»

В 2014 году в Сингапуре родилась концепция «умной нации» Smart Nation, суть которой заключалась в коренном преобразовании всех сфер жизни общества с помощью цифровых технологий. Власти Сингапура ставили задачу привлечь в программу становления нового типа общества каждого человека и организацию. Ставка делалась на специалистов в области информационно-коммуникационной сферы, но большое значение придавалось и цифровой грамотности населения, т. к. технологические изменения будут невозможны без участия всех граждан. Эта программа¹ говорит о развитии двух важнейших направлений: во-первых, требуется переход от линейных путей в сфере профессионального образования (одна профессия на всю жизнь) к обучению на протяжении всей жизни и постоянному повышению квалификации, в том числе цифровых компетенций, которые востребованы в любых профессиональных сферах. Во-вторых, программа подразумевает кооперацию и умные инициативы со стороны общества, приводящие к исчезновению посредников. Цифровые инструменты объединяют людей в сообщества для достижения определённых целей.

«Умная нация» должна состоять из «умного государства» (Smart State) и «умного общества» (Smart Society), которые реализуют планы по созданию сетевого социума, основанного на широком использовании технологии больших данных и искусственного интеллекта. Иначе говоря, стратегия Smart Nation предполагает как формирование *смарт-элиты*, так и *смарт-граждан*, чьи компетенции достаточны для использования инноваций, а инициативность и ответственность за общее благо имеют простор для реализации [14, 15].

В то же время в Японии была сформулирована идея Super Smart Soci-

¹ Smart Nation: The Way Forward Executive Summary. URL: <https://www.smartnation.gov.sg/files/publications/smart-nation-strategy-nov2018.pdf> (дата обращения: 13.06.2023).

ety, которая получила название «Общество 5.0» (Society 5.0). Стратегия «Общество 5.0» была принята правительством Японии в 2016 году Юко Хараема, доктор философии, исполнительный член Совета по науке, технологиям и инновациям Кабинета министров Японии, представила перспективы развития общества 5.0 следующим образом: «Цифровизация – это средство, но мы, люди, должны оставаться центральными действующими лицами...»¹.

Общество 5.0 – это не просто стратегия использования технологий на благо общества и человека, но и новый подход, связанный с более широким применением искусственного интеллекта. Согласно этой концепции, в «Society 4.0» человек получил доступ к большим массивам данных, так называемым Big Data, к облачным хранилищам, мог извлекать и подвергать анализу любую информацию. В обществе уровня 5.0 большие данные анализируются уже не человеком, а искусственным интеллектом в киберпространстве, и результаты передаются обратно людям в физическое пространство в различных готовых формах². Построение «Общества 5.0» предполагает, что современные информационно-коммуникационные системы и интеллектуальные системы будут направлены на решение многих социальных проблем, таких как улучшение транспортной логистики, развитие технологии умного дома, обеспечение комфортного старения населения, безопасного и открытого рынка данных и прочих³.

Российская политическая система и смарт-элита

Мы считаем, что российская политическая элита – это группа людей, в функции которых входит принятие общегосударственных решений [16, с. 7]. Это закрытая и привилегированная группа, для которой сохранение *status quo* составляет её базовый интерес. В то же время именно политическая элита вынуждена инициировать изменения системы для того, чтобы сохранить её и обеспечить успешное функционирование. Налицо очевидное противоречие между разнонаправленными установками: сохранить сложившийся порядок и обеспечить инновации.

Такого рода противоречия были давно замечены социологами, которые назвали этот парадокс «элитизм и демократия». Суть парадокса состоит в том, что элита, объективно заинтересованная в сохранении своих

¹ Narayama Y., Fukuyama M. Society 5.0: Aiming for a New Human-centered Society // Hitachi Global : [сайт]. URL: https://www.hitachi.com/rev/archive/2017/r2017_06/trends/index.html (дата обращения: 05.05.2023).

² Society 5.0. // Cabinet Office : [сайт]. URL: https://www8.cao.go.jp/cstp/english/society5_0/index.html (дата обращения: 13.06.2023).

³ About SNDGG // Smart Nation. Singapore : [сайт]. URL: <https://www.smartnation.gov.sg/about-smart-nation/sndgg/> (дата обращения: 13.06.2023).

привилегий, не должна быть драйвером демократической трансформации, коим она в реальности становится, иницируя и проводя в жизнь реформы. Британский политолог Фрэнк Били писал, что мнения учёных, насколько демократия может быть согласована с существованием элит, полярны. Одни видят в элите угрозу демократии, другие, так называемые «демократические элитисты», считают автономию элиты необходимым компонентом демократического государства. Сам автор полагал, что автономия элит не может быть мета-принципом демократии [17].

В случае России этот парадокс имеет иную окраску, но логика его остаётся прежней. Большинство в политической элите разделяет консервативные взгляды и прилагает усилия для сохранения действующей правящей группы, но есть и меньшинство, полагающее, что для предотвращения серьёзных катаклизмов в будущем систему надо реформировать.

Однако мало констатировать, что «группа развития» существует. Необходимо обнаружить её, установить её численность, композицию и структуру, собрать максимальное количество информации, чтобы понять её роль и намерения. Для социолога эта задача представляется очень сложной, почти невозможной как из-за закрытости элиты в целом, так и из-за того, что элита развития никак не афиширует свою деятельность. Мы даже не можем сказать, это целостная, сплочённая группа, или официалы, занятые инновациями, разрозненны и тогда можно говорить скорее о группах, нежели об одной группе. В нашем распоряжении есть лишь косвенные свидетельства деятельности отдельных элитариев или институтов, результатом которой и становятся технологические изменения в государственной политике. Мы знаем, что государство в 2009 году приняло решение создать Федеральную государственную информационную систему «Единый портал государственных и муниципальных услуг», который кратко стал именоваться «Госуслуги»¹. Другим масштабным проектом стала инициатива Московского правительства по созданию системы электронных опросов «Активный гражданин», которая стартовала в 2014 году². Подобные порталы затем возникли и в других регионах РФ (например, «Добродел» в Московской области, «Инцидент Менеджмент» в Ивановской, «Народный контроль» в Татарстане и др.)

Понятно, что прежде чем государственные органы примут решение о цифровизации какой-то сферы жизни, они сами должны узнать о возможностях, предоставляемых Интернетом, о социальной пользе, которую обеспечит реализация того или иного проекта. Это предполагает, что кроме

¹ Распоряжение Правительства России от 17.10.2009. № 1555-р // КонсультантПлюс : [сайт]. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=124508#1TWfLnT0JWEjBrjV> (дата обращения: 24.08.2023).

² Активный гражданин : официальный сайт. Москва, 2023. URL: <https://ag.mos.ru/home> (дата обращения: 24.08.2023).

политика, мотивированного на цифровое развитие, в процессе должен участвовать и специалист IT-сферы, который объяснит суть такого проекта. Следовательно, акторов процесса технологической трансформации должно быть как минимум двое: *кто-то внутри элиты*, кто сможет протолкнуть это новшество, и *кто-то вне элиты*, кто обладает знаниями о новых возможностях. В случае с внедрением портала госуслуг, таким IT драйвером стала корпорация «Ростелеком», а внутри элиты идею поддержало Министерство связи (ныне – Министерство цифрового развития и связи).

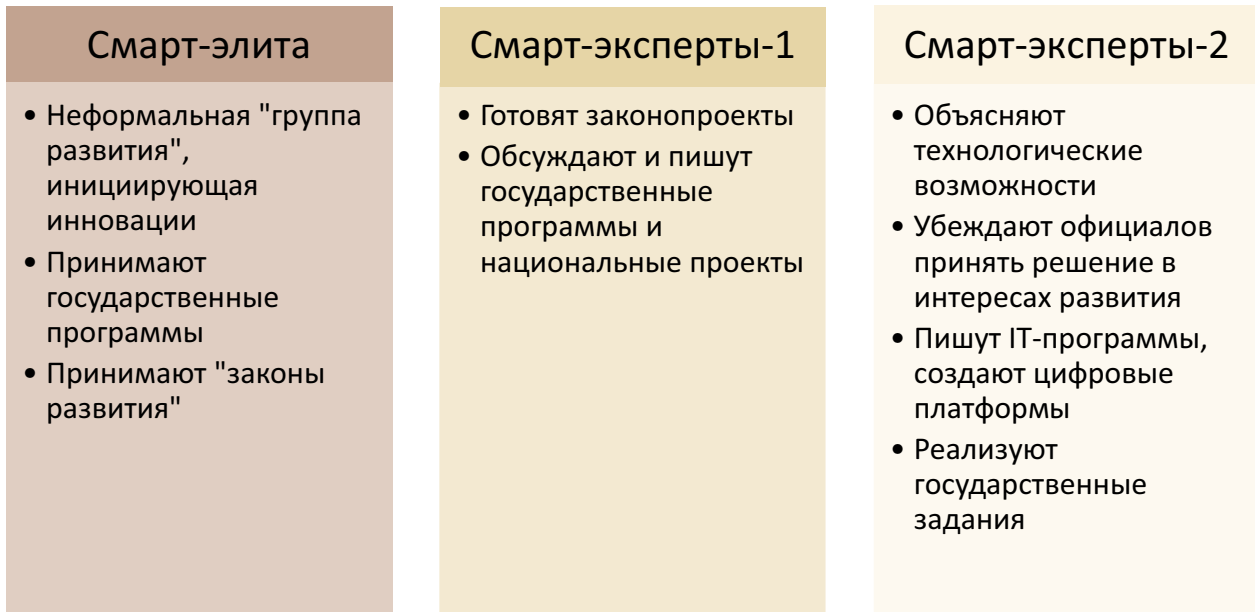

Рис. 1. Структура группы, обеспечивающей технологический прорыв

На рисунке 1 показано, какие функции выполняют разные группы развития как из числа инсайдеров, так и аутсайдеров. Когда процесс создания и внедрения технологических инноваций институционализирован, создана целая сеть групп развития, тогда мы можем говорить о вызревании «умного государства» (*Smart State*), неотъемлемой частью которого становится и смарт-элита как субэлитная группа, отвечающая за следующее:

- принятие решений по цифровой трансформации на самом верхнем уровне (её члены должны быть частью узкой группы «Политбюро»);
- принятие законов для реализации политики развития (определённые комитеты внутри обеих палат парламента РФ);
- принятие государственных программ, направленных на реформирование (группы внутри правительства РФ);
- создание институтов развития и контроль их деятельности;
- подбор кадров для всех организационных элементов процесса цифровизации.

Другие функции осуществляют околоэлитные группы смарт-экспертов, бизнесменов, IT-специалистов, юристов и прочих акторов, которые лоббируют решения и обеспечивают их осуществление.

Этому новому типу умного общества должна соответствовать и элита, и граждане. Смарт-граждане или «сетевой народ» также являются частью смарт-экосистемы. Технологическая революция, которую мы переживаем, нуждается в участии многочисленных групп, часть которых имманентно встроена в государственный организм, часть – примыкает к нему, являясь *околоэлитой*. Но совокупный потенциал гражданского участия – это то, что можно отнести к ресурсу новой власти, с помощью которого строится *Smart Society*.

Меритократы, технократы и смарт-элиты

Многие исследователи пишут о том, что лояльность сегодня является основным качеством, необходимым для продвижения политической карьеры [18, 19]. И часто это так и есть, но мы не можем не замечать, что есть зоны в политике, в которых профессионализм является высшей ценностью. То есть принцип отбора здесь *меритократический*. В этих зонах всегда работали особые люди, которых отличали следующие черты: возраст меньше, чем средний по группе; индекс образованности выше. Многие из них получили по два и более диплома о высшем образовании, причём часть – дипломы западных университетов или российских вузов, которые входят в число лучших согласно международным рейтингам.

В условиях дефицита материальных и человеческих ресурсов для облегчения взаимодействия в определении стратегических вопросов развития и тактики реализации поставленных задач, власть прибегает к созданию особых управленческих структур – институтов развития.

Институты развития уже стали самостоятельным объектом исследовательского интереса в отечественной социологии. В. Бетелин и Е. Катукова полагают, что они не являются катализатором технологического прорыва, а только инструментом перераспределения бюджетных денег целевым способом [20]. М. Курбатова и К. Саблин называют их квазиинститутами по сходной причине, в них произошла подмена содержания деятельности: вместо стимулирования продуктивных инноваций осуществляется перераспределение [21]. Наиболее полно подходы к оценке эффективности данных структур проанализированы В. Кузнецовой [22]. Она обращает внимание на то, что прибыльность не может быть основным и корректным критерием оценки их деятельности, необходимо развивать комплексный подход, который учитывал бы как коммерческую, так и социально-экономическую эффективность, управление бюджетными ас-

сигнованиями, вклад в развитие регионов и стратегически важных межгосударственных объединений. Но в свете роли и значения институтов развития для формирования особого типа элиты они ещё не рассматривались.

Институты развития являются инструментами государственной экономической политики. Их задача – стимулировать становление и модернизацию стратегически важных отраслей и реализацию социально значимых проектов там, где рыночных механизмов для этого недостаточно. Стимулирование и поддержка инноваций, а также привлечение частных капиталов – отдельные, но важнейшие инструменты решения поставленных задач. В 2020 году система институтов развития была реформирована, поскольку их деятельность была признана неэффективной. Расходы бюджета на их функционирование в 2006–2020 гг. по данным Росказначейства превысили 965 млрд руб., а доля инновационной продукции осталась 6%, как и в начале проекта, хотя планировалось, что по итогам 2020 года она составит 25%¹. В ходе реформы к декабрю 2020 г. количество институтов было сокращено до 12, они были переданы под управление «ВЭБ.РФ». Цели их деятельности были чётче увязаны с национальными целями развития, исключено дублирование функций².

О составе смарт-элиты говорит состав Наблюдательного совета государственной корпорации развития ВЭБ.РФ, куда входят пять заместителей председателя правительства Российской Федерации и три ключевых министра³: координационные советы по отраслям возглавляют профильные вице-премьеры, главой ВЭБ.РФ является бывший первый заместитель председателя правительства Российской Федерации, председатель совета директоров Российской венчурной компании – министр экономического развития, председатель совета директоров Российского агентства по страхованию венчурных кредитов и инвестиций – министр торговли и т. д.

Анализ квалификационных требований к различного уровня менеджерам институтов развития, вакансии которых размещаются открытым образом, позволяет выявить запрос на такие компетенции, как опыт управления крупными проектами и группами разработчиков; способность мотивировать команду для достижения оптимального результата; знание и умение работать с различными CMS системами, Google Analytics, GTM, Яндекс Метрика и т. д. Соответственно, смарт-элита, чья задача координировать и направлять деятельность таких специалистов

¹ Институты развития провалили инновации // Ведомости. 02 марта 2021 г. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2021/03/01/859742-institut-razvitiya> (дата обращения: 13.06.2023).

² Правительство оптимизирует систему институтов развития // ТАСС : [сайт]. 23 ноября 2020 г. URL: <https://tass.ru/politika/10071607> (дата обращения: 13.06.2023).

³ Состав Наблюдательного совета государственной корпорации развития «ВЭБ.РФ» в редакции распоряжения Правительства от 5 августа 2022 года № 2160-р // Правительство России : [сайт]. URL: <http://government.ru/info/46214/> (дата обращения: 13.06.2023).

в виду реализации целей и задач национального развития, в первую очередь должна обладать навыками проектного управления, инновационными и технологическими компетенциями. Игорь Шувалов, глава ВЭБ, в своем интервью, говоря о работе, проделанной в ходе реорганизации институтов развития, затронул и вопрос квалификации сотрудников, которые могут и должны сотрудничать с возглавляемой им корпорацией. Особое внимание он также уделил способности управлять проектами проектным способом¹.

Такое мышление рассматривается как ключевая компетенция представителя смарт-элиты. Это способность представлять замысел в общей форме, чётко определять проблему и находить способы её решения в условиях ограниченных временных и иных ресурсов, умение выстраивать интегративные связи, развиваться и расти над собой во время выполнения проекта [23, 24]. Для выявления новых лиц, которые будут привлечены к работе в институтах развития, созданы такие инструменты, как конкурс «Лидеры России», грантовые конкурсы фонда «Сколково», АСИ, победители которых получают государственную поддержку. Можно констатировать, что всё это свидетельствует об институционализации процесса цифровизации, а конкурсы, гранты, включение талантливой молодёжи в федеральный или региональные списки кадрового резерва являются механизмами подготовки потенциальной смарт-элиты и одновременно социальным лифтом для неё [25].

Надо сказать ещё об одном понятии, которое можно использовать в том контексте, в котором мы говорим о смарт-элите. Это понятие «технократия».

О технократии в системе политической власти писал академик РАН Андрей Кокошин [26], предлагая такое видение проблемы: оптимальные управленческие решения достигаются тогда, когда в политической элите наблюдается баланс между публичными политиками, бюрократией и технократией, таким образом обособляя последних как группу. Технократы, по его мнению, – это социокультурный феномен, но никак ни идеология или политическое движение. К технократам он относит учёных, обладающих наиболее структурированными знаниями, которые так или иначе участвуют в подготовке и принятии решений по ключевым вопросам социально-экономического развития страны. Среди них могут быть и научно-исследовательские кадры, и руководители компаний, производящих наукоемкую продукцию. Автор выделяет две стороны политики: борьбу за власть и решение проблем, стоящих перед обществом. Техно-

¹ Встреча Михаила Мишустина с председателем госкорпорации «ВЭБ.РФ» Игорем Шуваловым // Правительство России : [сайт]. 29 октября 2021. URL: <http://government.ru/news/43690/> (дата обращения: 13.06.2023).

краты сосредоточены именно на последнем. Таким образом, А. Кокошин отказывает технократам в политической субъектности, они не имеют собственной политической повестки, их заслуга в «формулировании алгоритмизируемых целей и задач, программ, проектов, имевших изначально общий политический и даже идеологический характер» [26, с. 8]. Несмотря на некоторую разницу трактовок, представление о том, что технократы – это функционеры «без политического цвета и запаха» [27], сохраняется и у других исследователей.

В нашем контексте трактовка «меритократии» (умники во власти) и «технократии» (технари во власти) позволяет уточнить объём понятия смарт-элиты. Представитель элиты, конечно, меритократ в том смысле, что он умён, образован, интеллектуален. Однако не каждый меритократ может быть отнесён к смарт-элите, т. к. не каждый образованный чиновник или депутат занимается вопросами стратегического развития и технологических инноваций. То есть понятие смарт-элиты уже, чем термин «меритократ».

Соотношение понятий смарт-элиты и технократии также не совпадает по объёму. Технократ – это, по сути, «молчаливый политик», который в качестве исполнителя обеспечивает функционирование одной из систем государственной машины. Представитель смарт-элиты может занимать и технократическую позицию, но может и открыто выступать с политическими заявлениями, отстаивая новый проект, лоббируя технологическое новшество. Поэтому мы считаем эти понятия пересекающимися по смыслу, но не тождественными.

Смарт-элита – это социальное явление иного типа общества, общества становящегося, в котором горизонтальные сетевые отношения набирают силу и начинают конкурировать с иерархическими вертикалями, что меняет характер власти. Смарт-элита – это не просто часть наиболее продвинутых в области технологического знания представителей политической элиты. Это совокупность групп развития, образовавшихся в разных сегментах государственного организма. Участники групп устанавливают коммуникации не только между собой, но и со смарт-экспертами, с «сетевым народом», не боятся опереться на его креативный потенциал, способны направить этот потенциал в созидательное русло. В этом смысле смарт-элита – самая креативная часть истеблишмента, которая способна привести страну к технологическим изменениям, преодолев отставание.

Выводы

Мы живём в эпоху возрастания ценности умных ресурсов, что отражено в актуальных задачах «Стратегии научно-технологического развития России», связанных с повышением конкурентоспособности российского

государства. Стратегия предусматривает использование и применение человеческого фактора, ключевым компонентом которого является интеллектуальный потенциал, что предполагает не только решение экономических и инновационных задач, но и формирование среды для прироста человеческого капитала, без которого невозможно осуществление национальных стратегических задач. В контексте глобальных вызовов современности состояние и структура интеллектуального потенциала страны становится важнейшим фактором предупреждения и преодоления социальных проблем. Государство в последние годы ведёт активную работу по созданию институтов развития для обеспечения технологического суверенитета страны. Производительность и эффективность труда в значительной степени определяются распространением информации о передовых достижениях в области науки и эффективной организации производства, а трансфер технологий осуществляется посредством образования. Рождается «обучающееся общество», мотивирующее своих граждан к постоянному самосовершенствованию, к получению знаний, освоению компетенций.

Сегодня в условиях глобального экзистенциального вызова термин «развитие» приобретает особую значимость. Ведь именно оно может стать ключом к преодолению последствий посттравматического синдрома, многие признаки которого мы наблюдаем в настоящее время, и позволит преодолеть технологическое отставание, что стало задачей экзистенциального порядка. Социальные катаклизмы последних лет способны вызвать негативные тенденции, препятствующие развитию. Российского государства. Одна из печальных примет «общества травмы» [28] – консервация поступательного движения, интеллектуальная стагнация, следующая вслед за периодами больших тревог. Мы видим свою задачу в том, чтобы понять, каким образом возможно справиться с угрозой такой стагнации; обнаружить локализацию ресурсов интеллектуального капитала российского социума, катализаторы процессов позитивного развития.

Для осуществления направленных преобразований в политике, экономике и обществе формируется запрос на новую структурную единицу истеблишмента, которая занята стратегическим планированием, включая цифровизацию – элиту развития (смарт-элиты). Смарт-элиты должны являться драйвером, т. е. проводником направленных преобразований в сфере цифровой трансформации общества и страны.

Результатом нашей попытки осмысления проблемы могут быть следующие выводы:

- функции смарт-элиты связаны с решением задач трансформации социальных институтов российского общества в условиях цифровизации: экономики, образования, государственного управления и т. д.;

- эта группа действует внутри политической элиты, но напрямую связана профессиональными отношениями с представителями околоэлитных групп, например, IT-среды, которые становятся медиаторами, убеждая политиков высшего ранга в том, что инновации возможны и указывая оптимальный путь;
- часть смарт-элиты рождается вне элиты: это руководители и ведущие специалисты крупнейших IT-компаний, которые создают устойчивые коммуникационные каналы, по которым передают политикам информацию о возникающих возможностях. Впоследствии они могут быть кооптированы во власть, но могут остаться непосредственными реализаторами крупных проектов;
- компетенции представителей группы «смарт-элита» сосредоточены в области стратегического планирования и проектного управления. Верхушка смарт-элиты курирует институты развития, модифицируя их деятельность в интересах модернизации страны;
- лифтами социальной мобильности для инкорпорации в смарт-элиту являются такие государственные инструменты, как проект «Россия – страна возможностей», конкурс «Лидеры России», гранты фонда «Сколково» или АСИ. Институты развития становятся сетью структур, связанных между собой системой формальных и неформальных связей, которая складывается в ходе участия в многочисленных пересекающихся проектах, кураторами которых являются представители элиты развития.

Таким образом, мы можем утверждать, что смарт-элита как особая группа развития сложилась в нашей стране. Социологам осталось приступить к её фундаментальному изучению, определив её границы, численность, места локализации, функциональное предназначение, требуемые компетенции, механизмы кооптации, социокультурную миссию. Это даст возможность подвергнуть анализу не только сложившуюся ситуацию, но и дать прогноз развитию России, её кадровому и техническому потенциалу, просчитать потенциальные риски и выбрать оптимальный путь формирования нашего технологического суверенитета.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Василенко Л. А., Мещерякова Н. Н.* Социология цифрового общества. Томск : Изд-во Томского политехнического университета, 2021. 226 с. ISBN 978-5-4387-1043-1. EDN **UQJHQP**.
2. Консерватизм и развитие: Основы общественного согласия / В. Н. Гарбузов, В. Г. Ивахник, В. П. Любин [и др.] ; отв. ред. Б. И. Макаренко. Москва : ООО «Альпина Паблишер», 2015. 332 с. ISBN 978-5-9614-5304-1. EDN **YWLGAP**.
3. *Роговин В. З.* Партия расстрелянных. (Т. 5). М. : Московская типография № 3 РАН, 1997. 526 с.

4. Ханин Г. И. Экономическая история России в новейшее время. В 2 т. Новосибирск : Издательство НГТУ, 2008. Т. 1. Экономика СССР в конце 30-х годов – 1987 год. 516 с. ISBN 978-5-7782-0903-9.
5. Brockman J. Digerati: Encounters With the Cyber Elite. San Francisco : Publisher Hardwired, 1996. 354 p.
6. Бард А., Зодерквист Я. Нетократия. Новая правящая элита и жизнь после капитализма / А. Бард, Я. Зодерквист ; пер. с англ. В. Миучкова. СПб. : Стокгольмская школа экономики в Санкт-Петербурге, 2004. 256 с. ISBN 5-315-00015-X.
7. Хейманс Д., Тиммс Г. Новая власть. Какие силы управляют миром – и как заставить их работать на вас. Москва : ООО «Альпина Паблишер», 2019. 480 с. ISBN 978-5-9614-2086-9.
8. Granovetter M. S. «The strength of weak ties». American Journal of Psychology. 1973. № 78 (6). P. 1360–1380.
9. Флорида Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее / Р. Флорида ; пер. с англ. М. : Издательский дом «Классика-XXI», 2007. 421 с. ISBN 978-5-89817-185-8.
10. Кочетков А. П. Формирование цифровой элиты как новой страты глобально-информационного общества // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2022. Т. 27, № 1. С. 198–212. DOI [10.15688/jvolsu4.2022.1.17](https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.1.17). EDN [IREMYF](https://www.edn.ru/IREMYF).
11. Гавра Д. П., Декалов В. В. Цифровая элита vs аналоговая элита: трансформация социальной стратификации в цифровую эпоху // Стратегические коммуникации в бизнесе и политике. 2018. № 4 (1). С. 118–128. EDN [VMNHDI](https://www.edn.ru/vMNHDI).
12. Крыштановская О. В., Мещерякова Н. Н. Интеллигенция для цифрового поколения // Интеллигенция в эпоху кардинальных цивилизационных изменений: Сборник научных статей. Вып. 24 / Под ред. Ж. Т. Тощенко. Москва : РГГУ, 2023. С. 104–113. EDN [PCSZSS](https://www.edn.ru/PCSZSS).
13. Захаркин Р. А., Аргылов Н. А. Инфлюенсеры как медиазначимые другие: современные тренды вторичной социализации // Власть. 2021. Т. 29, № 6. С. 27–37. DOI [10.31171/vlast.v29i6.8674](https://doi.org/10.31171/vlast.v29i6.8674). EDN [VUTMZV](https://www.edn.ru/VUTMZV).
14. Haupt M. What is a Smart Society? Toward the transcendent model society of 2030. Project 2030. 2019. URL: <https://medium.com/project-2030/what-is-a-smart-society-92e4a256e852> (дата обращения: 12.06.2023).
15. Smart society: a sociological perspective on smart living / R. Iannone, R. Gurashi, I. Iannuzzi [et al.]. New York, NY : Routledge, 2019. 106 p. ISBN 978-0367192419.
16. Крыштановская О. В. Анатомия элиты. М. : Захаров, 2005. 216 с. ISBN 5-8159-0457-0. EDN [QODLCN](https://www.edn.ru/QODLCN).
17. Bealey F. Democratic Elitism and the Autonomy of Elites // International Political Science Review. 1996. № 17 (3). P. 319–331. URL: <http://www.jstor.org/stable/3451635> (дата обращения: 15.06.2023).
18. Графов Д. Б. Влияние групповой лояльности на демократический транзит в западных обществах // Полис. Политические исследования. 2022. № 4. С. 134–147. DOI [10.17976/jpps/2022.04.11](https://doi.org/10.17976/jpps/2022.04.11). EDN [SXOYFR](https://www.edn.ru/SXOYFR).
19. Кокурина О. Ю., Буров А. С. Стремление поступить на государственную гражданскую службу как фактор формирования ценностных ориентаций студентов-политологов // Теории и проблемы политических исследований. 2022. Т. 11, № 1А. С. 44–54. DOI [10.34670/AR.2022.70.65.006](https://doi.org/10.34670/AR.2022.70.65.006). EDN [TATFNG](https://www.edn.ru/TATFNG).
20. Бетелин В. Б., Кутукова Е. С. Институты развития – это финансовые компании, а не катализаторы технологического развития страны // Государственный аудит. Право. Экономика. 2017. № 2. С. 5–7. EDN [ZDQLIL](https://www.edn.ru/ZDQLIL).
21. Курбатова М. В., Саблин К. С. Институты развития и квазиинституты разви-

- тия в российской экономике // Terra Economicus. 2012. Т. 10, № 3. С. 22–38. EDN **PUJFYV**.
22. *Kuzenkova V. M.* Effective development institutions // Public Administration Issues. 2021. № 5. P. 161–175. DOI [10.17323/1999-5431-2021-0-5-161-175](https://doi.org/10.17323/1999-5431-2021-0-5-161-175). EDN **UBMWAR**.
23. *Штомпф Г.* «Проектное мышление» – это не о размышлениях, а о действиях // Проблемы управления в социальных системах. 2012. Т. 4, № 6. С. 68–72. EDN **NDWGPE**.
24. *Jussila J., Seppänen L.* Design thinking meets agile development in Design Factory Project // HAMK Unlimited Journal : [сайт]. 26.05.2023. URL: <https://unlimited.hamk.fi/yrittajuys-ja-liiketoiminta/design-thinking-meets-agile-development-in-design-factory-project/> (дата посещения: 12.06.2023).
25. *Лавров И. А., Крыштановская О. В.* Социальная мобильность и конкурс «Лидеры России» // Ars Administrandi. 2023. Т. 15, № 2. С. 292–310. DOI [10.17072/2218-9173-2023-2-292-310](https://doi.org/10.17072/2218-9173-2023-2-292-310). EDN **EFZRVJ**.
26. *Кокошин А. А.* Технократия, технократы и неотехнократы. Изд. 2, испр. и доп. М. : URSS. 2009. 208 с. ISBN 978-5-382-00994-0. EDN **QOKKSL**.
27. *Становая Т.* Пять путинских элит на фоне транзита // worldcrisis : [сайт]. 27.02.2020. URL: <http://worldcrisis.ru/crisis/3553347> (дата обращения: 21.07.2023).
28. *Тоценко Ж. Т.* Общество травмы: между эволюцией и революцией (опыт теоретического и эмпирического анализа). М. : Издательство «Весь Мир», 2020. 350 с. ISBN 978-5-7777-0801-4. EDN **QLXXDD**.

Сведения об авторах

Н. Н. Мещерякова

доктор социологических наук, доцент,
зав. кафедрой, ведущий научный сотрудник
AuthorID РИНЦ: **641303**

О. В. Крыштановская

доктор социологических наук,
директор Научного центра
AuthorID РИНЦ: **357811**

Вклад авторов:

Н. Н. Мещерякова – 60% (концепция, подготовка общетеоретической основы, участие в написании всех разделов статьи). О. В. Крыштановская – 40% (подготовка методологического раздела, участие в написании всех разделов статьи).

У авторов нет конфликта интересов для декларации.

Статья поступила в редакцию 14.06.2023; одобрена после рецензирования 21.08.2023; принята к публикации 20.10.2023.

Original article

DOI: [10.19181/snsp.2023.11.4.2](https://doi.org/10.19181/snsp.2023.11.4.2)

SMART ELITE: CONCEPTUAL FRAMEWORK

Nataliya Nikolaevna Meshcheryakova¹

Olga Viktorovna Kryshtanovskaya²

^{1, 2} Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia,

natalia.tib@mail.ru,

ORCID [0000-0001-7658-7993](https://orcid.org/0000-0001-7658-7993)

olgakrysht@yandex.ru,

ORCID [0000-0001-5278-0940](https://orcid.org/0000-0001-5278-0940)

For citation: Meshcheryakova N. M., Kryshtanovskaya O. K. Smart elite: conceptual framework. *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. 2023;11(4):30–52. (In Russ.). DOI [10.19181/snsp.2023.11.4.2](https://doi.org/10.19181/snsp.2023.11.4.2).

Abstract. The article discusses a new subgroup within the ruling class, which is proposed to be called the smart elite. Its functional purpose is strategic planning and leadership in the digitisation of the economy, the state governance system, and more. In this context, digitisation is considered a mechanism for transforming society towards the development of advanced practices and social institutions. From a functional perspective, the identified group is an elite of development. The smart elite is primarily localised within development institutions and a number of near-elite groups, including experts, IT specialists, and businessmen. Its members possess competencies in the areas of strategic planning and project management. Additionally, the smart elite places a high value on advanced digital literacy, including knowledge and skills in working with content management systems (CMS), Google Analytics, Google Tag Manager (GTM), Yandex.Metrica, and others. To recruit individuals into this subgroup, open channels of social mobility have been created within the state, such as the “Leaders of Russia” competition, grants from the Skolkovo Foundation, and the Agency for Strategic Initiatives. The sociocultural meanings that bind the smart elite internally and are transmitted by its members beyond the group are related to activities in the interests of Russia.

There is a constant tension between the desire of elite representatives to preserve their acquired power and, therefore, maintain the existing system without change, and the necessity to ensure the technological and social development of the country. At the individual level, this tension manifests as a conflict between conservative protectors and innovators within the power structures. However, the smart elite represents innovators of a special sociocultural type, associated with the formation of horizontal, non-hierarchical relationships in the networked society, including power distribution issues. At the highest echelons of power, the smart elite corresponds to the “networked people” in society; both of these social groups represent prototypes of a new type of stratification within the social system.

The need to study the smart elite is linked to the evaluation of the effectiveness of state strategic planning and management, the sufficiency of qualified managerial personnel, and the presence or absence of contradictions between the declared and latent goals of the development institutions within which the smart elite operates.

Keywords: smart elite, elite of development, development institutions, digitisation, social mobility

Acknowledgements: the research was conducted with the support of the Russian Science Foundation, project No. 23-28-01579 “Legitimation of social stratification in Russia”.

REFERENCES

1. Vasilenko L. A., Meshcheryakova N. N. Sociology of digital society. Tomsk: Tomskij gosuniversitet; 2021. 226 p. (In Russ.). ISBN 978-5-4387-1043-1.
2. Garbuzov V. N., Ivakhnik V. G., Lyubin V. P.[et al.] Conservatism and development: foundations of social consent. B. I. Makarenko ed. Moscow: Al`pina; 2015. 311 p. ISBN 978-5-9614-5304-1.
3. Rogovin V. Z. The party of the executed. Vol. 5. [Partiya rasstrelyanny`x.Tom 5]. Moscow: Al`pina; 1997. 526 p.
4. Khanin G. I. The economic history of Russia in modern times. In two volumes. Novosibirsk: NGTU; 2008. Vol. 1. The economy of the USSR in the late 30s – 1987. [E`konomicheskaya istoriya Rossii v novejshee vremya. V 2 t. E`konomika SSSR v konce 30-x godov – 1987]. 516 p. (In Russ.). ISBN 978-5-7782-0903-9.
5. Brockman J. Digerati: Encounters with the cyber elite. San Francisco: Publisher Hardwired; 1996. 354 p.
6. Bard A., Zoderquist J. Netokratia. The new ruling elite and life after capitalism. [Netokratiya. Novaya pravyyashchaya elita i zhizn' posle kapitalizma. Per. s angl. V. Miuchkova]. St. Petersburg: Shtokgol'mskaya shkola ekonomiki v Sankt-Peterburge; 2004. 256 p. (In Russ.). ISBN 5-315-00015-X.
7. Heimans J., Timms H. New power: how power works in our hyperconnected world-and how to make it work for you. Moscow: Al`pina; 2018. 336 p. ISBN 978-5-9614-2086-9.
8. Granovetter M. S. The strength of weak ties. *American Journal of Psychology*. 1973;78(6):1360–1380.
9. Florida R. Creative class: people who change the future. Transl. from English. [Kreativny`j klass: lyudi, kotory`e menyayut budushhee]. Moscow: Izdatel'skij dom «Klassika-XXI»; 2007. 421 p. (In Russ.). ISBN 978-5-89817-185-8.
10. Kochetkov A. P. Formation of the digital elite as a new stratum of the global information society. *Science journal of Volgograd state university. History. Area Studies. International relations=Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya*. 2022;(1):198–212. (In Russ.). DOI [10.15688/jvolsu4.2022.1.17](https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.1.17).
11. Gavra D. P., Dekalov V. V. Digital elite against analog elite: transformation of social stratification in the network era. *Strategic communications in business and politics=Strategicheskiye kommunikatsii v biznese i politike*. 2018;1(4):118–128. (In Russ.). DOI [10.15688/jvolsu4.2022.1.17](https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.1.17).
12. Kryshchanovskaya O. V., Meshcheryakova N. N. Intellectuals for the digital generation. In: Intellectuals in the era of cardinal civilizational changes. Collection of scientific articles. Toshchenko ZH. T. ed. Moscow: RGGU; 2023. P. 104–113. (In Russ.).
13. Zakharkin R. A., Argylov N. A. Influencers as media significant others: modern trends of secondary socialization. *The Authority=Vlast'*. 2021;29(6):27–37. DOI [10.31171/vlast.v29i6.8674](https://doi.org/10.31171/vlast.v29i6.8674).

14. Haupt M. What is a smart society? Toward the transcendent model society of 2030. Project 2030. 2019. Available at: <https://medium.com/project-2030/what-is-a-smart-society-92e4a256e852> (accessed: 12.06.2023).
15. Iannone R., Gurashi R., Iannuzzi I., Ghantuz Cubbe Giovanni de, Sessa M. Smart society: a sociological perspective on smart living. New York, NY: Routledge; 2020. 106 p.
16. Kryshtanovskaya O. V. Anatomy of the Russian elite. Moscow: Zaxarov; 2005. 2016 p. (In Russ.). ISBN 5-8159-0457-0.
17. Bealey F. Democratic elitism and the autonomy of elites. *International political science review*. 1996;17(3):319–331. Available at: <http://www.jstor.org/stable/3451635> (accessed: 15.06.2023).
18. Grafov D. B. The influence of group loyalty on democratic transit in non-Western societies. *Polis. Political studies=Polis. Politicheskie issledovaniya*. 2022;(4):134–147. (In Russ.). DOI [10.17976/jpps/2022.04.11](https://doi.org/10.17976/jpps/2022.04.11).
19. Kokurina O. Yu., Burov A. S. The desire to enter the state civil service as a factor in the formation of value orientations of political science students. *Theories and problems of political studies=Teorii i problemy` politicheskix issledovaniy*. 2022;11(1A):44–54. DOI [10.34670/AR.2022.70.65.006](https://doi.org/10.34670/AR.2022.70.65.006).
20. Betelin V. B., Kutukova E. S. Development institutions are financial companies, not catalysts of technological development of the country. *State audit. Law. Economy=Gosudarstvennyj audit. Pravo. Ekonomika*. 2017;(2):5–7. (In Russ.).
21. Kurbatova M. V., Sablin K. S. Developmental institutions and quasi developmental institutions in the Russian economy. *Terra Economicus*. 2012;10(3):22–38. (In Russ.).
22. Kuzenkova V. M. Effective development institutions. *Public administration issues=Voprosy gosudarstvennogo i municipal'nogo upravleniya*. 2021;(5):161–175. DOI [10.17323/1999-5431-2021-0-5-161-175](https://doi.org/10.17323/1999-5431-2021-0-5-161-175).
23. Stompf G. Project thinking. This is not about reflection, but about action. *Management problems in social systems=Problemy` upravleniya v social'ny`x sistemax*. 2012;4(6):68–72 (In Russ.).
24. Jussila J., Seppänen L. Design thinking meets agile development in design factory project. *HAMK Unlimited Journal*, 26.05.2023. Available at: <https://unlimited.hamk.fi/yrittajyys-ja-liiketoiminta/design-thinking-meets-agile-development-in-design-factory-project/> (accepted: 12.06.2023).
25. Lavrov I. A., Kryshtanovskaya O. V. Social mobility and the leaders of Russia competition. *Ars Administrandi*. 2023;15(2):292–310. DOI [10.17072/2218-9173-2023-2-292-310](https://doi.org/10.17072/2218-9173-2023-2-292-310).
26. Kokoshin A. A. Technocracy, technocrats and neotechnocrats. [Texnokratiya, texnokraty` i neotexnokraty`. Izd. 2, ispr. i dop]. Moscow: URSS; 2009. 208 p. (In Russ). ISBN 978-5-382-00994-0.
27. Stanovaya T. Five Putin's elites against the background of transit. *World-crisis*. Available at: <http://worldcrisis.ru/crisis/3553347> (accessed: 21.07.2023). (In Russ.).
28. Toshchenko ZH. T. Society of trauma: between evolution and revolution (experience of theoretical and applied analysis). Moscow: Ves' Mir; 2020. 350 p. (In Russ.). ISBN 978-5-7777-0801-4.

Information about the Authors

N. N. Meshcheryakova

Doctor of Sociology,
Head of the Department, Leading Researcher
ResearcherID: **O-1827-2015**
Scopus AuthorID: **57204495035**

O. V. Kryshtanovskaya

Doctor of Sociology,
Director of Scientific Center
ResearcherID: **GLQ-7604-2022**
Scopus AuthorID: **57215284957**

Contribution of the authors:

N. N. Meshcheryakova – 60% (concept, preparation of the general theoretical basis, participation in writing all sections of the article). O. V. Kryshtanovskaya – 40% (preparation of the methodological section, participation in writing all sections of the article).

The authors declare no conflicts of interests.

The article was submitted 14.06.2023; approved after reviewing 21.08.2023; accepted for publication 20.10.2023.

УДК 316.4.051.63
DOI: 10.19181/snsp.2023.11.4.3
EDN: PFAIWY

Научная статья

ГЕРОИЗМ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ РАЗМЫШЛЕНИЙ О СТРАНЕ И ЕЁ БУДУЩЕМ: ОЦЕНКИ ПОКОЛЕНИЙ

Мария Александровна Подлесная¹
Илона Валерьевна Ильина²

¹Институт социологии ФНИСЦ РАН,
Москва, Россия,
yatar@yandex.ru,
ORCID 0000-0002-2159-4958

²Тюменский государственный университет,
Тюмень, Россия,
i.v.ilina@utmn.ru,
ORCID 0000-0003-3118-2372

Для цитирования: Подлесная М. А., Ильина И. В. Героизм через призму размышлений о стране и её будущем: оценки поколений // Социологическая наука и социальная практика. 2023. Т. 11, № 4. С. 53–77. DOI 10.19181/snsp.2023.11.4.3. EDN PFAIWY.

Аннотация. Феномен героизма достаточно многогранен, его можно рассматривать как репрезентации коллективной памяти, а можно через призму отношения к стране и её будущему. Теоретическая база исследования основывается, с одной стороны, на философском анализе семантических значений понятий «герой», «героизм», причём в разных культурах, определяется констант отечественной семантики героя, с другой стороны – на социологической теории Н. К. Михайловского и теории социального действия, в частности – аффективного (пограничного), а также на разработках креативной и реляционной теорий (М. Эмирбайер, А. Мише), реляционной социологии П. Донати. Эмпирическую часть исследования составляет анализ данных котируемого онлайн-анкетирования со стихийной выборкой, осуществлённого в начале 2023 года исследовательской группой социологов и философов Института социологии ФНИСЦ РАН, Тюменского государственного университета, Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. В опросе приняли участие 1 350 человек из восьми федеральных округов РФ. Результаты исследования показали, что герои и героическое остались для многих россиян преимущественно в советском прошлом, когда с детства были известны имена, лица и судьбы героев и вся эпоха была героической. Героизм идеологически подерживался и социально конструировался. В настоящем герой, как правило, обезличен и связан с группой (военной, профессиональной). Самостоятельно назвать героя вызывало особую сложность у постсоветских поколений, т. к. долгое время не было социального запроса на данный тип личности и поведения. В отношении современной России половина опрошенных испытывают положительные чувства гордости, надежды и любви, но были и те, кто чувствует тревогу, разочарование

© Подлесная М. А., 2023
© Ильина И. В., 2023

и стыд. Более того, кластеризация ответов показала, что чувство к России носит вариативный, не исключительно дихотомичный характер. Одновременно респонденты могли указать, что испытывают и любовь, и разочарование, и надежду. По поводу будущего – у респондентов гораздо яснее образ собственного будущего (70% и более), чем будущего страны. Советское поколение в отношении образа будущего страны было более оптимистично, чем постсоветские. Это может указывать, как и ряд других признаков, на то, что постсоветские поколения оказались в ситуации, когда не только не было запроса на героический тип личности, но и образ будущего страны слабо или плохо артикулировался государством, поэтому сформировалось представление о собственном будущем, которое видится яснее и вне зависимости от целеполагания государства, а герои и героическое связываются преимущественно с советским прошлым.

Ключевые слова: героизм, герой, патриотизм, отношение к стране, образ будущего, теория поколений

Введение

Исследование феномена героизма было предпринято в начале 2023 года, т. е. специальная военная операция на Украине к этому времени шла уже год. Поэтому вместе с различными актуализировавшимися общественными дискурсами о будущем России, единстве страны, её самоопределении, возникла и данная тематика, а вместе с ней и вопросы: кого сегодня называют героем? что, в представлениях россиян, является героизмом?

Прежде чем были проведены полевые работы, исследовательским коллективом, в который входили не только социологи, но и философы, была проработана теоретическая база исследования.

Философский анализ строился на семантическом разборе понятий «герой», «героизм», причём в разных культурах, а также на их хронотопном (в значении Бахтина) измерении. В итоге удалось зафиксировать констант отечественной семантики героя как «освободителя», «победителя», отличного, например, от пришедшего в Россию в XVIII веке французского референта «héros», берущего своё начало в древнегреческом языке в значении «полубог» и означающего в итоге «удачливого индивидуума». Таким образом, до XVIII века герой и героизм (как его видимый атрибут и качество) на русской почве были лишены французских наслоений. В этом была обнаружена первая особенность образа «русского героя», смысловой акцент которого не на успешности, а на спасении, освобождении (кого-то от чего-то).

Вторая особенность образа «русского героя» проявилась при использовании концепта хронотопа: героизм пришлось рассматривать шире, чем ставшее привычным в науке схематичное «путешествие героя» (из-

начально представленное в анализе сказок В. Проппа [1] и затем масштабно проработанное Дж. Кемпбеллом [2]), а именно – как социальное действие героя и социальное его отношение с толпой. Подобный ракурс проявился, когда исследование подошло к изучению отечественной традиции исследований героя в социологии, берущей своё начало в трудах Н. К. Михайловского. Для Николая Константиновича понятие «герой» носит универсальный характер, связанный с его отношением с толпой: герой первым «ломает лёд», он первым делает решительный шаг, тем самым задаёт направление другим [3].

В итоге на теоретическом этапе осмысления темы героя были задействованы социологические концепции социального действия, в частности – аффективного (пограничного), а также разработки креативной и реляционной теорий (М. Эмирбайер, А. Мише), позволяющие говорить о творческом потенциале любого социального действия, который (потенциал) приводит к изменению образцов действия, само же социальное действие мыслить как интегративное [4], где естественным образом сочетаются творчество и стандарт, свобода действий и правила [5]. Отметим, что подобное осмысление героизма в сугубо социологическом ключе через социальное действие и отношение оказалось созвучным философскому концепту хронотопа, при котором наличествуют как *регион бытования* (место обитания) героя, так и *участок дисциплины* (пространство взаимодействия системы понятий, представлений, образов и метафор о пространственно-временных характеристиках героического) и *участок действия* героя [6].

Акцент, сделанный на *отношениях* героя и толпы, привёл к необходимости включить в теоретический аппарат исследования положения итальянского социолога П. Донати, основателя реляционной теории, для которого, в отличие от критикуемого им М. Эмирбайера [7], «социальные отношения – это эмерджентные эффекты, происходящие из морфостатических/морфогенетических процессов, в которых как субстанции, так и отношения в равной мере являются принципами реальности» [8, с. 12]. Здесь главной является идея эмерджентных эффектов (возникающего реляционного блага или зла), которые рождаются в результате отношений, в том числе героя, действующего в отдельных случаях изначально аффективно и захватывающего(подчиняющего) своим импульсом всех остальных.

Проведя подробный анализ от семиотики понятия героя до конкретных социологических теорий, изучающих отношение героя и толпы, следует остановиться на тех тенденциях, которые существуют сегодня в науке при изучении героя и героизма. Назовём их.

Первое. В настоящее время происходит смена акцентов: если в советское время героями были конкретные люди, имеющие свои имена, голо-

са, места проживания и, соответственно, места памяти, почитания, то сегодня герои мало кому известны и как бы безымянны, без собственной истории, голоса и лица [9]. С развитием социальных сетей, блогосферы и прочих направлений массовой цифровой культуры героями также становятся знаменитости (селебрити), чей век не только скоротечен, но и чьи личные качества больше о квази- и лжегероизме [10].

Герой и его поступки не только неоднозначны, но и масштаб его влияния обладает тем же свойством сингулярности, что и социальные сети, интернет, которые активно задействованы сегодня. Наиболее ярким примером тому служит история Эдварда Сноудена, который стал героем для одних и антигероем для других в течение очень короткого времени, когда после активизации всемирно известного сообщения в сети о тотальной слежке американских спецслужб за информационными коммуникациями между гражданами многих государств в считанные месяцы привлёк к себе внимание почти более 1,7 млн человек, что в терминологии некоторых западных учёных (в частности Кларка и др.) является наглядным проявлением так называемого «расширенного разума» [11], распространением риторики героя до безграничных горизонтов и пространств [12]. В этом смысле герой и толпа (коллектив) оказались ещё более связаны и переплетены, чем прежде. Коллективный героизм в сетевом обществе стал его неотъемлемой частью. А в науке заговорили о появлении нового архетипа героя – кибергероя [13], одними из главных характеристик которого называются альтруизм, причастность к цифровым технологиям и в связи с этим инклюзивность. Важно при этом, что с появлением новых представлений о герое возникла необходимость единого взгляда на героизм на глобальном уровне: заговорили о выработке подходящего морального кодекса, которым можно было бы руководствоваться при совершении выбора. Считается, что этот кодекс должен учитывать мудрость традиции, но быть при этом направлен в будущее, а не в прошлое [14]. Подобная интеллектуальная установка европейских авторов представляет интерес, так как в данном исследовании также выяснялось, в какие временные рамки устремлён взгляд россиян с точки зрения их представлений о героизме (в прошлое, настоящее, а может быть, в будущее), насколько само будущее, как страны, так и их собственное, актуализировано. Взаимосвязаны ли эти вещи и каким образом? Правда, в отличие от европейских авторов, для которых важны создание единого, глобального морального кодекса и актуализация героизма для борьбы за демократию во всём мире, для нас интерес представляют, прежде всего, научные, а не политические цели.

В литературе появляются заявления, что героизм как видимое проявление героя – предельно простое понятие: с одной стороны, героизм – это

социальная атрибуция, которая исторически, культурно и ситуационно детерминирована [15], с другой стороны, героический поступок – личный выбор, сопряжённый с преодолением угроз, страха, риска. И здесь герой соотносится с понятием власти, которая позволяет быть над кем-то, управлять кем-то именно по причине способности решительно побеждать собственные страхи и опасности. Цель героя – «ликвидировать недостаток (любви, денег или власти)» [10, с. 454]. Добавим, что это ещё восполнение дефицита справедливости. Следуя концепции «путешествия героя», в этом смысле герой проходит путь, в котором либо обретает утраченное, либо находит совершенно что-то новое.

Второе. Масштаб героизма может различаться – от «героизма вождей» как «двигателей истории» до «массового героизма» и «героизма подчинения» [16]. Первый не только служит обществу, но и меняет образ мира (осуществляя, например, в том числе разрыв с традицией), второй ориентирован на безопасность и сохранение. Подобные интерпретации героизма тесно связаны с изучением героя в контексте мобилизации человеческих сверхэнергий в условиях войн и были предложены в своё время философом прагматизма У. Джеймсом (см.: [17]).

Типы героического действия в зависимости от риска разделяют на: 1) военный, когда рисковать приходится подолгу службы, 2) гражданский, когда рискуют по личным убеждениям, 3) и социальный, при котором риск сопряжён с общественным порицанием, утратой доверия, финансов, репутации, социального статуса и т. д. [15;18].

Кроме того, можно говорить об «истинных» и «ложных» героях, реально существующих и «воображаемых» (в том числе это мифологические и литературные герои, герои игр, мультфильмов и кино [19]), связанных с конкретной областью и социальным институтом (религиозный, политический, военный герой, герой науки, труда и т. д.).

Третье. В настоящее время с развитием психоаналитических направлений в социологии и антропологии, с интересом к аффекту и бессознательному в целом, наблюдается смещение акцента с институциональной трактовки героя на его субъектность, где герой и героизм предстают как субъект и действие «мучительных поисков себя посредством болезненного дистанцирования от своего окружения» [20, с. 435]. В итоге маркерами героизма выступают «улавливание “духа эпохи”» и «воплощение чаяний поколений» [20, с. 435].

Подытоживая всё вышеизложенное, отметим, что подобный анализ позволил сформировать собственные теоретические модели исследования и выйти на полевой этап работы, который был проведён в марте 2023 г. в восьми федеральных округах РФ, включая новые российские территории Донецкой и Луганской областей. Проект носил разведыва-

тельный, пилотажный характер и в настоящее время проходит этап объяснения полученных результатов.

Отметим, что сами данные свидетельствуют о том, что явление героизма весьма объёмно. По этой причине в одной из своих статей авторы уже освещали героизм как репрезентации коллективной памяти [21]. В этой работе хотелось сделать акцент на открытых вопросах исследования, которые позволяют представить субъективные оценки опрошенных в отношении того, кого они считают героем, что называют героизмом применительно к происходящим сегодня событиям в стране, отношению к стране и её будущему. Здесь рассматривается героизм как явление социального конструирования. Заметим, что подобный ракурс предлагался и ранее в работах главным образом зарубежных авторов, причём само видение процесса социального конструирования героизма претерпело в научных работах существенное изменение: от разбора архетипических героев былин и сказок, вообще классических произведений, где главным в конструировании оказывалось «героическое воображение» [22], до анализа институциональных, в основном сетевых форм конструирования, под которые теперь создаются целые платформы, например Avaaz.org и др. [23]. В исследовании были применены иные критерии конструирования, прежде всего – воспитание патриотизма, отношение к стране в целом, видение своего будущего в будущем страны в целом. Последнее особенно связано с имеющимся у государства целеполаганием, той идеей, которая не только объединяет общество, но и показывает путь, направление развития. Предполагается, что герой гораздо заметнее появляется в том обществе, где есть запрос на него, а запрос, в свою очередь, зависит от больших или малых идей, которые ставит государство перед собой и нацией.

Полевой этап включал в себя проведение массового опроса с помощью онлайн-анкетирования, в котором приняли участие 1350 человек. Использование Google Forms позволило задать обязательность ответов на все вопросы анкеты. В анкете двадцать восемь вопросов, она состоит из разных смысловых блоков, включающих открытые вопросы с возможностью развёрнутого ответа или с возможностью дать несколько ответов, как в случае предложения назвать героев или перечислить качества героизма, а также в случае полужакрытых вопросов про отношение к стране и её будущему. В соответствии с процедурой квотирования, которая была предусмотрена в отношении пола, округов и поколений, была разослана онлайн-анкета по региональным вузам, администраторам соответствующих региональных социальных сетей, пользователям социальных сетей, которые соответствовали критериям квотирования и проживали в нужном для исследования регионе (округе). По мере заполнения онлайн-анкеты и формирования исследовательской базы данных происхо-

дила корректировка по полу, округу, поколениям в соответствии с установленными квотами. Предполагалось, что соблюдение определённых пропорций в соотношении мужчин/женщин, представленности округов и т. д. даст репрезентативный результат, без явных смещений в сторону той или иной группы, того или иного округа. Наименьший репрезентативный результат в связи с этим был достигнут в отношении поколений (о чём ниже).

Было опрошено 25% респондентов в Центральном округе (как самом многочисленном в РФ, с городом федерального значения – Москва), 15% в Северо-Западном (как втором по значимости округе в РФ, с городом федерального значения – Санкт-Петербург) и по 10% респондентов в остальных округах (Приволжский, Южный, Уральский, Дальневосточный, Северо-Кавказский, Сибирский). В опросе приняли участие почти 40% мужчин и 60% женщин.

Поскольку была задействована типология поколений, предложенная В. В. Радаевым, в исследовании представлены ответы респондентов советских (24,9%) и постсоветских поколений (75,1%).

Учитывая тот факт, что проводилось онлайн-анкетирование, со свойственной ему стихийной выборкой, стоит несколько слов сказать об ограничениях исследования. Первое связано с недобором анкет среди первых двух поколений советского времени (мобилизационного и поколения оттепели). Это обусловлено, в том числе отсутствием доступа к заполнению онлайн-анкет представителей самых старших поколений. Была предпринята попытка сделать добор с помощью офлайн-анкетирования, но это не сильно исправило ситуацию, так как анкета для людей глубоко пожилого возраста оказалась сложной. Была проведена процедура взвешивания данных, и ответы первых трёх поколений объединили в одну категорию, обозначив её как ответы представителей «советского поколения» [24, с. 49].

Второе ограничение – неравномерность ответов, связанная со сбором онлайн-анкет в различных субъектах Российской Федерации. Где-то их заполнение происходило интенсивно и с большой заинтересованностью со стороны опрашиваемых (как например, в Приволжском федеральном округе), где-то, напротив, медленно и вяло (как в Дальневосточном федеральном округе). Предполагается, что это связано не только с ограничением онлайн-анкетирования с его стихийной выборкой, но и с особенностями установок жителей этих регионов, оказывающих большее или меньшее доверие к опросам.

Отметим также, что в исследовании приняли участие люди с высшим уровнем образования (65% закончили вузы), в том числе с научными степенями и званиями (почти 11%). Рассылка онлайн-анкеты была наме-

ленно сделана в том числе среди научных сотрудников и коллег авторов данной статьи, так как эта группа зачастую оказывается вне поля зрения массовых опросов, а её влияние на общество, особенно на студенческую молодёжь, довольно велико.

Результаты исследования

В данной статье представлены преимущественно те результаты исследования, которые получены при анализе ответов респондентов на ряд открытых вопросов о понимании героя и героизма россиянами, а также ответов респондентов на полузакрытые вопросы, затрагивающие их отношение к своей стране, которое, как предполагалось, тесно связано с проблемой героизма. Отношение к стране – достаточно сложный конструкт, включающий и чувства к стране, и патриотизм, и образ будущего, а также героизм как действенную, активную позицию, в подлинном выражении имеющую нравственную окраску и основывающуюся на как минимум отсутствии безразличия к своей стране.

Распределение ответов на вопрос со множественными вариантами ответа о чувствах, которые вызывает слово «Россия», следующее: гордость отметили в 53% случаев, 46% респондентов назвали надежду и, наконец, любовь указали в качестве ещё одного варианта ответа 44% опрошенных. Это основные чувства, которые возникают в отношении своей страны: гордость, надежда, любовь. Но вместе с тем были и такие ответы, которые говорили о тревоге (18%), разочаровании (10,6%) и стыде (5,3%). Подобных состояний значительно меньше, но они также есть, что указывает на то, что среди опрошенных были не только те, кого сегодня называют «ура-патриотами», но и критически настроенные россияне. Интересно, что данный вопрос, обращённый, прежде всего, к эмоциям, при условии возможности выбрать несколько вариантов ответа, дал различные группы кластеров, в которых при прочих равных могли быть названы и любовь, и разочарование, и надежда. Подобные, казалось бы, противоречивые комбинации вскрывали куда более сложное отношение к своей стране, чем исключительно положительное или отрицательное, что, на наш взгляд, больше соответствует реальности, чем любые дихотомии.

На множественный вопрос о том, в чём заключается подлинный патриотизм, были получены не менее интересные распределения: в 68% случаев, по мнению респондентов, подобный патриотизм заключается в желании сделать для страны и людей что-то полезное, изменить жизнь к лучшему на своём конкретном месте. Ещё 36% ответов указывают, что быть подлинным патриотом означает знать своё героическое прошлое. Треть опрошенных видят патриотизм в следовании традиционным цен-

ностям и в поддержке традиционной семьи. Помощь своей экономике как проявления подлинного патриотизма нашли отклик у 16% опрошенных, а критика государства и требование демократических изменений – у 10%. То есть консервативная, традиционная повестка в этом плане более созвучна нашим респондентам, чем либерально-критическая.

Весьма интересными оказались ответы на тот же вопрос о подлинном патриотизме, рассмотренные через призму поколенческой специфики (см. табл. 1). Из анализа были исключены маловыразительные с точки зрения цифр ответы, например – «поддержка своей экономики», и был включён в качестве ещё одного маркера лояльности, конформизма такой вариант ответа, как «поддержка СВО на Украине».

Таблица 1

*Представление о подлинном патриотизме респондентов
советского и постсоветских поколений, 2023 г., % **

Подлинный патриотизм заключается в следующем:	Совет- ское поколе- ние n=337	Постсоветские поколения		
		Реформен- ное	Миллениа- лы	Поколе- ние Z
		n=337	n=337	n=339
Желании сделать для страны и людей что-то полезное, изменить жизнь к лучшему на своём конкретном месте	65,2	66,2	73,7	69
Знании героического прошлого	22,1	39,3	43,1	39,6
Следовании традиционным ценностям и поддержке традиционной семьи	39	24,8	30,3	32,3
Критике государства и требовании демократических изменений	10,3	12,4	10,4	8,8
Поддержке СВО на Украине	23,8	16,2	20,8	14,9

* Вопрос задавался как совместный, то есть предполагал выбор нескольких ответов одним респондентом.

Удивительно, но самым лояльным, консервативным и традиционным поколением с точки зрения ответов на вопрос о подлинном патриотизме являются миллениалы. Среди советского поколения больше всего тех, кто подлинный патриотизм связывает с поддержкой СВО на Украине (почти 24%), в отличие, например, от реформенного поколения и поколения Z, где доли выбравших этот вариант ответа заметно меньше

(16 и 15% соответственно). При этом среди респондентов реформенного поколения, в сравнении с другими поколениями, мало голосов набрал и такой вариант ответа, который связывает подлинный патриотизм со следованием традиционным ценностям и с поддержкой традиционной семьи (24,8%). Для поколения, чье рождение и взросление пришлось на беспокойные 70–90-е гг. XX в., подобное мнение кажется вполне оправданным. Отметим, что по каким-то причинам представители советского поколения, в сравнении с постсоветскими, меньше всего связывают подлинный патриотизм со знанием героического прошлого страны. Возможно, причина в том, что именно их долгое время стыдили за советское прошлое, находя во многих достижениях СССР различные изъяны. То есть они на себе испытали то, что знание героического прошлого не обязательно приводит к подлинному патриотизму. История может искажаться, а исторические, в том числе славные героические ее достижения могут обесцениваться. Те, кто еще вчера были героями, сегодня могут быть исключены из них, и наоборот.

Еще один вопрос с множественными вариантами ответа в анкете выяснял, что объединяет людей в нашей стране. Ответы распределились следующим образом: первую тройку наиболее популярных ответов составили общая история и память (66%), язык (46%), государство (почти 34%). Обратим внимание, что хотя государство и не лидирует с точки зрения фактора объединения страны, но является пока одним из основных значимых ее элементов. Еще одна группа ответов указывает на такие условно второстепенные факторы объединения, как обычаи (23%), земля, общая территория (почти 22%), православная вера (21%), национальные герои (20%).

В таблице 2 приведено распределение ответов на вопрос о факторах и субъектах объединения страны респондентами советского и постсоветского поколений.

В данном случае вновь отличились миллениалы, которые, в сравнении с другими поколениями, обратили внимание на значимость таких факторов, как обычаи, праздники, земля. Для других они малозначимы, особенно общие праздники и территория. Не менее интересны распределения ответов получены у респондентов советского поколения, чьи оценки важности общей истории и памяти в процессе объединения нашей страны значительно выше, чем в других поколениях. Понимая, что не всегда знание героического прошлого своей страны приводит к подлинному патриотизму, тем не менее респонденты советского поколения большое значение придают общей истории и памяти в объединении страны. Особенно их оценки этого фактора отличаются от оценок первого постсоветского реформенного поколения (70% против 62%). Здесь же обращает

Таблица 2

Факторы и субъекты объединения страны по оценкам респондентов
советского и постсоветских поколений, 2023 г., % *

Факторы и субъекты объединения страны	Советское поколение n=337	Постсоветские поколения		
		Реформенное n=337	Миллениалы n=337	Поколение Z n=339
Общая история и память	70,2	62	66	65,9
Язык	50	40,6	48,8	45,1
Государство	35,7	33,3	34	32,3
Православная вера	32,5	21,4	12,9	17
Национальные герои	26	20,1	18,1	16,9
Обычаи	24	22,6	24,5	22,4
Праздники	8,7	14,5	23	13,3
Земля	17	17,1	29,4	24,2

* Вопрос задавался как совместный, то есть предполагал выбор нескольких ответов одним респондентом.

на себя внимание тот факт, что именно для респондентов советского поколения значимым фактором объединения является православная вера. Это особенно интересно в контексте всего массива данных, где советское поколение не проявляло сильной лояльности или интереса к православию в целом. Заметим, что для последующих постсоветских поколений православная вера в качестве объединяющего фактора страны называется заметно реже. Для миллениалов этот фактор оказывается почему-то наименее важным. У поколения Z в качестве одного из менее важных объединяющих факторов выступили национальные герои, которые назывались объединяющей силой страны лишь в 16,9 % случаев.

Вообще стоит отметить, что при различиях оценок среди поколений на факторы объединения страны, есть один из факторов, по которому заметно определённое межпоколенческое согласие. Практически все поколения (примерно треть всех оценок) сходятся во мнении, что государство является устойчивым фактором объединения страны. Данные нашего опроса свидетельствуют о том, что во всех поколениях россиян, в том числе совсем молодых, у части опрошенных есть установка: государство является и остаётся гарантом единства страны.

Таким образом, из представленных данных можно сделать общий вывод, что опрошенные респонденты в целом лояльны к стране и государ-

ству, верят в необходимость общей памяти и истории с точки зрения единства страны, считают, что подлинный патриотизм – прежде всего деятельный, когда каждый меняет жизнь к лучшему на своём месте. В этом проявляется конформизм респондентов, их желание сохранения как прошлого (памяти), так и настоящего, – позиция, которая подразумевает в том числе поиск стабильности.

Отталкиваясь от этого, перейдём к анализу открытых вопросов о том, кого респонденты называли в качестве героев и почему. Отметим, что анкета была составлена таким образом, что герои и героизм как субъект и действие выявлялись в анкете в том числе с помощью полуоткрытых вопросов. Открытые вопросы давали возможность зафиксировать, как сами респонденты понимают героя, какого масштаба выделяемые ими герои, к какому типу героического действия их прежде всего можно отнести. Чаще всего это реальные или воображаемые герои? Подлинные или квазигерои? Далее можно было судить о тех следах, которые оставляют/оставили названные герои, то есть о так называемых эмерджентных эффектах.

Всего было получено 2616 ответов от респондентов на вопросы о том, кого они считают героем и какие поступки героическими. Анализ дал следующее распределение ответов (приведём данные $\geq 8\%$): полководцев, без конкретных имён, в качестве героев назвали 15,5% опрошенных, ещё 13,4% ответов мы обозначили как «другое», в них вошли всевозможные ответы, трудно поддающиеся классификации. Далее были выделены герои поимённо, прежде всего военачальники периода Российской империи – Суворов (почти 12%), Кутузов (10,5%). Назывались также дети – пионеры-герои Великой Отечественной войны (Матросов, Котик, Казей, Голиков, Портнова и т. д., почти 10%), советский космонавт Юрий Гагарин (9,4%), опять же из советского прошлого – маршал Жуков (9,2%), Иосиф Сталин (8,2%), Зоя Космодемьянская (8%). Обратим внимание на несколько особенностей: во-первых, к героям отнесены преимущественно военные, а героическим считается военное действие; во-вторых, значительная часть героев поименована, мы знаем их лица, в той или иной степени судьбы, места памяти; в-третьих, большинство из них – герои советской эпохи.

Рассмотрим теперь ответы на открытый вопрос о героях в поколенческом срезе. Они представлены на рисунке 1.

Начнём с советского поколения, так как именно здесь множество различных мнений. Наиболее героической фигурой представляется данному поколению А. В. Суворов. Заметим, что предпочтений исключительно советских героев именно у этого поколения не обнаруживается. Напротив, Сталин и Ленин выбираются советскими людьми гораздо реже, чем другими

Рис. 1. Герои в ответах респондентов советского и постсоветских поколений, 2023 г., %

поколениями. Среди отмеченных героев нет ни героев труда, ни героев комсомольцев, вместо них много голосов (больше, чем в других поколениях) получают князь Александр Невский или ближайшие родственники респондентов (возможно, имелись в виду те родственники, которые совершали военные или трудовые подвиги в годы Великой Отечественной войны или в послевоенное время). Примечательно, что именно личность Александра Невского привлекала особое внимание большевиков: от его полного забвения в первые десятилетия советской власти до реабилитации в 1937 году, когда произошла в определённом смысле «советизация Александра» и когда были признаны его заслуги как воина в борьбе, прежде всего, с немецкой экспансией [25].

Похоже, что для респондентов советского поколения некоторые исторические личности (такие, как Сталин, Ленин) не только табуированы, но и оценка их деятельности неоднозначна. Возможно, что это отголоски хрущёвского развенчания культа личности, а может быть – последствия активной пропаганды 1990-х, когда об СССР стало модно говорить критически.

Примечательно, что довольно близкие оценки в отношении личности Сталина как героя выявлены у советского (5,3%) и третьего постсоветского (4,8%) поколений. Первое и второе постсоветские поколения в два раза выше оценивают героизм «вождя народов» – 12,2 и 10,2% соответ-

ственно. Такая ситуация может быть связана с идеализацией потерянного советского прошлого и его лидеров первыми поколениями после распада СССР. Даже такие политические деятели, как Троцкий и Берия, известные своими многочисленными репрессиями, были самостоятельно названы в числе героев представителями трёх постсоветских поколений (5,9%, 3,9% и 2,4% соответственно).

Герои Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. чаще назывались в качестве героев поколениями миллениалов (10,2%) и Z (8,3%). Респондентами советского и первого постсоветского реформенного поколения участники Великой Отечественной войны вспоминались в этом контексте реже. Впрочем, как и участники спецоперации, чей героизм был отмечен, например, не более 1,8% опрошенных первого постсоветского поколения.

Заметим, что представители реформенного поколения и миллениалы гораздо чаще называли в качестве героев не конкретных людей, а полководцев в целом. А для поколения Z и вовсе характерно обозначать героями самых разных персонажей, что вызвало у нас затруднение при их классификации. Мы отнесли эти ответы в категорию «другое». Видимо, общемировые тенденции, о которых мы писали выше – популярность псевдогероев, обезличивание героев, смещение акцента с героя как примера для других людей на мучительные поиски самого себя, – частично просматриваются и в данном исследовании, среди наиболее молодых респондентов.

Подводя итог о представлениях о героях у разных поколений наших соотечественников, можно сделать вывод, что предпочтение отдаётся всё-таки военному героизму, в отличие от политического или гражданского. При этом герои – это масштабные личности, деяния которых позволяют сберечь или приумножить страну (например, Г. К. Жуков, М. И. Кутузов, Александр Невский, А. В. Суворов), сделать её индустриально сильной (И. В. Сталин). Это вполне согласуется с конформизмом самих респондентов, с их желанием сохранения прошлого и настоящего, с поиском стабильности. Акцент делается скорее на величии духа, чем на таланте и мастерстве (как, например, в случае полководца А. В. Суворова).

Обратим внимание, что, называя самостоятельно героев, респонденты преимущественно вспоминали героев прошлого, главным образом советского. Данный факт свидетельствует не только о дефиците героев в настоящем (это, кстати, подтвердили ответы на заданный в анкете вопрос о том, когда героизма было больше: в прошлом или в настоящем), но и косвенно о том, что сама советская эпоха была героической, рождая запрос на героя, культивируя его образ в обществе (через искусство, кино). Эти результаты исследования позволяют говорить о героизме как о явле-

нии определённого социального конструирования, характерного для целых эпох. Сами эти эпохи могут быть героическими в силу определённых требований и запросов государства.

Что же такое героизм? На этот открытый вопрос было получено 1743 ответа (была возможность дать несколько ответов). Прежде всего, применительно к героизму назывались такие качества героев, как самопожертвование (22,3%), самоотверженность, самоотречение, умение поставить чужие интересы выше своих (16,8%), готовность совершить подвиг (13,4%), бесстрашие, храбрость, мужество (12,7%), положительные черты личности (8,6%). Для сравнения: в исследовании американских авторов выделены в качестве атрибуции героического восемь так называемых «великих черт»: ум, сила, жизнерадостность, самоотверженность, заботливость, харизматичность, надёжность, умение вдохновлять [26]. Как можно заметить, в российском варианте исследования значительная часть качеств не указывалась (например: ум, харизматичность, жизнерадостность), акцент респондентами делался на способности героя жертвовать собой, быть смелым, идти на риск.

Очевидно, что героизм для россиян – это положительные, одобряемые в обществе действия и поступки, то, что служит на благо других людей. Героизм, прежде всего, связывается с сильной, мужественной личностью, готовой жертвовать собой. В этом смысле героизм как общественное явление, сложившийся стереотип прочитывается россиянами примерно одинаково. Посмотрим, есть ли поколенческие различия (см. табл. 3).

Основной характеристикой героизма для респондентов советского поколения является самоотверженность, самоотречение, умение поставить чужие интересы выше своих, что в меньшей степени нашло отклик у постсоветских поколений (может быть, за исключением поколения Z). Важно, что люди, рождённые и прожившие значительную часть в СССР, говоря о героизме, назвали такое качество, как честность, тогда как для всех последующих поколений это качество оказалось малозначимым. Чаще выделялись такие характеристики, как самопожертвование, а также бесстрашие, храбрость, мужество. Очевидно, что при общих представлениях о героизме всё же есть поколенческие особенности, связанные, например, с тем, что в годы СССР герой ещё и правдолюбец, поэтому и героизм как зримое проявление действия героя отличается честностью.

Важно отметить, что самопожертвование, способность жертвовать собой ради другого трудно себе представить без любви к человеку. Но в том и парадокс, что лишь в 3,3% случаев любовь к людям упомянули представители советского поколения, а постсоветского – ещё реже (2,3% представителей первого постсоветского поколения и 1% – второго и третьего).

Таблица 3

*Понимание героизма респондентами советского и постсоветских поколений, 2023 г., % **

Понимание героизма	Советское поколение n=337	Постсоветские поколения		
		Реформенное n=337	Миллениалы n=337	Поколение Z n=339
Самоотверженность, самоотречение, умение поставить чужие интересы выше своих	22,5	13,5	13	18,1
Способность совершить подвиг	13	14,4	12	14,3
Самопожертвование	12,1	24,3	33	20,2
Положительные качества личности	10,4	10,4	5,6	8,1
Бесстрашие, храбрость, мужество	9,5	12,6	15,2	13,6
Честность	8,6	3,2	3,6	3,1
Другое	4,7	8,1	5,6	5

* Задавался открытый вопрос, данные которого кодировались, затем на основании результатов этой процедуры делались расчёты.

Если не важна любовь к людям, то как же тогда герой может быть самоотверженным и оказывать помощь?

Также небольшое количество опрошенных среди всех поколений называли патриотизм как качество, необходимое для героя: от 4% представителей советского и третьего постсоветского поколения до 5% представителей первого постсоветского и 5,6% представителей второго постсоветского поколений.

Верность идеалам и ценностям как необходимые качества для героя назывались 4% представителей советского и первого постсоветского поколений, 5% представителей второго постсоветского поколения и только 3,1% представителей третьего постсоветского поколения.

Силе духа как качеству, сопутствующему героизму, немного больше внимания уделили представители советского (7,3%) и второго постсоветского (10,2%) поколений; для первого постсоветского оно в меньшей степени значимо (4,1%), третье постсоветское поколение занимает промежуточную позицию в оценке этого качества (6,6%).

Всё это говорит о том, что любовь к людям, патриотизм, то есть любовь к стране, верность идеалам и традиционным ценностям сегодня слабо актуализированы и не связаны в сознании людей с пониманием героя и героического.

В завершении анализа необходимо представить данные ответов респондентов на ещё один вопрос об образе собственного будущего и будущего страны. Этот вопрос был уместен в контексте изучения героизма, так как само действие героя темпорально задано: будучи ориентировано и направлено в будущее, оно в исключительных случаях может быть пророческим, иметь соответствующие эффекты на века.

Этот же вопрос представляется важным в условиях проведения страной специальной военной операции и ставит перед обществом сегодня задачу о её будущем. Отсюда, например, и частые отсылки к прошлому, к подвигам дедов и победам предков. Время в этом смысле как будто синхронизируется: будущее и прошлое становятся чем-то единым. Примечательно, что не последнюю роль в этом будущем будут играть те, кого впоследствии назовут героями.

Почти каждый третий респондент имеет образ своего личного будущего, определённые цели, ожидания и желания. При этом в отношении будущего страны вырисовывается менее чёткая картина: представление о будущем страны имеет лишь каждый пятый-шестой опрошенный.

О чём же это может говорить? Сделаем некоторые предположения. В первую очередь о том, что у подавляющего большинства людей есть свой собственный горизонт планирования, и в отношении страны тоже. Но есть нюанс, связанный с тем, что количество видящих своё будущее заметно выше количества тех, кто видит будущее страны. Возможно, сегодняшняя ситуация неопределённости в стране с трудом даёт представление о её будущем. И это ещё один, не менее интересный вывод исследования, так как фиксирует, что можно иметь образ своего будущего, не связывая его исключительно с будущим страны. Последнее может быть туманным, мало прогнозируемым и при этом слабо сказываться на представлениях о собственных перспективах. Подобный разрыв представляется весьма показательным, так как в нём просматривается потенциал отдельно взятой личности вне зависимости от внешних условий. В связи с этим интересно рассмотреть ответы на вопрос о собственном будущем и будущем своей страны, данные представителями различных поколений (см. табл. 4).

Во-первых, в таблице 4 наглядно видно влияние возраста респондентов на их ответы: более пожилые люди имеют менее чёткие представления об образе собственного будущего, чем люди среднего возраста, чья активность в настоящее время достигает своего пика. Во-вторых, чем моложе

Таблица 4

Наличие представления о собственном будущем и будущем своей страны респондентов советского и постсоветских поколений, 2023 г., %

Образ будущего	Советское поколение n=337	Постсоветские поколения		
		Реформенное n=337	Миллениалы n=337	Поколение Z n=339
Имеют представление об образе собственного будущего	67,4	79,9	74,4	72,1
Имеют представление о будущем страны	70,2	67,1	54,1	48,1

респонденты, тем менее чётко они видят будущее своей страны, оно для них неочевидно – при довольно хорошем понимании своего собственного будущего. Это тоже скорее возрастная особенность. Значимыми для нас оказываются данные, связанные с респондентами первого постсоветского реформенного поколения, которые в настоящее время наиболее активны в обществе с точки зрения профессиональной, трудовой деятельности: именно они заметно чаще отмечали, что имеют представление о своём будущем, и реже, чем опрошенные представители советского поколения, что имеют представление о будущем своей страны. И хотя доли видящих образ будущего страны во всех группах довольно высоки, надо заметить, что, начиная с первого постсоветского поколения, происходит их сокращение. Это очень симптоматично, особенно если учесть возрастные особенности поколения советских людей, которые в силу своего возраста всё меньше видят перспектив для себя, но которые не перестают верить в будущее страны. В каком-то смысле они более оптимистичны в отношении России, чем последующие поколения. То есть поколение рождённых и проживших значительную часть в СССР, в обществе, где героизм был возведён в некую общественную норму, заметно чаще готово представлять будущее страны, смотреть на него с воодушевлением. Это весьма интересный вывод, особенно в контексте происходящего, когда демонтаж идентичности (не только украинцев, что принято сегодня отмечать, но и русских) начинается с обесценивания прошлого страны, а затем и с посыла о том, что у такой страны нет своего будущего. Советское поколение в этом смысле чуть более устойчиво, чем последующие.

Заключение

Итак, взятый в этой статье вектор на рассмотрение героизма как определённого социального конструкта дал весьма примечательные результаты. Во-первых, о героях и героическом чаще всего россиянами говорится не в контексте настоящего, а прошлого, т. е. их взгляд обращён назад, причём в основном в советское время, в ту эпоху, которая в целом и идеологически, и реально носила героический характер. В наши дни недостаточно образов героев, а героизм не относится к наиболее востребованным ценностям. Во-вторых, по оценкам представителей различных поколений, героизм и героическое были связаны в большей мере с военными действиями, которые позволяли сохранить и приумножить страну. При оценке нравственных качеств личности, приписываемых герою, наблюдается наличие некоего диссонанса: с одной стороны, более трети опрошенных всех поколений отмечают у героя наличие самоотверженности, а с другой – малозначимыми оказываются такие качества (любовь к людям, патриотизм, верность идеалам, честность и др.), без которых, казалось бы, жертвенность невозможна. Образуется какая-то неопределённость и даже путаница в нравственных категориях. То есть мало того, что сам конструкт героизма обращён в прошлое, причём, главным образом, в военное прошлое, так он ещё и слабо выверен с точки зрения нравственных характеристик. В настоящее время остро чувствуется недостаток нравственно верных объединяющих ориентиров.

Половина населения положительно относится к своей стране, остальные граждане – по-разному, но небезразлично, испытывая широкий диапазон чувств к ней. Более половины опрошенных в качестве солидаризирующего страну фактора указывают общую историю и память, тем самым подчёркивая важность исторического прошлого. Однако, существующая в научной среде и в СМИ множественность версий и интерпретаций исторического прошлого может привести к нивелированию этой объединяющей основы, что отчасти уже подтвердили и наши данные.

В завершение можно сказать, что большинство опрошенных граждан с выявленными оценками и представлениями по поводу героизма и отношения к стране подчёркивали его деятельностьную составляющую, направленную на улучшение жизни в своём регионе и в стране в целом.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Пропп В. Я.* Морфология волшебной сказки. СПб. : Питер, 2021. 256 с. ISBN 978-5-4461-1838-0. EDN **LROTGT**.
2. *Кэмпбелл Д.* Тысячеликий герой. СПб. : Питер, 2019. 480 с. ISBN 978-5-4461-1292-0.

3. Михайловский Н. К. Сочинения. Т. 6. СПб., 1885. 285 с.
4. Йоас Х. Креативность действия. СПб. : Алетейя, 2005. 320 с. ISBN 5-89329-782-9. EDN **QOERCL**.
5. Аксенова О. В. Роль профессионала-актера в российской системе управления : дис. ... д-ра социол. наук : 22.00.08 / Аксёнова Ольга Владимировна ; Ин-т социологии РАН. Москва, 2017. 450 с. EDN **JTНЕНК**.
6. Шевченко О. К. «Ялтинский мир» как хронотоп власти: истоки и перспективы бытования : дис. ... д-ра филос. наук : 09.00.11 / Шевченко Олег Константинович ; Казанский (Приволжский) федеральный университет. Казань, 2021. 444 с. EDN **ОННЗFU**.
7. Маркина И. В. Реляционная социология Пьерпаоло Донати // Сетевой научно-практический журнал «Научный результат». Серия: Социология и управление. 2015. Т. 1, № 3. С. 43–54. DOI **10.18413/2408-9338-2015-1-3-43-54**. EDN **VBINUV**.
8. Донати П. Реляционная теория общества: Социальная жизнь с точки зрения социального реализма. М. : ПСТГУ, 2019. 312 с. ISBN 978-5-7429-1200-2.
9. Хлевнюк Д. О. Бернард Гизен. Триумф и травма // Социологическое обозрение. Т. 9, № 2. 2010. С. 112–117. EDN **NTYQNT**.
10. Субботина М. В. Амбивалентность героя в контексте изучения социального благополучия, или Поиски героического в новой социально-медийной реальности // Социологическое обозрение. 2020. Т. 19, № 3. С. 450–465. DOI **10.17323/1728-192x-2020-3-450-465**. EDN **GJLPFP**.
11. Clark A., Chalmers D. The extended mind // Analysis. 1998. Vol. 58, № 1. P. 7–19.
12. Klisanin D. Heroism in the Networked Society // Handbook of Heroism and Heroic Leadership / Eds. By Scott T. Allison, George R. Goethals, Roderick M. Kramer. New York : Routledge, 2017. P. 17. DOI **10.4324/9781315690100**.
13. Klisanin D. The hero and the Internet: Exploring the emergence of the cyberhero archetype // Media Psychology Review. 2012. № 4 (1). URL: <https://mprcenter.org/review/cyberheroes2/> (дата обращения: 06.05.2023).
14. Csikszentmihalyi M. The evolving self: A psychology for the third millennium. New York : Harper Perennial, 1993. ISBN 0-06-092192-7.
15. Franco Z., Blau K., Zimbardo Ph. Heroism: A conceptual analysis and differentiation between heroic action and altruism // Review of General Psychology. 2011. Vol. 15, № 2. P. 99–113. DOI **10.1037/a0022672**.
16. Кривощечекова Г. А. Герои и героизм в культурно-историческом бытии народов Европы и России: дис. ... канд. филос. наук : 24.00.01 / Кривощечекова Гульнара Анваровна ; науч. рук. К. Г. Рожко ; Тюменский государственный институт искусств и культуры. Тюмень, 2003. 160 с.
17. Ramon del Castillo The Gospel of Heroism // The Jamesin Mind / Sarin Marchetti (ed.). London : Routledge, 2022. P. 233–245. DOI **10.4324/9780429029639-23**.
18. Trotsuk I. V., Subbotina M. V. Three questions to start the sociological study of heroism // RUDN Journal of Sociology. 2021. Vol. 21, № 1. 169–180. DOI **10.22363/2313-2272-2021-21-1-169-180**. EDN **EOZGIO**.
19. Троцук И. В., Субботина М. В. Оценка влияния кинематографа на социальные представления о героизме: апробация одного подхода // Коммуникология. 2018. Т. 6, № 4. С. 140–158. DOI **10.21453/2311-3065-2018-6-4-140-158**. EDN **XYZKFF**.
20. Троцук И. В., Субботина М. В. Феномен героизма: две «хронологические» интерпретации. Рецензия на книги: Кэмпбелл Дж. Тысячеликий герой. СПб. :

- Питер, 2017. 352 с.; Зорин А. Л. Появление героя: Из истории русской национальной культуры конца XVIII – начала XIX века. М. : Новое литературное обозрение, 2016. 568 с. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2017. Т. 17, № 3. С. 420–435. DOI [10.22363/2313-2272-2017-17-3-420-435](https://doi.org/10.22363/2313-2272-2017-17-3-420-435). EDN ZDWRDT.
21. Подлесная М. А., Шевченко О. К., Ильина И. В. Герои и героизм как репрезентации коллективной памяти // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2023. Т. 23, № 3. С. 503–524. DOI [10.22363/2313-2272-2023-23-3-503-524](https://doi.org/10.22363/2313-2272-2023-23-3-503-524). EDN WXMCXE.
 22. Franco Z., Zimbardo P. The banality of heroism // Greater Good Science Center : [сайт]. September 1. 2006. URL: http://greatergood.berkeley.edu/article/item/the_banality_of_heroism (дата обращения: 06.01.2023).
 23. Klisanin D. Collaborative Heroism: Exploring The Impact of Social Media Initiatives // Media Psychology Review. 2015. Vol. 9, № 2. URL: <https://mprcenter.org/review/collaborative-heroism-in-social-media-initiatives/> (дата обращения: 15.06.2023).
 24. Радаев В. В. Миллениалы. Как меняется российское общество / В. В. Радаев ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики» ; 2-е изд. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. 224 с. ISBN 978-5-7598-1985-1. DOI [10.17323/978-5-7598-1985-1](https://doi.org/10.17323/978-5-7598-1985-1). EDN STOTFS.
 25. Шенк Ф. Б. Александр Невский в русской культурной памяти: святой, правитель, национальный герой (1263–2000) / Ф. Б. Шенк ; авторизованный перевод с нем. Е. Земсковой и М. Лавринович. М. : Новое литературное обозрение, 2007. 592 с. ISBN 5-86793-506-X.
 26. Allison S., Goethals G. Heroes: What they do and why we need them. New York : Oxford University Press, 2011. 230 p. ISBN 978-0199739745.

Сведения об авторах

М. А. Подлесная

кандидат социологических наук,
ведущий научный сотрудник
AuthorID РИНЦ: [661786](https://elibrary.ru/author_index.action?id=661786)

И. В. Ильина

старший преподаватель
AuthorID РИНЦ: [893346](https://elibrary.ru/author_index.action?id=893346)

Вклад авторов:

М. А. Подлесная – концептуальная часть статьи, текст. И. И. Валерьевна – оформление статьи, редактура, критические замечания, один из организаторов полевых работ исследования.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 22.07.2023; одобрена после рецензирования 17.10.2023; принята к публикации 01.11.2023.

Original article

DOI: 10.19181/snsp.2023.11.4.3

HEROISM THROUGH THE PRISM OF REFLECTIONS ON THE COUNTRY AND ITS FUTURE: ASSESSMENTS BY GENERATIONS

Mariia Alexandrovna Podlesnaia¹

Ilona Valeryevna Ilina²

¹Institute of Sociology of FCTAS RAS,
Moscow, Russia,

yamap@yandex.ru,

ORCID 0000-0002-2159-4958

²Tyumen State University,
Tyumen, Russia,

i.v.ilina@utmn.ru,

ORCID 0000-0003-3118-2372

For citation: Podlesnaia M. A., Ilina I. V. Heroism through the prism of reflections on the country and its future: assessments by generations. *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. 2023;11(4):53–77. (In Russ.). DOI 10.19181/snsp.2023.11.4.3.

Abstract. The phenomenon of heroism is multifaceted, and it can be viewed as representations of collective memory or through the lens of attitudes towards the country and its future. The theoretical foundation of this research is based, on the one hand, on a philosophical analysis of the semantic meanings of the concepts «hero» and «heroism», including variations in different cultures, and it defines the constants of the national semantics of heroism. On the other hand, it relies on the sociological theory of N. K. Mikhailovsky and the theory of social action, particularly the affective (borderline) theory. It also draws on the developments in creative and relational theories (M. Emirbayer, A. Mische), and relational sociology by P. Donati.

The empirical part of the study involves the analysis of data from quota-based online surveys with a random sample, conducted by a group of sociologists and philosophers from the Institute of Sociology of the FCTAS RAS, Tyumen State University, and Vernadsky Crimean Federal University at the beginning of 2023. The survey included 1350 respondents from eight federal districts of the Russian Federation. The research results showed that heroes and heroism remain predominantly associated with the Soviet past, when the names, faces, and destinies of heroes were known from childhood, and the entire era was considered heroic. Heroism was ideologically supported and socially constructed during that time. In the present, heroes are usually depersonalised and associated with a group, such as the military or professionals. Post-Soviet generations had difficulty naming a hero on their own, as for a long time there was no social demand for this type of personality and behaviour. Regarding contemporary Russia, half of the respondents expressed positive feelings of pride, hope, and love, while some felt concern, disappointment, and shame. Furthermore, the clustering of responses indicated that feelings towards Russia are variable and not exclusively dichotomous. Respondents could simultaneously express love, disappointment, and hope. As for the future, respondents were much clearer about their own personal future (70% or more)

than about the future of the country. The Soviet generation was more optimistic about the country's future compared to the post-Soviet generations. This, among other signs, may suggest that post-Soviet generations found themselves in a situation where there was not only no demand for heroic personalities but also the state did not articulate a clear vision of the country's future. Therefore, they have formed their own view of their personal future, which is seen more clearly and independently of the state's goal-setting, while heroes and heroism are primarily associated with the Soviet past.

Keywords: heroism, hero, patriotism, attitudes towards the country, image of the future, generation theory

REFERENCES

1. Propp V. Ya. Morphology of a fairy tale. [Morfologiya volshebnnoj skazki]. St. Petersburg: Piter; 2021. 256 p. (In Russ.). ISBN 978-5-4461-1838-0.
2. Campbell D. The Thousand-faced hero. [Tysyachelikij geroj]. St. Petersburg: Piter; 2019. 480 p. (In Russ.). ISBN 978-5-4461-1292-0.
3. Mikhailovsky N. K. Essays. Volume 6. [Sochineniya. Tom 6]. St. Petersburg: 1885. 285 p. (In Russ.).
4. Joas H. Creativity of action. [Kreativnost' dejstviya]. St. Petersburg: Aletejya; 2005. 320 p. (In Russ.). ISBN 5-89329-782-9.
5. Aksenova O. V. The role of a professional actor in the Russian management system. [Rol' professionala-aktora v rossijskoj sisteme upravleniya: dissertaciya doktora sociologicheskix nauk]. Doctor of sociology dissertation: 22.00.08. Aksenova Olga Vladimirovna; [Place of defense: Institute of sociology of the Russian academy of sciences]. Moscow, 2017. 450 p. (In Russ.).
6. Shevchenko O. K. "Yalta world" as a chronotope of power: origins and prospects of existence. [«Yaltinskij mir» kak hronotop vlasti: istoki i perspektivy bytovaniya]. Candidate of philosophy dissertation: 09.00.11. Shevchenko Oleg Konstantinovich; [Place of defense: Kazan (Volga region) federal university]. Kazan, 2021. 444 p. (In Russ.).
7. Markina I. V. Relational sociology of Pierpaolo Donati. *Research result. Sociology and Management* = *Setevoj nauchno-prakticheskij zhurnal «Nauchnyj rezul'tat»*. *Seriya: Sociologiya i upravlenie*. 2015;(3):43–54. (In Russ.). DOI [10.18413/2408-9338-2015-1-3-43-54](https://doi.org/10.18413/2408-9338-2015-1-3-43-54).
8. Donati P. Relational theory of society: Social life from the point of view of social realism. [Relyacionnaya teoriya obshchestva: Social'naya zhizn' s točki zreniya social'nogo realizma]. Moscow: PSTGU; 2019. 312 p. (In Russ.). ISBN 978-5-7429-1200-2.
9. Khlevnyuk D. O. Bernard Giesen. Triumph and trauma. *Sociological Review* = *Sociologicheskoe obozrenie*. 2010;9(2):112–117. (In Russ.).
10. Subbotina M. V. Hero ambivalence in the context of the study of social well-being, or the Search for the heroic in the new social-media reality. *Sociological Review* = *Sociologicheskoe obozrenie*. 2020;19(3):450–465. (In Russ.). DOI [10.17323/1728-192x-2020-3-450-465](https://doi.org/10.17323/1728-192x-2020-3-450-465).
11. Clark A., Chalmers D. The extended mind. *Analysis*. 1998;58(1):7–19.
12. Klisanin D. Heroism in the networked society. Handbook of heroism and heroic leadership. Scott T. Allison, George R. Goethals, Roderick M. Kramer, eds. New York: Routledge; 2017. 285 p. DOI [10.4324/9781315690100](https://doi.org/10.4324/9781315690100).

13. Klisanin D. The hero and the Internet: Exploring the emergence of the cyberhero archetype. *Media Psychology Review*. 2012;4(1). Available at: <https://mprcenter.org/review/cyberheroes2/> (accessed: 06.05.2023).
14. Csikszentmihalyi M. The evolving self: A psychology for the third millennium. New York: Harper Perennial; 1993. ISBN 0-06-092192-7.
15. Franco Z., Blau K., Zimbardo Ph. Heroism: A conceptual analysis and differentiation between heroic action and altruism. *Review of General Psychology*. 2011;15(2):99–113.
16. Krivoshchekova G. A. Heroes and heroism in the cultural and historical existence of the peoples of Europe and Russia. [Geroi i geroizm v kul'turno-istoricheskom bytii narodov Evropy i Rossii]. Candidate of Philosophy Dissertation: 24.00.01. Krivoshchekova G. A.; [Place of protection: Tyumen state institute of arts and culture]. Tyumen; 2003. 160 p. (In Russ.).
17. Ramon del Castillo. The Gospel of heroism. In: The Jamesin mind. Sarin Marchetti, ed. London: Routledge; 2022. P. 233–245. DOI [10.4324/9780429029639-23](https://doi.org/10.4324/9780429029639-23).
18. Trotsuk I. V., Subbotina M. V. Three questions to start the sociological study of heroism. *RUDN Journal of Sociology=Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: Sociologiya*. 2021;21(1):169–180. DOI [10.22363/2313-2272-2021-21-1-169-180](https://doi.org/10.22363/2313-2272-2021-21-1-169-180).
19. Trotsuk I. V., Subbotina M. V. Assessment of the influence of cinema on social ideas about heroism: approbation of one approach. *Communicology=Kommunikologiya*. 2018;6(4):140–158. (In Russ.) DOI [10.21453/2311-3065-2018-6-4-140-158](https://doi.org/10.21453/2311-3065-2018-6-4-140-158).
20. Trotsuk I. V., Subbotina M. V. The phenomenon of heroism: two “chronological” interpretations. *RUDN Journal of Sociology=Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: Sociologiya*. 2017;17(3):410–435. (In Russ.) DOI [10.22363/2313-2272-2017-17-3-420-435](https://doi.org/10.22363/2313-2272-2017-17-3-420-435).
21. Podlesnaia M. A., Shevchenko O. K., Ilyina I. V. Heroes and heroism as representations of collective memory. *RUDN Journal of Sociology=Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: Sociologiya*. 2023;23(3):503–524. DOI [10.22363/2313-2272-2023-23-3-503-524](https://doi.org/10.22363/2313-2272-2023-23-3-503-524).
22. Franco Z., Zimbardo P. The banality of heroism. Greater Good Science Center. 2006. September 1. Available at: http://greatergood.berkeley.edu/article/item/the_banality_of_heroism (accessed: 06.01.2023).
23. Klisanin D. Collaborative heroism: Exploring The impact of social media initiatives. *Media Psychology Review*. 2015;9(2). Available at: <https://mprcenter.org/review/collaborative-heroism-in-social-media-initiatives/> (accessed: 15.06.2023).
24. Radaev V. V. Millennials. How Russian society is changing. [Millenialy. Kak menyaetsya rossijskoe obshchestvo]. Moscow: Vy'sshaya shkola e'konomiki; 2020. 224 p. (In Russ.) ISBN 978-5-7598-1985-1. DOI [10.17323/978-5-7598-1985-1](https://doi.org/10.17323/978-5-7598-1985-1).
25. Schenk F. B. Alexander Nevsky in Russian cultural memory: saint, ruler, national Hero (1263–2000). [Aleksandr Nevskij v russkoj kul'turnoj pamyati: svyatoj, pravitel', nacional'nyj geroj (1263–2000)]. Authorized translation from German. Elena Zemskova and Maya Lavrinovich. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie; 2007. 592 p. (In Russ.) ISBN 5-86793-506-X.
26. Allison S., Goethals G. Heroes: What they do and why we need them. New York: Oxford University Press; 2011. 230 p. ISBN 978-0199739745.

Information about the Authors

M. A. Podlesnaia

Candidate of Sociology,

Leading Researcher

ResearcherID: **R-8140-2019**

Scopus AuthorID: **56528484500**

I. V. Ilina

Senior Lecturer

Contribution of the authors:

M. A. Podlesnaia – conceptual part of the article, text. I. V. Ilyina – article formatting, editing, critical comments, one of the organisers of the fieldwork for the research.

The authors declare no conflicts of interests.

The article was submitted 22.07.2023; approved after reviewing 17.10.2023; accepted for publication 01.11.2023.

АКТИВНАЯ ПОЛИТИКА ЗАНЯТОСТИ В ОТНОШЕНИИ ЛИЦ С ИНВАЛИДНОСТЬЮ

Елена Викторовна Кулагина

Институт социально-экономических проблем
народонаселения ФНИСЦ РАН

Москва, Россия,

elkulagina@yandex.ru,

ORCID 0000-0002-5342-7847

Для цитирования: Кулагина Е. В. Активная политика занятости в отношении лиц с инвалидностью // Социологическая наука и социальная практика. 2023. Т. 11, № 4. С. 78–111. DOI 10.19181/snsp.2023.11.4.4. EDN HRCKWN.

Аннотация. В статье рассматривается активная политика занятости в отношении лиц с инвалидностью трудоспособного возраста, обеспечивающая переход от социального обеспечения к труду в государствах благосостояния. На основе данных международных исследований и статистики ЕС раскрыты причины такого перехода, цели и принципы активной политики занятости в государствах благосостояния социально-демократических, консервативно-корпоративистских и неолиберальных моделей. Представлены критерии и способы оценки трудоспособности для разграничения лиц с инвалидностью и безработных и последующего распределения между программами с временными или постоянными видами помощи. Показаны маршруты выхода на рынок труда, ориентированные на инсайдеров – лиц с сохранной или временно нарушенной трудоспособностью – и аутсайдеров – лиц с инвалидностью, имеющих низкие шансы на трудоустройство. Отражены социально-демографические характеристики лиц с инвалидностью, влияющие на их производительность и трудоспособность и обуславливающие их потребности в избирательных мерах помощи. Изучены и раскрыты принципы «наступательной» и «оборонительной» активной политики занятости в отношении этой категории граждан, повышающие вероятность трудоустройства и удержания на рынке труда: обязательства государства, работодателей и лиц с инвалидностью, а также меры поощрения и наказания. Показаны объёмы государственных средств, выделяемых на политику занятости, основные направления в системе классификации расходов: услуги, активные и пассивные меры. Раскрыта структура расходов и назначение каждого вида активных мер занятости в отношении лиц с инвалидностью: создание рабочих мест и стартапов; защищённая и поддерживаемая занятость, реабилитация, стимулирование занятости, обучение. Выявлены приоритеты активных мер в отношении лиц с инвалидностью и работодателей, содействующие трудоустройству и закреплению на рынке труда в государствах благосостояния разных моделей. Проанализированы тенденции развития активной политики за последнее десятилетие, стратегии повышения её эффективности, приоритеты пассивных и активных мер в период ухудшения экономического климата. Показаны результаты влияния активной политики на за-

нятность лиц с инвалидностью с умеренными и тяжёлыми нарушениями, а также изменения в доступности социального обеспечения по инвалидности и безработице в процессе перехода от социального обеспечения к труду.

Ключевые слова: государства благосостояния, новая социальная политика, переход от социального обеспечения к труду, активная политика занятости в отношении инвалидов, инвалидность, разрыв занятости лиц с инвалидностью

Введение

Согласно новому договору о социальном обеспечении (new welfare), основанному на повышении ответственности граждан за собственное благополучие, политика в отношении лиц с инвалидностью трудоспособного возраста переориентирована на занятость на открытом рынке труда [1; 2]. Стратегия государств всеобщего благосостояния, направленная на переход от социального обеспечения к труду (Welfare-to-Work), решает несколько взаимосвязанных задач. С одной стороны, она обуславливает расширение доступа к доходам от занятости, с другой – регулирование растущей численности участников в государственных программах помощи по инвалидности и усиливающегося бюджетного давления без снижения социальных рисков для общественного и экономического развития и адресацию пособий тем, кто действительно нетрудоспособен [3; 4]. Социальная политика основывается на двух принципах. Один из них – декоммодификация – исходит из необходимости оказания помощи независимо от участия в трудовой деятельности. Второй – рекоммодификация – предполагает активные меры помощи лицам с инвалидностью, которые должны себя обеспечивать, если сохраняют трудоспособность [5]. Пересматривается структура пособий по инвалидности для создания лучших финансовых стимулов к труду. Проводится поиск подходящих квалификационных требований – критериев и процедур, дающих право на пособия, таких как оценка инвалидности и трудоспособности; выбирается адекватный уровень гарантированного дохода, чтобы избежать негативного влияния «ловушки благосостояния» [6; 7]. Ввиду того, что лица с инвалидностью относятся к аутсайдерам с более низкой степенью участия в трудовой деятельности, худшим образованием и недостаточной профессиональной квалификацией, государство, согласно «духу взаимных обязательств», делает упор на социальные инвестиции и активизацию, оказание помощи в приносящей доход деятельности, улучшение услуг по трудоустройству, стимулирование участия на рынке труда [8; 9]. Происходит переосмысление антидискриминационного законодательства и специальных мер, направленных на обеспечение равенства возможностей, в том числе экономической поддержки для снижения

затрат на заработную плату и создания условий доступности. Вносятся дополнения в модели квотирования рабочих мест, действующие как с обязательствами и санкциями, так и без них. Меняется отношение к защищённой занятости, при которой основное количество работников имеют интеллектуальные и умственные нарушения, так, что она начинает рассматриваться как переходная модель к открытому рынку труда, допускающая пробные стажировки и возвращение обратно в программу социального обеспечения [8].

Посредством активной политики занятости (active labour market policies, ALMPs) вводятся механизмы интеграции на рынок труда, расширяются инвестиции в человеческий капитал, схемы содействия трудоустройству [10; 8; 3; 4]¹. В некоторых странах продолжают действовать специальные меры в защищённых мастерских, но в других схемы занятости уже в большей степени интегрированы в основное русло политики занятости [8]. Ответственность за конечные результаты перекладывается с государства на граждан с инвалидностью, которые должны быть активными в поиске работы, использовать возможности для обучения и устройства на рабочие места, отвечающие их потребностям, и иметь доходы от профессиональной деятельности [3; 9]. Ожидается, что посредством выхода на рынок труда будет достигнута социальная интеграция, способствующая повышению благосостояния, устранению нереализованности и неудовлетворённости и укреплению здоровья [11; 12; 13; 14].

Новая система ценностей, где труд предполагает рыночные отношения, тогда как другие формы участия в жизни общества становятся невидимыми и малозначимыми, не обходится без критики. Процесс адаптации лиц с инвалидностью, при котором представление о зависимости перекликается с общей тенденцией рекомодификации, вызывает возражения в научном сообществе [15; 16; 17]. Указывается на ослабление рычага влияния гражданской активности на борьбу с дискриминацией и несправедливостью, в ущерб переговорной позиции лиц с инвалидностью [18; 19; 20]. Продолжается дискуссия о коллективной ответственности общества за социальные аспекты здоровья, вызванная обязательствами занятости во избежание «симулирования» и «снижения привязанности к рабочей силе», при которых оценке трудоспособности и мерам внутри программ уделяется больше внимания, чем профилактике и раннему вмешательству – помощи до наступления нетрудоспособности [21; 22; 23]. Исследователи обращают внимание на последствия реформ экономики в социальном обеспечении: рост социально-экономического нера-

¹ Здесь и далее по тексту порядок источников соответствует авторскому представлению о степени информативности и значимости конкретной публикации для понимания анализируемых проблем.

венства и ослабление перераспределения – обеднение и ухудшение здоровья самых бедных домохозяйств и несоразмерный выигрыш в самых верхних слоях богатых [20; 24]. Обсуждаются перспективы и условия сохранения здоровья, благополучия и занятости в ситуации ослабления социального контракта между институтами государства, рынка и демократии [25].

В статье приведены результаты исследования активной политики занятости в отношении лиц с инвалидностью трудоспособного возраста, обеспечивающей переход от социального обеспечения к труду. Проанализированы данные международных исследований, статистики ЕС в государствах благосостояния социально-демократических (скандинавских), консервативно-корпоративистских (франко-германских) и нелиберальных (англосаксонских) моделей. Рассмотрены критерии и модели оценки трудоспособности, позволяющие разграничить категории лиц с инвалидностью и безработных, определить маршруты выхода на рынок труда через программы по безработице и активации или по инвалидности, а также социально-демографические характеристики лиц с инвалидностью, влияющие на уровень занятости и производительность. Раскрыты принципы активной политики занятости в отношении таких граждан, обязательства государства, работодателей и лиц с инвалидностью, а также меры стимулирования. Изучены единая методология политики занятости ЕС и ОЭСР, назначение основных направлений государственной поддержки целевых групп граждан на рынке труда: услуг, активных и пассивных мер; показаны объёмы средств, выделяемых на эти цели. Раскрыты направления активных мер, содействующие интеграции на рынок труда и занятости лиц с инвалидностью, показана структура расходов, рассмотрены цели и приоритеты государств благосостояния разных моделей. Выявлены тенденции развития активной политики за последнее десятилетие с учётом влияния экономического климата, рассмотрены результаты её воздействия на занятость лиц с инвалидностью с умеренными и тяжёлыми нарушениями. Показаны изменения в доступности социального обеспечения по инвалидности и безработице в процессе перехода от социального обеспечения к труду.

Оценка трудоспособности: резерв рабочей силы

Активная политика занятости (active labour market policies, ALMPs) основана на опыте борьбы с безработицей, благодаря которой с середины 1990-х гг. произошло существенное сокращение численности лиц, получающих страховые пособия (почти в два раза во Франции, Финляндии и Дании) [26; 10]. Впоследствии принципы, способствующие выходу на

рынок труда, были распространены на категории экономически неактивного населения трудоспособного возраста, ранее бывшего освобождённым от обязательств занятости, таких как граждане старше 55 лет в программах раннего выхода на пенсию (*unemployment pension*), одинокие родители с малолетними детьми, а также лица с инвалидностью. В ходе применения мер активной политики к длительно безработным и пожилым работникам и отмены права раннего выхода на пенсию программы по инвалидности выступили эквивалентом социального обеспечения. Усиление бюджетного давления «до неустойчивого уровня» в результате роста численности участников программ по инвалидности, утрачивавших связи с рынком труда, вызвало большую обеспокоенность [9]. В 2007 году в неолиберальных и социально-демократических странах доля лиц, получающих пособия по инвалидности в трудоспособном возрасте, в 1,5 и более раз превысила численность задействованных в программах по безработице: в Швеции – соответственно 10,2 и 3,1% среди населения трудоспособного возраста, в Норвегии 14,2 и 1,0%, в Нидерландах – 7,7 и 1,9%, в Великобритании 6,6 и 2,1%. В консервативно-корпоративистских странах эти показатели были близкими и высокими в каждой категории: в Германии – соответственно 5,5 и 8,9%, во Франции – 6,0 и 5,1%¹. Уровень расходов на программы по инвалидности в государствах благосостояния находился в интервале от 2 до 4% ВВП².

Инструментом активной политики выступила оценка трудоспособности лиц с инвалидностью, которых всё больше ориентируют на занятость, т. к. многие граждане этой категории не являются полностью нетрудоспособными и «далёкими от рынка труда» [27; 24; 28]. Согласно статистике доходов и условий жизни ЕС (*The European Union Statistics on Income and Living Conditions, EU-SILC*), в среднем около трети (31%) неработающих получателей пособия по инвалидности (в возрасте 18–65 лет) сообщают о том, что серьёзно больны и не могут работать постоянно. Другие (около 52%) обладают частичной трудоспособностью, в том числе те, кто сообщил, что серьёзно болен, но способен работать. Доля ответивших, что хронические заболевания или инвалидность не мешают им работать, составляет 17%. Однако различия в процентном соотношении представителей этих категорий между странами значительны [29]. Доля лиц, указывающих на тяжёлые, по их собственному определению, нарушения, остаётся довольно устойчивой: в среднем по ЕС за период с 2011 по 2021 г. около 5% среди всех граждан трудоспособного возраста.

¹ Social Benefit Recipients (SOCR) annual data by country // OECD : [сайт]. URL: <https://www.oecd.org/els/soc/recipient-socr-by-country.htm#Trend> (дата обращения: 29.08.2023).

² Expenditure: Main results // Eurostat : [сайт]. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/SPR_EXP_SUM__custom_5705047/default/table?lang=en (дата обращения: 29.08.2023).

Самые высокие показатели отмечаются в государствах неолиберальной и консервативно-корпоративистской модели: в Великобритании (7,8%) и Германии (7,0%). В Норвегии и Франции значения ближе к среднему уровню – соответственно 5,6 и 5,5%. Меньшие значения в Швеции и Нидерландах – соответственно 3,4 и 3,1%¹.

Вероятность трудоустройства лиц с инвалидностью ниже, чем у всех граждан, они чаще являются безработными – 17,3% (в возрасте 20–65 лет) в среднем по ЕС в 2019 году (среди лиц без инвалидности безработных 9,5%) [30]. Разрыв в уровне занятости среди граждан 15–65 лет устойчивый: – 24,4% у лиц с умеренными нарушениями (some or severe) (50,8% имели работу; в среднем по экономике трудоустроены 75% работников), у лиц с тяжёлыми нарушениями (severe) – 43,7%². Среди них, как правило, значительно преобладают менее образованные и низкоквалифицированные рабочие, преимущественно старше 50-летнего возраста, а также граждане, зачисленные в эту категорию на основании нуждаемости (минимального дохода), с низким статусом, слабыми социальными связями, без водительских прав и доступа к транспорту [31; 32; 28]. Они чаще преждевременно выбывают из системы среднего образования (12,8 против 10,6% у всех граждан) и реже имеют третичное образование в возрасте 30–34 лет (32,5 против 42,5%). Среди них выше доля лиц с низкой интенсивностью труда (work intensity: <20³) – 22,9 против 9,0% у всех работников, а также доля лиц, подвергающихся риску бедности после получения социальных трансфертов, – 28,4 против 20,8% [30]. Пожилые работники без образования и навыков работы существенно хуже мотивированы, поэтому их сложнее вернуть на рынок труда. В качестве первичных заболеваний у лиц в старшем возрасте, как правило, доминируют нарушения опорно-двигательного аппарата. У лиц молодого возраста (20–34 гг.), чаще встречаются расстройства нервной системы и психики [32; 33; 34; 35; 36].

Бенефициарами активной политики занятости становятся преимущественно лица со степенью нарушений от 40–50% и более (до 100%), испытывающие особые трудности интеграции в рабочую среду, что ведёт к снижению производительности и дополнительным расходам работодателей. В отличие от программ занятости, предназначенных для инсайдеров рынка труда, а также в целом для экономически активного и неактив-

¹ Self-perceived long-standing limitations in usual activities due to health problem by sex, age and income quintile // Eurostat : [сайт]. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/HLTH_SILC_12_custom_5971819/default/table?lang=en (дата обращения: 29.08.2023).

² Disability employment gap by level of activity limitation and sex (source EU-SILC) // Eurostat : [сайт]. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/HLTH_DLM200/default/table?lang=en&category=hlth.hlth_dsb.hlth_dsb_lm.hlth_dsb_lm_ (дата обращения: 29.08.2023).

³ Интенсивность труда считается очень низкой, если в течение предыдущего года рабочее время равно или менее 20% от общего суммарного потенциала рабочего времени [28].

ного населения, для аутсайдеров – лиц с инвалидностью – считается необходимым и оправданным введение адаптированных, более избирательных мер в связи с худшими возможностями занятости и производительности, а также низкими шансами на повторное трудоустройство [32; 34; 36]. Они нуждаются в специальной помощи как на временной, так и на постоянной основе для реабилитации, профессиональной ориентации, поиска работы и трудовой деятельности, им может потребоваться гибкий график работы и неполный рабочий день [37].

Критерий трудоспособности в ходе «прямой оценки инвалидности» позволяет разграничить категории инвалидов и безработных, определить правомочность социальных выплат и услуг поддержки занятости [38; 27,]. Процедуры оценивания, основанные на медицинских критериях с учётом функциональных возможностей (физических и психических нарушений), перенастраиваются, чтобы учитывать степень, в которой подающие заявление на пособие могут вести трудовую деятельность (без снижения трудоспособности; с частичной трудоспособностью при условии специально скорректированной помощи; полная неспособность к занятости из-за необратимых нарушений), а также улучшить трудоспособность путём профессиональной реабилитации или изменения на рабочих местах [27; 38, 29]. Перспектива возвращения к труду ставится в зависимость не только от тяжести инвалидности и мотивации, но и от наличия подходящих рабочих мест на рынке труда и устранения информационных пробелов в знаниях о рабочей среде [38, 39]. Благодаря выявлению «широких серых зон» [40], где граждане, «страдающие от различных недугов, могут быть трудоустроенными на полный или сокращённый до любого временного интервала рабочий день и даже получать выигрыши от оплачиваемой занятости при условии правильной поддержки и адаптации», концепция оценки трудоспособности приобрела решающее значение [40]. Существует несколько моделей такой оценки, которые частично пересекаются, имеют разную степень строгости и логику выбора критериев: персональных факторов, потребностей в услугах, мерах реабилитации и активации, а также внешних переменных, таких как условия на рынке труда. На основе оценки трудоспособности регулируется доступ к временным (пособие по безработице или по активации) или относительно постоянным (пенсия по инвалидности) видам помощи [41; 27].

В ходе «структурированной» оценки трудоспособности (structured assessment of work capacity [41]) (Нидерланды, США, Великобритания) делается акцент на правомочности получения пособия. Функциональные возможности заявителей оцениваются, а затем сравниваются с требованиями рабочих мест, имеющихся в национальной экономике, чтобы определить потенциально доступные вакансии; учитываются требования

к труду, образование, опыт и квалификационные навыки. Если ранее основное внимание уделялось тому, достаточно ли высок уровень нетрудоспособности, чтобы претендовать на получение пособий, то оценка личных способностей фокусируется на том, какую работу граждане могут выполнять [9]. В Нидерландах решения принимаются на основе выбора рабочих мест из каталога автоматизированной национальной базы данных (7000 рабочих мест), которые точно соответствуют функциональному профилю заявителей, их образованию, опыту и навыкам (преимущественно физического труда: классифицируется очень тяжёлая работа, тяжёлая, средняя, лёгкая или сидячая работа). Модели подбора, составленные экспертами системы социального страхования, представляют прозрачные решения о трудоспособности для контроля над заявителями на входе в программы – об объёмах работы, включая неполную занятость на уровне 40% стандартной ставки и соответствующую ей величину заработной платы для последующей выплаты субсидии работодателям. В двухуровневой системе оценки трудоспособности в Великобритании рассматривается, должны ли заявители быть зачислены в программу по инвалидности или в группу деятельности, где назначение временных выплат зависит от участия в схемах активации и занятости [27]. Проект «Путь к работе» (Pathways to Work) включает серию обязательных собеседований, ориентированных на работу, личный план действий и меры поддержки для возвращения на рынок труда. Изначально программа имела обязательную основу для получателей пособий по нетрудоспособности с двухлетним стажем с целью обеспечения устойчивой занятостью трети участников [42]. В Швейцарии и Люксембурге лица с заболеваниями, ведущими к рискам потери трудоспособности и обращения за помощью в программы по инвалидности, обязаны активно участвовать в разумных мерах, направленных на сохранение рабочего места или реинтеграцию в профессиональную деятельность [13].

«Продемонстрированная» оценка трудоспособности (demonstrated assessment of work capacity [41]) (Германия, Дания, Норвегия, Швеция) в первую очередь концентрируется на определении необходимости дополнительных услуг, связанных с трудовой деятельностью, и их предоставлении и проводится опытным путём. В Норвегии анализируемые критерии включают опыт работы, образование, компетентность и навыки, состояние здоровья, социальные и материальные проблемы, требования и ожидания, условия повседневной жизни и досуга, личные возможности. Эксперты по оценке трудоспособности также изучают возможности рынка труда и устанавливают контакты с работодателями. Заявители обязываются принять участие в программе занятости на постоянных или временных рабочих местах с прохождением реабилитации

и профессионального обучения [43], исходя из критериев любой работы в оптимальных условиях труда. Лицам с нарушенной трудоспособностью как по состоянию здоровья, так и из-за социальных проблем (без медицинского диагноза) даётся право на временные пособия во время получения услуг по переобучению, профессиональной подготовке и медицинской реабилитации (в Норвегии период действия права на пособие – от года до четырёх лет, в Австралии – полтора года, в Дании для граждан в возрасте моложе 40 лет – от года до пяти лет, старше 40 лет – несколько месяцев). В случае необратимо нарушенной трудоспособности назначается государственное страховое пособие по инвалидности, проводится постоянное наблюдение и может быть предложено трудоустройство с помощью специальных мер активной политики для лиц с серьёзными нарушениями [27; 41].

Наиболее распространённый третий тип оценки потенциала трудоспособности заявителей – «экспертный» (expert assessment of work capacity [41]) – опирается на профессиональные суждения специалистов в области медицины, гигиены труда и занятости. «Экспертная» оценка потенциала трудоспособности *не исключает* субъективность мнений в отношении требований на рабочих местах [41].

Общие принципы активной политики занятости

Активные виды помощи (LMP measures) отличаются от других мероприятий политики занятости тем, что применяются избирательно в интересах целевых групп, сталкивающихся с неблагоприятными условиями и барьерами на рынке труда, что может помешать им присоединиться к рабочей силе и сохранить занятость [44]. Помимо создания дополнительных возможностей гражданам, которые в противном случае остались бы без работы, внимание уделяется развитию мотивации к труду [9; 45; 3]. Участвовать в программах активации (active labour market programmes, ALMPs) могут лица, зарегистрированные в качестве безработных, трудоустроенные с риском увольнения и экономически неактивные граждане, желающие выйти на рынок труда [26]. Лица с инвалидностью рассматриваются в качестве важной целевой группы ALMPs наряду с такими неблагоприятными категориями, как молодёжь без опыта работы (до 25 лет), работники старших возрастных групп (старше 55 лет), разведённые женщины и длительно безработные [44; 46].

Посредством активной политики занятости изменяется объект государственного вмешательства, поскольку фокус внимания смещается с макроэкономического уровня – регулирования рынка труда и его структуры – на расширение предложения труда. Улучшение трудоспо-

способности и конкурентоспособности рассматривается как условие «содействия экономическим возможностям» для приносящей доход работы, что меняет подход к гражданам: они перестают быть пассивными получателями социальной помощи [47]. Социальные инвестиции в человеческий капитал и управление человеческими ресурсами предусматривают меры, позволяющие гражданам избежать потери навыков и снижения мотивации и способствующие быстрому возвращению к труду (*emphasis on quick job entry*), чтобы не допустить обретения статуса долгосрочных участников программ по инвалидности [11; 12; 48]. В гарантированный пакет входят реабилитация; повышение уровня образования и квалификации: профессиональное обучение, практика и переподготовка; помощь в поиске работы и в процессе занятости (постоянной и временной), предоставление специальных вспомогательных устройств, а также поддержание дохода. Обеспечивается возможность совмещения работы с получением части или полной суммы пособия по инвалидности, пробной занятости, возвращения в программу социального обеспечения без прохождения повторного освидетельствования [7]. Трудоустройство в режиме неполного дня может ограничиваться двумя-тремя часами в сутки (в Германии, Швеции, Австралии) в любом виде занятости независимо от удалённости работы от места проживания [31; 34].

На основании антидискриминационного законодательства усиливаются обязательства государства и работодателей. Представителям здравоохранения предписывается сократить допустимые периоды отсутствия по болезни и переориентировать работников с временной нетрудоспособностью на занятость. Соцработники и сотрудники службы занятости обязываются заниматься профилированием клиентов, оказывать помощь в интеграции на рынок труда для предотвращения застойной безработицы [11, 13]. Работодателям следует *удерживать* работников до и после наступления инвалидности, в том числе путём оплаты невыхода по болезни (например, в Нидерландах и Германии оплачиваются первые шесть недель отсутствия на работе), создавать рабочие места и трудоустраивать соискателей. Лицам с ограничениями трудоспособности следует принимать участие в программах содействия занятости с целью повышения шансов на успех в трудоустройстве, предпринимательстве и развитии собственного бизнеса. Совершенствуется институциональная организация: вводятся раннее вмешательство; клиентоориентированные услуги; одно окно для инвалидов; регулируемый финансовый сервис. На двусторонней основе между лицами с инвалидностью и сотрудниками службы занятости заключаются контракты о маршруте вхождения на рынок труда, обеспечивающие надлежащее сочетание консультирования, обучения и помощи

[13; 49; 50]. Среди наиболее распространённых мер – прохождение обязательных собеседований, профилирование и/или индивидуальные планы действий, интенсивная поддержка; акцент на тестировании и мониторинге наличия работы – строгие требования к поиску работы в сочетании с частыми контактами с государственной службой занятости [51].

В отношении работодателей и лиц с инвалидностью действуют меры поощрения (единовременные выплаты, субсидии, налоговые кредиты, полное или частичное освобождение от обязательных социальных взносов) и наказания (штрафы и санкции). Активация, сочетающая услуги по трудоустройству с повышением мотивации (*incentive reinforcement*), может включать более сильные стимулы (*stronger work incentives*) [10; 50]. Отказ от участия в программе активной политики занятости и/или от предложенной работы либо невыполнение без уважительных причин контракта, предполагающего посещение медицинских и психологических служб, поиск работы, обязательные собеседования и программы обучения, приводит к временным ограничениям на выплату пособий, сокращению их ставок (*time limits on reciprocity*) или прекращению выплат [13]. Санкции, повышающие вероятность поиска работы и шансы на трудоустройство, представляют одну из основных наиболее перспективных категорий ALMPs наряду с услугами, программами обучения, мерами стимулирования и прямого трудоустройства [52]. Финансовые санкции могут налагаться на административные органы [50].

Структура расходов на политику занятости: активные и пассивные меры

Стратегия перехода от социального обеспечения к труду легла в основу единой методологии политики занятости (*total labour market policy*), принятой в ЕС и позже в ОЭСР [53]. Комплекс мероприятий активной политики в отношении лиц с инвалидностью трудоспособного возраста и других маргинальных целевых групп на рынке труда занял центральное место в системе классификации государственных расходов на LMP, подлежащих контролю и статистическому учёту [44]. Меры содействия занятости могут не ограничиваться рамками методологии и классификации. Например, квотирование не является прямыми расходами государственного бюджета, но может расширить доступность рынка труда для лиц с инвалидностью. Стимулирование через налоговую систему (налоговые расходы) также не обязательно регистрируется как государственные расходы, но может оказывать влияние на трудоустройство. Расходы на образование, охрану труда и т. д. могут быть учтены в других частях государственного бюджета. Финансирование активной политики также

не включает средства, предназначенные лицам, пострадавшим в результате несчастного случая на производстве или из-за профессионального заболевания, если они продолжают работать на предприятии [8].

В первом разделе системы классификации государственных расходов на политику занятости представлены услуги (LMP services) для широкого круга граждан, любых лиц, нуждающихся в помощи на рынке труда, включая лиц с инвалидностью. Здесь объединены средства, распределённые на услуги служб занятости, такие как собеседования, предоставление информации о вакансиях, обучении, реабилитации и других доступных возможностях, рекомендации, профессиональная ориентация, семинары по активному поиску работы, составление индивидуального плана и минимального бюджета, а также консультирование (помощь в подготовке резюме, освоении техник прохождения собеседования с работодателем и т. д.) [44].

Во втором разделе классификации объединены меры активной политики (ALMP measures) в отношении целевых групп граждан, таких как лица с инвалидностью, способствующие выходу на открытый рынок труда и устойчивой занятости. Сюда включена деятельность, направленная на повышение мотивации к труду, обретение новых навыков и опыта работы, а также меры содействия занятости: обучение и тренинги (training); стимулирование занятости (employment incentives), создание рабочих мест (direct job creation) и стартапов (start-up incentives). В отдельный пункт выделены мероприятия, обеспечивающие защищённую и поддерживаемую занятость лицам с инвалидностью, а также реабилитацию (sheltered and supported employment and rehabilitation), и расходы на них. Это меры, содействующие переходу на рынок труда из закрытых специальных предприятий и мастерских (sheltered and supported employment), а также оказанию помощи на обычных рабочих местах, включая их оснащение и сопровождение. Финансирование чаще предполагает краткосрочные и временные действия, но также предусматривает постоянную поддержку рабочих мест лицам с потерей трудоспособности для противодействия снижению их производительности или накладных расходов, из-за которых было бы экономически невыгодно их нанимать [44].

Третье направление (LMP support) классификации включает бюджетные средства на пассивные формы поддержания дохода (passive labour market programmes, PLMP): в основном пособия по безработице, компенсирующие потерю оплаты труда, или помощь при досрочном выходе на пенсию [44]. Эта статья государственных расходов формируется из взносов на страхование по безработице (unemployment insurance) (около 70% расходов) и дополняется помощью по безработице, не предусматривающей взносов (non-contributory unemployment assistance) [54].

Общие государственные расходы на политику занятости LMP в среднем по ЕС в 2019 году составляли 1,65% ВВП, из них большинство средств выделялось на пассивные меры – 1,06% ВВП. На активные меры было потрачено существенно меньше – 0,58% ВВП, из них расходы, предназначенные только лицам с инвалидностью (на защищённую и поддерживаемую занятость и реабилитацию, (sheltered and supported employment and rehabilitation) составляли 0,1% ВВП¹. В среднем по ЕС в 2019 году расходы на политику занятости LMP в расчёте на одного безработного² составляли 8 189,5 евро в год, из них на активные меры ALMP – 1 946,5 евро, на защищённую и поддерживаемую занятость – 479,3 евро. Самый высокий уровень расходов на активную политику наблюдается в социал-демократических (скандинавских) странах: в Швеции 1% ВВП (4 446,4 евро на одного безработного в год), в Финляндии 0,9% ВВП (4 015 евро); самый низкий – в неолиберальных странах: так, в Великобритании – 0,05% ВВП (158 евро). В консервативно-корпоративистских (франко-германских) государствах расходы на ALMP составляют среднюю величину: во Франции 0,7% ВВП (2 632,6 евро) и в Германии 0,6% ВВП (2 383,7 евро). Самая высокая доля бюджетных расходов на защищённую и поддерживаемую занятость выделяется в Нидерландах (2 593,6 евро) и Швеции (1 369,0 евро) [55] (см. рис. 1).

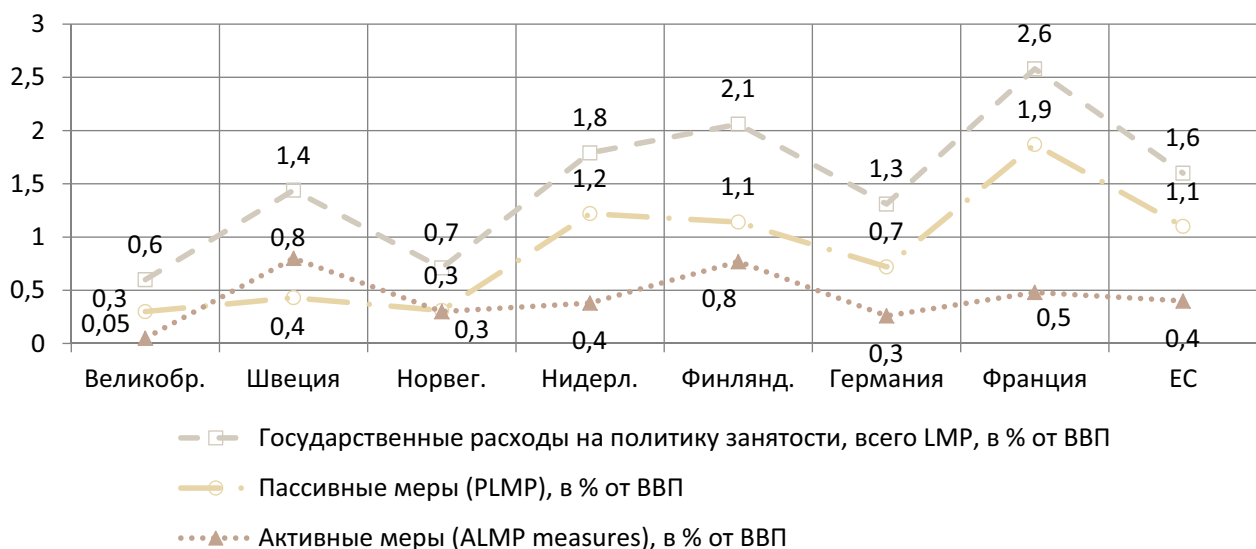

Рис. 1. Государственные расходы на политику занятости, 2019 г., в % от ВВП

Примечание: Данные по Великобритании за 2009 год.

Источник: Labour market policy – Expenditure and participants. Data 2019. European Commission. Luxembourg : Publications Office of the European Union, 2021. 208 p. DOI [10.2767/995509](https://doi.org/10.2767/995509).

¹ Labour market policy. Expenditure and participants: Data 2019 // Publications Office of the European Union : [сайт]. 2021. URL: <https://data.europa.eu/doi/10.2767/995509> (дата обращения: 29.08.2023).

² Число безработных рассчитываются по методике Международной организации труда.

В структуре государственных расходов на политику занятости ЛМР в среднем по ЕС пассивные меры помощи приближаются к двум третям [9]. В 2019 году на эти цели выделялось 64% средств от общих расходов на ЛМР. Затраты на активные меры помощи составляют около четверти – 23,8%. В социал-демократических государствах благосостояния доля расходов на эти цели самая высокая: в Швеции – 54,2%, в Финляндии – 38%, в Норвегии – 36,7%. В неолиберальных – самая низкая: например, в Великобритании – 6,8%. В консервативно-корпоративистских государствах (Германия, Франция) бюджетные расходы не превышают 20%. Доля средств на услуги служб занятости в структуре бюджета ЛМР составляет 11,7% в среднем по ЕС. Опыт Германии, где на эти цели выделяется более четверти средств – 25,8%, объясняется широким спектром программ служб занятости: профилированием безработных в поддержке трудоустройства (профессиональная ориентация и реабилитация лиц с инвалидностью, ознакомление с вариантами обучения и трудоустройства, индивидуальный бюджет на расходы по трудоустройству (individual placement budget), сопровождение тех, кто устроился на работу; возмещение транспортных издержек при собеседовании или переезде; активизация и реинтеграция: выявление, уменьшение или устранение препятствий при трудоустройстве), а также другими социальными услугами (например, уход за детьми, консультирование по вопросам наркотиков, жилищная поддержка) [26] (см. рис. 2).

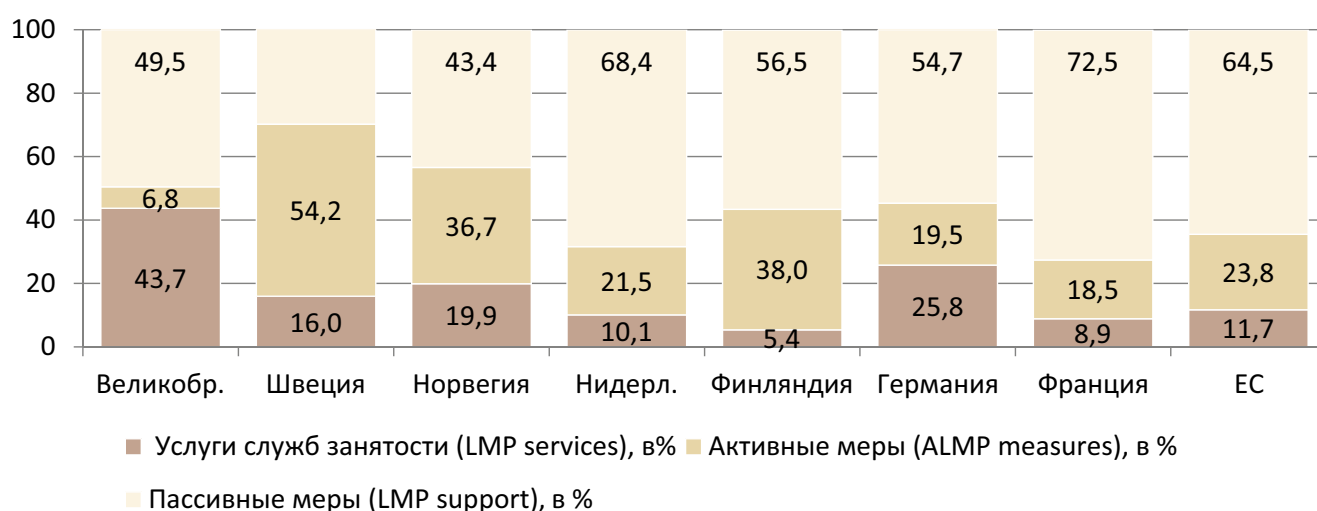

Рис. 2. Структура государственных расходов на политику занятости, 2019 г., в %

Примечание: Данные по Великобритании за 2009 г.

Источник: Labour market policy Expenditure and participants. Data 2019. European Commission. Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2021. 208 p. DOI [10.2767/995509](https://doi.org/10.2767/995509).

Структура расходов и приоритеты активных мер занятости

Согласно структуре государственных расходов, объединяющих меры активной политики для участников из целевых групп – аутсайдеров рынка труда, в среднем по ЕС самая крупная доля средств выделяется на обучение – 40%. Основная цель этого «классического» мероприятия – приумножить человеческий капитал за счёт повышения квалификации и производительности труда и улучшить возможности трудоустройства [52]. Обучению – преимущественно профессиональному, на рабочем месте, без отрыва от производства – уделено основное внимание во франко-германских государствах благосостояния. В Германии на профессиональное образование расходуется 71,1% средств активной политики, во Франции – 54,8%, что предполагает многопрофильность квалификационных программ. Краткосрочное обучение лиц с инвалидностью направлено на формирование навыков поиска работы (до двух недель), прохождение тестов на пригодность (до четырёх недель), обретение навыков конкретной профессии, компьютерную или языковую подготовку (до восьми недель) и может сочетать в себе различные мероприятия (до 12 недель). Долгосрочное профессиональное обучение продолжительностью от нескольких месяцев до года проходит внутри фирм, а также в учебных заведениях (до 3 лет) [4; 26] (см. рис. 3).

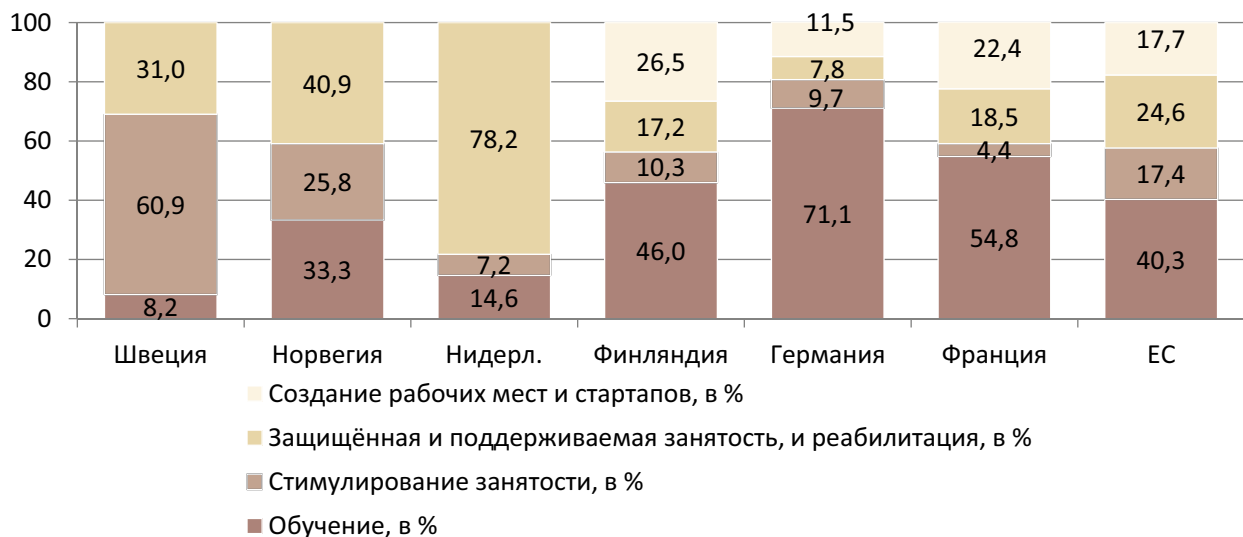

Рис. 3. Структура бюджетных расходов по видам мероприятий (ALMP measures), 2019 г., в %

Источник: Labour market policy Expenditure and participants. Data 2019. European Commission. Luxembourg : Publications Office of the European Union, 2021. 208 p. DOI 10.2767/995509.

На стимулирование работников и работодателей (государственных, частных, муниципальных и некоммерческих организаций) выделяется 17,4% бюджета в среднем по ЕС. Ограниченные по времени действия стимулы для найма участников программ активации с частичным вкладом в трудовые затраты направлены на устойчивые рабочие места на регулярном рынке труда, где работники будут продолжать трудиться после истечения срока финансирования [56]. Как правило, размер субсидии устанавливается с учётом зарплат на низкооплачиваемых рабочих местах, чтобы обеспечить уровень минимальной оплаты труда [57]. Наибольшая поддержка субсидируемой занятости оказывается в скандинавских странах, где вместо схем квотирования лицам со сниженной трудоспособностью предоставляются широкие возможности для получения и удержания оплачиваемой занятости, а также производятся компенсации затрат работодателям. В 2019 году в Норвегии доля расходов составляла 25,8% от бюджета активных мер, в Швеции – 60,9% (см. рис. 3). Наиболее заметной статьёй в этой категории является субсидирование заработной платы (в том числе возмещение социальных взносов, погашение налогов, компенсация затрат на неполную занятость, помощь на рабочем месте, поддержка и сопровождение), чтобы побудить работодателей нанимать новых работников, адаптировать и сохранять рабочие места, которые в противном случае были бы ликвидированы, обеспечивать подходящий режим труда. Сумма выплат работодателям может составлять от 40% до 100% (в отдельных случаях) валового заработка работника, а сами выплаты не ограничиваются по времени для создания долгосрочной перспективы (Германия, Финляндия) [26; 57].

Субсидии также направляются работникам, находящимся в неблагоприятном положении, для поддержания дохода, стимулирования поиска работы, трудоустройства и получения помощи в профессиональной деятельности (сурдоперевод, консультативная поддержка и др.) [37; 52]. Финансовые стимулы к труду для лиц, зарегистрированных в программах по инвалидности, сильнее, чем при других видах социальной помощи, могут быть единовременными и долгосрочными (более года), а их размер может зависеть от продолжительности рабочего времени. Лицам с инвалидностью может быть предложен кредит или ваучер, позволяющие использовать услуги по профессиональной реабилитации и занятости, компенсировать расходы и низкий заработок, иметь доступ к медицинскому обслуживанию и гарантировать запрет на непрерывный пересмотр инвалидности [58; 26]. В неолиберальных государствах благосостояния улучшение трудовых стимулов реализуется через программы «Сделай работу оплачиваемой» (Make Work Pay), «Универсальный кредит» (Universal Credit) или «Программа работы» (Work Programme) (Великобритания), «Билет на работу»

(Ticket to Work) (США), позволяющие лицам с инвалидностью повысить автономию в выборе деятельности, услуг активации и их продолжительности [3; 9]. Мероприятия, предусматривающие выплату пособий по месту работы в зависимости от уровня дохода, включая схемы налоговых кредитов, могут в равной степени использоваться в качестве стимула для облегчения перехода от социального обеспечения к труду для любых работников с низкой оплатой труда, и не включены в статью расходов АЛМР [44].

Четверть средств в рамках активного подхода стран ЕС – 24,6% – поступает на меры, содействующие интеграции лиц с инвалидностью на рынок труда посредством схем защищённой и поддерживаемой занятости и реабилитации. Имеется в виду только профессиональная реабилитация, т. к. социальная и медицинская выходят за рамки мер АЛМР. В мероприятиях могут участвовать граждане, временно утратившие трудоспособность из-за болезни. В число мер включаются схемы профессиональной подготовки и занятости как в защищённых мастерских для лиц с инвалидностью, так и в обычной среде: в мастерских, на заводах, в небольших магазинах и т. д., в частных и государственных компаниях. Самые высокие государственные расходы на профессиональную реабилитацию и развитие компетенций для выхода на открытый рынок труда в странах, где нет системы квотирования рабочих мест, а проекты обучения на рабочем месте развиты больше, чем другие образовательные или медико-социальные программы [9; 59]. В Нидерландах на эти цели расходуется 78,2% средств, в Швеции – 31,0%, в Норвегии – 40,9%. Спектр мер для поддержки трудоустройства широк, сюда входят субсидии работодателям (с разной продолжительностью выплат), стимулы для найма лиц с тяжёлыми формами инвалидности, помощь в трудоустройстве и организационные мероприятия, включая обустройство специальных рабочих мест (строительство зданий и/или предоставление оборудования), наставничество, помощь в работе, обучение технике общения для незрячих и неслышающих людей, гибкий график работы, обучение навыкам профессии, покрытие транспортных расходов для занятых [44; 60]. До 80% мер, способствующих найму лиц с инвалидностью, включая приобретение оборудования и специальное обучение, могут быть компенсированы за счёт государственного финансирования [37]. Доля расходов на защищённую и поддерживаемую занятость в структуре средств АЛМР невелика во франко-германских странах, где поддерживаются формы защищённой занятости для лиц с тяжёлыми нарушениями, а также схемы квотирования рабочих мест: 18,5% в общем бюджете на активные меры во Франции и 7,8% – в Германии (см. рис. 3).

На создание новых рабочих мест и стартапов расходуется 17,7% средств в среднем по ЕС (см. рис. 3). Расширение занятости происходит

преимущественно на временных рабочих местах, чаще в государственном, чем в коммерческом секторе [26]. В некоторых странах обеспечивается поддержка микрокредитования для самозанятых [8]. Прямые меры по созданию рабочих мест, адаптированных к состоянию здоровья, в том числе расширение так называемых «гибких рабочих мест» (flex-jobs), как в Нидерландах, позволяют предложить вариант трудоустройства на полный или неполный рабочий день лицам, которые не могут сохранить занятость в обычных условиях труда. Посредством реабилитации временная занятость может способствовать возвращению к труду [10]. В Германии программа «One-Euro-Jobs» используется для аутсайдеров с низким потенциалом и трудностями выхода на рынок труда, чтобы проверить их готовность к работе [4]. Такие формы трудоустройства, как создание новых рабочих мест (на срок до двух лет), в первую очередь направленные на лиц с инвалидностью, призваны скорее замедлить ухудшение человеческого капитала, чем вернуть таких граждан на рынок труда. С точки зрения устойчивости результатов они оказывают незначительный положительный эффект на занятость. Однако даже непродолжительное участие может способствовать социальной интеграции и сдерживать расширение пассивных мер [10; 45].

Согласно структуре распределения государственных расходов на ALMP по типам получателей, в среднем по странам ЕС денежные средства на мероприятия начисляются в основном работодателям (49,5%), реже – участникам программ (28,3%). Схемы распределения денежных средств разнообразны: в Швеции – преимущественно работодателям (75,4%), в Финляндии – участникам программ (69,8%), в Нидерландах – поставщикам услуг (82,1%). Во франко-германских странах структура распределения ближе к средним показателям по ЕС. Финансирование имеет форму периодических и единовременных выплат, компенсаций, возмещающих в том числе взносы на социальное обеспечение и налоговые выплаты [55].

Воздействие активной политики на занятость и социальное обеспечение

В государствах благосостояния, сделавших в последние десятилетия «поворот к активизации», первоначально уделялось больше внимания вопросам финансирования стратегии перехода от социального обеспечения к труду, которые обусловлены комплексом факторов. Бюджетная политика активных программ рынка труда тесно взаимосвязана с изменениями в области прав на получение пособий и продолжительности их выплат, а также с регулированием рынка труда. На финансирование могут оказать влияние политические силы: участие социальных партнёров

в управлении страхованием по безработице, если профсоюзы опасаются вмешательства государства – ухудшения системы компенсации по безработице, доступа к занятости и сокращения высокой заработной платы для основных работников (инсайдеров) [10]. В связи с этим со временем государства благосостояния стали больше внимания уделять повышению эффективности ALMP при любом уровне расходов [51].

С целью повышения эффективности мероприятий активной политики и сокращения бюрократических проблем делаются попытки улучшить координацию деятельности: расширяются законы, инструкции, постановления и т. д., которые должны соблюдать специалисты по работе с инвалидами, усиливается межведомственное взаимодействие для согласования законодательных, бюджетных, административных полномочий и укрепления профессиональных взглядов сотрудников [61]. Более серьёзными становятся требования к стратегии активации и её последовательности, включая профилирование и интенсивную поддержку: индивидуальные планы действий с надлежащим сочетанием консультирования, обучения и помощи для быстрого возвращения к работе; акцент на тестировании и мониторинге наличия работы, строгие предписания к её поиску в сочетании с частыми контактами с государственной службой занятости; раннее вмешательство и обязательное участие в программах, с целью предотвращения потери навыков или снижения мотивации [51]. Реализация политики занятости часто осуществляется на базе переговоров и совместной договорённости работодателей, социальных партнёров по рынку труда, лиц с инвалидностью или их представителей, общественных организаций, помогающих обеспечить социальный диалог и социальную ответственность компаний [8; 37]. Консультационные советы исполнительных органов власти на местах с представителями работников, работодателей, организаций инвалидов, земель, страховщиков, служб социального обеспечения и реабилитационных институтов содействуют трудоустройству, проведению реабилитационных мероприятий и распределению финансовых средств [62]. За годы экономического кризиса и впоследствии, с 2008 по 2015 г., в европейских странах было зарегистрировано 801 законодательное изменение в области активной политики [54]. Стала наблюдаться тенденция диффузии ALMP – сглаживания различий в объёмах и продолжительности мер, в уровне и структуре расходов [10].

Бюджет на активную политику за период с 2004 по 2019 г. в среднем по ЕС сократился с 0,63 до 0,39% ВВП. Поскольку также уменьшилось финансирование пассивной политики – с 1,46 до 1,06% ВВП в связи с падением уровня безработицы с 10 до 7,1% ($r=0,82$, $p=0,01$), общие бюджеты на политику занятости снизились с 2,3 до 1,65% ВВП (см. рис. 4).

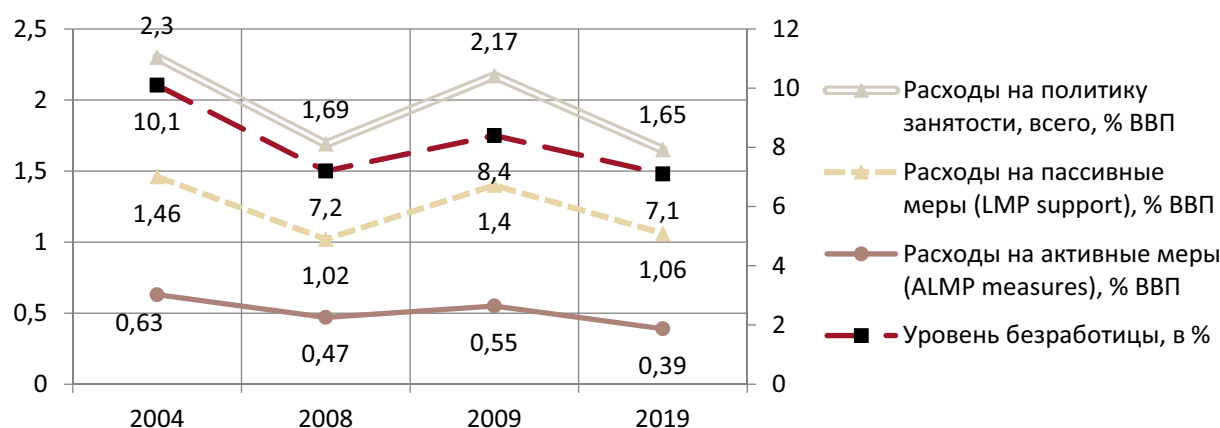

Рис. 4. Уровень расходов на политику занятости и уровень безработицы, ЕС, 2004–2019, в % от ВВП

Источник: Employment, Social Affairs & Inclusion. European Commission : [сайт]. URL: <https://ec.europa.eu/social/main.jsp?catId=1143&intPageId=3227&langId=en>; Unemployment statistics. Eurostat : [сайт]. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php/Unemployment_statistics (дата обращения: 30.08.2023).

В период с 2008 по 2019 г. финансирование мер активной политики уменьшилось на 25,0% в Норвегии, на 42,9% в Нидерландах, на 40% в Германии, на 16,7% во Франции. Расходы сократились в том числе на защищённую и поддерживаемую занятость для лиц с инвалидностью – на 28,6% в Норвегии, на 40,0% в Нидерландах, на 33,3% в Германии, на 14,3% во Франции. Наращивание расходов происходило только в Финляндии, где средства на защищённую и поддерживаемую занятость выросли на 66,7% (до уровня 0,13% ВВП), на активные меры – на 14,3% (до уровня 0,8% ВВП). В Швеции средства на защищённую и поддерживаемую занятость выросли на 20,0% (0,24% ВВП), на активные меры – на 33,3% (0,8% ВВП) (см. рис. 5).

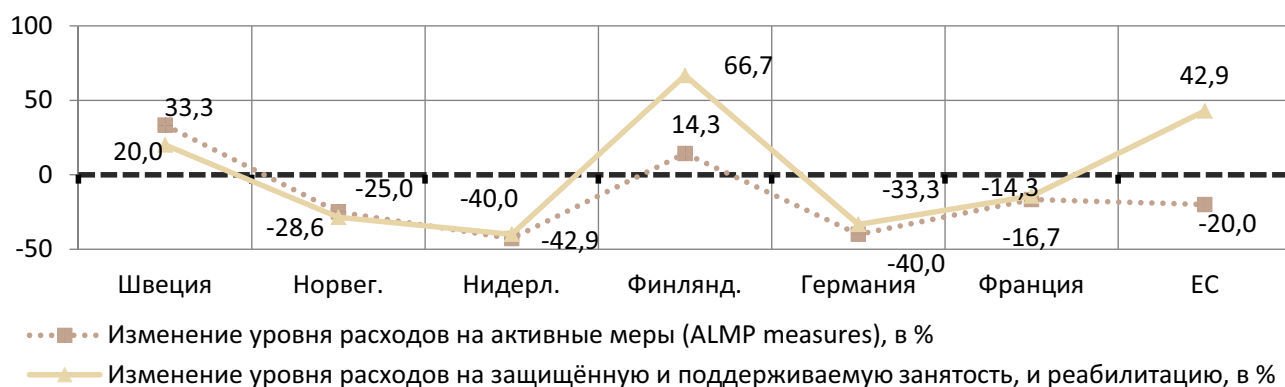

Рис. 5. Изменение уровня расходов на активные меры (ALMP measures), на защищённую и поддерживаемую занятость, и реабилитацию за период с 2008 по 2019 г., в %

Источник: Рассчитано по: Employment, Social Affairs & Inclusion // European Commission : [сайт]. URL: <https://ec.europa.eu/social/main.jsp?catId=1143&intPageId=3227&langId=en> (дата обращения: 30.08.2023).

В течение рассматриваемого периода также произошли изменения в антикризисной политике активных программ в периоды неблагоприятного экономического климата, когда маргинальные группы работников были особенно уязвимы на рынке труда. Во время экономического кризиса 2009 года одновременно с ростом расходов на пассивные меры – пособия для лиц, ставших безработными, в среднем по ЕС на 40,0% (в скандинавских странах – на 75,0% в Швеции и на 66,7% в Норвегии) в государствах благосостояния всех моделей выросли расходы на ALMP. В течение одного года бюджеты увеличились от 25% в Норвегии до 14,3% в Нидерландах и Финляндии. Также наблюдались примеры повышения расходов на защищённую и поддерживаемую занятость для преодоления неблагоприятных факторов, выступающих препятствиями на открытом рынке труда для лиц с инвалидностью: в Германии на 33,3%, в Норвегии на 21,4%, в Швеции 10,0% и во Франции 14,3% (см. рис. 6).

Десять лет спустя, в 2020 году, в период COVID-19, расходы на PLMP выросли за год в среднем по ЕС ещё выше, на 93,4%, с максимальным ростом в скандинавских странах на 193% в Швеции и 319,4% в Норвегии, в связи с чем в каждой из этих стран расходы на PLMP достигли 1,3% ВВП. Однако антикризисная политика активации значительно ослабла, фактически перестала действовать. Расходы на ALMP сократились в Швеции – на 12,5%, остались почти без изменений в Норвегии и Финляндии, незначительно выросли в Германии – на 7,7%, во Франции – 8,3%, в Норвегии – 14,5%. Сохранение финансирования защищённой и поддерживаемой занятости на докризисном уровне стало общей чертой в Швеции, Нидерландах, Германии. В Норвегии произошло снижение на 9,1%. Меры антикризисной политики с небольшим увеличением средств на эти цели наблюдались только в Финляндии и во Франции – 15,4 и 11,1% соответственно (см. рис. 6).

В последнее десятилетие финансовая политика, структура мер активации и стратегии, направленные на повышение их эффективности, способствовали главным образом тому, чтобы удержать на прежнем уровне показатели занятости лиц с умеренными нарушениями (some or severe), достигнутые в предшествующие годы. С 2014 по 2019 г., в период относительно благоприятного экономического климата до COVID-19, в странах с успешной политикой активации разрыв в занятости (disability employment gap) лиц с умеренными нарушениями не увеличивался, оставаясь почти без изменений. В Финляндии и во Франции он составлял около 20%. В странах, где ранее лица с инвалидностью были реже представлены на рынке труда, в ходе активной политики возможности их трудоустройства расширились: в Швеции разрыв сократился с 32,9 до 24,9%, в Великобритании с 32,8 до 26,2%, в Нидерландах – с 29,4 до 26,5% (см. рис. 7).

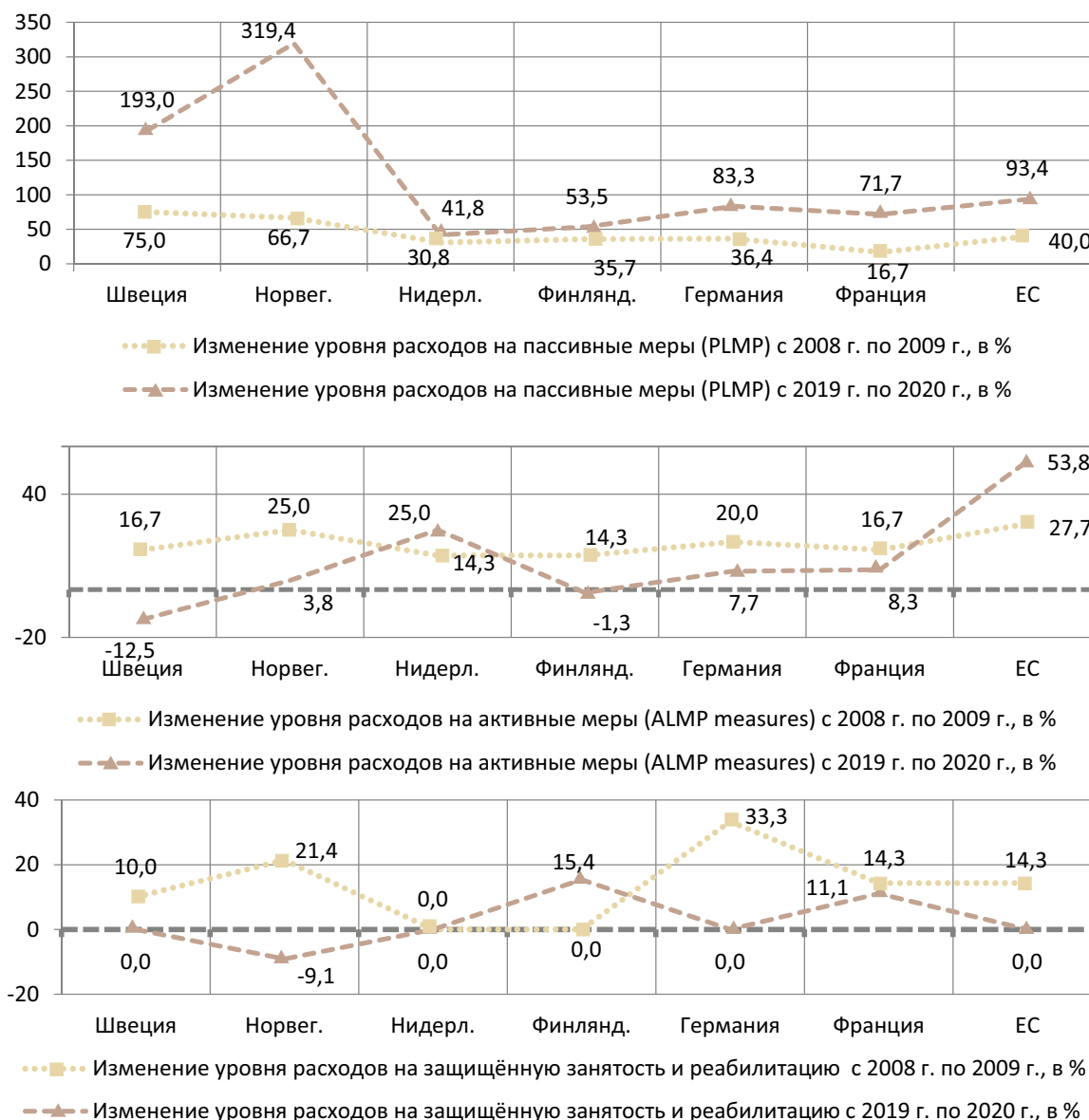

Рис. 6. Изменение уровня государственных расходов на меры PLMP, ALMP measures и защищённой и поддерживаемой занятости с 2008 по 2009 г. и с 2019 по 2020 г., в %.

Источник: Рассчитано по: Employment, Social Affairs & Inclusion. European Commission : [сайт]. URL: <https://ec.europa.eu/social/main.jsp?catId=1143&intPageId=3227&langId=en> (дата обращения: 30.08.2023).

В указанный период активная политика существенно ослабла в отношении лиц с тяжёлыми нарушениями (severe), разрыв в занятости которых увеличился почти во всех странах, где ранее опыт участия таких граждан на рынке труда был более успешен: в Норвегии с 32,2 до 52,3%, в Нидерландах с 50,1 до 59,1%, в Финляндии с 34,2 до 43,5%, меньше – в Германии – с 47,3 до 51,3%. Положительные результаты активной политики наблюдались в Великобритании и Швеции с самым высоким неравенством лиц с инвалидностью на рынке труда. Сокращение раз-

рыва занятости лиц с тяжёлыми нарушениями в этих странах – соответственно с 55,0 до 50,4% и с 51,9 до 38,7% – не позволило достичь таких же результатов трудоустройства, которые в начале периода наблюдались в Норвегии, Финляндии или во Франции. Франция стала единственной страной в группе наблюдения, где произошёл прогресс на рынке труда в отношении лиц с инвалидностью, имеющих тяжёлые нарушения; здесь разрыв сократился с 36,2 до 30,9%. В 2020 году в связи с пандемией COVID-19 из-за ухудшения условий на рынке труда разрыв занятости лиц с тяжёлыми нарушениями ещё больше увеличился, причём во всех странах, в том числе в Швеции и во Франции, где ранее политика активации достигала устойчивых положительных результатов (см. рис. 7).

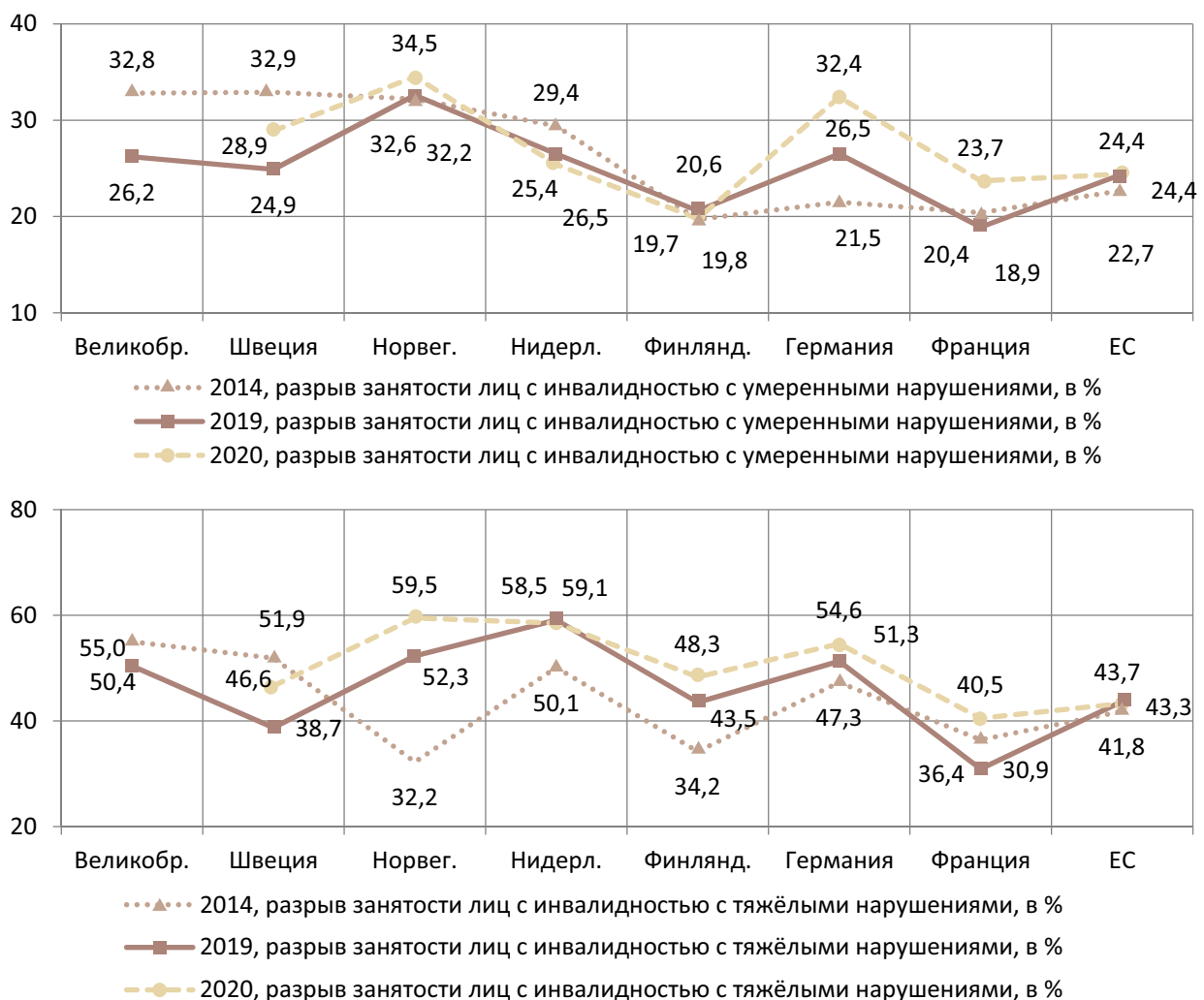

Рис. 7. Разрыв занятости лиц с инвалидностью с умеренными и с тяжёлыми нарушениями (в возрасте 15–64 лет), 2014 г., 2019 г., 2020 г., в %

Источник: Disability employment gap by level of activity limitation and sex (source EU-SILC) // Eurostat : [сайт]. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/HLTH_DLM200/default/table?lang=en&category=hlth.hlth_dsb.hlth_dsb_lm.hlth_dsb_lm (дата обращения: 30.08.2023).

Несмотря на ухудшение возможностей занятости для лиц с инвалидностью, вероятность их обращения за помощью в программы по инвалидности (и, соответственно, расширения финансирования последних) невелика, т. к. активная политика регулирует перемещение заявителей между программами с разным уровнем обеспечения. Распространяется практика, когда через процедуру оценки трудоспособности лица, ставшие безработными, и нетрудоустроенные граждане удерживаются ближе к рынку труда, поэтому перенаправляются в программы по безработице или по активации с более низким уровнем пособий. За период с 2007 по 2018 г. численность участников программ по инвалидности в возрасте 15–64 лет сократилась как в неолиберальных, так и в социально-демократических государствах благосостояния. В Великобритании интенсивный показатель опустился на 25,9% и составил 4,9% среди населения трудоспособного возраста (15–64 лет), в Швеции – на 45,3% (5,6%), в Финляндии – на 21,9% (6,3%). Только в консервативно-корпоративистских странах доступ к программам помощи по инвалидности расширился: в Германии численность увеличилась на 24,4% (6,9%), во Франции – на 16,1% (7,0%) (см. рис. 8).

Снижение количества участников программ помощи по инвалидности позволяет сократить бюджетное финансирование социального обеспечения или замедлить его рост. Расходы на программы помощи по инвалидности сократились в Швеции – на 30% (до 2,8% ВВП), в Великобритании – на 11,1% (до 1,6% ВВП) и в Финляндии – на 6,7% (до 2,8% ВВП). В Норвегии, Нидерландах и Франции они увеличились, но на небольшую величину, и только в Германии произошёл заметный рост на 25,0% (до 2,5% ВВП) (см. рис. 8).

Сокращение численности в программах помощи по инвалидности происходит на фоне «уплотнения» программ по безработице с более низким уровнем пособий и менее продолжительными сроками их назначения. За период с 2007 по 2018 г., несмотря на улучшение экономического климата после кризиса 2009 года, относительный показатель численности участников программ по безработице вырос в государствах благосостояния разных моделей. В Финляндии рост составил 52,7%, при этом доля лиц, зарегистрированных безработными (в возрасте 15–64 лет), увеличилась до 9,7% среди населения трудоспособного возраста и превысила показатель зачисленных в программы по инвалидности – 6,3%. Во Франции рост на 43,7% привёл к сближению интенсивных показателей в указанных программах – соответственно 7,3% и 7,0%. Расширение программ по безработице не вызвало автоматического увеличения их финансирования. Уровень расходов либо сократился (в Великобритании на 40% (0,3% ВВП)), либо не увеличился (в Финляндии – 1,8% ВВП),

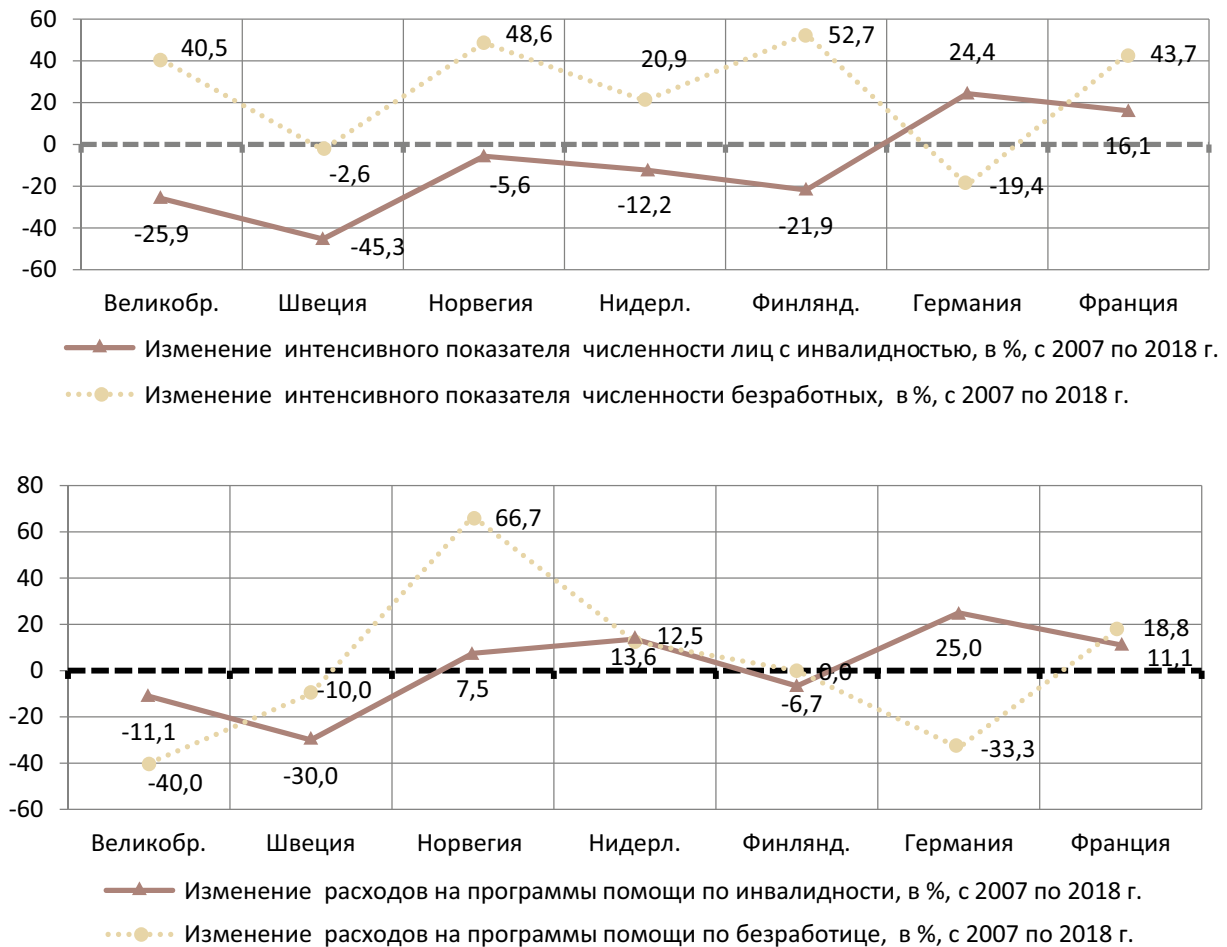

Рис. 8. Изменение численности участников в возрасте 15–64 лет программ по инвалидности и безработице, возраст, изменение уровня финансирования программ, с 2007 по 2018 г., в %

Источник: Рассчитано по: Social Protection and Well-Being // OECD.Stat : [сайт]. URL: https://stats.oecd.org/Index.aspx?datasetcode=SOCX_REF# (дата обращения: 30.08.2023).

либо вырос на небольшую величину (в Нидерландах на 12,5%, 0,9% ВВП). Расширение финансирования после увеличения численности произошло в Норвегии (на 66,7% до 1,5% ВВП) и во Франции (на 18,8% до 1,9% ВВП) (см. рис. 8).

Заключение

Стратегия перехода от социального обеспечения к труду в государствах благосостояния определила курс активной политики (ALMPs) в отношении лиц с инвалидностью трудоспособного возраста, к которым ранее не предъявлялись требования занятости. Изменение договора в социальном обеспечении, когда граждане, обладающие трудоспособностью, несут ответственность за собственное благополучие, с одной стороны, направлено

на повышение их благосостояния через расширение доступа к доходам от занятости, с другой стороны, на решение более общего вопроса – сокращение численности участников программ в трудоспособном возрасте, зависящих от пособий по инвалидности, и государственных расходов на их обеспечение. В отношении лиц с инвалидностью – из резерва рабочей силы, остающегося неиспользованным, – воспроизводятся те же детерминанты активной политики занятости, что и для безработных: быстрое возвращение к труду, выход из экономической неактивности, расширение доступа к трудовым доходам или приближение к этой цели. Оценки трудоспособности разных моделей – на основе проверки соответствия подходящим местам на рынке труда либо в зависимости от потребностей в услугах профессиональной реабилитации и мерах реинтеграции – позволяют разграничить категории заявителей, обращающихся в программы помощи по инвалидности, и предложить им различные схемы перехода к труду [24; 28; 38]. Лица с сохранной или временно нарушенной трудоспособностью отсекаются от социального обеспечения по инвалидности и переводятся в программы по безработице и активации с краткосрочными пособиями более низкого уровня [41]. Лица с нарушенной трудоспособностью, зачисленные в программы по инвалидности, но которые могли бы работать, обязаны участвовать в программах активной политики, что подкрепляется мерами поощрения и наказания. Большинство бенефициаров активных программ вследствие хронических заболеваний, двигательных нарушений, худшего образования и квалификации, старшего возраста имеют низкий потенциал производительности, относятся к аутсайдерам рынка труда, поэтому не могут быть трудоустроены и заняты без специальной поддержки и усиления мотивации. Им предлагаются мероприятия по обучению и профессиональной реабилитации для повышения производительности труда и улучшения экономических возможностей, а также схемы содействия трудоустройству, поддержки занятости и удержания на рынке труда с помощью мер стимулирования работодателей [63; 11; 60]. Повышение требований к участию в активных мерах, к полной или неполной занятости до двух-трёх часов в день сближает программы помощи по инвалидности и безработице, ставит под сомнение целесообразность их разделения [9; 16; 3; 29]. Оценка трудоспособности имеет разные последствия для экономической эффективности, общества и лиц с инвалидностью в плане занятости, сохранения здоровья и достижения благополучия [27; 41].

Ввиду дихотомии основных принципов: инвестиций в улучшение человеческого капитала, с одной стороны, и негативных стимулов – санкций и обусловленности для перевода граждан из программ социального обеспечения в сферу занятости, с другой – активная политика может быть классифицирована как наступательная и оборонительная [10]. «На-

ступательная» система трудоустройства, используемая в государствах социально-демократических и консервативно-корпоративистских моделей, опирается на инвестиции: улучшение навыков и расширение возможностей. Согласно структуре расходов, составленной на основе единой методологии политики занятости ЕС, Нидерланды, Норвегия и Швеция в приоритетном порядке вводят схемы занятости в защищённых мастерских с последующим переходом на открытый рынок труда, профессиональную реабилитацию, а также поддержку на обычных рабочих местах. Стимулирование работодателей или поставщиков услуг (в меньшей степени работников) через компенсацию затрат чаще происходит в Швеции. Профессиональное обучение, производственная практика, дающие участникам программ возможность набраться опыта и не утратить навыки труда, является приоритетом в Финляндии, а также Франции и Германии. «Оборонительный» вариант, распространённый в неолиберальных государствах, предполагает увеличение санкционного потенциала государства для граждан: штрафных мер принуждения к труду, усиления личной ответственности и обусловленности пособий [47]. В Великобритании и США с низким уровнем расходов на активную политику широко используются альтернативные схемы – налоговые кредиты.

Образование и обучение, помощь на рабочем месте и услуги по трудоустройству часто рассматриваются как направленные на предложение рабочей силы. Сосредоточенность на «теоретической работоспособности» уводит на второй план вопросы реабилитации и возможности адаптации рабочих мест, которые, согласно законодательству, могут быть предназначены только лицам с инвалидностью [41]. Меры, способствующие спросу (субсидии работодателям, обязательства по трудоустройству, оборудование и поддержка рабочих мест, корпоративная социальная ответственность и т. д.), менее распространены [8; 37]. Ориентированность на предложение рабочей силы с худшими параметрами квалификации и производительности ведёт к неустойчивости активной политики, зависимости результатов занятости от экономического климата [52]. Во время подъёма экономики переход от социального обеспечения к труду до известной степени оправдан предложением вновь создаваемых рабочих мест, лучшими условиями оплаты труда, когда учебные программы наиболее востребованы и меры активации способны понизить уровень безработицы на значительную величину [64]. В условиях рецессий или во время кризисов, снижающих спрос на труд, стимулы и обучение слабо повышают уровень занятости. Ожидаемое положительное воздействие на участие в трудовой деятельности скорее окажут прямое создание рабочих мест и субсидии. Однако найм и вложение средств в неблагополучные группы работников становятся невыгодны [54; 52]. Антикризисные меры повышения расходов на субсидии, приоритетные в Швеции, Норве-

гии и Нидерландах, а также на временные рабочие места, приоритетные в Финляндии, Франции и Германии, незначительны и имеют тенденцию к прекращению, что также характерно для специального мероприятия – защищённой занятости и поддерживаемого трудоустройства для лиц с инвалидностью. Если экономика отстывает, усилия по созданию социальной защиты путём замещения заработной платы безработных через пассивные меры социальной политики становятся важнее, чем повышение уровня занятости [45].

Неустойчивость результатов активной политики также обусловлена тенденцией к сжатию бюджетов программ в ряде государств благосостояния разных моделей. Расходы сокращаются в тех странах, где активная политика имеет более слабую финансовую поддержку согласно объёму государственного финансирования и доле средств в бюджете политики занятости (в Германии, Франции, Нидерландах – пятая часть в структуре расходов на политику занятости, в Норвегии – треть). Попытки повышения эффективности активации через мобилизацию институциональных и политических факторов, на основе социального диалога имеют ограниченный потенциал, т. к. проводятся в условиях дерегулирования рынка труда и ослабления переговорной силы работников. Активные меры содействуют главным образом лицам с умеренными нарушениями с низким разрывом занятости и имеют успех в тех странах, где резерв рабочей силы был использован не в полной мере. Положение лиц с тяжёлыми нарушениями на рынке труда, напротив, ухудшается даже в тех странах, где они были лучше интегрированы (Финляндия, Норвегия). Результаты активной политики занятости сопряжены с риском «снятия сливок», когда работа будет предложена в первую очередь тем лицам с инвалидностью, которые ближе всего находятся к рынку труда [8]. Менее успешные и/или трудоспособные граждане несут значительную долю ответственности за собственное благополучие. Размывание категорий лиц с инвалидностью и безработных при переходе от социального обеспечения к труду приводит к тому, что краткосрочные пособия с низким уровнем, выплачиваемые гражданам, зарегистрированным в программах по безработице или активации, становятся всё более распространёнными [9; 16; 3; 29]. Данная тенденция характера для неолиберальных и социально-демократических государств благосостояния, где сокращение численности участников программ по инвалидности в результате оценки трудоспособности происходит одновременно с расширением количества программ по безработице, что не подкреплено соответствующим финансированием. Консервативно-корпоративистские государства в ходе активной политики продолжают придерживаться принципа декоммодификации – оказания помощи независимо от участия в трудовой деятельности и поддержания социально приемлемого жизненного стандарта.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ. [REFERENCES]

1. Кулагина Е. В. Социальная политика в отношении инвалидов в государствах благосостояния и России: переход к независимой жизни и инклюзии // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2017. Т. 13, № 10 (355). С. 1944–1971. [Kulagina E. V. Social development: Active employment policy for persons with disabilities. *National interests: priorities and security=Nacional'ny'e interesy': priorityty' i bezopasnost'*. 2017;13(10):1944–1971. (In Russ.)] DOI [10.24891/ni.13.10.1944](https://doi.org/10.24891/ni.13.10.1944). EDN ZOLDSN.
2. Кулагина Е. В. Новая политика государств благосостояния: контекст для анализа положения лиц с инвалидностью // Социологическая наука и социальная практика. 2020. Т. 8, № 4 (32). С. 121–136. [Kulagina E. V. The new Welfare State policy: a context for analyzing the situation of persons with disabilities. *Sociological science and social practice=Sociologicheskaya nauka i social'naya praktika*. 2020;8(4):121–136. (In Russ.)]. DOI [10.19181/snsp.2020.8.4.7660](https://doi.org/10.19181/snsp.2020.8.4.7660). EDN HUSTHB.
3. Taylor-Gooby P., Gummy J. M., Otto A. Can “New Welfare” address poverty through more and better jobs? *Journal of Social Policy*. 2014;44(1):83–104. DOI [10.1017/S0047279414000403](https://doi.org/10.1017/S0047279414000403).
4. Dengler K. Effectiveness of Active Labour Market Programmes on the Job Quality of Welfare Recipients in Germany. *Journal of Social Policy*. 2019;48(4):807–838. DOI [10.1017/S0047279419000114](https://doi.org/10.1017/S0047279419000114).
5. Morris Z. A., Zaidi A. Estimating the extra costs of disability in European countries: Implications for poverty measurement and disability-related de-commodification. *Journal of European Social Policy*. 2020;30(3):339–354 DOI [10.1177/0958928719891317](https://doi.org/10.1177/0958928719891317).
6. Кулагина Е. В. Социальное обеспечение лиц с инвалидностью в государствах благосостояния: охват помощью и антикризисное регулирование. Ч. 1 // Социологическая наука и социальная практика. 2021. Т. 9, № 3 (35). С. 107–121. [Kulagina E. V. Social security of persons with disabilities in welfare States: assistance coverage and anti-crisis regulation. Part 1. *Sociological science and social practice=Sociologicheskaya nauka i social'naya praktika*. 2021;9(3):107–121. (In Russ.)]. DOI [10.19181/snsp.2021.9.3.8436](https://doi.org/10.19181/snsp.2021.9.3.8436). EDN NWMYLA.
7. Кулагина Е. В. Социальное обеспечение лиц с инвалидностью: доступность для граждан трудоспособного возраста. Ч. 1 // Социологическая наука и социальная практика. 2022. Т. 10, № 3. С. 115–133. [Kulagina E. V. Social security of persons with disabilities: accessibility for citizens of working age. Part 1. *Sociological science and social practice=Sociologicheskaya nauka i social'naya praktika*. 2022;10(3):115–133. (In Russ.)]. DOI [10.19181/snsp.2022.10.3.9200](https://doi.org/10.19181/snsp.2022.10.3.9200). EDN AXNSZE.
8. Greve B. The labour market situation of disabled people in European countries and implementation of employment policies: a summary of evidence from country reports and research studies. April 2009. Available at: https://ec.europa.eu/employment_social/empl_portal/ede/ANED%20Task%206%20final%20report%20-%20final%20version%2017-04-09.pdf (accessed: 29.08.2023).
9. Carcillo S., Grubb D. From Inactivity to Work: The Role of Active Labour Market Policies. In: OECD Social, Employment and Migration Working Papers 36. Paris: OECD; 2006. 72 p. DOI [10.1787/687686456188](https://doi.org/10.1787/687686456188).
10. Bonoli G. The Political Economy of Active Labor-Market Policy. *Politics & Society*. 2010;38(4):435–457. DOI [10.1177/0032329210381235](https://doi.org/10.1177/0032329210381235).

11. Rauch A., Dornette J. Equal Rights and Equal Duties? Activating Labour Market Policy and the Participation of Long-term Unemployed People with Disabilities after the Reform of the German Welfare State. *Journal of Social Policy*. 2010;39(01):53–70. DOI [10.1017/S0047279409990419](https://doi.org/10.1017/S0047279409990419).
12. Mladenov T. Postsocialist disability matrix. *Scandinavian Journal of Disability Research*. 2017;19(2):104–117. DOI [10.1080/15017419.2016.1202860](https://doi.org/10.1080/15017419.2016.1202860).
13. *Sickness, Disability and Work: Breaking the Barriers. A Synthesis of Findings across OECD countries*. Paris: OECD; 2010. 166 p. DOI [10.1787/9789264088856-en](https://doi.org/10.1787/9789264088856-en).
14. Börsch-Supan A. Work disability: The effects of demography, health, and disability insurance. In: Wise D. A. ed. *Research Findings in the Economics of Aging*. Chicago: The University of Chicago Press; 2010. p. 37–58.
15. Parker S., Cass B. New Paradigms of Disability in Social Security Law and Policy in Australia: Implications for Participation. *Disability Studies Quarterly*. 2005;25(4):1–26. DOI [10.18061/dsq.v25i4.621](https://doi.org/10.18061/dsq.v25i4.621).
16. Schrecker T., Bambra C. *How Politics Makes Us Sick: Neoliberal Epidemics*. London: Palgrave Macmillan; 2015. 167 p. DOI [10.1111/1753-6405.12556](https://doi.org/10.1111/1753-6405.12556).
17. Martin J. P. What Works Among Active Labour Market Policies: Evidence from OECD Countries' Experiences. In: *OECD Labour Market and Social Policy Occasional Papers*. Paris: OECD; 1998. P. 33. DOI [10.1787/267308158388](https://doi.org/10.1787/267308158388).
18. Oliver M. The social model of disability: thirty years on. *Disability & Society*. 2013;28(7):1024–1026. DOI [10.1080/09687599.2013.818773](https://doi.org/10.1080/09687599.2013.818773).
19. Parker H. S., Owen R., Gould R. Parity of participation in liberal welfare states: human rights, neoliberalism, disability and Employment. *Disability & Society*. 2012;27(6):823–836. DOI [10.1080/09687599.2012.679022](https://doi.org/10.1080/09687599.2012.679022).
20. Edmiston D. Welfare, Austerity and Social Citizenship in the UK. *Social Policy and Society*. 2016;16(2):261–270. DOI [10.1017/S1474746416000531](https://doi.org/10.1017/S1474746416000531).
21. Rupp K., Stapleton D. C. Introduction. In: Rupp K., Stapleton D. C., eds. *Growth in Disability Benefits: Explanations and Policy Implications*. Kalamazoo, MI: W.E. Upjohn Institute for Employment Research; 1998. P. 1–27. DOI [10.17848/9780880995665](https://doi.org/10.17848/9780880995665).
22. Black D., Daniel K., Sanders S. The impact of economic conditions on participation in disability programs: Evidence from the coal boom and bust. *The American Economic Review*. 2002;92(1):27–50. DOI [10.1257/000282802760015595](https://doi.org/10.1257/000282802760015595).
23. Asher M. Z. *The Wind Before the Storm: Aging, Automation, and the Disability Crisis*. UC Berkeley Electronic Theses and Dissertations. 2017. Available at: <https://escholarship.org/uc/item/4c10v9sq> (accessed: 29.08.2023).
24. Dwyer P., Scullion L., Jones K. [et al.] Work, welfare, and wellbeing: The impacts of welfare conditionality on people with mental health impairments in the UK. *Social Policy & Administration*. 2020;54(2):311–326. DOI [10.1111/spol.12560](https://doi.org/10.1111/spol.12560).
25. Korpi W. Welfare-State Regress In Western Europe: Politics, Institutions, Globalization, and Europeanization. *Annual Review of Sociology*. 2003;29:589–609. DOI [10.1146/annurev.soc.29.010202.095943/](https://doi.org/10.1146/annurev.soc.29.010202.095943/).
26. LMP interventions for the long-term unemployed. In-depth evaluation. 2019. OECD. Available at: <https://www.oecd.org/els/emp/LMP%20interventions%20for%20LTU%20-%20in-depth%20evaluation.pdf> (accessed: 29.08.2023).
27. Gjersøe H. M. Regulating inflow or outflow: a comparison of the work capability assessments in the UK and Norway. *Journal of Social Policy*. 2015;45(1):141–158. DOI [10.1017/S0047279415000471](https://doi.org/10.1017/S0047279415000471).
28. Lindsay C. Houston D. Fit for purpose? Welfare reform and challenges for health and labour market policy in the UK. *Environment and Planning A: Economy and Space*. 2011;43(3):703–721. DOI [10.1068/a43442](https://doi.org/10.1068/a43442).

29. MacDonald D., Prinz C., Immervoll H. Can disability benefits promote (re)employment? Considerations for effective disability benefit design. In: OECD Social, Employment and Migration Working Papers 253. Paris: OECD; 2020. P. 72. DOI [10.1787/227e7990-en](https://doi.org/10.1787/227e7990-en).
30. Grammenos St. European comparative data on Europe 2020 and persons with disabilities. Labour market, education, poverty and health analysis and trends. Luxembourg: Publications Office of the European Union. 2022. DOI [10.2767/48279](https://doi.org/10.2767/48279).
31. Bound J., Burkhauser R. V. Chapter 51 Economic Analysis of Transfer Programs Targeted on People with Disabilities. In: Ashenfelter O., Card D. eds. Handbook of Labor Economics. 3(1). Amsterdam: Elsevier; 1999. p. 3417–3528. DOI [10.1016/S1573-4463\(99\)30042-0](https://doi.org/10.1016/S1573-4463(99)30042-0).
32. Employment Outlook 2009. Tackling the Jobs Crisis. Paris: OECD. 2009. DOI [10.1787/empl_outlook-2009-en](https://doi.org/10.1787/empl_outlook-2009-en).
33. Louwarse I., Huysmans M. A., van Rijssen H. J. et al. Characteristics of individuals receiving disability benefits in the Netherlands and predictors of leaving the disability benefit scheme: a retrospective cohort study with five-year follow-up. *BMC Public Health*. 2018;18(1):157. DOI [10.1186/s12889-018-5068-7](https://doi.org/10.1186/s12889-018-5068-7).
34. Sicknes, Disability and Work: Breaking the Barriers. A Synthesis of Findings across OECD countries. Paris: OECD; 2010. DOI [10.1787/9789264088856-en](https://doi.org/10.1787/9789264088856-en).
35. Lauer E. A., Houtenville A. J. Estimates of prevalence, demographic characteristics and social factors among people with disabilities in the USA: a cross-survey comparison. *BMJ Open*. 2018;8(2):e017828. DOI [10.1136/bmjopen-2017-017828](https://doi.org/10.1136/bmjopen-2017-017828).
36. Berthoud R. Disability employment penalties in Britain. *Work, Employment & Society*. 2008;22(1):129–148. DOI [10.1177/0950017007087420](https://doi.org/10.1177/0950017007087420).
37. Promoting Employment Opportunities for People with Disabilities. Quota Schemes. Volume 1. International Labour Organization. 2019. Available at: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---ed_emp/---ifp_skills/documents/publication/wcms_735531.pdf (accessed: 29.08.2023).
38. Bickenbach J., Posarac A., Cieza A. [et al.] Assessing disability in working age population – a paradigm shift: from impairment and functional limitation to the disability approach. World Bank, Washington, DC. United States of America. 2015. Available at: <https://openknowledge.worldbank.org/server/api/core/bitstreams/3e052a9c-e9d0-5758-9e7c-5d4f8bfa0ac0/content> (accessed: 29.08.2023).
39. Benefit generosity and work incentives for recipients of disability benefits in 12 UE Member States. OECD: 2018. Available at: <https://www.oecd.org/els/soc/benefits-and-wages/Benefit-generosity-and-work-incentives-for-disability-benefit-recipients.pdf> (accessed: 29.08.2023).
40. Hagelund A. From Economic Incentives to Dialogic Nudging—The Politics of Change and Inertia in Norwegian Sickness Insurance. *Journal of Social Policy*. 2014;43(1):69–85. DOI [10.1017/S0047279413000615](https://doi.org/10.1017/S0047279413000615).
41. Geiger B. B., Garthwaite K., Warren J. [et al.] Assessing work disability for social security benefits: international models for the direct assessment of work capacity. *Disability and Rehabilitation*. 2017;40(24):2962–2970. DOI [10.1080/09638288.2017.1366556](https://doi.org/10.1080/09638288.2017.1366556).
42. Fothergil S. Welfare-to-work isn't working. *People, Place and Policy*. 2013;7(2):61–65. DOI [10.3351/ppp.0007.0002.0002](https://doi.org/10.3351/ppp.0007.0002.0002).
43. Kemp P. A., Sunden A., Tauritz B., eds. Sick societies?: Trends in disability benefits in post-industrial welfare states. Geneva: International Social Security Association. 2006. 241 p.
44. Labour Market Policy Statistics. Methodology 2018. European Commission. Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2018. 76 p. DOI [10.2767/995509](https://doi.org/10.2767/995509).

45. Armingeon K. Active labour market policy, international organizations and domestic politics. *Journal of European Public Policy*. 2007;14(6):905–932. DOI [10.1080/13501760701497923](https://doi.org/10.1080/13501760701497923).
46. Zwan R. v. d., Beer P. T. d. The disability employment gap in European countries: What is the role of labour market policy? *Journal of European Social Policy*. 2021;31(4):473–486. DOI [10.1177/09589287211002435](https://doi.org/10.1177/09589287211002435).
47. Dingeldey I. Between workfare and enablement – the different paths to transformation of the welfare state: a comparative analysis of activating labour market policies. *European Journal of Political Research*. 2007;46(6):823–51. DOI [10.1080/13501760701497923](https://doi.org/10.1080/13501760701497923).
48. Kautto M., Bach Othman J., eds. Disability and employment – lessons from reforms. Finnish Centre for Pensions: 2010:4. Available at: <https://www.julkari.fi/bitstream/handle/10024/129030/Disabilityandemploymentlessonsfromreforms.pdf?sequence=1&isAllowed=y> (accessed: 29.08.2023).
49. Lo S. H., Ville Is. The “employability” of disabled people in France: A labile and speculative notion to be tested against the empirical data from the 2008 “Handicap-Santé” study. *ALTER: European Journal of Disability Research*. 2013;7(4):227–243. DOI [10.1016/j.alter.2013.09.007](https://doi.org/10.1016/j.alter.2013.09.007).
50. Nadel M., Wamhoff S., Wiseman M. Disability, Welfare Reform, and Supplemental Security Income. *Social Security Bulletin*. 2004;65(3):14–30.
51. Employment Outlook Boosting Jobs and Incomes. OECD. 2006. Available at: <https://www.oecd.org/employment/emp/oecdemploymentoutlook2006.htm> (accessed: 29.08.2023).
52. Kluge J. The effectiveness of European active labor market programs. *Labour Economics*. 2010;17(6):904–918. DOI [10.1016/j.labeco.2010.02.004](https://doi.org/10.1016/j.labeco.2010.02.004).
53. Labour market policy (source: DG EMPL). Eurostat. Available at: https://ec.europa.eu/employment_social/employment_analysis/lmp/lmp_esms.htm (accessed: 30.08.2023).
54. Pignatti C., Van Belle E. Better together: Active and passive labour market policies in developed and developing economies. International Labour Organisation. Working Paper № 37. December 2018. Available at: https://www.ilo.org/wcms-sp5/groups/public/---dgreports/---inst/documents/publication/wcms_660003.pdf (accessed: 29.08.2023).
55. Labour market policy – Expenditure and participants. Data 2019. European Commission. Luxembourg: Publications Office of the European Union; 2021. 208 p. DOI [10.2767/995509](https://doi.org/10.2767/995509).
56. Labour market policies (LMP) in the European Union in 2019. A statistical analysis. Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2023. 41 p. DOI [10.2767/472792](https://doi.org/10.2767/472792).
57. Mattern L., Rambauserk-Haß T., Wansing G. Das Budget für Arbeit: Ausgewählte Ergebnisse einer explorativen Studie zu seiner Umsetzung – Teil II: Ausgestaltung und sozialversicherungsrechtliche Fragestellungen; Beitrag D10-2021. Rehabilitations- und Teilhaberecht. Available at: <https://www.reha-recht.de/> (accessed: 29.08.2023).
58. Annual Statistical Report on the Social Security Disability Insurance Program, USA. 2016. Publication № 13-11826. Social Security Administration Office of Retirement and Disability Policy. Office of Research, Evaluation, and Statistics. SAA. 2016. Available at: https://www.ssa.gov/policy/docs/statcomps/di_asr/2016/di_asr16.pdf (accessed: 29.08.2023).
59. Sargeant M., Radevich-Katsaroumpa E., Innessi A. Disability quotas: Past or future policy? *Economic and Industrial Democracy*. 2016;39(3):404–421. DOI [10.1177/0143831x16639655](https://doi.org/10.1177/0143831x16639655).

60. Kubin T., Tratt B. Aktuelle Ausbildungs- und Beschäftigungssituation von Menschen mit Behinderung im Handwerk. Ergebnisse einer empirischen Untersuchung. Deutsche Handwerkinstitut. Available at: <https://lfi-muenchen.de/wp-content/uploads/2023/02/Aktuelle-Ausbildungs-und-Beschaefigungssituation-von-MiB-im-HW.pdf> (accessed: 30.08.2023).
61. Lindqvist R., Lamichhane K. Disability policies in Japan and Sweden: A comparative perspective. *ALTER: European Journal of Disability Research*. 2019;13(1):1–14. DOI [10.1016/J.ALTER.2018.08.001](https://doi.org/10.1016/J.ALTER.2018.08.001).
62. Disability, Work and Inclusion. Mainstreaming in All Policies and Practices. Paris: OECD. 2022. 269 p. DOI [10.1787/1EAA5E9C-EN](https://doi.org/10.1787/1EAA5E9C-EN).
63. Barr B., Taylor-Robinson D., Stuckler D. et al. Fit-for-work or fit-for-unemployment? Does the reassessment of disability benefit claimants using a tougher work capability assessment help people into work? *Epidemiol Community Health*. 2016;70(5):452–458. DOI [10.1136/jech-2015-206333](https://doi.org/10.1136/jech-2015-206333).
64. Reasonable Accommodation and Sheltered Workshops for People with Disabilities: Costs and Returns of Investments. Brussels European Union. European Parliament. 2015. Available at: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2015/536295/IPOL_STU\(2015\)536295_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2015/536295/IPOL_STU(2015)536295_EN.pdf) (accessed: 29.08.2023).

Сведения об авторе

Е. В. Кулагина

кандидат экономических наук,
ведущий научный сотрудник
AuthorID РИНЦ: 360101

Статья поступила в редакцию 01.09.2023; одобрена после рецензирования 18.10.2023; принята к публикации 03.11.2023.

Original article

DOI: [10.19181/snsp.2023.11.4.4](https://doi.org/10.19181/snsp.2023.11.4.4)

ACTIVE MARKET LABOUR POLICIES TOWARDS PEOPLE WITH DISABILITIES

Elena Viktorovna Kulagina

Institute of Socio-Economic Studies
of Population of FCTAS RAS,
Moscow, Russia,
elkulagina@yandex.ru,
ORCID [0000-0002-5342-7847](https://orcid.org/0000-0002-5342-7847)

For citation: Kulagina E. V. Active market labour policies towards people with disabilities. *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. 2023;11(4):78–111. (In Russ.). DOI [10.19181/snsp.2023.11.4.4](https://doi.org/10.19181/snsp.2023.11.4.4).

Abstract. This article examines the active employment policy for persons with disabilities of working age, ensuring the transition from social security to employment in welfare states. In the first part of the study, based on international research and EU statistics, the

reasons for such a transition, the goals, and the principles of active employment policy in welfare states with social democratic, conservative-corporatist, and neoliberal models are revealed. Criteria and methods for assessing employability are presented to distinguish between persons with disabilities and the unemployed, followed by their allocation to programmes with temporary or permanent forms of support. The pathways for entering the labour market are shown, oriented towards insiders (individuals with preserved or temporarily impaired employability) and outsiders (persons with disabilities with low employment prospects). The socio-demographic characteristics of persons with disabilities affecting their productivity and employability, and determining their needs for selective support measures, are reflected. The principles of “offensive” and “defensive” active employment policies in relation to such individuals, increasing the likelihood of employment and retention in the labour market, are studied and revealed. This includes the obligations of the state, employers and persons with disabilities, as well as incentive and punitive measures. The volume of public funds allocated to employment policy, the main directions in the expenditure classification system: services, active and passive measures are presented. The structure of expenditures and the purpose of each type of active employment measures for persons with disabilities are revealed, including job creation, start-ups, sheltered and supported employment, rehabilitation, employment incentives, and training. The priorities of active measures for persons with disabilities and employers, which contribute to their employment and retention in the labour market in welfare states with different models, are identified. The trends in the development of active employment policies over the past decade, strategies to increase its effectiveness, priorities for passive and active measures during periods of economic downturn are analysed. The results of the impact of active policies on the employment of persons with moderate and severe disabilities, as well as the consequences of changes in the accessibility of social security for disability and unemployment during the transition from social security to employment, are shown.

Keywords: new welfare, welfare-to-work, labour-market policy, active labour market policies, social policy, disability, disability employment gap

Information about the Author

E. V. Kulagina

Candidate of Economy,

Leading Researcher

ResearcherID: [N-1381-2017](#)

Scopus AuthorID: [57195297739](#)

The article was submitted 01.09.2023; approved after reviewing 18.10.2023; accepted for publication 03.11.2023.

МАЛЫЕ ГОРОДА В РОССИИ КАК КОМФОРТНОЕ ПРОСТРАНСТВО ДЛЯ ЖИЗНИ: МИФ VS РЕАЛЬНОСТЬ (НА ПРИМЕРЕ ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ)

Юлия Викторовна Уханова¹

Ангелина Эдуардовна Жданова²

^{1, 2} ФГБУН Вологодский научный центр Российской академии наук,
Вологда, Россия,

¹ ukhanova4@rambler.ru,

ORCID 0000-0001-7307-9520

² angelinazhdanova99@mail.ru,

ORCID 0000-0002-4526-3571

Для цитирования: Уханова Ю. В., Жданова А. Э. Малые города в России как комфортное пространство для жизни: миф vs реальность (на примере Вологодской области) // Социологическая наука и социальная практика. 2023. Т. 11, № 4. С. 112–133. DOI 10.19181/snsp.2023.11.4.5. EDN OVVVVS.

Аннотация. Комфортность городской среды выступает одним из ключевых факторов, влияющим на качество жизни населения. Особую актуальность представляет рассмотрение малых городов (с численностью населения до 50 тыс. чел.) с позиции их комфортности для проживания местного сообщества. С целью комплексного изучения проблемы комфортной городской среды в российской провинции анализировалась динамика индекса качества городской среды в ряде городов Вологодской области, а также привлекались материалы опроса местных жителей (n = 1400). Обосновано, что социологическая диагностика дополняет и раскрывает статистическую информацию о проблемных точках в развитии городского пространства, позволяет выработать единый курс на их преодоление с учётом мнения самих горожан. В ходе исследования получен вывод о том, что за последние пять лет развитие малых городов в регионе носит позитивный характер: фиксируется увеличение индекса качества городской среды. Однако, по данным за 2022 год, к городам с благоприятной городской средой можно отнести только 4 из 13 малых городов (Великий Устюг, Харовск, Тотьма, Сокол). Наиболее проблемными сферами городского пространства малых территорий, согласно статистическим данным, определены социально-досуговая и общественно-деловая инфраструктуры, а по мнению горожан – качество медицинских, образовательных услуг и доступность жилья. Более позитивно в городах оценивается экологическая обстановка (о чём свидетельствуют индексные показатели и суждения местных жителей), а также уровень безопасности и преступности. Несмотря на наличие проблемных точек в развитии малых городов и отставание их среды по уровню комфортности прожи-

вания, в целом выявляется позитивное отношение местного сообщества к месту проживания, готовность брать на себя ответственность за развитие города. Полученные результаты служат обоснованием политики сохранения и развития малых территорий, преодоления социальных противоречий и перспективных направлений формирования там комфортной среды для жизнедеятельности с учётом мнения и участия местного сообщества в этих процессах.

Ключевые слова: малые города, комфортная городская среда, индекс качества городской среды, социологическая диагностика, местное сообщество

Благодарности: исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 23-28-01587 «Преодоление социальных противоречий малых территорий: участие местного сообщества» (руководитель: канд. ист. наук Ю. В. Уханова).

Введение

Современное российское общество характеризуется высокой степенью пространственных социально-экономических диспропорций, существенными различиями как в темпах экономического роста и технологического развития, так и в уровне и качестве жизни населения. Особенно критично отставание проявляется на малых территориях, где обострение проблем функционирования местного сообщества продолжает оставаться злободневной повесткой, что обуславливает публичную дискуссию о бесперспективности этого типа поселений в России. Между тем принятие стратегического курса на ликвидацию малых поселений как неэффективных может привести к размыванию культурной идентичности страны, потери её пространственного образа, что, несомненно, будет являться угрозой национальной безопасности российского государства.

Социальная значимость проблематики малых городов подтверждается официальной позицией главы государства и правительства, суть которой состоит в том, что улучшение жизни в малых городах, формирование там комфортной (качественной и современной) городской среды является стратегическим приоритетом для государства при вовлечении граждан в процесс обсуждения и принятия решений по благоустройству и развитию городского пространства [1] и при непосредственном гражданском участии местного сообщества в реализации управленческих решений, направленных на преодоление социальных противоречий малых городов.

Проблема формирования комфортной городской среды малых городов в научном дискурсе

Вопросы развития малых городов как комфортного пространства для жизни получили известное освещение в зарубежной и российской научной литературе [2; 3; 4; 5]. Объектом внимания авторов становятся историче-

ские, экономические, правовые, социокультурные вопросы развития малых городов в части формирования там комфортных условий для жизни местного населения [6]. Исследовательское многообразие теоретического и эмпирического плана свидетельствует о том, что данная тематика не только имеет долгую историю, но и остаётся актуальной в современный период.

В России в общественной и научной дискуссии существует два противоположных мнения на счёт развития малых городов: одни считают, что их необходимо развивать, в том числе путём формирования там качественной среды для жизнедеятельности населения, так как они являются фундаментом экономики страны [7; 8], другие полагают, что проблема преодоления отсталости малых городов неразрешима и они должны быть объединены в одни большие городские агломерации, что будет эффективной мерой для развития как региона, так и страны [9, с. 286; 10, с. 53].

В то же время, несмотря на разные точки зрения относительно перспективности малых городов, исследователи однозначно признают наличие там комплекса проблем, связанных с отставанием по сравнению с крупными городами в обеспечении населения социально-бытовой, культурной и транспортной инфраструктурой, в благоустройстве общественных пространств [11, с. 85; 12], которые свидетельствуют о низком уровне комфортности городской среды и являются негативными факторами, влияющими на качество жизни горожан.

С позиции сохранения и развития малых городов особый интерес представляют работы, раскрывающие методологические подходы к оценке комфортности городской среды с целью выработки научно обоснованных решений по улучшению качества условий проживания населения в рамках приоритетных задач национального развития [12; 13; 14]. Большая часть из них базируется на объективных статистических показателях. Целый блок работ российских авторов посвящён анализу методики расчёта индекса качества городской среды, используемой в настоящее время Минстроем РФ [15].

Между тем качество городской среды представляет собой достаточно сложную категорию, которая связана не только с объективными показателями, но и субъективными характеристиками, зависящими от степени удовлетворённости местом проживания самих жителей. Исследователи отмечают, что проблему формирования комфортной городской жизни следует рассматривать через призму субъективных и объективных показателей [16].

Резюмируя, отметим, что вопросы оценки формирования комфортной городской среды обсуждаются в последнее время достаточно широко. Однако проблематика раскрывается главным образом на материалах средних, крупных и крупнейших городов страны. Исследования в малых городах

с численностью от 5 тыс. до 50 тыс. человек весьма ограничены и построены в первую очередь на статических данных без учёта общественного мнения местного населения. Цель настоящего исследования состоит в комплексной оценке уровня комфортности городской среды малых городов Вологодской области на основе статистических и субъективных данных.

Полагаем, что комфортность (качество) городской среды определяется не только степенью развития городской инфраструктуры, но и её восприятием жителями городов. В связи с этим оценка качества городской среды требует сбалансированного сочетания как показателей, рассчитанных на основе официальной статистики, так и данных социологических опросов на предмет оценки местным населением существующих условий проживания в городе. Таким образом, научный поиск ответа на исследовательский вопрос «миф или реальность формирования комфортной городской среды малых городов современной России?» мы будем осуществлять на основе синтеза анализа статистических и социологических данных конкретного региона, в этом состоит научная новизна данной работы.

Эмпирическая база и методы анализа

Для исследования отобраны малые города Вологодской области – субъекта Северо-Западного федерального округа Российской Федерации. Вологодская область относится к Русскому Северу – культурной общности со своим историческим смыслом. Область известна на весь мир своими древними храмами и монастырями, тонкой резьбой по дереву, нежнейшим сливочным маслом и уникальными кружевами. Малые города Вологодской области являются исторически древними, к примеру, первое упоминание Белозерска относится к 862 году. Всё это позиционирует Вологодчину как самобытный, богатый культурными традициями регион. Этим обусловлены исследовательский интерес и закономерность вопроса: как же сегодня развиваются малые города оплота «русскости», имеющие столь серьёзное культурное и историческое значение для становления России? [17]. Анализ построен на сравнительном методе: для выявления специфики формирования комфортной городской среды малых городов используются статистические и социологические данные также по крупным городам региона.

С целью рассмотрения проблемы формирования комфортной городской среды малых городов Вологодской области проведён вторичный анализ статистических данных, а именно: индекса качества городской среды, рассчитанного Министерством строительства и жилищно-коммунального хозяйства РФ с 2018 по 2022 год.

Эмпирическое исследование осуществлено на территории 5 малых и двух крупных городов¹ Вологодской области посредством количественной методической стратегии. Используются данные социологического исследования «Коллективные действия и социальный капитал в российском обществе», проведённого ВолНЦ РАН в мае – июне 2021 г. (n = 1400). Формирование выборочной совокупности респондентов осуществлялось на базе территориальной стратификации: первая ступень – отбор административных районов области по уровню социально-экономического развития, вторая ступень – избирательных участков, третья – домохозяйств маршрутным методом. Отбор респондентов в домохозяйстве проводился с применением квот по полу и возрасту (связная квота). Таким образом, базой данных является выборка, репрезентирующая население области от 18 лет и старше по муниципальным образованиям, полу, возрасту и типу поселения по месту жительства. Ошибка выборки не превышает 3%. Опрос проходил по формализованной анкете по месту жительства респондентов. Техническая обработка информации произведена в программе SPSS, версия 25 (статистический пакет для социальных наук).

При осуществлении исследования, опираясь на нормативно-правовую базу, городская среда трактуется как «совокупность природных, архитектурно-планировочных, экологических и других факторов, формирующих среду жизнедеятельности города на определённой территории и определяющих комфортность проживания на этой территории»². Несмотря на то, что категория «комфортная городская среда» используется в государственных программах и проектах, официально закреплённая трактовка отсутствует. В настоящей работе под комфортной (качественной) городской средой понимается определённое состояние городской среды, удовлетворяющее всем потребностям и запросам граждан в соответствии с общепринятыми в данный период времени нормами и стандартами жизнедеятельности. Таким образом, в определении учитываются как объективный, так и субъективный факторы.

Результаты исследования и их обсуждение

Национальный проект «Жильё и городская среда» и методика оценки качества городского пространства. Значимость формирования комфортного городского пространства признаётся на федеральном уровне, в связи с чем в 2018 году был запущен национальный проект «Жильё

¹ Малые города – это города с населением до 50 тыс. человек (в том числе подкатегории: от 25 до 50 тыс. человек, от 5 до 25 тыс. человек, до 5 тыс. человек), крупные города – от 250 тыс. до 1 млн человек.

² Методика. Индекс качества городской среды // Индекс качества городской среды : [сайт]. [2022]. URL: <https://xn----dtbcccddtsypabxk.xn--p1ai/#/methodology> (дата обращения: 25.01.2023).

и городская среда», который включает в себя в том числе федеральный проект «Формирование комфортной городской среды». В соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 21.07.2020. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» в целях достижения целевого показателя «улучшение качества городской среды» в полтора раза», реализация Федерального проекта «Формирование комфортной городской среды» продлена до 2030 года.

Настоящий проект нацелен на создание комфортной городской среды и уменьшение количества городов с неблагоприятными условиями для проживания. Основные направления проекта включают: повышение доступности жилья, улучшение городской инфраструктуры, развитие городских территорий, повышение энергетической эффективности и содействие устойчивому развитию городов.

Отметим, что ключевым инструментом оценки состояния и развития городов как комфортного пространства для жизни выступает индекс качества городской среды, который рассчитывается Министерством строительства и жилищно-коммунального хозяйства РФ с 2018 года.

Индекс формируется путём оценки 6 городских пространств по 6 критериям. Максимально город может набрать 360 баллов; соответственно, чем выше индекс, тем благоприятнее территория проживания. Минстрой предлагает следующую градацию: от 0 до 180 баллов – неблагоприятная городская среда, от 180 и выше – благоприятная городская среда¹.

Для оценки выделены следующие пространства: *жильё и прилегающие пространства* (многоквартирные жилые дома, индивидуальный жилой сектор); *озеленённые пространства* (парки, скверы, озеленённые набережные, сады и др.); *общественно-деловая инфраструктура и прилегающие пространства* (объекты сервисов и услуг, сферы общественного питания, административные учреждения и др.); *социально-досуговая инфраструктура и прилегающие пространства* (образовательные учреждения, медицинские учреждения, спортивные, досуговые, рекреационные учреждения, учреждения культуры и др.); *улично-дорожная сеть* (улицы, проезды, набережные); *общегородское пространство* (вся территория в городских границах) (рис. 1).

Каждые из упомянутых пространств оцениваются по критериям: *безопасность* (помогает определить существующий уровень безопасности определённых пространств и оценить те параметры среды, которые могут способствовать причинению вреда жизни и здоровью человека); *комфортность* (удобство и доступность городских пространств); *экологичность*

¹ Методика. Индекс качества городской среды. 2022 // Индекс качества городской среды : [сайт]. URL: <https://xn---dtbcccddtsypabxk.xn--p1ai/#/methodology> (дата обращения: 25.01.2023).

Рис. 1. Пространства и критерии оценки индекса качества городской среды.
Жильё и прилегающие пространства

и здоровье (определяет, в какой мере использование инфраструктуры города соответствует принципу сохранения и улучшения окружающей среды, а также измеряет состояние экологии на момент оценки); *идентичность и разнообразие* (отвечает за оценку своеобразия и узнаваемости городских территорий, а также определяет вариативность пространственных решений и функциональное разнообразие городской среды); *современность и актуальность среды* (измеряет параметры, описывающие город с точки зрения возможностей, которые он предоставляет жителям, а также определяет соответствие городских пространств международным принципам формирования городской среды); *эффективность управления* (отражает параметры, которые непосредственно характеризуют работу муниципальных органов власти по созданию условий, необходимых для формирования качественной городской среды).

Таким образом, индекс и его индикаторы создают взаимосвязанную «пространственно-критериальную матрицу», которая позволяет увидеть, сравнить и сформировать комплексные решения по повышению качества городской среды. Основой сбора информации для формирования индекса являются государственная статистика, данные геоинформационных систем и дистанционного зондирования территорий. Вместе с тем недостатком методики выступает отсутствие социологического обеспечения, данных диагностики позиций и мнения самих местных жителей,

несмотря на то что в стратегических документах признаётся важность участия граждан в развитии города (см.: [11]).

Оценка комфортности пространства малых городов Вологодской области на основе анализа индекса качества городской среды. На территории Вологодской области расположено 13 малых городов, из них к городам с численностью 25–50 тыс. человек относятся два города (Великий Устюг, Сокол), которые имеют статус городов областного значения; с численностью 5–25 тыс. человек – 10 городов, до 5 тыс. человек – один город (Кадников) (см. табл. 1). Представленные города отличаются своей приближённостью к областной столице (или отдалённостью от неё): так, самый отдалённый город – Красавино – находится в 470 км от Вологды. Ближе всего к областной столице расположен г. Сокол, который находится от неё в 35 км.

Таблица 1

*Динамика индекса качества городской среды в малых городах
 Вологодской области, 2018–2022 гг., в баллах*

Город в следующей таблице просто «Город»	Численность населения, тыс. чел. (на 2021 г.)	Отдалённость от областного центра, км	Индекс					2022 г. к 2018 г.
			2018	2019	2020	2021	2022	
Великий Устюг	31,1	450	176	179	205	217	225	+49
Тотьма	9,7	215	167	172	180	192	213	+46
Харовск	8,7	89	183	187	191	193	206	+23
Сокол	36,1	35	171	192	188	191	201	+30
Белозерск	8,5	217	165	165	174	179	193	+28
Устюжна	8,3	244	150	160	175	179	180	+30
Грязовец	14,8	47	133	168	175	177	180	+47
Кадников	4,4	40	149	162	169	171	180	+31
Вытегра	10,1	337	136	149	165	176	178	+42
Кириллов	7,4	129	141	151	155	163	177	+36
Бабаево	11,4	300	119	148	148	162	169	+50
Никольск	8	442	126	143	148	162	166	+40
Красавино	6	470	152	153	159	160	163	+11
<i>Справочно: Вологда</i>	308,5	–	194	206	210	218	221	+27
Череповец	312,1	126	193	197	205	215	226	+33

Источник: Индекс качества городской среды – инструмент для оценки качества материальной городской среды и условий её формирования // Индекс качества городской среды : [сайт]. [2022]. URL: <https://xn----dtbcccddtsypabxk.xn--p1ai/#/> (дата обращения: 29.08.2023).

Анализируя динамику развития комфортной городской среды в малых городах области, можно сделать вывод о позитивных изменениях: за период с 2018 по 2022 год наблюдается увеличение значения индекса по всем исследуемым территориям. Особенно заметен рост в Бабаево (+50 баллов), в Великом Устюге (+49 баллов), в Грязовце (+47 баллов), в Тотьме (+46 баллов). В то же время, согласно методике Министерства строительства и жилищно-коммунального хозяйства РФ, мы видим, что большая часть малых городов региона относятся к городам с неблагоприятной средой (менее 200 баллов): по данным на 2022 г., к городам с благоприятной городской средой в области можно отнести Великий Устюг (225 баллов), Тотьма (213 баллов), Харовск (206 баллов), Сокол (201 балл). Также можно отметить то, что нет прямой зависимости между показателями численности населения, отдалённости от областного центра и уровня качества городской среды. Однако если сравнивать значение индекса по малым территориям с крупными городами (от 250 тыс. чел.), то заметно значительное отставание на протяжении всего периода, за исключением города Великий Устюг. Подобная ситуация характерна для страны в целом: по данным за 2022 год, среднее значение индекса по оценке среды малых городов составило 188 баллов, крупных городов – 211¹.

Анализ значения индекса выявил, что социально-досуговая инфраструктура и прилегающие пространства являются наиболее проблемным направлением развития комфортной городской среды малых городов. Исключение – Великий Устюг, где набрано более половины возможных баллов (35 баллов из 60), в остальных городах области количество баллов варьируется от 23 до 29 (табл. 2). Отметим, что указанный индикатор оценивает такие параметры, как безопасность передвижения вблизи учреждений здравоохранения, образования, культуры и спорта, разнообразие и обеспеченность культурно-досуговой и спортивной инфраструктуры, доступность городской среды для маломобильных групп населения, долю детей в возрасте 1–6 лет, состоящих на учёте для определения в дошкольные образовательные учреждения. В то же время индексом не оцениваются важнейшие аспекты жизнедеятельности граждан – обеспеченность города инфраструктурой качественного образования и здравоохранения.

На второе место по недостаточной оснащённости объектами выходит общественно-деловая инфраструктура, что свидетельствует, в первую очередь, о проблемной зоне сферы услуг. Более позитивно в малых городах оценивается уровень озеленения пространств: в большинстве случаев этот критерий набирает больше половины из 60 возможных баллов, при

¹ Результаты // Индекс формирования городской среды : [сайт]. [2022]. URL: <https://xn----dtbcccddtsypabxk.xn--p1ai/#/results> (дата обращения: 29.08.2023).

этом только озеленённые пространства оцениваются выше по сравнению с крупным городом (по малым городам среднее значение индекса составляет 31 балл, в крупном промышленном городе региона Череповце – 21 балл).

Таблица 2
 Оценка развития социально-экономических пространств малых городов
 Вологодской области, 2021 г., в баллах

Город	Жильё и прилегающие пространства	Улично-дорожная сеть	Озеленённые пространства	Общественно-деловая инфраструктура и прилегающие пространства	Социально-досуговая инфраструктура и прилегающие пространства	Общегородское пространство	Всего
Великий Устюг	40	34	30	39	35	39	217
Харовск	30	37	41	25	27	33	193
Тотьма	30	35	26	36	29	36	192
Сокол	34	29	46	25	27	30	191
Устюжна	32	28	31	35	27	26	179
Белозерск	25	41	31	27	25	30	179
Грязовец	38	34	21	29	28	27	177
Вытегра	29	31	32	31	24	29	176
Кадников	25	26	37	35	29	19	171
Кириллов	23	27	32	19	25	37	163
Бабаево	26	31	22	21	24	38	162
Никольск	38	24	25	23	27	25	162
Красавино	29	30	32	18	23	28	160
<i>Средний балл</i>	<i>30</i>	<i>31</i>	<i>31</i>	<i>28</i>	<i>27</i>	<i>30</i>	<i>179</i>
<i>Справочно: Вологда</i>	<i>44</i>	<i>32</i>	<i>42</i>	<i>34</i>	<i>36</i>	<i>30</i>	<i>218</i>
<i>Череповец</i>	<i>47</i>	<i>38</i>	<i>22</i>	<i>30</i>	<i>41</i>	<i>37</i>	<i>215</i>

Источник: Индекс качества городской среды – инструмент для оценки качества материальной городской среды и условий её формирования // Индекс качества городской среды : [сайт]. [2022]. URL: <https://xn----dtbcccddtsypabxk.xn--p1ai/#/> (дата обращения: 29.08.2023).

В целом по малым городам средний балл низкий по всем направлениям и составляет не более 50% от максимальных значений, что выявляет серьёзные проблемы в формировании комфортной городской среды обозначенных территорий. Однако разработанный индексный инструмента-

рий, на наш взгляд, не позволяет в полной мере оценить качество проживания в городе его жителей, при этом многие важнейшие составляющие быта граждан, которые как раз и определяют качество городского пространства, остаются без должного внимания.

Таким образом, на основе подробного анализа индекса качества городской среды и его составляющих показателей выявляются проблемные точки в развитии малых городов региона. Для их комплексной оценки представляется необходимым обращение к субъективному мнению горожан, т. к. именно местное сообщество является центральной составляющей города как системы.

Состояние среды малых городов Вологодской области и проблемные точки в её развитии в оценках местного сообщества. Исходя из данных, полученных путём анкетирования, можно составить рейтинг наиболее острых проблем территорий – по оценкам местных жителей (рис. 2).

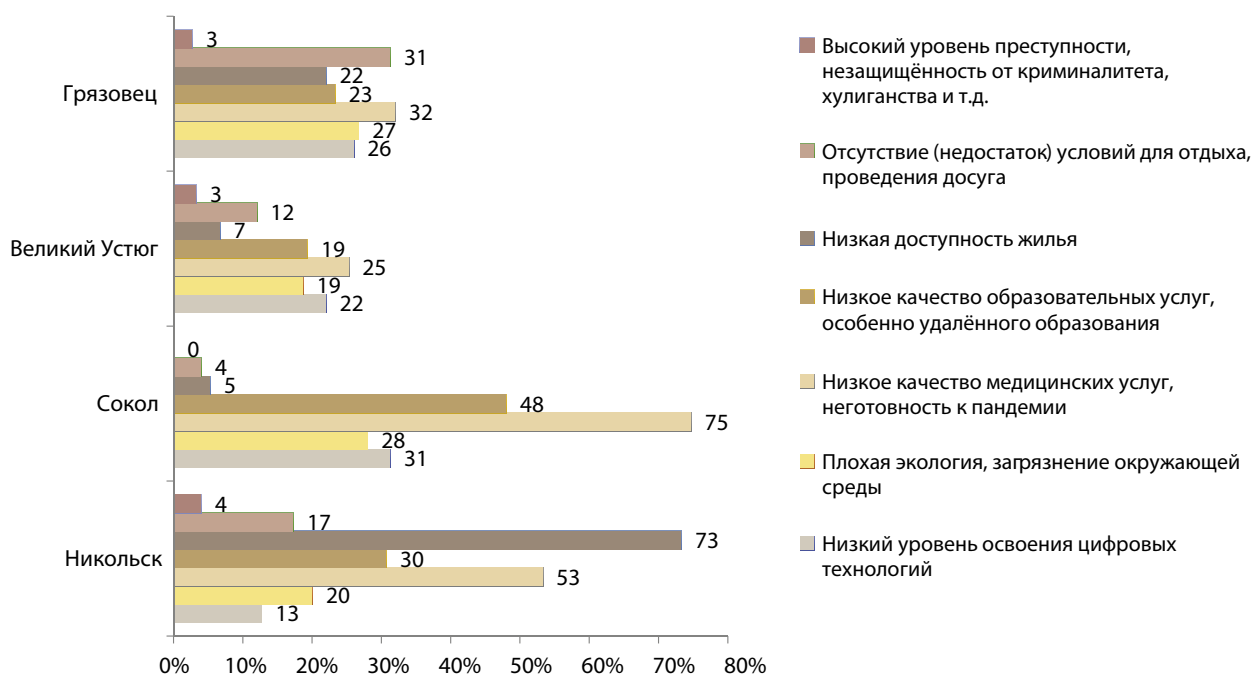

Рис. 2. Наиболее острые проблемы в малых городах Вологодской области по оценкам местных жителей, 2022 г., % (допускался выбор нескольких ответов)

В большинстве городов на первое место выходит проблема низкого качества медицинских услуг, такой ответ дали 32% респондентов в Грязовце, 25% в Великом Устюге, 75% в Соколе и 53% в Никольске. Несмотря на создание различных программ (к примеру, в области реализуется проект «Здоровые города, районы и посёлки», участниками которого являются 21 муниципальное образование области¹), направленных на повы-

¹ Сводный годовой доклад о ходе реализации и об оценке эффективности государственных программ Вологодской области за 2021 год. 409 с.

шение эффективности оказания медицинской помощи в малых городах, сохраняются серьёзные проблемы в этой сфере, что отражается на общественном мнении в части удовлетворённости развитием инфраструктуры здравоохранения.

В Никольске основной проблемой горожане считают низкую доступность жилья (73%). Отметим, что индекс качества городской среды измеряет в первую очередь такой критерий, как многоэтажное строительство, в малых же городах для людей бóльшую привлекательность имеют частные дома, нежели большие многоэтажки. Особый менталитет населения малых городов диктует свои традиции и предпочтения относительно жилья, что требует учёта в методике оценки качества городской среды малых территорий.

Как демонстрируют социологические данные, почти четверть населения малых городов отмечает проблемы, связанные с плохой экологией, в то же время по индексу качества городской среды озеленённые пространства во всех малых городах региона условно можно отнести к комфортным (более половины из возможных баллов).

Положительным аспектом в рейтинге проблем является низкая оценка уровня преступности и незащищённости граждан: в Грязовце и Великом Устюге данную проблему выделяют лишь 3% опрошенных, в Никольске – 4%, жители Сокола такой проблемы вообще не выделили. В то же время индекс качества городской среды не включает индикаторы, оценивающие уровень уличной преступности, безопасность горожан в дневное и ночное время суток, однако именно эти аспекты, возможно, являются важным преимуществом малых городов, по сравнению с крупными.

В целом проблемы, на которые указывает местное население, соответствуют показателям в оценке Министерства строительства и жилищно-коммунального хозяйства. Таким образом, общественное мнение дополняет и раскрывает информацию о проблемных точках в развитии городского пространства, позволяет выработать единый курс на их преодоление с учётом мнения самих горожан.

Представляется, что особое значение в формировании комфортных условий для жизни горожан имеют вопросы, связанные с экологией и с тем, в какой мере использование инфраструктуры города соответствует принципу сохранения и улучшения окружающей среды. Экологическая проблематика достаточно обширна и, в соответствии с нацпроектом «Экология», включает следующие направления: утилизация и переработка отходов, ликвидация свалок, сохранение лесов и водоёмов, снижение выбросов в атмосферу, развитие экологического туризма и экологического воспитания, сохранение биологического

разнообразия¹. Между тем методика оценки качества городской среды по критерию «экологичность и здоровье» представлена весьма ограничено. К примеру, оценивается такой параметр, как «количество вывезенных твёрдых коммунальных отходов» на душу населения». Безусловно, организация обращения с твёрдыми коммунальными отходами является важнейшей составляющей оценки качества жизни в городе, однако оценивать следует не количество вывезенного мусора, а, например, своевременность его вывоза или усилия властей по организации раздельного сбора, уборке несанкционированных свалок и т. п. В связи с этим особый интерес вызывает рассмотрение проблемы на основе анализа общественного мнения.

Респондентам был задан вопрос: «Как бы Вы оценили в целом экологическую обстановку в Вашем населённом пункте?». Были получены следующие результаты: более половины населения Никольска (57%) считает, что в их городе есть проблемы, но они не критичны; в Соколе и Грязовце жители считают, что ситуация требует внимания (72 и 29% соответственно); наиболее низкую оценку экологической ситуации в городе дали жители Великого Устюга – 39% опрошенных полагают, что «ситуация очень плохая» (табл. 3).

Таблица 3

Оценка экологической обстановки жителями малых городов Вологодской области, 2022 г., в % от ответивших

Оценка экологической обстановки	Город, количество опрошенных				
	Никольск n = 150	Сокол n = 150	Великий Устюг n = 150	Грязовец n = 150	Вологда, Череповец в сумме n = 800
С экологией всё хорошо	11,3	10,7	5,3	8,0	5,4
Есть проблемы, но некритичные	56,7	16,0	14,7	22,7	18,3
Ситуация требует внимания	30,7	72,0	36,0	29,3	27,4
Ситуация очень плохая	0,0	0,7	38,7	19,3	39,3
Затруднились ответить	1,3	0,6	5,3	20,7	9,6

¹ Национальный проект «Экология» // Национальные проекты России : [сайт]. URL: <https://xn--80aаратрмсчfmo7а3с9ehj.xn--p1ai/projects/ekologiya> (дата обращения: 15.08.2023).

В целом оценки экологии среди жителей малых городов выше, по сравнению с крупными (за исключением г. Великий Устюг). Следует признать тот факт, что экология пространства малых городов менее подвержена антропогенному воздействию, загрязнения носят чаще локальный характер, при этом для малых территорий актуальны проблемы несанкционированных свалок и несвоевременного вывоза мусора.

Обозначив проблемные места, важно выяснить, какое в целом у населения малых городов складывается отношение к своему месту жительства. Полагаем, что этот показатель является весьма информативным при общей оценке удовлетворённости местными жителями условиями жизнедеятельности в городе. Согласно опросу общественного мнения, большинство жителей Никольска рады тому, что живут в данном месте, такой ответ дали 71% опрошенных; более половины жителей Сокола также довольны своим местом жительства (59%) (табл. 4). Население Великого Устюга и Грязовца в целом довольно местом проживания, но многое его не устраивает – так ответили 50 и 51% респондентов соответственно. Среди жителей г. Великий Устюг доля тех, кому «не нравится жить здесь, но привыкли» (13%), в два раза выше, чем среди жителей Никольска (6%). При сравнении с крупными городами в малых городах выявляется более благоприятное восприятие местным сообществом среды обитания (за исключением г. Великий Устюг).

Таблица 4

Оценка населением малых городов Вологодской области места проживания, 2022 г., в % от ответивших

Оценка места проживания	Город, количество опрошенных				
	Никольск n = 150	Сокол n = 150	Великий Устюг n = 150	Грязовец n = 150	Вологда, Череповец в сумме n = 800
Рады, что живут в данном месте	71,1	58,5	7,4	21,8	23,3
В целом довольны, но многое не устраивает	16,8	32,7	49,7	51,0	44,6
Не испытывают особых чувств по поводу проживания в городе	6,0	8,8	30,2	18,4	24,9
Не нравится, но привыкли жить в данном месте	6,1	0,0	12,7	8,8	7,2

Таким образом, несмотря на проблемные точки в развитии малых городов и отставание их среды по уровню комфортности проживания (вообще, отставание среды – звучит не очень хорошо), в целом выявляется позитивное отношение местного сообщества к своему месту проживания, что свидетельствует о необходимости сохранения малых территорий и проработки перспективных направлений формирования там комфортной среды для жизнедеятельности.

Респондентам был задан вопрос «Как Вы считаете, от кого в наибольшей степени зависит развитие Вашего места проживания?». Ответы получились разнообразные. Так, 58% респондентов города Никольск считают, что всё зависит от органов местного самоуправления, так же считают и жители Грязовца (69%). «От органов государственной власти региона» – такой ответ был наиболее популярен (57%) среди жителей Великого Устюга (табл. 5). Наиболее интересным нам представляется ответ жителей города Сокола: так, три четверти респондентов считают, что развитие места проживания зависит от самих жителей, на второе место они ставят главу муниципального образования в качестве ответственного за развитие города (73%).

Таблица 5

Ответственность за развитие территории по оценкам населения малых городов Вологодской области, 2022 г., в % от ответивших по каждому суждению

От кого зависит развитие территории	Город, количество опрошенных				
	Никольск n = 150	Сокол n = 150	Великий Устюг n = 150	Грязовец n = 150	Вологда, Череповец в сумме n = 800
От органов местного самоуправления	58,7	36,7	34,7	69,3	61,3
От органов государственной власти региона	32,0	26,7	56,7	34,0	58,7
От федеральных органов власти	48,0	42,0	32,7	29,3	43,9
От главы муниципального образования	30,0	73,3	12,0	32,7	36,5
От самих жителей	46,0	74,7	34,0	52,7	33,9
От частного бизнеса	10,7	14,0	7,3	1,3	10,9
От общественных организаций	2,0	29,3	3,3	7,3	13,3

Отметим, что в целом жители малых городов в большей степени, чем в крупных городах региона (исключение составляет г. Великий Устюг), отмечают ответственность местных жителей за развитие своей территории. Подобная готовность к соучастию граждан является значимым фактором для развития городского пространства. Инициативность граждан в формировании комфортной городской среды – это базис для её развития, что признаётся на всех уровнях власти. Неслучайно непосредственное участие в голосовании за благоустройство территорий своих городов в рамках нацпроекта «Формирование комфортной городской среды» принимает именно местное население. Вовлечённость населения в формирование комфортной городской среды является важной составляющей для сохранения и развития малых городов в России.

Заключение

Улучшение жизни в малых городах, формирование там комфортной (качественной и современной) городской среды являются стратегическим приоритетом для государства, несмотря на общественные дискуссии о бесперспективности малых территорий в России. Ключевым инструментом оценки состояния городов как комфортного пространства для жизни, а также выработки управленческих решений для развития такого пространства выступает индекс качества городской среды, который рассчитывается Министерством строительства и жилищно-коммунального хозяйства РФ с 2018 года (путём оценки 6 городских пространств по 6 критериям).

Проведённое исследование в малых городах Вологодской области выявило, что, с одной стороны, наблюдаются значительные позитивные изменения в уровне комфортности городской среды малых городов, с другой стороны, сохраняется разрыв в показателях по сравнению с крупными городами. Согласно значениям индекса качества городской среды за 2022 год, к городам с благоприятной городской средой в регионе можно отнести только 4 из 13 малых городов (Великий Устюг, Харовск, Тотьма, Сокол). Наиболее проблемными сферами городского пространства малых территорий, согласно показателям индекса, определены социально-досуговая и общественно-деловая инфраструктуры. Более позитивную оценку в городах получает экологическая-обстановка в части озеленения пространств. Сделан вывод, что разработанный индексный инструмент не позволяет в полной мере оценить качество проживания в городе, т. к. многие важнейшие составляющие качества городского пространства остаются без должного внимания и учёта мнения граждан. Этим обосновано использование комплексной методики, построенной на

объективных (индексе) и субъективных (материалах социологического исследования).

По мнению местного сообщества, наиболее проблемными точками в развитии малых городов выступают низкое качество медицинских, образовательных услуг, доступность жилья. Более позитивно местное сообщество оценивает экологическую обстановку (хотя и признаёт, что есть проблемы в этом направлении), а также уровень преступности и безопасности, что, возможно, является важным преимуществом малых городов по сравнению с крупными. В целом проблемы, на которые указывают респонденты, соответствуют низким значениям в оценке Министерства строительства и жилищно-коммунального хозяйства. Таким образом, социологическая диагностика дополняет и раскрывает информацию о проблемных точках в развитии городского пространства, позволяет выработать единый курс на их преодоление с учётом мнения самих горожан и при участии местного сообщества.

Несмотря на проблемы в развитии малых городов по уровню комфортности проживания, выявляется позитивное отношение местного сообщества к своему месту проживания. Выявлено, что жители малых городов в большей степени, чем в крупных городах региона (исключение составляет г. Великий Устюг), отмечают ответственность местного сообщества за развитие своей территории. Подобная готовность граждан к соучастию в решении проблем является значимым фактором развития городского пространства. Данные совпадают с выводом специалистов Института социологии ФНИСЦ РАН, что дееспособные местные сообщества малых городов ценят и по мере сил укрепляют свою малую родину, демонстрируя удивительную жизнестойкость [8; с. 24].

Формирование комфортного пространства для жизни в малых городах – не миф, а объективная реальность, требующая внедрения новых подходов к организации комплексного благоустройства городских территорий на основе широкого гражданского участия населения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Диденко А. Н., Бабичев И. В. Нормативные и социально-экономические условия формирования межсекторного взаимодействия (местные сообщества-бизнес-муниципалитет-государство-научные и экспертные сообщества) на региональном и муниципальном уровнях как технологии комплексного и устойчивого развития территории и повышения её человеческого потенциала // Местное право. 2023. № 2. С. 3–32. EDN **EUSRBC**.
2. Булдакова Н. Б. Проблемы и перспективы развития малых городов России // Вестник Шадринского государственного педагогического института. 2011. № 1 (10). С. 167–169. EDN **PHYDNI**.

3. *Рассеко Ю. Ю.* Значение малых городов в региональном развитии // Материалы, оборудование и ресурсосберегающие технологии: материалы междунар. науч.-техн. конф. : в 2 ч. (Могилев, 19–20 апр. 2012 г.) / Под ред. кол. : И. С. Сазонов [и др.]. Могилев : Белорус.-Рос. ун-т, 2012. Ч. 1. С. 252–253. EDN **ASRJRL**.
4. *Blewitt J.* Understanding sustainable development. 2nd ed. N.Y. : Routledge. Taylor&Francis, 2015. 394 p.
5. *Servillo L., Hamdouch A., Atkinson R.* Small and Medium-Sized Towns in Europe: Conceptual, Methodological and Policy Issues // Tijdschrift voor economische en sociale geografie. 2017. Vol. 08, Is. 4. P. 1–17.
6. *Уханова Ю. В., Жданова А. Э., Косыгина К. Е.* Участие студенческой молодёжи в развитии комфортной городской среды // Вестник университета. 2023. № 4. С. 24–32. DOI [10.26425/1816-4277-2023-4-24-32](https://doi.org/10.26425/1816-4277-2023-4-24-32). EDN **HWUHW**T.
7. *Першина Т. А., Гоголева М. П.* Повышение комфортности проживания как фактор экономического развития малых городов (моногородов) Российской Федерации (на примере города Котова) // Региональная экономика и управление: электронный научный журнал. 2016. № 2 (46). С. 50–59. EDN **WFBIQR**.
8. Пространственное развитие малых городов: социальные стратегии и практики / М. Ф. Черныш, В. В. Маркин, А. Ю. Ардальянова [и др.] ; отв. ред. М. Ф. Черныш, В. В. Маркин ; предисл. М. К. Горшков. М. : ФНИСЦ РАН, 2020. 523 с. ISBN 978-5-89697-335-5. DOI [10.19181/monogr.978-5-89697-335-5.2020](https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-335-5.2020). EDN **UOQHGD**.
9. *Заборова Е. Н.* Городское управление : уч. пособие / Е. Н. Заборова ; науч. ред. Ю. Р. Вишневецкий. Екатеринбург : Изд-во Урал. унта, 2014. 296 с. ISBN 978-5-7996-1130-9. EDN **WPUUVB**.
10. *Верещагина Т. А., Дегтярев П. Я., Тюнин А. И.* Кризис традиционной модели развития малых городов // Вестник Челябинского государственного университета. 2018. № 3 (413). С. 53–60. EDN **YWMLRT**.
11. *Секушина И. А.* Теоретические подходы к классификации малых и средних городов России // Научный вестник Южного института менеджмента. 2019. № 2 (26). С. 84–93. DOI [10.31775/2305-3100-2019-2-84-93](https://doi.org/10.31775/2305-3100-2019-2-84-93). EDN **GSRTAW**.
12. *Куцин В. Н.* Формирование комфортной городской среды как форма взаимодействия власти и населения // Экономика и социум. 2018. № 6 (49). С. 652–656. EDN **YKWMMX**.
13. *Богданова Л. П., Глушкова М. А.* Оценка качества городской среды населением города Твери // Вестник Тверского гос. ун-та. Сер. : География и геоэкология. 2021. № 2 (34). С. 14–24. DOI [10.26456/2226-7719-2021-2-14-24](https://doi.org/10.26456/2226-7719-2021-2-14-24). EDN **ONXXEM**.
14. *Маркин В. В., Воронов В. В., Пешкова В. М.* Малые города в государственной политике пространственного развития России: к методологии социального моделирования региональных стратегий и практик // Россия реформирующаяся. 2019. № 17. С. 271–286. DOI [10.19181/ezheg.2019.11](https://doi.org/10.19181/ezheg.2019.11). EDN **ZUFAQL**.
15. *Черных В. В., Иваненко В. А.* Анализ и направления совершенствования методики формирования индекса качества городской среды // Экономический вектор. 2021. № 2 (25). С. 128–137. DOI [10.36807/2411-7269-2021-2-25-128-137](https://doi.org/10.36807/2411-7269-2021-2-25-128-137). EDN **FCAAML**.
16. *Rezvani M. R., Mansourian H., Sattari M. H.* Evaluating quality of life in urban areas (Case study: Noorabad City, Iran) // Social Indicators Research. 2013. Vol. 112, № 1. P. 203–220. DOI [10.1007/s11205-012-0048-2](https://doi.org/10.1007/s11205-012-0048-2). EDN **PFZHQM**.

17. Подлесная М. А. Малый город в условиях формирования агломераций: шанс выжить или удар модернизации? // Социологическая наука и социальная практика. 2021. Т. 9, № 3 (35). С. 184–200. DOI [10.19181/snsp.2021.9.3.8441](https://doi.org/10.19181/snsp.2021.9.3.8441). EDN [PPQOIQ](https://edn.ras.ru/PPQOIQ).

Сведения об авторах

Ю. В. Уханова

кандидат исторических наук,
ведущий научный сотрудник
AuthorID РИНЦ: [726664](https://elibrary.ru/author_index.action?id=726664)

А. Э. Жданова

младший научный сотрудник
AuthorID РИНЦ: [1168188](https://elibrary.ru/author_index.action?id=1168188)

Вклад авторов в подготовку публикации:

Ю. В. Уханова – 60% (подготовка общетеоретической и методологической основы исследования, участие в написании всех разделов статьи, организация сбора и обработки социологических данных в ходе исследования). А. Э. Жданова – 40% (участие в написании всех разделов статьи, обработка статистических данных, оформление публикации в соответствии с требованиями журнала).

У авторов нет конфликта интересов для декларации.

Статья поступила в редакцию 23.06.2023; одобрена после рецензирования 08.09.2023; принята к публикации 16.10.2023.

Original article

DOI: 10.19181/snsp.2023.11.4.5

SMALL TOWNS IN RUSSIA AS A COMFORTABLE LIVING SPACE: MYTH VS REALITY (BASED ON THE VOLOGDA REGION)

Yulia Viktorovna Ukhanova¹
Angelina Eduardovna Zhdanova²

^{1, 2}Vologda Scientific Center of RAS,
Vologda, Russia,

¹ukhanova4@rambler.ru,

ORCID 0000-0001-7307-9520

²angelinazhdanova99@mail.ru,

ORCID 0000-0002-4526-3571

For citation: Ukhanova Y. V., Zhdanova A. E. Small towns in Russia as a comfortable living space: myth vs. reality (based on the Vologda region). *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. 2023;11(4):112–133. (In Russ.). DOI [10.19181/snsp.2023.11.4.5](https://doi.org/10.19181/snsp.2023.11.4.5).

Abstract. The comfort of the urban environment is one of the key factors influencing the quality of life for the population. A particular focus is placed on examining small towns (with a population of up to 50,000 people) from the perspective of their suitability for local community living. In order to comprehensively study the issue of a comfortable urban environment in the Russian provinces, the dynamics of the urban environment quality index in a number of cities in the Vologda Region were analysed, and survey materials from local residents (n = 1400) were also utilised. It is argued that sociological diagnostics complements and reveals statistical information on problem areas in urban development, allowing for the development of a unified approach to overcoming these issues, taking into account the opinions of the residents themselves. The study concluded that over the past five years, the development of small towns in the region has shown a positive trend, with an increase in the urban environment quality index being observed. However, based on the data for 2022, only 4 out of 13 small towns (Veliky Ustyug, Kharovsk, Totma, Sokol) can be considered as having a favourable urban environment. According to statistical data, the most problematic areas of the urban environment in small areas are social and recreational infrastructure and public business infrastructure. According to the opinions of residents, the quality of medical and educational services and housing availability are also significant issues. More positively, the environmental situation is evaluated in cities (as indicated by the index indicators and local residents' judgments), as well as the level of safety and crime rates. Despite the presence of problematic areas in the development of small towns and their lag in terms of living comfort, the overall attitude of the local community toward their place of residence is positive, with a willingness to take responsibility for the city's development. The results obtained serve as a basis for the policy of preserving and developing small areas, addressing social contradictions, and establishing promising directions for creating a comfortable living environment in these areas, taking into account the opinions and participation of the local community in these processes.

Keywords: small towns, comfortable urban environment, urban environment quality index, sociological diagnostics, local community

Acknowledgments: the research was carried out with the support of the Russian Science Foundation grant No. 23-28-01587 “Overcoming social contradictions in small areas: local community participation” (principal investigator: candidate of historical sciences Yu. V. Ukhanova).

REFERENCES

1. Didenko A. N., Babichev I. V. Regulatory and socio-economic conditions for the formation of intersectoral interaction (local communities – business – municipality – state – scientific and expert communities) at the regional and municipal levels as a technology for the integrated and sustainable development of the territory and enhance its human potential. *Local law=Mestnoe pravo*. 2023;(2):3–32. (In Russ.).
2. Buldakova N. B. Problems and prospects for the development of small towns in Russia. *Bulletin of shadrinsky state pedagogical university=Vestnik SHadrinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta*. 2011;(1):166–169. (In Russ.).
3. Russeco U. U. The importance of small towns in regional development. In: I. S. Sazonov [et al.], ed. Materials, equipment and resource-saving technologies: materials of international scientific and technical Conf.: in two parts (Mogilev, April 19–20, 2012). Mogilev: Belorus.-Ros. un-t; 2012. P. 252–253. (In Russ.).
4. Blewitt J. Understanding sustainable development. 2nd ed. N.Y.: Routledge. Taylor&Francis; 2015. 394 p.
5. Servillo L., Hamdouch A., Atkinson R. Small and medium-sized towns in Europe: conceptual, methodological and policy issues. *Tijdschrift voor economische en sociale geografie*. 2017;08(4):1–17.
6. Ukhanova Yu. V., Zhdanova A. E., Kosygina K. E. Student youth participation in the development of a comfortable urban environment. *University Bulletin=Vestnik universiteta*. 2023;(4):24–32. (In Russ.). DOI [10.26425/1816-4277-2023-4-24-32](https://doi.org/10.26425/1816-4277-2023-4-24-32).
7. Pershina T. A., Gogoleva M. P Improving comfortable living as the factor of economic development of small towns (one-company towns) in Russian Federation (on the example of Kotovo). *Regional economics and management: electronic scientific journal=Regional'naya ekonomika i upravlenie: elektronnyj nauchnyj zhurnal*. 2016;2(46):50–59. (In Russ.).
8. Chernysh M. F., Markin V.V. , Gorshkov M. K. [et al.] Spatial Development of small towns: social strategies and practices. M. F. Chernysh, V. V. Markin, eds. M. K. Gorshkov, preface. Moscow: FCTAS RAS; 2020. 523 p. (In Russ.). ISBN 978-5-89697-335-5. DOI [10.19181/monogr.978-5-89697-335-5.2020](https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-335-5.2020).
9. Zaborova E. N. City government: study guide. Ekaterinburg: Ural'skij universitet; 2014. 296 p. (In Russ.). ISBN 978-5-7996-1130-9.
10. Vereshchagina T. A., Degtyarev P. Ya., Tyunin A. I. Crisis of the traditional model of development small cities. *Bulletin of Chelyabinsk State University=Vestnik CHelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2018;(3):53–60. (In Russ.).
11. Sekushina I. A. Theoretical approaches to the classification of small and medium-sized cities of Russia. *Scientific bulletin of the southern institute of management=Nauchnyj vestnik Yuzhnogo instituta menedzhmenta*. 2019;(2):84–93. (In Russ.). DOI [10.31775/2305-3100-2019-2-84-93](https://doi.org/10.31775/2305-3100-2019-2-84-93).

12. Kutsin V. N. The formation of a comfortable urban environment as a form of interaction between government and the public. *Economy and society=Ekonomika i socium*. 2018;6(49):652–656. (In Russ.).
13. Bogdanova L. P., Glushkova M. A. Assessment of quality of the city environment by populations of the city Tver. *Herald of tver state university. Series: geography and geoecology=Vestnik Tverskogo gos. un-ta. Ser.: Geografiya i geoekologiya*. 2021;(2):14–24. (In Russ.). DOI [10.26456/2226-7719-2021-2-14-24](https://doi.org/10.26456/2226-7719-2021-2-14-24).
14. Markin V. V., Voronov V. V., Peshkova V. M. Small towns in the state policy of spatial development of Russia: on the methodology of social modeling of regional strategies and practices. *Russia reforming=Rossiia reformiruyushchayasya*. 2019;(17):271–286. (In Russ.). DOI [10.19181/ezheg.2019.11](https://doi.org/10.19181/ezheg.2019.11).
15. Chernykh V. V., Ivanenko V. A. Analysis and directions for improving the methodology for the calculation of the urban environment quality index. *Economic vector=Ekonomicheskii vector*. 2024;(2):128–137. (In Russ.). DOI [10.36807/2411-7269-2021-2-25-128-137](https://doi.org/10.36807/2411-7269-2021-2-25-128-137).
16. Rezvani M. R., Mansourian H., Sattari M. H. Evaluating quality of life in urban areas (Case study: Noorabad City, Iran). *Social Indicators Research*. 2013;112(1):203–220. DOI [10.1007/s11205-012-0048-2](https://doi.org/10.1007/s11205-012-0048-2).
17. Podlesnaia M. A. Small town in the conditions of the formation of agglomerations: a chance to survive or a blow of modernization? *Sociological science and social practice=Sociologicheskaya nauka i social'naya praktika*. 2021;9(3):184–200. (In Russ.). DOI [10.19181/snsp.2021.9.3.8441](https://doi.org/10.19181/snsp.2021.9.3.8441).

Information about the Authors

Yu. V. Ukhanova

Candidate of History,

Leading researcher

ResearcherID: [Q-7225-2017](https://orcid.org/0009-0001-7225-2017)

Scopus AuthorID: [57208543168](https://orcid.org/0009-0001-7225-2017)

A. E. Zhdanova

Junior researcher

Contribution of the authors:

Yu. V. Ukhanova – 60% (preparation of the general theoretical and methodological basis of the study, participation in writing all sections of the article, organization of collection and processing of sociological data during the study). A. E. Zhdanova – 40% (participation in writing all sections of the article, processing statistical data, designing the publication in accordance with the requirements of the journal).

The authors declare no conflicts of interests.

The article was submitted 23.06.2023; approved after reviewing 08.09.2023; accepted for publication 16.10.2023.

УДК 347.965

DOI: [10.19181/snsp.2023.11.4.6](https://doi.org/10.19181/snsp.2023.11.4.6)

EDN: GTYSBY

Научная статья

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ДОВЕРИЯ К МУНИЦИПАЛЬНОЙ ВЛАСТИ СРЕДИ МОЛОДЫХ РОССИЯН

Роман Владимирович Петухов

Институт социологии ФНИСЦ РАН,

Москва, Россия,

petukhovrv@yandex.ru,

ORCID [0000-0003-0940-9315](https://orcid.org/0000-0003-0940-9315)

Для цитирования: Петухов Р. В. Особенности формирования доверия к муниципальной власти среди молодых россиян // Социологическая наука и социальная практика. 2023. Т. 11, № 4. С. 134–155. DOI [10.19181/snsp.2023.11.4.6](https://doi.org/10.19181/snsp.2023.11.4.6). EDN GTYSBY.

Аннотация. Предметное поле, к которому относится тематика статьи, составляют факторы, связанные с функционированием самоуправления как социального процесса. Конкретный предмет – уровень доверия местной власти со стороны различных возрастных групп граждан. Исследования убедительно показывают, что доверие к органам местного самоуправления напрямую связано с общественной активностью граждан. Однако анализ позволяет зафиксировать проблемную ситуацию: при низкой степени интереса к социально-политическим аспектам устройства общества молодые россияне в возрасте до 25 лет демонстрируют сравнительно более высокое доверие к муниципальной власти. Для более глубокого изучения специфики ситуации автор статьи применил подход, основанный на поколенческих особенностях российского общества.

Целью данной работы является выявление факторов, мотивирующих россиян в возрасте до 25 лет больше доверять муниципальной власти, по сравнению с представителями других возрастных групп. Выдвигается гипотеза о том, что люди разного возраста имеют и разные предпочтения в отношении источников информации для формирования отношения к органам местного самоуправления, что и обуславливает доверительное/недоверительное к ним отношение. Для проверки этой гипотезы используются данные репрезентативных опросов населения, проводившихся Институтом социологии ФНИСЦ РАН в 2016, 2018 и 2021 гг. по общероссийской выборке.

Анализ опросов показал, что современная российская молодёжь имеет крайне слабое представление о том, что такое муниципальная власть и как она устроена в реальности. Молодые люди не интересуются традиционными медиаканалами, по которым идёт основная информация об этом уровне власти, и ориентируются в основном на мнения людей из своего ближнего круга. Возможностей для того, чтобы составить представление о деятельности муниципальных властей не из вторых рук, у молодых людей крайне мало, так как в силу своего возраста они имеют небольшой опыт прямого взаимодействия с её представителями. Поэтому наблюдение за тем, как результаты деятельности органов местного самоуправле-

ния отражаются в материальной среде муниципального образования, становится значимым каналом получения первичной информации об этом уровне власти. Значительная часть молодых людей довольны результатами деятельности местных властей, которые они могут видеть. Эта удовлетворённость, по всей видимости, вносит свой вклад в более высокий уровень доверия данной возрастной группы к органам местного самоуправления.

Ключевые слова: доверие, муниципальная власть, местное самоуправление, возрастные группы, молодёжь, гражданское участие

Введение

В конце 2021 года в Государственную Думу Российской Федерации был внесён проект федерального закона¹, который должен был запустить новую реформу местного самоуправления². Законопроект получил много замечаний как от практиков государственного и муниципального управления, так и от представителей научного экспертного сообщества. После первого чтения он был положен на «полку» и забыт на неопределённое время. Соглашаясь со всей критикой, направленной в адрес этого документа, нельзя не признать и того, что российское местное самоуправление за последние три десятилетия действительно накопило множество проблем, которые требуют скорейшего решения. Одной из них является низкий уровень доверия к муниципальной власти.

Серьёзность этой проблемы обусловлена тем, что институтам с высоким уровнем доверия намного проще взаимодействовать с обществом, в том числе получать от него поддержку в критических ситуациях. Д. Асемоглу и Дж. А. Робинсон в своей знаменитой книге «Экономические истоки диктатуры и демократии» доказывают, что правительствам, не пользующимся доверием общества, намного сложнее выводить свои страны из кризисов, чем тем, кто опирается на доверие сограждан [1, с. 182]. Высокий уровень доверия позволяет муниципальной власти рассчитывать не только на пассивную поддержку граждан в ходе очередных выборов, но и на их активное соучастие в решении насущных проблем местного значения. Образцом такого сотрудничества является, например, практика поддержания чистоты и порядка на придомовых территориях активистами некоммерческих организаций территориального общественного

¹ Проект Федерального закона № 40361-8 «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» был внесён в Государственную Думу Российской Федерации 16 декабря 2021 г. сенатором А. А. Клишасом и депутатом Государственной Думы П. В. Крашенинниковым. Подробнее см. карточку проекта на сайте «Система обеспечения законодательной деятельности»: URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/40361-8> (дата обращения: 19.10.2023).

² В статье термины «местное самоуправление» и «муниципальная власть» используются как синонимы, если иное прямо не указано.

самоуправления (так называемых ТОСов). Такой опыт есть во многих муниципальных образованиях, но лучше всего он описан на примере города Урюпинска Волгоградской области [2; 3; 4].

Социологи и социальные философы обосновали положение о том, что доверие является залогом, или условием, любых общественных отношений (см., напр.: [5, с. 20; 6, с. 4; 7, с. 211]). П. Штомпка отмечает, что изучение доверия выделилось в отдельное направление социальных исследований только в 1990-х гг., хотя первые работы, посвящённые этой проблематике, были опубликованы Николасом Луманом и Бернардом Барбером ещё в конце 1970-х – начале 1980-х гг. [5, с. 19]. На сегодняшний день существует несколько концептуальных подходов к определению и типологизации доверия, акцентирующих внимание на разных аспектах этого социального явления. Их подробный анализ даётся в целом ряде специальных работ (см., напр.: [8; 9, с. 122–125; 10, с. 26–31]), что позволяет сфокусироваться непосредственно на доверии к муниципальной власти: по аналогии с доверием к государственной власти оно может быть охарактеризовано как вертикальное, иерархически организованное отношение [5, с. 365; 11, с. 376], в котором имеется известная асимметрия в возможностях его участников [12, с. 216–217]. Доверяя муниципальной власти, люди доверяют не какому-то конкретному органу местного самоуправления или должностному лицу, но выражают своё отношение к одному из институтов власти или, в терминологии Э. Гидденса, к абстрактной системе. Институциональное доверие представляет собой доверительное отношение к соответствующей системе норм и правил, проявляющей себя в практической деятельности специализированных организационных структур [13, с. 58–59; 14, с. 24; 15, с. 92]. Для института муниципальной власти такими структурами являются органы местного самоуправления.

Рост доверия к институту муниципальной власти невозможен без сотрудничества между активными гражданами и органами местного самоуправления. На это прямо указывают результаты нескольких массовых опросов населения, проведённых в последние 6–7 лет российскими учёными [16; 17; 18]. В частности, Э. Ю. Майкова и Е. В. Симонова, проанализировав данные опросов, проведённых ими в Тверской области, приходят к выводу о том, что на доверие к муниципальной власти существенно влияет наличие активистских установок и опыта участия в практиках гражданской самоорганизации [17, с. 221]. Похожие результаты получают Е. В. Реутов и М. Н. Реутова, которые, опираясь на данные опросов, проведённых в Белгородской области, также фиксируют связь между ростом доверия к органам местного самоуправления и общественной активностью граждан [16, с. 16].

Однако, как было показано автором статьи в одном из предыдущих исследований, далеко не любая общественная активность положительно

влияет на отношение граждан к органам местного самоуправления [19]. Определяющее значение здесь имеет характер взаимоотношений, которые складываются между активистами и представителями власти. Доверие растёт только тогда, когда они строятся на конструктивной основе, т. е. приносят взаимное удовлетворение всем участникам. Особенно позитивно на отношение к муниципальным властям влияет опыт участия, позволяющий гражданам заглянуть «за кулисы» и лучше понять, как организована повседневная деятельность местных руководителей, депутатов и муниципальных служащих.

Есть ли другие возможности для укрепления доверительного отношения к муниципальной власти? Представляется, что положительных результатов можно добиться за счёт учёта поколенческих особенностей российского общества при выстраивании взаимодействия между активными гражданами и органами местного самоуправления. Анализ социальных практик показывает, что разные формы гражданского участия имеют неодинаковые аудитории потенциальных участников. В самоорганизации по месту жительства (то есть в тех же ТОСах) чаще всего участвуют люди старшего возраста, а вот в волонтерских движениях и инициативах, наоборот, активность проявляет в основном молодёжь [20; 21]. Это позволяет предположить, что доверие к муниципальной власти у разных поколений россиян формируется под воздействием неодинаковых факторов и находится на разном уровне.

Действительно, согласно данным массовых опросов, о которых подробнее будет сказано ниже, распределение доверия и недоверия к органам местного самоуправления в разных возрастных группах имеет определённые особенности. Однако на общем фоне сильнее всего выделяются молодые россияне в возрасте до 25 лет, которые демонстрируют сравнительно более высокое доверие к муниципальной власти. Почему же именно среди молодых россиян больше всего доверяющих органам местного самоуправления? Ведь молодёжь традиционно рассматривается в качестве наиболее аполитичной части российского общества, слабо разбирающейся в тонкостях социально-политического устройства общества и государства [22; 23].

В одной статье невозможно дать исчерпывающий ответ на поставленный выше вопрос. Поэтому мы сконцентрируемся на проверке одной из возможных гипотез. П. Штомка в своей работе «Доверие – основа общества» утверждает, что принципиальным отличием доверия от «слепой» веры является обязательная предварительная оценка рисков, связанных с будущим взаимодействием [5, с. 80]. Поэтому доверяющий субъект всегда учитывает всю доступную ему информацию об адресате доверия, прежде чем вступить с ним в отношения [5, с. 166]. Отталкиваясь от это-

го тезиса, можно предположить, что различия в распределении доверия к муниципальной власти в разных возрастных группах связаны с особенностями получения ими информации о деятельности органов местного самоуправления.

Целью данной работы является выявление факторов-детерминант, мотивирующих россиян в возрасте до 25 лет больше доверять муниципальной власти, по сравнению с представителями других возрастных групп. Предположительно, люди разного возраста имеют и разные предпочтения в отношении источников информации для формирования отношения к органам местного самоуправления, что и обуславливает доверительное/недоверительное к ним отношение. Для проверки этой гипотезы обратимся к эмпирическим данным, полученным методом массовых опросов населения, проводившихся Институтом социологии ФНИСЦ РАН в 2016, 2018 и 2021 гг. по общероссийской выборке (в 2016 и 2018 гг. $n = 4000$, а в 2021 г. $n = 2000$), репрезентирующей население страны по региону проживания, а внутри него – по полу, возрасту, уровню образования и типу поселения. Эти исследования проводились при поддержке Российского научного фонда в рамках проектов «Динамика социальной трансформации современной России в социально-экономическом, политическом, социокультурном и этнорелигиозном контекстах» (2014–2018 гг.) и «Влияние нематериальных факторов на консолидацию российского общества в условиях новых социокультурных вызовов и угроз» (2020–2024 гг.). Если анализ эмпирических данных подтвердит наличие особенностей получения информации о деятельности органов местного самоуправления разными возрастными группами, то выдвинутая гипотеза может считаться подтверждённой.

Доверие органам местного самоуправления в разных возрастных группах

Результаты опроса, проведённого Институтом социологии ФНИСЦ РАН весной 2021 г., показали, что органам местного самоуправления доверяли 37%, а не доверяли – 63% опрошенных. Это негативные показатели для наиболее близкого к гражданам института власти, который, по мнению исследователей, должен иметь один из наиболее высоких уровней доверия. Фиксируемые опросом показатели фактически свидетельствуют о том, что доверие к органам местного самоуправления находится на стадии разрушения¹. Особенно отчётливо это видно при их сравнении с уровнем доверия другим ключевым властным институтам. Как видно

¹ О причинах разрушения доверия к органам местного самоуправления подробнее см.: [24].

из приведённого ниже рисунка, соотношение доверяющих и не доверяющих главам субъектов Российской Федерации составляет 45% против 55%, федеральному правительству – 43% против 57% и президенту страны – 63% против 37% (см. рис. 1), что превосходит показатели органов местного самоуправления.

Рис. 1. Доверие и недоверие ключевым институтам российской власти, 2021 г., %

Анализ данных относительно того, как доверие к органам местного самоуправления распределяется по возрастным группам (см. табл. 1), показывает, что в самой младшей возрастной группе (до 25 лет включительно) доля доверяющих муниципальной власти заметно больше, чем в среднем по выборке (на 9 п.п.), и практически достигает отметки в 50%. В самой старшей возрастной группе (66 лет и старше) доля доверяющих органам местного самоуправления также больше, чем в среднем по выборке, но тут превышение находится в пределах статистической погрешности. Меньше всего доверяют муниципальной власти респонденты в возрасте от 26 до 35 лет.

Приведённые в таблице 1 данные позволяют также проанализировать динамику распределения доверия и недоверия к органам местного самоуправления в разных возрастных группах. В течение всего исследуемого периода в возрастной группе до 25 лет наблюдался самый высокий уровень доверия и одновременно самый низкий уровень недоверия к органам местного самоуправления. При этом год от года доверие к муниципальной власти в этой группе только возрастало. В остальных когортах показатели мало отличались от среднего по выборке.

Таблица 1

Динамика распределения доверия и недоверия органам местного самоуправления в различных возрастных группах, 2021, 2018, 2016 гг.¹, %

Доверие или недоверие органам МСУ в разные годы	В среднем по выборке	Возраст, лет					
		До 25 включительно	26–35	36–45	46–55	56–65	66 и более
<i>2021 г.</i>							
Доверяли органам МСУ	37	48	31	37	35	37	39
Не доверяли органам МСУ	63	52	69	62	65	62	61
Индекс доверия по методике EVS ¹	74	96	62	75	70	75	78
<i>2018 г.</i>							
Доверяли органам МСУ	34	40	33	31	33	27	40
Не доверяли органам МСУ	66	60	67	69	67	73	60
Индекс доверия по методике EVS	68	80	66	62	66	54	80
<i>2016 г.</i>							
Доверяли органам МСУ	30	35	32	25	31	30	30
Не доверяли органам МСУ	70	65	68	75	69	70	70
Индекс доверия по методике EVS	60	70	64	50	62	60	60

Примечание. В таблице выделены значения, превышающие средний показатель по выборке на 5 п. п. и более.

Исключением является рост уровня доверия к органам местного самоуправления до 40% в самой старшей возрастной группе в 2018 году, а также увеличение недоверия до 75% в возрастной группе 36–45-летних в 2016 году и до 73% – в группе 56–65-летних в 2018 году. Однозначно трактовать эти данные крайне сложно, так как соответствующие изменения носят разовый характер и не формируют чёткой тенденции. Для того, чтобы представить динамику доверия к муниципальной власти

¹ В таблице не учтены данные по затруднившимся ответить в 2016 и 2018 гг., т. к. в 2021 году этот вариант ответа не предусматривался. Доли затруднившихся ответить: в 2016 г. – 28%, в 2018 г. – 24%. Численность подвыборок при этом составила для 2016 г. – 2892 чел., а для 2018 г. – 3057 чел.

² Индекс доверия органам местного самоуправления рассчитан в соответствии с методикой, используемой при проведении Европейского исследования ценностей (European Values Study (EVS)), по формуле: индекс доверия = доля доверяющих – доля не доверяющих + 100. Если показатель индекса превышает 100, это означает, что большинство опрошенных доверяют органу власти, а если индекс меньше 100, то большинство не доверяют ему. Подробнее об индексе см.: [25].

более наглядно, был рассчитан индекс доверия органам власти. Из приведённых в таблице 1 данных видно, что при каждом следующем замере в самой младшей возрастной группе значение этого индекса заметно увеличивается. Если в 2016 году его значение было 70, то в 2018 году оно увеличилось до 80, а в 2021 году достигло 96, т. е. вплотную приблизилось к отметке 100, достижение которой будет означать, что большинство опрошенных в этой группе доверяют муниципальной власти. Ни в одной другой группе таких результатов не наблюдалось.

Приведённые выше данные показывают, что доверие к муниципальной власти у молодых россиян выражено гораздо сильнее, чем у представителей других возрастных групп. Теперь необходимо понять, как этот факт связан с особенностями получения молодыми людьми информации о деятельности органов местного самоуправления. Выше уже было сказано о роли информации об адресате доверия при формировании доверительного отношения к нему. Однако при анализе институционального доверия необходимо учитывать и существенные особенности, касающиеся того, как информация попадает к доверяющему субъекту. Энтони Гидденс в своей классической работе «Последствия современности» отмечает, что в современном обществе установка доверия к абстрактным системам (к которым он относит и институты власти) зависит как от опыта, полученного в «точках доступа», где обычные люди могут лично соприкоснуться с представителями абстрактных систем, так и от знания, поставляемого средствами массовой информации [7, с. 221]. Другими словами, информация об институтах власти может быть получена либо непосредственно, что называется – из первых рук, либо опосредованно через посредников, которыми чаще всего являются СМИ. Выделив два ключевых способа получения информации, необходимой для формирования институционального доверия, можно предположить, что представители разных возрастных групп узнают о деятельности муниципальной власти из разных источников, что влияет не только на уровень их информированности, но и на то, как они воспринимают результаты её работы.

Каналы получения молодыми россиянами информации о деятельности муниципальной власти

Получить представление об источниках, которыми пользуются представители разных возрастных групп, можно из ответов на вопрос о том, чьё мнение и какая информация представляется респондентам важной для определения собственной позиции по важнейшим вопросам жизни общества. Как видно из таблицы 2, практически треть опрошенных (28%) ориентируются на мнение людей, составляющих их ближний круг

Таблица 2

Источники информации, важные для определения позиции по вопросам жизни общества и государства, в разных возрастных группах, 2021 г., %

Источники информации	Возраст, лет						
	В среднем по выборке	До 25 включительно	26–35	36–45	46–55	56–65	66 и более
Мнения официальных лиц, представителей государственных структур, транслируемые официальными каналами информации (гос. телевидение, радио, пресса) или короче: транслируемые официальными СМИ	10	7	9	9	10	12	16
Мнение президента В. В. Путина	23	20	18	24	21	24	29
Зарубежные источники	4	7	5	3	4	2	2
Мнения лидеров и представителей оппозиции	6	8	7	5	5	7	7
Мнения лидеров и представителей общественных организаций, объединений, НКО, профсоюзов	4	3	5	5	3	3	3
Мнения авторитетных учёных, экспертов	17	13	12	18	18	21	17
Мнения авторитетных представителей культуры, актёров, певцов, спортсменов	4	7	4	4	4	3	4
Мнения единомышленников, разделяющих политические, религиозные, творческие взгляды респондента	16	14	18	15	19	16	15
Мнения родственников, друзей, коллег по работе	28	36	32	23	31	26	25
В разных случаях разные источники информации	24	23	25	26	26	21	23
Не используют источники информации, опираются на собственное понимание вопроса	27	23	27	28	26	32	25

(родственники, друзья, коллеги и т. п.). Показательно, что в самой младшей возрастной группе доля ориентирующихся именно на этот источник информации больше среднего показателя на 8 п.п. и составляет 36% опрошенных. Менее всего зависимы от мнения ближнего круга респонденты среднего возраста (36–45 лет), что соответствует представлениям об этом периоде человеческой жизни как о наиболее активном и самостоятельном. Некоторая доля респондентов (16%) заявила о том, что для них является важным мнение единомышленников, то есть людей, разделяющих их политические, религиозные и творческие взгляды.

Из внешних источников авторитетного мнения и информации выделяется глава государства, к которому прислушиваются 23% опрошенных. Однако среди молодых россиян мнение президента востребовано немного меньше – в группе до 25 лет включительно его отметили 20% респондентов, а в группе «25–36 лет» – 18%. Для сравнения: в самой старшей возрастной когорте на позицию президента ориентируются 29% опрошенных. Также среди молодых россиян не пользуются особым авторитетом российские официальные источники информации, представители разнообразных НКО и эксперты от науки. При формировании своей позиции в этой группе чаще, чем в среднем по выборке, учитывается мнение отечественных негосударственных и зарубежных массмедиа, а также оппозиционных политиков и звёзд шоу-бизнеса.

В целом же можно констатировать, что большинство молодых россиян получают значительную часть информации, на основе которой они формируют позиции по важным вопросам жизни общества и государства, не из внешних источников, таких как массмедиа, лидеры мнений и т. д., а от людей из ближнего круга (родственников, друзей, коллег по работе и т. д.). Предположительно, именно по этому каналу молодые люди получают основной объём негативно окрашенной информации о муниципальной власти, так как у людей старшего возраста из их ближнего круга гораздо больше как информации о проблемах в деятельности органов местного самоуправления, так и неоднозначного опыта взаимодействия с ними.

Для определения того, каким образом информация об органах местного самоуправления доходит до молодых россиян, важно понимать, что эта социальная группа отличается довольно низкой степенью вовлечённости в общественно-политическую жизнь страны и низким уровнем интереса к политике. Для современной России в целом характерен высокий уровень аполитичности общества [26]. Опрос населения по квотной выборке, проведённый весной 2021 г., показал, что 46% опрошенных не принимали никакого участия в общественно-политической жизни стра-

ны в течение последних года – полутора лет. При этом в самой младшей возрастной группе (до 25 лет включительно) доля не участвовавших составила 52%. Этот показатель не только больше среднего по выборке на 6 п. п., но и является самым высоким у всех других возрастных групп (см. рис. 2). Наиболее же сильно вовлечены в общественно-политическую жизнь представители самой старшей возрастной когорты (старше 66 лет), в которой доля не участвующих в общественно-политической жизни страны составляет 40%.

Молодые россияне не только слабо вовлечены в общественно-политическую жизнь, но и мало следят за политическими событиями, происходящими в стране. Как показано на рисунке 3, в самой младшей возрастной группе (до 25 лет включительно) политикой интересуются (внимательно следят за информацией о политических событиях) лишь 15% опрошенных, в то время как никакого интереса к ней не проявляют 42% респондентов. Меньше же всего интересующихся политической жизнью – в возрастной когорте «26–35 лет» (12%), а больше – в двух старших возрастных группах (23 и 32% в группах «56–65 лет» и «66 лет и старше» соответственно). Интересно, что доля пассивно интересующихся политикой, то есть специально за ней не следящих, но время от времени проявляющих интерес к тому, что происходит в этой сфере, примерно одинакова во всех возрастных группах.

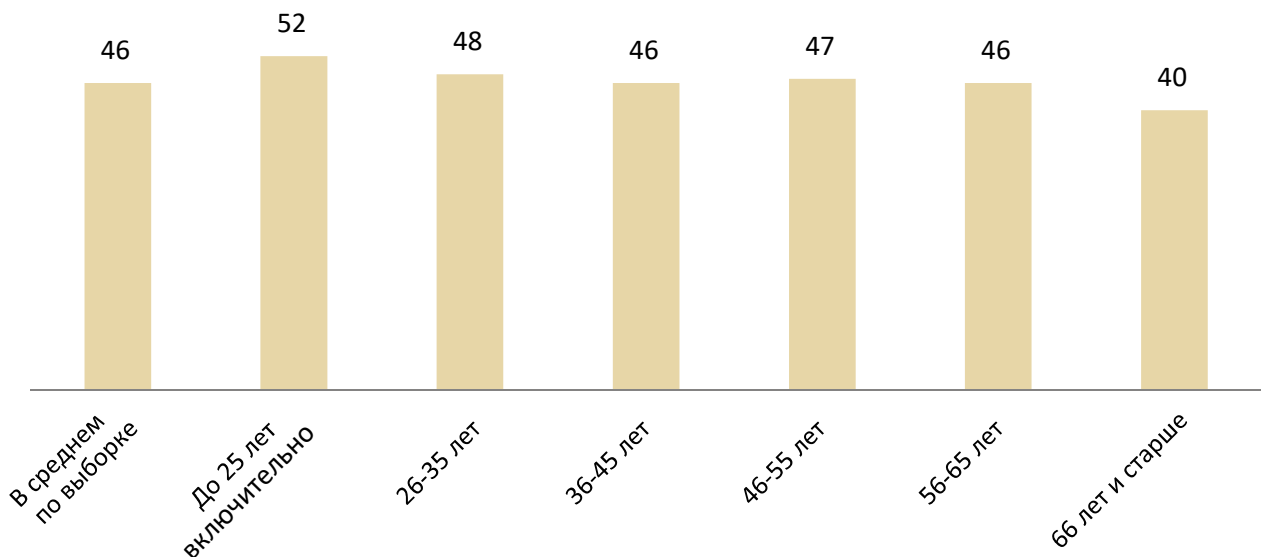

Рис. 2. Доли не участвовавших в общественно-политической жизни в течение последних года – полутора лет, по возрастным группам, 2021 г., %

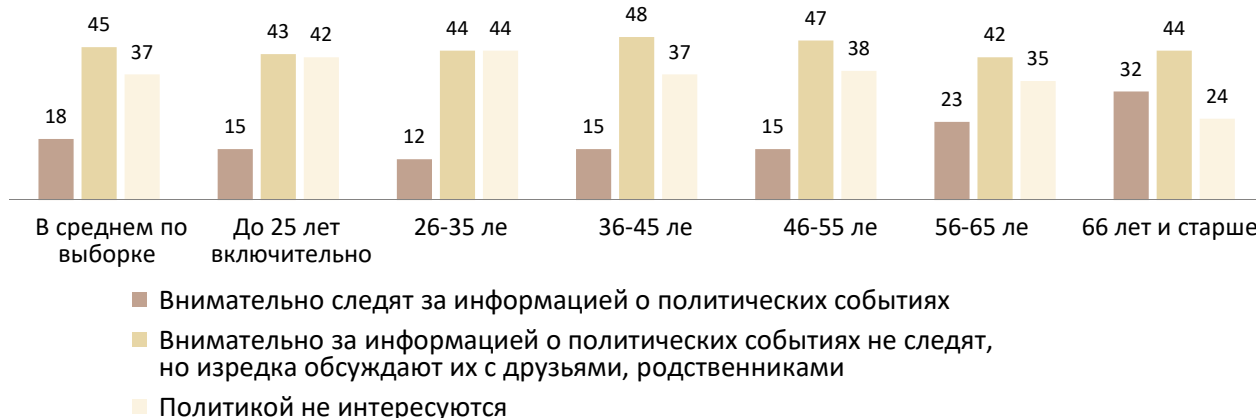

Рис. 3. Личный интерес к политике в разных возрастных группах, 2021 г., %

Обобщая приведённые выше данные, можно резюмировать, что значительная часть российской молодёжи в возрасте до 25 лет включительно не имеет релевантного опыта участия в общественно-политической жизни и не интересуется политикой. Информацию о том, что происходит в этой сфере социальной жизни, они получают в основном от людей из своего ближнего окружения (семья, родственники, друзья). Доля тех, кто полагается на СМИ и другие медиа, в младшей возрастной группе крайне невелика (около 10%). Предпочтение в молодёжной группе отдаётся не профессиональным средствам информирования, а обыденному знанию, циркулирующему в самом ближнем круге общения, формируемом вокруг молодых людей их родителями, родственниками и друзьями. Информационные сообщения о деятельности муниципальной власти получают по этому каналу не систематически и вряд ли могут помочь молодым людям глубоко погрузиться в проблематику местного самоуправления. По своей природе эти сведения близки к слухам, а следовательно, носят субъективный характер, отражающий индивидуальные представления их распространителей [27, с. 101].

Изменение условий жизни как источник информации о муниципальной власти

Выше уже отмечалось, что информация об адресате доверия может быть получена не только из «внешних» источников, но и из опыта непосредственного взаимодействия с ним. Как правило, такой опыт получается в процессе коммуникации с представителями низовой бюрократии, обеспечивающей текущую деятельность органов власти. Несмотря на то, что органы местного самоуправления считаются доступными для простых граждан, взаимодействие с ними подчинено некоторым фор-

мальным требованиям и чаще всего осуществляется по ограниченному перечню вопросов. Логично предположить, что в силу своего возраста большинство молодых россиян имеет меньше опыта обращения в органы муниципальной власти, чем люди других возрастов.

Тем не менее помимо опыта взаимодействия с представителями власти есть ещё один канал получения информации об институтах власти. Непосредственно наблюдаемые последствия деяний органов власти также могут быть рассмотрены в качестве источника информации. Сложность устройства современных обществ зачастую скрывает от простых людей связь между действиями властей и теми изменениями, которые они вызывают в их обыденной жизни. Именно поэтому функция непосредственного наблюдения за последствиями деяний институтов власти передана специально обучаемым и работающим на профессиональной основе экспертам. Однако органы местного самоуправления и подведомственные им организации жилищно-коммунального хозяйства сохраняют несколько бóльшую степень проницаемости для неподготовленного наблюдения со стороны граждан.

Любой человек, постоянно живущий в той или иной местности, способен почувствовать, как действия муниципальных властей отражаются на его повседневной жизни. О том, что они справляются со своей работой, будут говорить чистота и порядок на улицах и во дворах, асфальт без ям, приезжающий по расписанию общественный транспорт и ещё множество других частных, из которых состоит комфортная среда обитания. Проблемы же в муниципальном хозяйстве также легко выявляются даже при поверхностном наблюдении. Обычно люди специально не наблюдают за действиями органов местного самоуправления: информация об их работе собирается автоматически и обрабатывается подсознанием как ответ на чувственный опыт нахождения в физической среде того или иного муниципального образования. Понимание того, насколько хорошо муниципальная власть справляется со своими обязанностями, не является результатом осознанной рефлексии, а приходит в качестве готового знания.

Сложно оценить вклад этого канала в формирование информационной основы доверия властным институтам. Но отрицать его было бы неправильно. Более того, для молодёжи, которая слабее других возрастных групп включена в общественно-политическую жизнь общества, меньше интересуется политикой и имеет крайне ограниченный опыт непосредственного взаимодействия с представителями власти, наблюдение за результатами деятельности органов местного самоуправления может оказаться значимым источником информации. Если это действительно так, то можно предположить, что более высокий уровень доверия к муниципальной власти у молодых россиян является следствием более позитивного восприятия ими работы органов местного самоуправления.

Получить представление о том, как респонденты относятся к деятельности муниципальной власти, можно через оценку ими своего постоянного места жительства (города, посёлка, села и т. д.). Определённо, существенную роль в формировании оценки респондентом своего места жительства будет играть комфортность повседневной жизни. Понятие «комфортность» очень широкое и каждый отдельный индивид может вкладывать в него самые разные смыслы, но базовыми потребностями комфортного проживания являются личная безопасность, чистота и порядок на улицах и бесперебойное оказание основных жилищно-коммунальных (электроэнергия, тепло, вывоз мусора и т. д.), образовательных и медицинских услуг. Практически все эти аспекты повседневной жизни в той или иной степени обеспечиваются на большей части территории Российской Федерации¹ органами местного самоуправления. Следовательно, можно считать, что, давая оценку месту своего жительства, респонденты одновременно оценивают и то, как муниципальная власть справляется с выполнением своих обязанностей.

Данные общероссийского опроса, проведённого весной 2021 г., показывают, что большая часть опрошенных в целом удовлетворены местом своего жительства, но как хорошее его оценивают немногим больше трети респондентов (см. рис. 4). При этом в самой молодой возрастной группе (до 25 лет включительно) заметно больше, чем в других возрастных когортах и в среднем по выборке, доля респондентов, положительно оценивающих место своего жительства. В этой группе мнения распределились почти поровну – 47% опрошенных хорошо оценивают свой населённый пункт, а 46% – удовлетворительно.

Другим показателем, с помощью которого также можно понять отношение россиян к муниципальной власти, является оценка общей ситуации в своём муниципальном образовании. Конечно, это более комплексный показатель, ориентированный не столько на материальную сторону повседневной жизни, сколько на субъективные ощущения и переживания, которые имеются у респондентов. В частности, существенную роль в этой оценке играет морально-психологическая атмосфера, влияющая на которую местным властям гораздо сложнее, чем обеспечивать нормальное функционирование жилищно-коммунального хозяйства. Но, с другой стороны, сложно себе представить ситуацию, когда, несмотря на плохую работу органов местного самоуправления, обстановка в соответствующем муниципальном образовании оценивается его жителями как нормальная и спокойная.

Повторимся, что органы местного самоуправления должны обеспечивать удовлетворение первичных потребностей людей, без которых повседневная

¹ Исключением являются города федерального значения и некоторые особые территории, такие как «Сколково» и «Сириус».

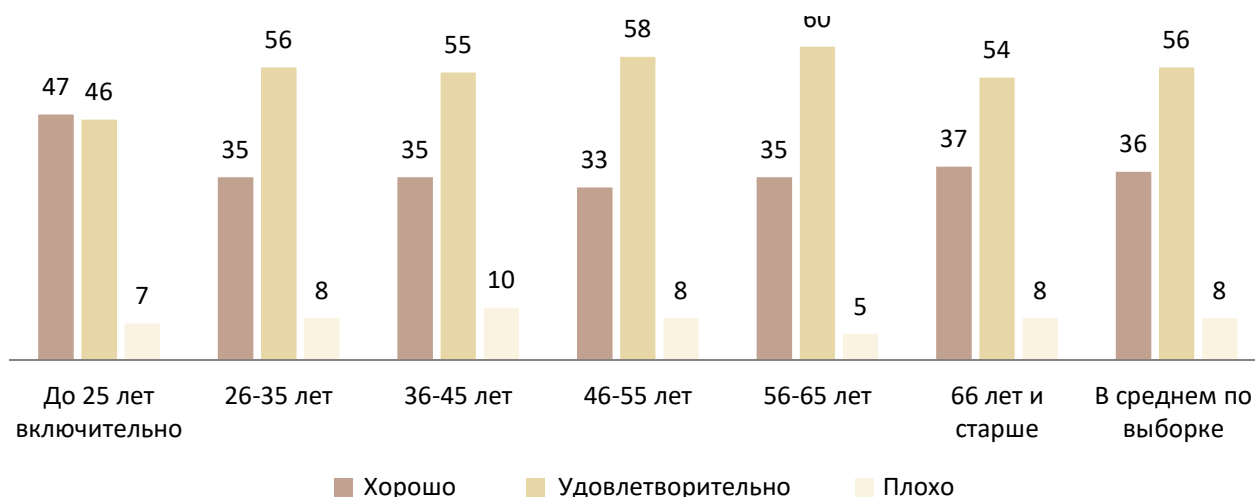

Рис. 4. Оценка места жительства (города, посёлка, села) в разных возрастных группах, 2021 г., %

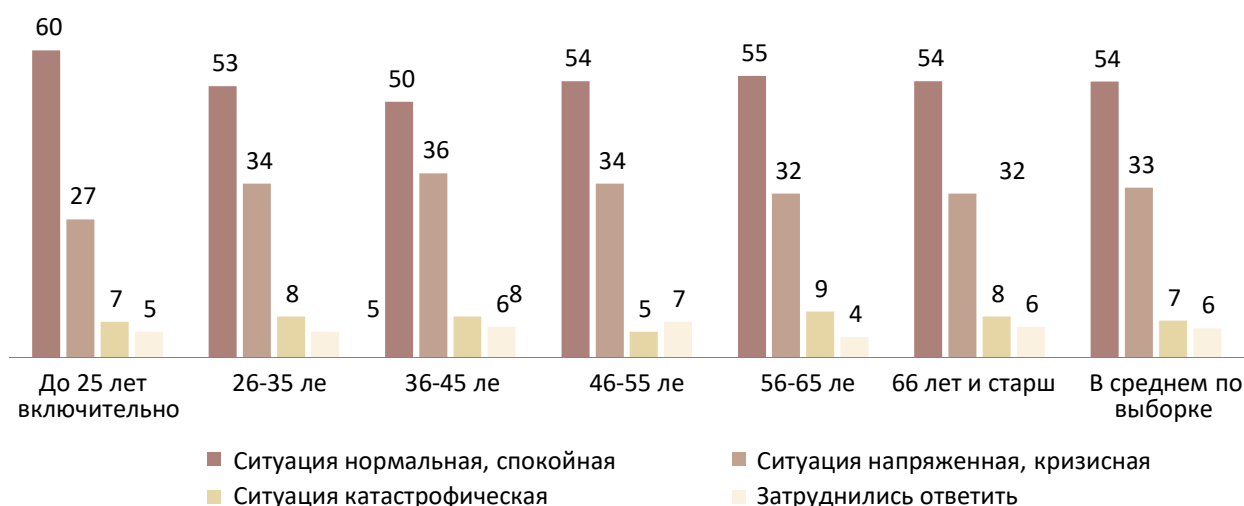

Рис. 5. Оценка общей ситуации в своём муниципальном образовании в разных возрастных группах, 2021 г., %

жизнь будет значительно сложнее. Поэтому в ответах респондентов на вопрос об общей ситуации в муниципальном образовании можно увидеть имплицитные оценки деятельности органов местного самоуправления.

Как видно из рисунка 5, более половины опрошенных оценивают общую ситуацию в своём муниципальном образовании как нормальную, спокойную (54%). Ситуацию считают напряжённой, кризисной чуть более трети респондентов – 33%, а катастрофической – 7%. При этом, как и в отношении места своего жительства, в самой младшей возрастной группе больше позитивных оценок, чем в других возрастных когортах

и в среднем по выборке. Нормальной ситуацией в своих муниципалитетах называют 60% респондентов в возрасте до 25 лет включительно, а напряжённой, кризисной – 27%.

Таким образом, если рассматривать опыт непосредственного наблюдения в качестве значимого источника информации для формирования доверия к институтам власти, то различия в восприятии места жительства и общей ситуации в своём муниципальном образовании в самой молодой возрастной группе (до 25 лет включительно) и в других возрастных когортах могут в какой-то мере объяснить, почему молодые россияне больше доверяют муниципальной власти, чем представители более старших поколений.

Заключение

Подводя итоги, следует отметить, что приведённые выше данные показали, что современная российская молодёжь имеет крайне слабое представление о том, что такое муниципальная власть и как она устроена в реальности. Они не интересуются традиционными медиаканалами, по которым идёт основная информация об этом уровне власти, и ориентируются в основном на мнения людей из своего ближнего круга. Возможностей для того, чтобы составить представление о деятельности муниципальных властей не из вторых рук, у молодых людей крайне мало, так как в силу своего возраста они имеют небольшой опыт прямого взаимодействия с её представителями. Поэтому наблюдение за тем, как результаты деятельности органов местного самоуправления отражаются в материальной среде муниципального образования, становится значимым каналом получения первичной информации об этом уровне власти. Судя по приведённым выше данным, значительная часть молодых людей довольна теми результатами деятельности местных властей, которые она может видеть. Эта удовлетворённость, по всей видимости, вносит свой вклад в более высокий уровень доверия данной возрастной группы к органам местного самоуправления.

Проведённый в настоящей статье анализ данных массовых опросов населения подтвердил обоснованность предположения о том, что россияне разных возрастов получают информацию о деятельности органов местного самоуправления из разных типов источников. Однако для того, чтобы однозначно говорить о наличии связи между уровнем доверия к муниципальной власти и информированностью граждан о её деятельности, необходимы дополнительные исследования, предметом которых могла бы быть оценка степени информированности граждан и качества информации, доступной людям разного возраста.

Вместе с тем сделанные в настоящей статье выводы могут уже сегодня использоваться как для совершенствования взаимодействия между активными жителями и органами местного самоуправления в отдельном муниципальном образовании, так и для проектирования изменений в организации муниципальной власти в масштабах региона и всей страны. В условиях серьёзного разрушения доверия к муниципальной власти положительное отношение к ней молодых россиян крайне ценно. Можно с достаточно большой степенью уверенности предположить, что если деятельность органов местного самоуправления станет более заметной и понятной не только для молодёжи, но и для людей других возрастов, то уровень доверия к ним обязательно возрастет. Но для этого муниципальные власти должны стать гораздо более открытыми и доступным для простых граждан.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Асемоглу Д., Робинсон Дж. А. Экономические истоки диктатуры и демократии / Д. Асемоглу, Д. А. Робинсон ; пер. с англ. С. В. Моисеева ; под науч. ред. Л. И. Полищука, Г. Р. Сюняева, Т. В. Натхова. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. 512 с. ISBN 978-5-7598-0825-1. EDN [UWDEFP](#).
2. Никулина В. А. Муниципальная власть и развитие территориального общественного самоуправления: опыт взаимодействия на примере города Урюпинск Волгоградской области // Вестник Воронежского института экономики и социального управления. 2018. № 4. С. 40–42. EDN [YZABLV](#).
3. Гливенко В. О. Делай как Урюпинск, или скрытый потенциал российских регионов // IX Южно-российский политологический конвент «Лидеры, группы, массы: российская политика и вызовы современности»: Материалы Всероссийской конференции с международным участием (Ростов-на-Дону, 28–29 октября 2019 года). Ростов-на-Дону : Издательство «Перо», 2019. С. 214–216. EDN [WHTKXW](#).
4. Хорошеньков Ю. Н. ТОСы и местная власть: вместе могут все // Журнал Бюджет. 2020. № 4 (208). С. 58–59. EDN [ZWMOOC](#).
5. Штомпка П. Доверие – основа общества. М. : Логос, 2012. 445 с. ISBN 978-5-98704-495-7. EDN [QONPXD](#).
6. Luhmann N. Trust and Power. N.Y. : J. Wiley, 1979. 228 p.
7. Гидденс Э. Последствия современности / Э. Гидденс ; пер. с англ. Г. К. Ольховикова ; Д. А. Кибальчича ; вступ. статья Т. А. Дмитриева. М. : Издательская и консалтинговая группа «Праксис», 2011. 352 с. ISBN 978-59015-7490-4.
8. Андрущенко А. И. Анализ и систематизация научных подходов к формированию типологии доверия (опыт библиографического анализа) // Социологические исследования. 2013. № 8 (352). С. 126–135. EDN [QZVGID](#).
9. Сатаров Г. А. Доверие как объект политической социологии. Часть I // Полис. Политические исследования. 2016. № 1. С. 121–138. DOI [10.17976/jpps/2016.01.09](#). EDN [VEBMXX](#).
10. Доверие и недоверие в условиях развития гражданского общества / А. Ю. Акимова, Н. А. Амерханова, И. В. Антоненко [и др.] ; отв. ред. А. Б. Купрейченко,

- И. В. Мерсияновой. М. : Издательский дом НИУ ВШЭ, 2003. 564 с. ISBN 978-5-7598-1140-4. EDN **TLZJCD**.
11. *Инглхарт Р., Вельцель К.* Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития. М. : Новое издательство, 2011. 464 с. ISBN 978-5-98379-144-2. EDN **QOMHTL**.
 12. *Патнэм Р.* Чтобы демократия сработала. Гражданские традиции в современной Италии. М. : Издательство «Ad Marginem», 1996. 287 с.
 13. Проблемы и парадоксы анализа институционального доверия как элемента социального капитала современной России / М. Сасаки, В. А. Давыденко, Ю. В. Латов [и др.] // Журнал институциональных исследований. 2009. Т. 1, № 1. С. 20–35. EDN **KZRNfJ**.
 14. *Вахтина М. А.* Доверие к государству как фактор повышения его эффективности // Журнал институциональных исследований. 2011. Т. 3, № 3. С. 57–65. EDN **OFSGUB**.
 15. *Терин Д. Ф.* Конструкция политического доверия в России: эффективность и справедливость политических институтов // Социологический журнал. 2018. Т. 24, № 2. С. 90–109. DOI [10.19181/socjour.2018.24.2.5846](https://doi.org/10.19181/socjour.2018.24.2.5846). EDN **XRLIL**.
 16. *Реутов Е. В., Реутова М. Н.* Доверие к муниципальной власти и интеграция социального пространства местного сообщества // Среднерусский вестник общественных наук. 2016. Т. 11, № 5. С. 12–21. DOI [10.12737/22689](https://doi.org/10.12737/22689). EDN **XEARFZ**.
 17. *Майкова Э. Ю., Симонова Е. В.* Взаимосвязь доверия к местному самоуправлению и участия в самоуправленческих практиках (на примере Тверской области) // Социологические исследования. 2023. № 2. С. 28–40. DOI [10.31857/S013216250023178-8](https://doi.org/10.31857/S013216250023178-8). EDN **QYHDCN**.
 18. *Ширяева В. А., Ленская И. Ю.* Доверие населения к органам муниципальной власти как основа активного участия граждан в общественной жизни муниципального образования: современное состояние // Вестник экономики, права и социологии. 2017. № 1. С. 183–186. DOI [10.18454/VEPS.2017.1.5524](https://doi.org/10.18454/VEPS.2017.1.5524). EDN **YKGQYJ**.
 19. *Петухов Р. В.* Влияние опыта гражданского участия на доверие муниципальным властям // Материалы I Всероссийского форума молодых исследователей социальных наук, II Молодёжной научно-практической конференции исследователей социальных наук (г. Вологда, 21–24 июня 2022 г.). Вологда : ФГБУН ВолНИЦ РАН, 2022. С. 69–75.
 20. *Трофимова И. Н.* Поколенческий фактор гражданской активности в российском обществе // Социологическая наука и социальная практика. 2015. № 2 (10). С. 5–17. EDN **TYRWYN**.
 21. Волонтерская деятельность учащейся молодёжи: социальная значимость и основания мотивированного отказа / М. В. Певная, А. Н. Тарасова, Д. Ф. Телепаева, М. Черникова-Бука // Образование и наука. 2022. Т. 24, № 10. С. 200–230. DOI [10.17853/1994-5639-2022-10-200-230](https://doi.org/10.17853/1994-5639-2022-10-200-230). EDN **SYFBAА**.
 22. *Петухов В. В.* Российская молодёжь и её роль в трансформации общества // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 3 (157). С. 119–138. DOI [10.14515/monitoring.2020.3.1621](https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1621). EDN **QWSVAC**.
 23. *Омельченко Е. Л.* Молодёжный активизм в России и глобальные трансформации его смысла // Журнал исследований социальной политики. 2005. Т. 3, № 1. С. 59–86. EDN **IARPDL**.
 24. *Петухов Р. В.* Доверие российского общества к органам местного самоуправления как проблема // Полис. Политические исследования. 2017. № 6. С. 61–75. DOI [10.17976/jpps/2017.06.05](https://doi.org/10.17976/jpps/2017.06.05). EDN **ZVMOKR**.

25. Международные и отечественные методики определения индексов доверия к экономике / О. В. Таханова, Ж. Д. Цыбикдоржиева, Г. Е. Алексеева, А. Р. Цыренов // Интернет-журнал Науковедение. 2017. Т. 9, № 6. С. 119–128. EDN **YSAIRF**.
26. Политика аполитичных: Гражданские движения в России 2011–2013 годов / М. Л. Алюков, С. В. Ерпылева, А. А. Желнина [и др.]; отв. ред. С. В. Ерпылева, А. В. Магун. М. : Новое литературное обозрение, 2014. 480 с. ISBN 978-5-4448-0218-2.
27. Горбатов Д. С., Большаков С. Н. Слухи в зарубежной социологии и социальной психологии: теоретические подходы // Социологические исследования. 2015. № 7 (375). С. 98–107. EDN **UCFNZT**.

Сведения об авторе

Р. В. Петухов

кандидат юридических наук,
ведущий научный сотрудник
AuthorID РИНЦ: **585300**

Статья поступила в редакцию 04.10.2023; одобрена после рецензирования 29.10.2023; принята к публикации 03.11.2023.

Original article

DOI: [10.19181/snsp.2023.11.4.6](https://doi.org/10.19181/snsp.2023.11.4.6)

FEATURES OF BUILDING TRUST IN MUNICIPAL AUTHORITIES AMONG YOUNG RUSSIANS

Roman Vladimirovich Petukhov

Institute of Sociology of FCTAS RAS,
Moscow, Russia,

petukhovrv@yandex.ru,

ORCID [0000-0003-0940-9315](https://orcid.org/0000-0003-0940-9315)

For citation: Petukhov R. V. Features of building trust in municipal authorities among young Russians. *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. 2023;11(4):134–155. (In Russ.). DOI [10.19181/snsp.2023.11.4.6](https://doi.org/10.19181/snsp.2023.11.4.6).

Abstract. The subject of this article is related to factors associated with the functioning of self-government as a social process. The main focus is on the level of trust in local authorities by citizens of different age groups. Research shows that trust in local self-government is closely linked to citizens' civic activity. However, the analysis reveals an interesting situation: young Russians under the age of 25, despite their generally low interest in the socio-political aspects of society, demonstrate a higher level of trust in municipal authorities compared to representatives of other age groups. To study the specifics of the situation in more depth, the author of the article used an approach based on the generational characteristics of Russian society.

The aim of the study is to identify the factors that motivate Russians under the age of 25 to trust municipal authorities more than representatives of other age groups. The authors of the

article hypothesise that people of different ages may have different preferences for sources of information that shape their attitude towards local self-government, and this affects the level of trust. To test this hypothesis, data from representative population surveys conducted by the Institute of Sociology of FCTAS RAS in 2016, 2018, and 2021 were used.

The analysis of the surveys showed that contemporary Russian youth have a weak understanding of municipal authorities and how they operate in practice. Young people are not interested in traditional mass media through which the main information about municipal authorities is conveyed; instead, they rely on the opinions of people in their social circles. Young people have limited opportunities to obtain information about the activities of municipal authorities directly, as due to their age they have little experience of direct interaction with them. Therefore, an important source of information about municipal authorities for young people becomes observing how the activities of municipal authorities impact their local community. Significant part of young people are satisfied with the results of the activities of local authorities that they can observe. This satisfaction likely contributes to a higher level of trust in municipal authorities among this age group.

Keywords: trust, municipal government, local self-government, age groups, youth, civic participation

REFERENCES

1. Asemoglu D., Robinson J. A. Economic origins of dictatorship and democracy [E`konomicheskie istoki diktatury` i demokratii]. Moscow: Vy`sshaya shkola e`konomiki; 2015. 512 p. (In Russ.). ISBN 978-5-7598-0825-1.
2. Nikulina V. A. Municipal power and development of territorial public self-government: experience of interaction on the example of the city of Uryupinsk, Volgograd region. *Bulletin of the Voronezh Institute of Economics and Social Management=Vestnik Voronezhskogo instituta e`konomiki i social`nogo upravleniya*. 2018;(4):40–42. (In Russ.).
3. Glivenko V. O. Do as Uryupinsk, or the hidden potential of Russian regions. In: IX South Russian Political Science Convention “Leaders, groups, masses: Russian politics and modern challenges”: Materials of the All-Russian Conference with International participation, Rostov-on-Don, October 28–29, 2019. Rostov-on-Don: Pero; 2019: 214–216. (In Russ.).
4. Khoroshenkov Yu. N. TOSy and local authorities: everything can work together. *Budget Magazine=Byudzhnet*. 2020;(4):58–59. (In Russ.).
5. Shtompka P. Trust is the basis of society. Moscow: Logos; 2012. 445 p. (In Russ.). ISBN 978-5-98704-495-7.
6. Luhmann N. Trust and power. New York: J. Wiley; 1979. 228 p.
7. Giddens E. Consequences of modernity. Moscow: Praxis; 2011. 352 p. (In Russ.). ISBN 978-59015-7490-4.
8. Andryushchenko A. I. Analysis and systematization of scientific approaches to the formation of the typology of trust (experience of bibliographic analysis). *Sociological studies=Sociologicheskie issledovaniya*. 2013;(8):126–135. (In Russ.).
9. Satarov G. A. Trust as an object of political sociology. Part I. *Policy. Political studies=Polis. Politicheskie issledovaniya*. 2016;(1):121–138. (In Russ.). DOI [10.17976/jpps/2016.01.09](https://doi.org/10.17976/jpps/2016.01.09).
10. Akimova A. YU., Amerxanova N. A., Antonenko I. V. [et al.]. Trust and distrust in the conditions of civil society development [Doverie i nedoverie v usloviyah razvitiya grazhdanskogo obshchestva]. Kupreichenko A. B., Mersiyanova I. V., eds. Moscow: Vy`sshaya shkola e`konomiki; 203. 564 p. (In Russ.). ISBN 978-5-7598-1140-4.

11. Inglehart R., Welzel K. Modernization, cultural changes and democracy: The human development sequence. Moscow: Novoe izdatel'stvo; 2011. 464 p. (In Russ.). ISBN 978-5-98379-144-2.
12. Putnam R. Making democracy work. Civic traditions in modern Italy. [Chtoby` demokratiya srabotala. Grazhdanskije tradicii v sovremennoj Italii]. Moscow: "Ad Marginem"; 1996. 287 p. (In Russ.).
13. Sasaki M., Davydenko V. A., Latov Yu. V. [et al.]. Problems and paradoxes of the analysis of institutional trust as an element of social capital in modern Russia [Problemy i paradoksy analiza institucional'nogo doveriya kak elementa social'nogo kapitala sovremennoj Rossii]. *Journal of Institutional Research=Zhurnal institucional'ny`x issledovanij*. 2009;(1):20–35. (In Russ.).
14. Vakhtina M. A. Trust in the state as a factor of increasing its effectiveness [Doverie k gosudarstvu kak faktor povysheniya ego effektivnosti]. *Journal of Institutional Research=Zhurnal institucional'ny`x issledovanij*. 2011;(3):57–65. (In Russ.).
15. Terin D. F. The structure of political trust in Russia: performance and fairness of political institution. *Sociological Journal=Sociologicheskij zhurnal*. 2018;(2):90–109. (In Russ.). DOI [10.19181/socjour.2018.24.2.5846](https://doi.org/10.19181/socjour.2018.24.2.5846).
16. Reutov E. V., Reutova M. N. Trust in municipal authorities and integration of the social space of the local community. *Central Russian Bulletin of Social Sciences=Srednerusskij vestnik obshhestvenny`x nauk*. 2016;(5):12–21. DOI [10.12737/22689](https://doi.org/10.12737/22689). (In Russ.).
17. Maikova E. Yu., Simonova E. V. Relationship of trust in local self-government and participation in self-governing practices. *Sociological studies=Sociologicheskie issledovaniya*. 2023;(2):28–40. (In Russ.). DOI [10.31857/S013216250023178-8](https://doi.org/10.31857/S013216250023178-8).
18. Shiryaeva V. A., Lenskaya I. Yu. People's trust in the bodies of municipal authority as a basis for the active participation of citizens in the public life of the municipality: the current state. *Bulletin of Economics, Law and Sociology=Vestnik e`konomiki, prava i sociologii*. 2017;(1):183–186. (In Russ.). DOI [10.18454/VEPS.2017.1.5524](https://doi.org/10.18454/VEPS.2017.1.5524).
19. Petukhov R. V. The influence of the experience of civic participation on trust in municipal authorities. In: Materials of the I All-Russian Forum of young researchers of social sciences, II Youth scientific and practical conference of researchers of social sciences (Vologda, June 21–24, 2022). Vologda: FGBUN Vol-NCz RAN; 2022. P. 69–75. (In Russ.).
20. Trofimova I. N. Generations as a factor in Russian civic engagement. *Sociological science and social practice=Sociologicheskaya nauka i social'naya praktika*. 2015;(2):5–17. (In Russ.).
21. Pevnaya M. V., Tarasova A. N., Telepaeva D. F., Chernikova-Buka M. Volunteering of students: social meaning and basis of motivated refusal. *Education and Science=Obrazovanie i nauka*. 2022;(10):200–230. DOI [10.17853/1994-5639-2022-10-200-230](https://doi.org/10.17853/1994-5639-2022-10-200-230). (In Russ.).
22. Petukhov V. V. Russian youth and its role in society transformation. *Monitoring public opinion: economic and social changes=Monitoring obshhestvennogo mneniya: e`konomicheskie i social'ny`e peremeny`*. 2020;(3):119–138. (In Russ.). DOI [10.14515/monitoring.2020.3.1621](https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1621).
23. Omelchenko E. L. Youth activism in russia in context of global transformation. *Journal of Social Policy Research=Zhurnal issledovanij social'noj politiki*. 2005;3(1):59–86. (In Russ.).
24. Petukhov R. V. The Russian society's confidence in the local governments as a problem. *Polis. Political studies Polis=Politicheskie issledovaniya*. 2017;(6):61–75. (In Russ.). DOI [10.17976/jpps/2017.06.05](https://doi.org/10.17976/jpps/2017.06.05).

25. Tarkhanova O. V., Tsybikdorzhieva Zh. D., Alekseeva G. E., Tsyrenov A. R. International and Russian methods of determination of trust indexes in the economy. *Journal of Science Studies=Internet-zhurnal Naukovedenie*. 2017;9(6):119–128.
26. Alyukov M. L., Erpyleva S. V., Zhelnina A. A. [et al.]. Politics of the apolitical: civil movements in Russia 2011–2013 [Politika apolitichny'x: Grazhdanskie dvizheniya v Rossii 2011–2013 godov]. Erpyleva S. V., Magun A. V., eds. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie; 2014. 480 p. (In Russ.). ISBN 978-5-4448-0218-2.
27. Gorbatov D. S., Bolshakov S. N. Rumors in international sociology and social psychology: basic theoretical approaches. *Sociological studies=Sociologicheskie issledovaniya*. 2015;(7):98–107. (In Russ.).

Information about the Author

R. V. Petukhov

Candidate of Law,

Leading Researcher

ResearcherID: [P-7947-2016](#)

Scopus AuthorID: [57202086532](#)

The article was submitted 04.10.2023; approved after reviewing 29.10.2023; accepted for publication 03.11.2023.

УДК 316.64

DOI: [10.19181/snsp.2023.11.4.7](https://doi.org/10.19181/snsp.2023.11.4.7)

EDN: AIFYWD

Научная статья

ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И ТОЛЕРАНТНОСТЬ В ПОЛИКУЛЬТУРНОМ ОБЩЕСТВЕ: ОБЩЕРОССИЙСКАЯ ПЕРСПЕКТИВА И СИТУАЦИЯ В КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ

Рыжова Светлана Валентиновна

Институт социологии ФНИСЦ РАН,

Москва, Россия,

Silica2@yandex.ru,

ORCID [0000-0002-1982-5008](https://orcid.org/0000-0002-1982-5008)

Для цитирования: Рыжова С. В. Этническая идентичность и толерантность в поликультурном обществе: общероссийская перспектива и ситуация в Кабардино-Балкарии // Социологическая наука и социальная практика. 2023. Т. 11, № 4. С. 156–177. DOI [10.19181/snsp.2023.11.4.7](https://doi.org/10.19181/snsp.2023.11.4.7). EDN AIFYWD.

Аннотация. В статье представлены результаты изучения этнической идентичности и этнической толерантности как значимых элементов массового сознания россиян. Эмпирической базой служат репрезентативные социологические исследования в Российской Федерации, данные Фонда «Общественное мнение», исследование в Кабардино-Балкарской Республике, данные глубинных интервью с экспертами Кабардино-Балкарии. Отмечается, что этническая сложность РФ закреплена в общественном и доктринальном дискурсе, находит отражение в Конституции страны и Стратегии государственной национальной политики. Исследования показывают, что при высоком уровне этнической идентичности среди россиян поддерживается и высокий уровень межэтнической толерантности, необходимый для обеспечения процессов общероссийской консолидации. Наиболее ёмким индикатором межэтнической толерантности служит представление о недопустимости насилия в разрешении межнациональных и межрелигиозных противоречий; пошатнуть устоявшийся консенсус может нарушение справедливости в сфере межнациональных отношений. В период с 2010 по 2021 гг. общество развернулось в сторону принятия многонационального характера России, уровень положительных оценок российской многонациональности вырос с 34 до 52 %. Нормативная межэтническая толерантность, выражающаяся в готовности принимать людей других национальностей в качестве граждан РФ и жителей региона своего проживания (республики, области, города, села), превышает 70%. Этническую идентичность и межэтническую толерантность можно рассматривать в качестве устойчивых доминант массового сознания, прочно укоренённых на уровне представлений, социальных практик и социальных институтов, активно влияющих на процессы нациестроительства и национально-гражданской консолидации. Делается вывод, что в регионах России складываются уникальные модели и форматы нациестроительства, обусловленные не только федеральной и региональной политикой этнической и российской идентичности, институционализацией этничности в республиках, но

© Рыжова С.В., 2023

и повседневными, исторически сложившимися и укоренёнными в местном сообществе традиционными формами межэтнического (и межрелигиозного) взаимодействия и соционормативными практиками межэтнической толерантности.

Ключевые слова: этническая идентичность, этническая толерантность, нациестроительство, Кабардино-Балкарская Республика, межэтнические отношения, религиозная идентичность, нетрадиционный ислам

Введение

Россия – страна с доминирующим русским населением и вместе с этим – высокой этнической сложности. Этническая сложность и «русскость» России защищается государством, закреплена в общественном и доктринальном дискурсе, проявляется на уровне государственных институтов. Исторически сложившаяся конфигурация этносоциального пространства находит отражение в Конституции России и в тексте Стратегии государственной национальной политики.

Мониторинговое изучение этнической идентичности, ведущееся Центром исследования межнациональных отношений ИС ФНИСЦ РАН, показывает, что этническая идентичность на протяжении всего постсоветского развития сохраняет завидную устойчивость и высокий мотивационный и ценностный потенциал, не заменяется российской идентичностью, а «соседствует» с ней и, вовлекаясь в её формирование, становится активным участником нациестроительства. Этническая и российская идентичности находятся в состоянии взаимного влияния, активно участвуют в общественных процессах, аккумулируя в себе «семейно-родственный» и государственно-гражданский каналы трансляции культуры, ценностей и смыслов.

Этническая идентичность, адаптивная к этнокультурному разнообразию, обладает большим потенциалом социальной консолидации. Подкреплённая этнической толерантностью и групповыми стратегиями ненасильственного разрешения межэтнических конфликтов, она выступает надёжной социокультурной основой для национально-гражданской интеграции, а для этнического большинства – базисом их российской идентичности. Поддерживая связь с прошлым, культурными и религиозными традициями, этническая идентичность формирует историко-культурные компоненты российской идентичности.

Глобальным риском для общероссийской интеграции может стать политизация этничности [1], чреватая нарастанием межэтнической напряжённости. Последняя может продуцироваться как материальными факторами – ухудшением общей социально-экономической ситуации, конкуренцией этнических групп на рынке труда, так и нематериальными

ми, важнейшим из которых является «пересборка» исторической памяти, актуализация исторических обид, обесценивание традиционных, исторически сложившихся принципов и практик мирного сосуществования в полиэтническом социуме.

Изучение этнической идентичности и межэтнической толерантности в РФ, в том числе в регионах высокой этнической сложности представляется актуальной научной и практической задачей. В статье на материалах общероссийских опросов и исследований в Кабардино-Балкарской Республике представлены результаты изучения актуальных аспектов этнической идентичности и межэтнической толерантности, приобретающих особую значимость в условиях текущих геополитических вызовов и угроз.

Работа выполнена в режиме «социологической диагностики» (М. К. Горшков), раскрывающем актуальное состояние изучаемых процессов и явлений с учётом контекста «общего» и «особенного». Используется ряд апробированных социологических индикаторов текущих этносоциальных процессов: отношение к этнокультурному разнообразию российского общества; уровень и субъективная значимость этнической идентичности; представление о статусе народов в российском государстве; уровень религиозной идентичности, этнической солидарности и межэтнического доверия; готовность принимать людей других национальностей в качестве граждан России и жителей региона своего проживания; отказ от насильственных методов урегулирования межэтнических конфликтов и др.

Эмпирическую базу составили данные всероссийского исследования ИС ФНИСЦ РАН 2020 г.¹, привлекаются данные мониторинга ИС ФНИСЦ РАН 2022 г.², данные социологического исследования в Кабардино-Балкарской Республике 2021 г.³; материалы интервью и групповых дискуссий с экспертами, проведённых в КБР в 2021 г.; используются данные Фонда «Общественное мнение».

¹ Опрос в рамках проекта «Общероссийская идентичность и межэтнические отношения: социальная практика, публичный дискурс и управленческие решения» по программе научных исследований РАН. Выборка объёмом 2000 респондентов репрезентирует население РФ от 18 лет по полу и возрасту. Опрос проводился методом интервьюирования (face to face) в 22 субъектах Российской Федерации.

² Опрос проводился по репрезентативной общероссийской выборке методом индивидуальных интервью в 22 субъектах РФ. Выборочная совокупность 2000 чел. (См.: Российское общество и вызовы времени. Книга шестая / М. К. Горшков, Н. Е. Тихонова, А. Л. Андреев [и др.]; под ред. М. К. Горшкова и Н. Е. Тихоновой; ФНИСЦ РАН, Институт социологии. Москва: Издательство «Весь Мир», 2022; Историческое сознание россиян: оценки прошлого, память, символы (опыт социологического измерения) / М. К. Горшков, А. Л. Андреев, Р. Э. Бараш [и др.]; под ред. М. К. Горшкова; ФНИСЦ РАН, Институт социологии. Москва: Издательство «Весь Мир», 2022).

³ Социологический опрос в Кабардино-Балкарской Республике репрезентирует взрослое население по полу и возрасту. Выборочная совокупность 713 чел. Опрос проводился методом интервьюирования (face to face). Опрос проведён в четырёх городах (Нальчик, Баксан, Майский, Чегем) и восьми сёлах (Дыгулыбгёй, Жанхотеко, Кёнденен, Нартан, Сармаково, Хасанья, Чегем 2, Шалущка) республики. Всего было опрошено 713 респондентов, из них 56% – кабардинцы, 16% – балкарцы, 20% – русские, 8% – представители других национальностей.

Теоретические подходы, понятия и индикаторы

Этническая идентичность стихийно формируется как осознание общности с людьми своей национальности, сопровождается эмоционально-ценностным переживанием этой общности, опирается на знания о культуре и истории своего народа: на основе сознательных представлений и бессознательных переживаний формируется синергический образ последнего. Она поддерживается этническими категориями и стереотипами, циркулирующими в обыденном, общественном и официальном дискурсе, аккумулирует этнокультурные, нередко религиозные ценности. Когнитивный компонент этнической идентичности проявляется в представлениях о том, что объединяет людей одной национальности: язык, культура, территория, история, религия своего народа и др. Ценностные, эмоциональные компоненты этнической идентичности обуславливают её высокий мотивационный потенциал, который может проявляться в различных установках и формах социального действия.

Благодаря вовлечению ценностей и эмоций этническая идентичность может приобретать различную интенсивность, от номинальной, относительно свободной от эмоций и с диффузными представлениями о своей этнической группе/категории, до актуализированной (осознанной и субъективно значимой), формирующей этническую солидарность. В основе последней лежит потребность в принадлежности к сообществу, кооперации с другими, примордиальное по своей сути чувство сопричастности со своим «этническим миром». Э. Фромм отмечал, что без неё человек оказывается неспособным «соотнести себя с любой системой, которая давала бы смысл и направление его жизни» [2, с. 32]. Этническая солидарность питает и поддерживает готовность к действию – защиту, сохранение и развитие той этнической общности, с которой человек себя идентифицирует.

Этническая толерантность в самом широком смысле подразумевает спектр социальных установок и психологических состояний, связанных с готовностью мириться с существующими в обществе этническими, культурными, религиозными различиями [3]. Она предполагает уважение к культурному разнообразию, готовность к взаимодействию и сотрудничеству с людьми, независимо от их национальности и религиозной принадлежности и может варьировать от индифферентного восприятия различий до их прямого одобрения¹ [3, с. 25–26]. В социологическом плане она выражает принятие социального пространства, насыщенного этническими

¹ Декларация принципов терпимости ЮНЕСКО. Принята резолюцией 5.61 Генеральной конференции ЮНЕСКО от 16 ноября 1995 года // Организация Объединённых Наций : [сайт]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/toleranc.shtml (дата обращения: 01.06.2023).

и религиозными идентичностями и маркерами. В российских исследованиях этническая толерантность понимается как готовность принимать людей «такими как они есть» [4], как способ осуществления какой-либо ценности [5]; её необходимым элементом является межэтническое доверие, преодолевающее этнические границы в повседневных взаимодействиях.

Общероссийская перспектива

В официальном политическом дискурсе ключевая роль этнического фактора для постсоветской России была озвучена в программной статье В. В. Путина «Россия: национальный вопрос», вышедшей в 2011 году. В статье отмечено, что российское государство (цивилизация) представляет собой синтез культур и идентичностей, где каждый гражданин – при верховенстве закона – «не должен забывать о своей вере и этнической принадлежности»¹. Русская культура и русский народ названы «стержнем», скрепляющим ткань полиэтничной России.

Озвученные политические установки соответствуют социальным реалиям РФ. За прошедшее десятилетие (с 2010 по 2021 гг.) российское общество «развернулось» в сторону уважения и принятия многонационального характера России. Доля россиян, полагающих, что многонациональность приносит стране больше пользы, чем вреда, выросла с 34 до 52%. Доля негативно оценивающих многонациональность России снизилась с 32 до 22% (см. табл. 1).

Таблица 1
Позитивное и негативное восприятие этнокультурного разнообразия России, 2010-2021 гг., данные ФОМ, % от числа опрошенных

Варианты ответов на вопрос: <i>Как вы считаете, тот факт, что в России живут люди многих национальностей, приносит ей в целом больше пользы или больше вреда?</i>	2010	2012	2013	2014	2015	2018	2021
больше пользы	34	37	44	44	45	50	52
больше вреда	32	37	23	25	23	21	22
затруднились ответить	34	26	32	31	32	29	26

Источник: воспроизведены данные всероссийского опроса ФОМ, 16 августа 2021 г.²

¹ Независимая газета, 23.01.2011.

² ФОМнибус – репрезентативный опрос населения от 18 лет и старше. В опросе участвовали 1500 респондентов – жителей 104 городских и сельских населённых пунктов в 53 субъектах РФ. Интервью в режиме face-to-face проходили по месту жительства респондентов. URL: <https://fom.ru/Nastroeniya/14616> (дата обращения: 28.07.2023).

В Российской Федерации сохраняется и воспроизводится высокая ценность этнической идентичности. Согласно всероссийскому исследованию ИС ФНИСЦ РАН 2020 г., 77% россиян согласились с тем, что «*в наше время человеку нужно ощущать себя частью своей национальности*».

Российская федеративная модель, построенная по национально-территориальному признаку, предполагает институционализацию этничности, признание обществом *прав народов* и их известную автономию. Стратегией государственной национальной политики фиксируется, что большинство российских народов сформировалось на территории современной России¹, этническое и культурное разнообразие страны (ст. 69.2) и право на сохранение родного языка (ст. 68.3) защищается Конституцией РФ. Сохранение этнокультурного разнообразия РФ в рамках модели национального государства на основе формирующейся российской нации как «политического сообщества по волеизъявлению», предполагает выработку соответствующей концепции государственного управления и общественной самоорганизации, которая соединяла бы в себе «идеи единства государственной нации и многообразия составляющих её этнонаций» [6, с. 114, 119].

Для воплощения такой модели государственного уклада нужна поддержка со стороны общества. Мониторинговые опросы ИС ФНИСЦ РАН позволяют оценить динамику массовых представлений о характере предпочитаемой модели российского государства с учётом этнического фактора, т. е. его (государства) многонациональности. За период с 2011 по 2020 гг. массовое сознание демонстрирует устойчивую тенденцию – почти половина россиян голосует за модель равноправного участия всех народов России в государственном строительстве (от 46 до 50% в разные годы), соглашаясь с мнением «Россия – *общий дом многих народов, оказывающих друг на друга своё влияние. Все народы России должны обладать равными правами, и никто не должен иметь никаких преимуществ*». Доля радикальных националистов, полагающих, что «Россия должна быть государством русских людей», крайне невелика и составляет 9–11%. И около трети россиян (от 39 до 30%), принимая многонациональность России, в то же время полагают, что «русские должны иметь больше прав, ибо на них лежит основная ответственность за судьбу страны» (см. табл. 2). Отметим, что это распределение выражает главным образом мнение этнического большинства (поскольку русские составляют основу выборки).

¹ Указ Президента Российской Федерации «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» (с изменениями на 6 декабря 2018 года) // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации : [сайт]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/902387360> (дата обращения: 15.07.2023).

Важная тенденция была зафиксирована в марте 2022 г. Опрос ИС ФНИСЦ РАН, проведённый в первый месяц ведения СВО, зафиксировал рост представлений о равноправии российских народов в российском государстве – доля согласных с представлением, что «Россия – общий дом многих народов...» выросла на 8 п.п. – до 55% (в сравнении с 47% в 2020 г.). Этот рост произошёл за счёт группы «затрудняющихся ответить» в предыдущие годы исследований, подтолкнув их в сторону поддержки равноправного статуса всех народов в российском государстве.

Таблица 2
Представления о характере российского государства, 2011–2022 гг.,
% от числа опрошенных

Выбор суждения	2011	2014	2015	2016	2017	2020	2022
Россия должна быть государством русских людей	10	9	10	9	10	11	11
Россия – многонациональная страна, но русские, составляя большинство, должны иметь больше прав, ибо на них лежит основная ответственность за судьбу страны	39	32	36	32	30	35	34
Россия – общий дом многих народов, оказывающих друг на друга своё влияние. Все народы России должны обладать равными правами, и никто не должен иметь никаких преимуществ	46	50	46	50	48	47	55
Затруднились ответить	4	9	8	9	12	7	0

Источник: данные воспроизведены из: Историческое сознание россиян: оценки прошлого, память, символы (опыт социологического измерения) / М. К. Горшков, А. Л. Андреев, Р. Э. Бараш [и др.] ; под ред. М. К. Горшкова ; ФНИСЦ РАН, Институт социологии. Москва : Издательство «Весь Мир», 2022. С. 138.

Согласно мониторинговому исследованию ИС ФНИСЦ РАН 2022 г., «сохранение национальных традиций, моральных и религиозных ценностей» и полиэтническая «великодержавность» – необходимые условия для развития России. Эти позиция занимают, соответственно, третье (39%) и пятое (35%) места в списке ценностных приоритетов, описывающих образ России будущего (см. табл. 3).

Таблица 3

Желаемый образ России будущего в массовом сознании россиян, 2022 г.,
% от числа опрошенных*

Представления о России	Россия, 2022 n=2000
Страна, в которой обеспечивается социальная справедливость	47
Страна, в которой существует сильная власть, обеспечивающая в ней порядок и развитие	40
Страна, сохранившая национальные традиции, моральные и религиозные ценности	39
Страна, в которой обеспечиваются права человека, демократия, свобода самовыражения личности	39
Великая держава мира, объединяющая разные народы	35
Страна со свободным рынком, частной собственностью, минимумом вмешательства государства в экономику	21
Страна, в которой ограничиваются социальное неравенство и социальное расслоение	17
Активный партнёр Запада	14
Страна, в первую очередь, для русских (русское национальное государство)	8

* Сумма превышает 100%, т. к. допускалось до трёх ответов каждого респондента

Источник: Российское общество и вызовы времени. Книга шестая / М. К. Горшков, Н. Е. Тихонова, А. Л. Андреев [и др.] ; под ред. М. К. Горшкова и Н. Е. Тихоновой ; ФНИСЦ РАН, Институт социологии. Москва : Издательство «Весь Мир», 2022. С. 232.

Будучи источником новаторства, обменов и творчества, культурное разнообразие выступает ключевым фактором устойчивого развития¹. Российским общественным мнением многонациональность страны рассматривается как её достояние; проблемы, порождаемые многонациональностью, связываются, в первую очередь, с избыточным притоком инокультурных мигрантов.

Мотивы групповой принадлежности и сплочённости, в том числе на основе разделяемой этничности остаются актуальными. Уровень этнической идентичности² составил 80%, её актуализация (доля «часто» ощущающих общность с людьми своей национальности – 34%), уровень

¹ Всеобщая Декларация ЮНЕСКО о культурном разнообразии. Принята 2 ноября 2001 года Генеральной конференцией Организации Объединённых Наций по вопросам образования, науки и культуры // Организация Объединённых Наций : [сайт]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/cultural_diversity.shtml (дата обращения: 04.04.2023)

² Исследуется с помощью вопроса о том, насколько «часто», «иногда» или «никогда» респондент испытывает чувство общности, близости с людьми своей национальности. Ответ «часто» показывает меру актуализации идентичности, сумма ответов «часто» и «иногда» – общий уровень последней.

религиозной идентичности – 72%. Уровень этнической солидарности (поддержка мнения «в наше время человеку нужно ощущать себя частью своей *национальности*») – 77%. Анализ структурных компонентов этнической идентичности, проявляющихся в распределении ответов на вопрос: «Что из перечисленного больше всего объединяет Вас с людьми Вашей национальности?», показывает, что ведущими выступают «язык» (68%), «культура» (46%), «территория» (родная земля, природа) (44%). Менее значимые компоненты – «обычай» (34%), «историческое прошлое» (26%), «религия» (16%), государство (16%). Последние находятся под сильным влиянием текущего политического и общественного контекста, поэтому их показатели более волатильны и могут варьировать в различных регионах и этнических средах. Этническая идентичность активно вовлекается в формирование российской государственно-гражданской идентичности. Постсоветские исследования показывают, что для этнического большинства страны их этническая идентичность служит мотивационным источником российской гражданской идентичности [7]. Для того чтобы успешно «подпитывать» процессы нациестроительства, этническая идентичность должна быть миролюбивой, оснащённой установками межэтнической толерантности, в основе которых, вместе с признанием этнокультурного разнообразия России, лежит отказ от применения насильственных мер по урегулированию межэтнических и межконфессиональных (межрелигиозных) противоречий. Правом на применение насилия обладает только государство, поэтому убеждение о неприменимости насилия в урегулировании межэтнических конфликтов служит наиболее ёмким индикатором этнической толерантности, столь необходимой для поддержания консенсуса и стабильности в повседневных межэтнических контактах.

Как показывает исследование ИС ФНИСЦ РАН 2020 г., мнение «насилие в межнациональных и межрелигиозных отношениях недопустимо» поддерживают 90% россиян (78% «полностью согласны» и 12% «скорее согласны»). При этом 43% россиян (по сумме ответов «полностью согласен» и «скорее согласен») считают, что «насилие допустимо, если нарушается справедливость в отношении моего народа или веры». Однако *полностью* согласных с этим значительно меньше – 21%.

Нормативная межэтническая толерантность, выражающаяся в готовности принять человека другой национальности в качестве гражданина РФ, жителя своего региона, города, составляет, соответственно, 72–74–71%; уровень межэтнического доверия («*доверия людям других национальностей*») – 39%, а уровень доверия мусульманам – 31% (при 26% затруднившихся ответить). Поскольку основу выборки всероссийского исследования составляют русские, доверие православным выше и составляет 58% (при 23% затруднившихся ответить).

Ключевая социальная функция этнической толерантности – её способность создавать на уровне социальных практик нормативную основу, препятствующую перерастанию социальной напряжённости в межэтническую, в открытые конфликты на этнической почве. В числе важнейших её характеристик – умение договариваться, противостоять агрессивному этнонациональному и религиозному дискурсу, призывающему к политической мобилизации на основе этнических и религиозных различий, что особенно актуально для регионов высокой этнической сложности.

Этническая идентичность и толерантность в Кабардино-Балкарской Республике

В российских республиках сегодня складываются уникальные модели нациестроительства, которые определяются историческим контекстом межнациональных отношений, местными культурными, политическими и экономическими факторами, особой значимостью этничности и последствиями её институционализации. Экспертами отмечается, что государственная политика идентичности на Северном Кавказе взаимодействует с прочно укоренившимися в гражданском секторе этнической и религиозной идентичностями [8], которые способствуют сохранению традиционных структур социальных отношений, «консервации» в республиканском сообществе этнически окрашенных традиционных норм и ценностей. В сравнении с другими федеральными округами, в СКФО наиболее высокий уровень субъективной значимости этнической и религиозной идентичностей и здесь острее, чем в иных федеральных округах воспринимаются риски межэтнической напряжённости [9]. Но при этом в СКФО (наравне с Южным и Приволжским федеральными округами), фиксируются наиболее позитивные оценки межнациональных отношений [10]. Проблематика этносоциологических исследований на Северном Кавказе обусловлена, в первую очередь, необходимостью предотвращения межнациональной напряжённости, рисков политизации этнокультурных (этнической и религиозной) идентичностей.

В нашем исследовании на примере Кабардино-Балкарской Республики мы постарались оценить потенциал межэтнической толерантности, анализируя социокультурные основы межэтнического согласия в перспективе общероссийской консолидации.

Кабардинцы (57,2%), балкарцы (12,7%) и русские (22,5%) представляют основные национальности республики¹, кабардинцы и балкарцы соотносят себя с исламом, русские – с православием; социокультурный

¹ По данным переписи 2010 г. URL: <https://severnykavkaz.ru/naselenie-kabardino-balkarii> (дата обращения: 05.08.2023).

ландшафт КБР обогащается её многоязычием – кабардинский, балкарский и русский языки являются государственными языками в республике. Фактором нестабильности в сфере межэтнических отношений выступают вопросы использования и распределения земли, проблемы «передела, незаконного занятия, реального или мнимого неравенства народов во владении землёй» [11, с. 108]. Экспертами отмечается растущая «мусульманизация» местного сообщества и распространение экстремистской религиозной идеологии [12, с. 53]. Не следует забывать также о травмах исторической памяти (последствия Кавказской войны, депортация балкарцев в 1944 г.) и сохраняющихся рисках террористических атак (действует программа «Профилактика терроризма и экстремизма в Кабардино-Балкарской Республике» рассчитанная на период 2021–2025 гг.). По свидетельству экспертов, конфликтогенным общественным мероприятием выступает День памяти жертв Кавказской войны, который отмечают кабардинцы. В республике также случались массовые межэтнические столкновения между кабардинцами и балкарцами в связи с разной трактовкой исторических событий, связанных с Канжальской битвой 1708 г.¹ Поэтому исследование трендов этнической идентичности и межэтнической толерантности приобретает здесь особую актуальность.

Уровень этнической идентичности в КБР высок: 97% жителей республики ощущают общность с людьми своей национальности, столь же значим уровень религиозной (93%) и республиканской (94%) идентичностей. Их актуализация не препятствует общероссийской интеграции: уровень *российской идентичности* также высок, хотя несколько уступает этнической и религиозной идентичностям – 88% жителей КБР ощущают общность с гражданами России. Эксперты часто отмечают, что жители Кабардино-Балкарии и, шире, СКФО по самоощущению в значительной мере «*бóльшие россияне*», чем россияне Центральной России.

Практически всё население Кабардино-Балкарии полностью согласно с мнением «насилие в межнациональных и межрелигиозных спорах недопустимо» (95%). Эта мирная установка одинаково широко распространена среди кабардинцев (95%), балкарцев (95%) и русских (97%), в равной мере поддерживается всеми возрастными группами, горожанами и сельчанами, мусульманами и православными, верующими и неверующими. При этом нарушение справедливости в отношении их народа или веры для 1/3 опрошенных – веское основание для жёстких ответных действий. Готовы к применению насилия в урегулировании межэтни-

¹ Кабардинские всадники прошли через балкарское село в сторону горы Канжал, где, по версии кабардинцев, состоялась битва кабардинцев с войсками крымского хана, прибывших для сбора дани. Подробнее см. <https://lenta.ru/news/2018/09/19/konflikt/?ysclid=l23f9vtnpw> (дата обращения: 22.09.2023).

ческих и межрелигиозных споров 36% среди кабардинцев, 35% среди балкарцев, 34% среди русских; их доля также равномерно представлена в различных возрастных группах, в городе и селе, среди мусульман и православных. Отметим, что эта доля ниже, чем аналогичная, зафиксированная в общероссийском исследовании (там она составила 43%).

Наиболее весомые основания этнической идентичности – «язык» (56%), «культура» (52%), «обычаи, обряды» (52%), «родная земля/территория, природа» (40%), «религия» (27%). Обращает на себя внимание относительная слабость традиционных основ этничности для русских: значимость «обычаев, обрядов», «религии» для кабардинцев и балкарцев в их этнической идентификации существенно выше, русские же, в сравнении с кабардинцами и балкарцами, чаще упоминают «общую государственность» в качестве *этнического* идентификатора (см. табл. 4).

Таблица 4

Идентификационные основания этнической идентичности среди основных национальностей Кабардино-Балкарии, % от числа опрошенных

Основания этнической идентичности	Кабардино-Балкария, 2021				
	Кабардинцы (n=401)	Балкарцы (n=111)	Русские (n=142)	Другие националь- ности (n=59)	В целом в КБР (n=713)
Язык	56	63	52	53	56
Культура	55	50	47	52	52
Обычаи, обряды	58	60	30	52	52
Родная земля (территория, природа)	44	35	41	22	40
Религия	28	32	20	33	27
Историческое прошлое	13	14	18	24	15
Общая государ- ственность	10	11	25	12	14
Внешний облик (внешность)	4	4	10	7	5
Ничего не объединяет	1	0	1	2	1

Кабардинцы, балкарцы и русские демонстрируют одинаково высокий уровень этнической идентичности, при этом практически все кабардинцы и балкарцы соотносят себя с исламом (96–97%), а все русские – с православием (93%). Но мотивационные основы этнической и религиозной идентичностей, их субъективная значимость (частое ощущение общности с людьми своей национальности, с людьми своей веры) у кабардинцев и балкарцев существенно выше, чем у русских. *Часто* ощущают общность с людьми своей национальности 81 и 87% среди кабардинцев и балкарцев (соответственно), среди русских 61%. То же относится и к религиозной идентичности: её субъективная значимость для кабардинцев и балкарцев заметно выше – 72 и 80% (против 53% для русских) (см. табл. 6).

Соответственно, исламские религиозные практики в социокультурном ландшафте республики представлены шире, чем православные, они заметнее в общественном пространстве. Стремятся соблюдать религиозные обычаи и обряды 79% мусульман и 59% православных (см. табл. 5). Согласно проведённому исследованию, институционально оформленная исламская религиозность в КБР обладает дополнительным мобилизационным ресурсом. Среди верующих, но «не соблюдающих обычаи и обряды» уровень готовности к применению насилия в случае нарушения справедливости в отношении их народа или веры составляет 29%, а среди «верующих и стремящихся соблюдать обычаи и обряды» – 38%.

Таблица 5

Отношение к религиозной вере среди мусульман и православных
Кабардино-Балкарии, % от числа ответивших

Отношение к вере	Кабардино-Балкария, 2021		
	Мусульмане (n=513)	Православные (n=132)	Другие (n=19)*
Верующий, старается соблюдать обычаи и обряды	79	59	–
Верующий, но не соблюдает обычаи и обряды	20	39	–
Колеблющийся, сомневающийся	1	2	–
Неверующий, атеист	0	0	–

*Количество респондентов в группе не допускает вычисления частотного распределения

Интерес к этничности, к этническому происхождению – это часть повседневной традиционной культуры кабардинцев и балкарцев: «...в определённых семьях детям с малых лет внушают: «Ты такой-то национальности... Ну, слово “национальность” не говорят, но... “ты – кабардинец, ты – балкарец”» (эксперт, сфера образования) «...вот у нас так принято – спрашивать фамилию... откуда, где живёт человек, как фамилия бабушки, как фамилия девичья, там... Это у нас национальная особенность. Вообще, даже это какое-то проявление безразличия, если я не спрашиваю. Понимаете? То есть я интересуюсь человеком, мне интересен человек. И в нашей нации, по крайней мере, я могу про наших говорить, это заложено... И им интересно, что собой представляет человек, а кто бабушки-бабушки, то есть для нас это ценно... То есть это чисто культурологический такой аспект...» (эксперт, психолог).

Таблица 6

Этническая и религиозная идентичности
среди основных национальностей Кабардино-Балкарии,
% от числа опрошенных

Актуализация и общий уровень идентичности	Кабардино-Балкария, 2021				
	Кабардинцы (n=401)	Балкарцы (n=111)	Русские (n=142)	Другие национальности (n=59)	В целом в КБР (n=713)
ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ					
Ощущают общность, близость с людьми своей национальности...					
часто...	81	87	61	64	77
иногда...	16	11	32	28	20
Общий уровень этнической идентичности	97	98	93	92	97
никогда...	1	1	5	8	3
РЕЛИГИОЗНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ					
Ощущают общность, близость с людьми своей веры					
часто...	72	80	53	74	70
иногда...	21	15	32	24	23
Общий уровень религиозной идентичности	93	95	85	98	93
никогда...	4	4	11	0	5

На уровне повседневности глубокая укоренённость этнической и религиозной идентичностей в общественном пространстве Кабардино-Балкарии поддерживается их традиционным статусом, а также недостаточностью идеологических и социально-экономических ресурсов общегражданской консолидации. Однако в сфере межэтнических и межрелигиозных отношений глубокая укоренённость этнической и религиозной идентичностей, наравне с возможными рисками, имеет безусловные позитивные последствия, поскольку отражает и поддерживает соционормативные практики исторически сложившегося в регионе межэтнического консенсуса и этнической толерантности.

Отметим, что постсоветская *религиозность* россиян как концепт и как социальное (и психологическое) явление привлекает широкое внимание исследователей и неоднозначно оценивается научным сообществом. Располагаясь на «стыке» современных и архаичных социальных практик, представлений и мотиваций, религиозная идентичность как отражение мотивов богоискательства и потребности в принадлежности к сообществу единоверцев воплощает в себе, в первую очередь, поиск смысложизненных ценностей и, как любая социальная макроидентичность, подвержена колебаниям между архаичным и модерным полюсами общественной жизни. Поэтому она может как способствовать процессам общегражданской и межэтнической внутрироссийской интеграции, так и входить в противоречие с ними.

Экспертами разного уровня отмечается, что религиозность выступает ведущей мотивацией в консолидации народов Северного Кавказа, в первую очередь, мусульманских. В Кабардино-Балкарии «часто» ощущают общность с людьми *своей веры* 76% мусульман и 55% православных. При этом религиозность мусульман не монолитна: на волне «реисламизации» 1990-х гг. салафитский ислам, проникнув в регионы Северного Кавказа, «повысил политическое значение деления ислама на “традиционный” и “нетрадиционный”» [13, с. 65]. Поэтому внутриконфессиональные противоречия в исламской умме становятся дополнительным фактором межэтнической (нередко и внутриэтнической) дестабилизации. Этот «новый ислам» является вызовом для традиционного для КБР ислама, поскольку он стал заметным элементом «*нетрадиционного*» регионального социального капитала, вовлекая своих последователей в прочные духовные, экономические, межличностные отношения, характеризующиеся высокой степенью взаимозависимости и взаимопомощи. «*Эти сообщества религиозные...это наиболее сильные...сильный социальный актор, социальный капитал, которым они обладают, он гораздо больше, чем у всех остальных*» (эксперт, сфера образования и науки). Повседневные культурные нормы его представителей воспринимаются носителями

традиционного ислама и сторонниками светского общества как вызов исторически сложившимся культурным нормам местного сообщества. *«...у них есть там версия, что культура – это грех... Петь нельзя, танцевать нельзя... Поэтому дети, которые ходят в садик или в школу, они тоже не участвуют ни в спектаклях, они не поют, они не ходят на мероприятия, это запрещено. Но это противоречит настоящему традиционному исламу, там этого нет, там такого запрета нет. Соответственно, это растёт целое поколение, которое не участвует в каких-то культурных мероприятиях... даже в национальном, в этническом концерте эти люди не будут принимать участие»* (эксперт, сфера образования).

В экспертных интервью часто звучит убеждение, что нетрадиционный для республики («сектантский», «псевдорелигиозный») ислам становится фактором межэтнической нестабильности, поскольку противоречит устоявшимся в регионе практикам поддержания межэтнического консенсуса: *«псевдорелигиозная идентичность, она во многом вымывает те остатки, те позитивные традиции и нормы, которые присущи испокон веков этническим идентичностям Северного Кавказа»*, растворяет *«нормы сложившегося ислама как формы культурной, традиционной идентичности...»* (эксперт, сфера образования и науки), *«...вот эти формы идентичности, которые появились внутри религиозной идентичности, они очень сильно также противоречат и этнокультурной идентичности, потому что этнокультурная идентичность во многом основывается на ценностях истинной толерантности»* (эксперт, сфера образования и науки).

В республиках Северного Кавказа исторически сложились традиционные институты урегулирования конфликтов – как на основе адата (обычного права), так и с помощью исламских лидеров, авторитетных членов сельских сообществ, старейшин, выполняющих роль третейских судей в урегулировании межэтнических споров и разногласий. И высокая значимость для жителей Северного Кавказа их религиозной (исламской) идентичности, веры вносит важный вклад в достижение примирения [14]. Эти практики являют собой достояние традиционных культур кавказских народов, доказывая, что религиозная (духовная) мотивация выступает одним из наиболее эффективных инструментов урегулирования конфликтов и примирения, достижения межэтнического консенсуса.

Интенсивность и качество социальных связей, складывающихся поверх этнических и религиозных границ, находит отражение в уровне обобщённого, межэтнического и межрелигиозного доверия. *Межэтническое доверие* в КБР (людям других национальностей) значительно

превышает уровень *обобщённого* доверия (людям в целом)¹. Доверяют *людям других национальностей* 70%, а *людям в целом* – лишь 33%. Невысокий, в сравнении с другими регионами, уровень обобщённого доверия в КБР свидетельствует о присутствии в социальном пространстве факторов, угрожающих безопасности – рисков терроризма, радикального исламизма, а также дискурса травмированной исторической памяти.

При этом традиционно сложившееся этнокультурное доверие (межэтническое и межрелигиозное), безусловно, является социальным капиталом для жителей республики, его уровень высок, а для приверженцев мусульманской культурной традиции (кабардинцев и балкарцев) ценность этого капитала выше, чем для русских (приверженцев православия). Среди кабардинцев и балкарцев доверяют *людям других национальностей* 71–75% (среди русских – 65%), уровень доверия мусульманам среди кабардинцев и балкарцев – 84 и 86% (среди русских – 63%); доверие православным среди русских, кабардинцев и балкарцев одинаково высокое – 76–78% (см. табл. 7).

Таблица 7

Показатели доверия в Кабардино-Балкарии,
% от числа опрошенных

Уровень доверия...	Кабардино-Балкария, 2021				
	Кабардинцы (n=401)	Балкарцы (n=111)	Русские (n=142)	Другие национальности (n=59)	В целом в КБР (n=713)
Людям в целом	31	33	35	41	33
Людям других национальностей	71	75	65	76	70
Людям своей национальности	75	82	75	69	76
Мусульманам	86	84	63	74	80
Православным	78	76	78	78	77

¹ Для исследования межэтнического доверия задавался вопрос «Насколько Вы доверяете людям других национальностей?» (варианты ответов: «полностью доверяю», «скорее доверяю», «скорее не доверяю», «совсем не доверяю»). Для исследования обобщённого доверия задавался вопрос: «Как вы считаете, можно ли доверять большинству людей?» (варианты ответов: «большинству людей точно можно доверять», «большинству людей скорее можно доверять», «большинству людей скорее нельзя доверять», «большинству людей точно нельзя доверять»).

Консенсус в сфере межэтнических отношений в Кабардино-Балкарии оформлен на институциональном уровне. Корректировка кадровой политики государственных органов власти, проведённая в КБР в 1990-х гг., закрепила этнический паритет в сфере государственного управления: «должности главы республики, председателя правительства и спикера парламента неизменно занимают представители трёх основных этносов; кабардинцев, балкарцев, русских» [11, с. 101]. Высокий уровень этнической толерантности и межэтнического доверия вкупе с институциональными факторами обеспечивают стабильность социальных связей и поддерживают межэтнический консенсус в республиканском сообществе.

На уровне повседневности уважение и взаимопомощь, почитание традиций добрососедства – это уникальный социальный капитал республики. *«Мой отец 20 лет ухаживал, пока у него были силы, за русским кладбищем, потому что русские, большинство уехали, а те, кто остался, умерли, и смотреть за этим кладбищем было некому. Изгородь каждый год ремонтировал для того чтобы на это кладбище не заходил скот, чтобы они не топтали могилы, я вот считаю это настоящее взаимное уважение и толерантность...»* (эксперт, сфера образования и науки).

Заключение

В России идут процессы глубокой социокультурной трансформации, поиск собственного внутреннего и внешнего «образа» и смыслов, которые находят непосредственное и яркое выражение в текущих идентификационных процессах. Значимость этнокультурных идентичностей (этнической и религиозной) стабильно высока, их можно рассматривать в качестве весомых «доминант массового сознания» [15] постсоветского человека. Этническая и религиозная идентичности, межэтническая толерантность и доверие выполняют роль социокультурных оснований в процессах нациестроительства и национально-гражданского самоопределения. Общество постепенно движется в сторону признания и «одобрения» многонационального уклада российского государства с признанием равноправия всех народов страны; риском для общественного согласия выступает нарушение справедливости в сфере межнациональных отношений. В массовом сознании присутствует дисбаланс в понимании «ответственности» и «прав» народов России: значительная часть этнического большинства (от 34 до 39% за последние 10 лет) полагает, что основная *ответственность* за судьбу страны лежит на русских, поэтому русские должны иметь в государстве больше прав. В 2022 году, с началом СВО, доля признающих равноправие *всех народов* России выросла на 8 п.п. (до 55%).

В республиках Российской Федерации складываются собственные модели и форматы нациестроительства, и этнокультурные идентичности активно вовлекаются в эти процессы. Толерантность, понимаемая как «способ осуществления ценности» [5], в межнациональных отношениях проявляет себя как способ достижения и поддержания межэтнического мира, доверия, уважения, добрососедства. Способы достижения межэтнической толерантности различаются в регионах России, поскольку в определяющей мере обусловлены историческим, культурным, религиозным контекстом и региональной политикой этнокультурных идентичностей.

В условиях очень высокой ценности для населения Кабардино-Балкарии их этнической и религиозной идентичностей, существующих рисках межэтнической напряжённости и радикализации ислама, консенсус в сфере межэтнических и межрелигиозных отношений обеспечивает необходимую соционормативную базу как для поддержания внутренней общественной стабильности, так и для общероссийской консолидации. Фактором риска выступает усиление роли нетрадиционной исламской религиозности и соответствующее этим тенденциям снижение уровня межэтнического и межконфессионального доверия у русских. Нетрадиционный ислам, по мнению экспертов и информантов, размывает привычные, исторически укоренённые среди населения культурные ценностные ориентации, вносит дисбаланс в устоявшиеся межэтнические, а также межконфессиональные (между мусульманами и православными) и внутриконфессиональные (между мусульманами) отношения, поскольку он предлагает иной культурный стандарт, входящий в противоречие с исторически сформировавшимися в республиканском социуме соционормативными культурными практиками.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Авксентьев В. А., Аксюмов Б. В., Гриценко Г. Д.* Этничность в политических конфликтах: этнизация политики и политизация этничности // Политическая наука. 2020. № 3. С. 74–97. DOI [10.31249/poln/2020.03.04](https://doi.org/10.31249/poln/2020.03.04). EDN [OQCSWY](#).
2. *Фромм Э.* Бегство от свободы. М. : Издательство АСТ, 2021. 288 с. ISBN 978-5-17091681-8.
3. *Уолцер М.* О терпимости. М. : Идея Пресс, Дом интеллектуальной книги, 2000. 160 с. ISBN 5-73330-019-1. EDN [TZNMAF](#).
4. Социология межэтнической толерантности / Л. М. Дробижева, Д. В. Даен, И. М. Кузнецов [и др.] ; отв. ред. Л. М. Дробижева ; Институт социологии РАН. М. : ИС РАН, 2003. 222 с. ISBN 5-89697-084-6. EDN [QOCNVN](#).
5. *Хомяков М. Б.* Толерантность: парадоксальная ценность // Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. Т. VI, № 4. С. 98–112. EDN [OUKSHZ](#).
6. *Ян Э.* Государственное и этническое понимание нации: противоречия и сходство // Полис. Политические исследования. 2000. № 1. С. 114–123. EDN [ESCSBJ](#).

7. Рыжова С. В. Этническая идентичность в контексте толерантности. М. : Альфа-М, 2011. 280 с. ISBN 978-5-98281-303-9. EDN [QPWNKN](#).
8. Институциональные рамки формирования общероссийской идентичности в Северо-Кавказском регионе: трудности и достижения / В. А. Авксентьев, Б. В. Аксюмов, Г. Д. Гриценко [и др.] // Общество: политика, экономика, право. 2020. № 12 (89). С. 13–20. DOI [10.24158/пер.2020.12.1](#). EDN [ZJRYSN](#).
9. Рыжова С. В. Этническая идентичность в общественном измерении // Социологическая наука и социальная практика. 2020. Т. 8, № 3 (31). С. 165–181. DOI [10.19181/snsp.2020.8.3.7497](#). EDN [QSYUIP](#).
10. Щеголькова Е. Ю. Межэтнические отношения в оценках россиян: социологический анализ // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 4 (158). С. 499–520. DOI [10.14515/monitoring.2020.4.1260](#). EDN [ZYVZVI](#).
11. Тетыев А. И. Этнополитические процессы на Северном Кавказе в постсоветский период. Нальчик : Издательская типография «Принт Центр», 2020. 224 с. ISBN 978-5-907150-49-2. EDN [YPPPWC](#).
12. Акиева С. И. Кабардино-Балкарская Республика (мониторинг этнополитической ситуации) // Россия и мусульманский мир. 2015. № 1 (271). С. 44–55. EDN [TUGZBD](#).
13. Ярлыкапов А. А., Адиев А. З. Ислам на Северном Кавказе: реисламизация, мозаизация, проблема «традиционности» // Исламоведение. 2021. Т. 12, № 4. С. 59–74. DOI [10.21779/2077-8155-2021-12-4-59-74](#). EDN [WQSRVH](#).
14. Азбогачиева М. С., Бабич И. Л. Правовая культура ингушей: история и современность // История государства и права. 2009. № 20. С. 34–38. EDN [KYOPWT](#).
15. Горшков М. К. Российское общество в социологическом измерении // Вестник Российской академии наук. 2020. Т. 90, № 3. С. 232–242. DOI [10.31857/S0869587320030068](#). EDN [JFCAXN](#).

Сведения об авторе

С. В. Рыжова

кандидат социологических наук,

ведущий научный сотрудник

AuthorID РИНЦ: [75912](#)

Статья поступила в редакцию 09.08.2023; одобрена после рецензирования 08.09.2023; принята к публикации 23.09.2023.

Original article

DOI: [10.19181/snsp.2023.11.4.7](https://doi.org/10.19181/snsp.2023.11.4.7)

ETHNIC IDENTITY AND TOLERANCE IN A MULTICULTURAL SOCIETY: AN ALL-RUSSIAN PERSPECTIVE AND RESEARCH IN KABARDINO-BALKARIA

Svetlana Valentinovna Ryzhova

Institute of Sociology of FCTAS RAS,

Moscow, Russia,

Silica2@yandex.ru

ORCID [0000-0002-1982-5008](https://orcid.org/0000-0002-1982-5008)

For citation: Ryzhova S. V. Ethnic identity and tolerance in a multicultural society: an all-Russian perspective and research in Kabardino-Balkaria. *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. 2023;11(4):156–177. (In Russ.). DOI [10.19181/snsp.2023.11.4.7](https://doi.org/10.19181/snsp.2023.11.4.7).

Abstract. The article presents the results of the study of ethnic identity and ethnic tolerance as significant elements of the mass consciousness of Russians. The empirical basis is provided by representative sociological research conducted in the Russian Federation, data from the «Public Opinion» Foundation, and research conducted in the Kabardino-Balkar Republic, along with in-depth interviews with experts from Kabardino-Balkaria. It is noted that the ethnic diversity in the Russian Federation is enshrined in the public and doctrinal discourse, reflected in the Constitution of the country, and the Strategy of State National Policy. Research shows that while there is a high level of ethnic identity among Russians, there is also a high level of interethnic tolerance, which is necessary for fostering processes of nationwide consolidation. The most significant indicator of interethnic tolerance is the perception that violence in resolving interethnic and interreligious conflicts is unacceptable. Disrupting the established consensus could occur through the breach of fairness in interethnic relations. From 2010 to 2021, Russian society moved towards embracing the multinational character of Russia, with the level of positive assessments of Russian multi-ethnicity rising from 34% to 52%. Normative interethnic tolerance, expressed through the willingness to accept people of different nationalities as citizens of the Russian Federation and residents of their own region (republic, region, city, town, or village), exceeds 70%. Ethnic identity and interethnic tolerance can be viewed as stable dominants of mass consciousness firmly rooted in the realm of beliefs, social practices, and social institutions, actively influencing nation-building processes and national-civic consolidation. The conclusion is that unique models and formats of nation-building are emerging in the regions of Russia, shaped not only by federal and regional policies related to ethnic and Russian identity but also by everyday, historically developed, and locally rooted traditional forms of interethnic (and interreligious) interaction and socio-normative practices of interethnic tolerance.

Keywords: ethnic identity, ethnic tolerance, nation-building, Republic of Kabardino-Balkaria, interethnic relations, religious identity, non-traditional Islam

REFERENCES

1. Avksentev V. A., Aksiumov B. V., Gritsenko G. D. Ethnicity in political conflicts: ethnicization of politics and politicization of ethnicity. *Political science=Politicheskaya nauka*. 2020;(3):74–97. (In Russ.). DOI [10.31249/poln/2020.03.04](https://doi.org/10.31249/poln/2020.03.04).

2. Fromm E. *Escape from freedom*. Moscow: AST; 2021. 288 p. (In Russ.). ISBN 978-5-17-091681-8.
3. Uoltser M. *On Toleration*. Moscow: Ideya Press, Dom intellektual'noj knigi; 2000. 160 p. (In Russ.). ISBN 5-73330-019-1.
4. *Sociology of intercultural tolerance [Sociologiya mezhe'tnicheskoj tolerantnosti]*. Drobizheva L. M., Daen D. V., Kuznetsov I. M., [et al.]. Moscow: Institut sociologii RAN; 2003. 222 p. (In Russ.). ISBN 5-89697-084-6.
5. Khomyakov M. B. Tolerance: a paradoxical value. *The journal of sociology and social anthropology=Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii*. 2003;VI(4):98–112. (In Russ.).
6. Yan E. Interpretation of nation from the state interpretation and from ethnic positions: contradictions and similarities. *Polis. Political studies=Polis. Politicheskie issledovaniya*. 2000;(1):114–123. (In Russ.).
7. Ryzhova S. V. Ethnic identity in the context of tolerance. Moscow: Al'fa-M; 2011. 280 p. (In Russ.). ISBN 978-5-98281-303-9.
8. Avksentiev V. A., Aksyumov B. V., Gritsenko G. D., Ivanova S. Yu., Shulgina M. M. Institutional framework for the formation of the All-Russian identity in the North Caucasus region: difficulties and achievements. *Society: politics, economics, law=Obshchestvo: politika, e'konomika, pravo*. 2020;(12):13–20. (In Russ.). DOI [10.24158/pep.2020.12.1](https://doi.org/10.24158/pep.2020.12.1).
9. Ryzhova S. V. Ethnic identity in the social dimension. *Sociological science and social practice=Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. 2020;8(3):165–181. (In Russ.). DOI [10.19181/snsp.2020.8.3.7497](https://doi.org/10.19181/snsp.2020.8.3.7497).
10. Shchegolkova E. Yu. Interethnic relations in the assessments of Russians: a sociological analysis. *Monitoring of public opinion: economic and social changes=Monitoring obshchestvennogo mneniya: e'konomicheskie i social'ny'e peremeny*. 2020;(4)158:499–520. (In Russ.). DOI [10.14515/monitoring.2020.4.1260](https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.4.1260).
11. Tetuev A. I. Ethnopolitical processes in the North Caucasus in the post-soviet period. Nalchik: Print Centr; 2020. 224 p. (In Russ.). ISBN 978-5-907150-49-2.
12. Akkueva S. I. Kabardino-Balkarian Republic (monitoring of the ethnopolitical situation). *Russia and the muslim world=Rossiia i musul'manskij mir*. 2015;(1):44–55. (In Russ.).
13. Yarlykapov A. A., Adiev A. Z. Islam in the north caucasus: re-islamization, mosaicism, and the problem of “traditionality”. *Islamic Studies=Islamovedenie*. 2021;(12)4:59–74. (In Russ.). DOI [10.21779/2077-8155-2021-12-4-59-74](https://doi.org/10.21779/2077-8155-2021-12-4-59-74).
14. Albogachieva M. S., Babich I. L. Ingush legal culture: history and modernity. *History of state and law=Istoriya gosudarstva i prava*. 2009;(20):34–38. (In Russ.).
15. Gorshkov M. K. Russian society in the sociological dimension. *Bulletin of the Russian Academy of Sciences=Vestnik Rossijskoj akademii nauk*. 2020;(90)3:232–242. DOI [10.31857/S0869587320030068](https://doi.org/10.31857/S0869587320030068).

Information about the Author

S. V. Ryzhova

Candidate of Sociology,

Leading Researcher

ResearcherID: [Q-5147-2016](https://orcid.org/0009-0001-5147-2016)

Scopus AuthorID: [6602330643](https://orcid.org/0009-0001-5147-2016)

The article was submitted 09.08.2023; approved after reviewing 08.09.2023; accepted for publication 23.09.2023.

УДК 316.4

DOI: 10.19181/snsp.2023.11.4.8

EDN: VNIEXV

Научная статья

ОСОБЕННОСТИ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ ЖИТЕЛЕЙ ПОЛИЭТНИЧНОГО РЕГИОНА (НА ПРИМЕРЕ КАБАРДИНО-БАЛКАРСКОЙ РЕСПУБЛИКИ)

Елена Юрьевна Щеголькова

Институт социологии ФНИСЦ РАН,

Москва, Россия,

le_na_3@mail.ru,

ORCID 0000-0002-6982-6674

Для цитирования: Щеголькова Е. Ю. Особенности межнациональных отношений в представлениях жителей полиэтнического региона (на примере Кабардино-Балкарской Республики) // Социологическая наука и социальная практика. 2023. Т. 11, № 4. С. 178–203. DOI 10.19181/snsp.2023.11.4.8. EDN VNIEXV.

Аннотация. Цель статьи – представить результаты анализа межнациональных отношений населения Кабардино-Балкарской Республики с выявлением локальных особенностей и ключевых трендов в повседневности, влияющих на этновзаимодействие. Методология исследования основана на использовании комплексного подхода к изучению феномена межэтнических отношений в сравнительном контексте. Для целей работы данный подход предусматривает сочетание количественных и качественных методов социологии, изучения статистических данных, элементов экспертного анализа, в ряде ситуаций также личностного интервью. Интеграция качественных и количественных стратегий позволяет взглянуть на межнациональные отношения в республике с позиций разных измерений. Сравнительный социологический анализ раскрывает пространственные уровни межэтнических отношений и степень их обусловленности конкретным локально-территориальным контекстом. Использование данных массового республиканского опроса и материалов интервью и групповых дискуссий позволило дать оценки межнациональных отношений, проанализировать специфику этнокультурного состава и землепользования, репрезентацию отдельных событий в исторической памяти народа, особенности этнического самосознания, проблемы этнического представительства. Как обстоятельства, влияющие на межнациональный климат в республике, учитывались неоднородность социально-экономического пространства, различная степень урбанизации территории, сохраняющийся высокий уровень безработицы, активные миграционные процессы. Проведённый анализ позволил выявить специфические региональные особенности и проблемы, которые непосредственно и опосредованно определяют степень межэтнической напряжённости, стимулируют мобилизационные стратегии. Полученные результаты могут выступить частью социальной диагностики ресурсов развития республики в составе полиэтнического Северо-Кавказского макрорегиона и использоваться при разработке эффективного плана действий в области регулирования межнациональных отношений, отвечающего потребностям и интересам жителей Кабардино-Балкарии.

© Щеголькова Е. Ю., 2023

Ключевые слова: межнациональные отношения, межнациональное согласие, Северный Кавказ, Кабардино-Балкарская Республика, межэтническая напряжённость

Введение

Этническое и региональное многообразие по-разному проявляется в различных субъектах Российской Федерации. В республиках, где, в отличие от иных российских регионов, этничность закреплена институционально, изучение особенностей межнациональных отношений, а также вызовов и рисков, сопряжённых с ними, наиболее актуально.

Северный Кавказ – особый, этнически насыщенный регион с высокой плотностью населения. Политические и социальные процессы последних двух лет несколько снизили остроту восприятия межнациональных отношений на Северном Кавказе. Это связано как со смещением фокуса внимания на другие проблемы, так и со стабилизацией межэтнической ситуации, позволившей снизить напряжённость в этой сфере и избежать этноконфликтной мобилизации. Феномен межэтнических отношений не является константной величиной и находится под постоянным воздействием сложного комплекса исторических, социально-политических, экономических и культурных факторов. В связи с происходящими в обществе изменениями потребность в мониторинге этнополитической ситуации как в стране в целом, так и в отдельных регионах актуализирована всегда. В условиях активизации экономического давления извне, в которых оказалась наша многонациональная страна, актуальность данной темы ещё более возрастает.

Объектом исследования является население Кабардино-Балкарии, предметом – особенности межэтнических отношений в ней. Цель анализа в статье – изучение как массовых представлений о межнациональных отношениях, полученных методами количественной социологии, так и собранных методами качественной социологии субъективных суждений о факторах и особенностях взаимодействия между людьми разных национальностей, проживающих в республике. Фокус внимания сосредоточен на той части мнений, которые затронули особые, специфические аспекты межнациональных отношений в Кабардино-Балкарии.

Методология и методы, эмпирическая база исследования

Методологический дизайн исследования построен на использовании полипарадигмального подхода к изучению феномена межэтнических отношений, предусматривающего сочетание количественной и качествен-

ной стратегий. Использование для изучения межэтнических отношений двух методических стратегий, связанных друг с другом по принципу функциональной дополнительной, делает возможным рассмотрение данного феномена с разных ракурсов. Для обоснования данного подхода используется понятие триангуляции, трактуемое как способ получения более объёмной, комплексной картины исследуемого объекта [1].

Такую смешанную стратегию мы использовали, с одной стороны, для изучения массовых представлений о межнациональных отношениях и, с другой стороны, для углублённого анализа обстоятельств, обуславливающих взаимодействие между людьми разных национальностей, проживающих в республике.

Результаты репрезентативного для республики исследования дополняются данными личных интервью и групповых фокусированных дискуссий. Эмпирическим материалом для анализа в статье выступил опрос взрослого населения Кабардино-Балкарской Республики, проведённый ФНИСЦ РАН в сентябре 2021 г.¹ В отдельных случаях для сравнения мы используем также результаты общероссийского опроса, проведённого ФНИСЦ РАН годом ранее². Пул интервью и фокусированные групповые дискуссии были проведены в КБР в рамках качественного этапа исследования. Информантами выступали специалисты, работающие в сфере межэтнических отношений, представители научного сообщества и общественных объединений, преподаватели вузов, работники управленческих структур, журналисты, а также студенты старших курсов гуманитарных факультетов. Интерес к мнению выбранных людей был предопределён тем, что они являются активными акторами повседневной и общественной жизни республики, благодаря своим знаниям обладают компетентным, отличным от обыденного видением ситуации в сфере межнациональных отношений, непосредственно участвуют в формировании общественного мнения населения. С точки зрения степени погружённости в межнациональный контекст повседневной жизни интервьюируемые рассматриваются в качестве экспертов, чей взгляд на ситуацию для анализа важен и уникален. Отбор экспертов осуществлялся по принципу максимальной релевантности их деятельности обсуждаемым те-

¹ Опрос проводился методом личного интервью (face-to-face) в четырёх городах (Нальчик, Баксан, Майский, Чегем) и восьми сёлах (Дыгулыбгей, Жанхотеко, Кёнденен, Нартан, Сармаково, Хасанья, Чегем Второй, Шалущка) республики. Всего было опрошено 713 респондентов, из них 56% – кабардинцы, 16% – балкарцы, 20% – русские, 8% – представители других национальностей. Выборка репрезентирует население республики по полу, возрасту и национальной принадлежности.

² Опрос проводился в рамках проекта «Общероссийская идентичность и межэтнические отношения: социальная практика, публичный дискурс и управленческие решения» по программе научных исследований РАН методом личного интервьюирования, выборка объёмом 2000 респондентов репрезентирует всё население РФ от 18 лет по полу и возрасту. Опрос проведён в 22 регионах, представляющих региональное разнообразие РФ, учитывая тип поселения.

мам¹. Гайды интервью включали вопросы, уточняющие и расширяющие данные массового опроса и затрагивающие основные проблемы межэтнических отношений. Основанием для обращения к экспертным мнениям явилось стремление обогатить исследование компетентной информацией для корректной интерпретации результатов опроса жителей КБР, углублённого понимания особенностей межэтнических отношений в республике.

Автором был осуществлён содержательный анализ транскриптов интервью с целью обобщения экспертных мнений о республиканском пространстве межэтнических отношений и наполнения отдельных тем. Были отобраны высказывания информантов, соответствующие следующим условно выделенным тематическим блокам: оценки межнациональной ситуации, проблемы межэтнического взаимодействия разных социальных групп, роль этничности. Часть суждений созвучна данным массового опроса и подтверждает выводы, полученные в результате их анализа. Наше внимание было сосредоточено на мнениях, которые затронули особые аспекты межнациональных отношений в республике.

О состоянии межэтнических отношений

Северный Кавказ – пространство интенсивного культурного взаимодействия между этническими группами, которые в прошлом не были отделены друг от друга чёткими политическими границами. Здесь важен каждый участник, у каждого – своя роль и своя миссия в деле поддержания межнационального согласия и упрочения российской гражданской идентичности. Все на равных основаниях обеспечивают становление и этнокультурное многообразие российской нации [2].

После 2014 года мы наблюдаем изменение этнополитической ситуации в Северо-Кавказском федеральном округе, проявившееся в снижении напряжённости, что является, как полагают исследователи, следствием успешных действий силовиков, введением исключительных мер безопасности при проведении Олимпиады, уничтожением главаря «Имарата Кавказ» Умарова, активизацией ИГИЛ², оттянувшей часть «пассионариев» с Кавказа, и стабилизирующим эффектом украинского кризиса как внешнего конфликта [3, с. 95]. Социологические исследования показывают, что Северо-Кавказский федеральный округ, наряду с Южным и Приволжским, отличается самыми высокими оценками добро-

¹ В исследовании приняли участие 32 человека, все интервью проводились на условиях анонимности.

² ИГИЛ – террористическая организация, деятельность которой запрещена на территории РФ.

желательности межэтнических отношений и низким уровнем предубеждённости населения по отношению к представителям других этнических групп [4]. Кабардино-Балкария считается одной из стабильных республик на Северном Кавказе в плане благоприятного межнационального климата. Полученные в ходе опроса ФНИСЦ РАН 2021 года мнения свидетельствовали о добрососедском характере межэтнических отношений в Кабардино-Балкарской Республике: 62% респондентов (доля таких оценок среди балкарцев составляет 67%, кабардинцев – 66% и русских – 48%) оценивали межнациональные отношения как доброжелательные и спокойные, треть (33%) респондентов отмечали внутреннее напряжение в отношениях. Данные интервью подтверждают, что «они (межэтнические отношения – прим. авт.) сейчас лучше, чем были раньше. Намного лучше. Острая фаза была в 90-е годы» (ж., представитель бизнес-сообщества), но вместе с тем «спокойные, с элементами тревоги, наверное» (м., политолог).

Более 90% респондентов – жителей КБР указывали на отсутствие у людей предубеждённости против каких-либо национальностей. В сравнении со среднероссийскими показателями и показателями, полученными в других российских регионах в доковидный период (2014–2019 гг.), в Кабардино-Балкарии фиксируется низкий уровень этнической предубеждённости [5; 6]. Если среднероссийский показатель *межэтнической неприязни* в 2020 году составлял 21% (респонденты, ответившие, что испытывают ощущение враждебности «часто», «иногда» в сумме), то в Кабардино-Балкарской Республике уровень негативных межэтнических установок – не более 4%.

Безусловно, такое положение дел должно благоприятно сказываться на характере межэтнических отношений, предупреждая их напряжённость. Но, не переоценивая положительную ситуацию в сфере межнациональных отношений в СКФО в целом и в республике в частности, стоит отметить, что зафиксированная выше положительная динамика в округе была достигнута не за счёт качественного изменения основ жизни, а стабильность межэтнических отношений в КБР, по мнению исследователей, носит относительный характер [7, с. 103]. Это означает, что в регионе действуют факторы, более всего способствующие обострению этнополитической ситуации. Проведение оценки внутренних региональных факторов, влияющих на формирование и развитие на рассматриваемой территории отношений между людьми разных национальностей, выходит за рамки задач настоящей статьи. Их изучению и исследованию взаимосвязи межнациональных отношений и этнокультурных процессов в региональном социуме с социальными, экономическими и культурными процессами в той или иной степени посвящён ряд научных статей

и монографий (таких исследователей, как С. И. Аккиева, З. А. Атабиева, А. Р. Атласкиров, М. М. Алхасов, Х. В. Дзуцев, И. А. Табаксоев, А. И. Тетуев, Б. Б. Хубиев и др.).

Рассуждая о том, что в контексте анализа межэтнических отношений определяет уровень межнационального согласия как в стране в целом, так и в отдельных регионах РФ, включая Кабардино-Балкарию, можно обозначить некоторые общие для всех территорий проблемы: объективная социально-экономическая и политическая ситуация, социальное самочувствие населения. Типичные для России социальные вызовы в этих сферах общественной жизни на Северном Кавказе проявляются наиболее выпукло и остро, усугубляясь нарастающим отставанием региона от России в целом в темпах развития [8, с. 388], дефицитом рабочих мест, высоким уровнем коррупции в органах власти [9, с. 170–179]. Существующий комплекс неразрешённых социально-экономических проблем формирует повышенно конфликтный фон и создаёт риски этнической напряжённости, влечёт за собой этнополитическую нестабильность на Северном Кавказе, снижая потенциал социальной интеграции [3, с. 98].

В Кабардино-Балкарии наиболее разрушительными факторами экспертное сообщество и население признают коррупцию и социально-экономическое положение людей в республике [10]. Дальнейшее снижение доходов и, как следствие, жизненного уровня населения КБР, негативно отражается на межнациональной сфере [11, с. 93].

Характер межэтнических отношений в Кабардино-Балкарии, вписанных в общероссийский социально-экономический контекст, определяется также особенностями этнополитической ситуации на местах. Не претендуя на всеобъемлемость, остановим своё внимание на некоторых отмеченных нашими информантами в личных интервью и групповых дискуссиях этнокультурных особенностях КБР, которые делают ситуацию межнационального взаимодействия на данной территории уникальной.

Специфика этнокультурного состава

Уникальность Кабардино-Балкарской Республики для исследований межэтнических отношений заключается в её этнической композиции и статусе этнических групп, проживающих в ней. Говоря о межнациональных отношениях в республике, понимаемых как «взаимодействие людей (групп людей) разных национальностей (разной этнической принадлежности) в различных сферах трудовой, культурной и общественно-политической жизни Российской Федерации, оказывающих влияние на этнокультурное и языковое многообразие Российской Федерации и гражд-

данское единство»¹, мы прежде всего рассматриваем взаимодействие объединённых в рамках республики неродственных по языку равнинных кабардинцев, язык которых относится к адыго-абхазской языковой семье, горских балкарцев, принадлежащих к тюркской семье, и русских. Этнический статус именно этих групп определяет фон межэтнических отношений в республике [12, с. 162]. Особенности отношений между группами могут быть обусловлены историей взаимодействия, социальной структурой контактирующих групп, её изменениями (равенство – неравенство, социальная дискриминация, возможности социального роста), сходством культур, политическим устройством общества, государственной политикой по отношению к большинству и этническим меньшинствам, наконец, психологическими факторами и конкретными ситуациями; и значимость этих факторов меняется в тех или иных обстоятельствах [13, с. 91].

Для объяснения характера взаимоотношений между представителями полиэтничного сообщества КБР обратимся к материалам интервью. Важно направить внимание на некоторые особенности восприятия и презентации пространства внутриреспубликанских межэтнических взаимодействий, которое встроено в определённую систему координат. Одна ось образуется отношениями между представителями групп, дающих название республике, – балкарцами и кабардинцами: *«Конкуренция двух вот этих социальных акторов: балкарцы и кабардинцы»* (м., представитель научного сообщества); *«По сути разногласия между этими народами, они имеют место и иногда встречаются»* (ж., студент старшего курса гуманитарного факультета); *«Тревоги, связанные с балкарцами, которые винят во всём кабардинцев»* (м., политолог); *«Отношения между кабардинцами и балкарцами, наверное, какие-то бытовые, может быть, земельные какие-то споры где-то в каких-то сёлах, где смешанный состав, наверное, присутствуют»* (м., преподаватель); *«В балкарских семьях не особо принимают девушек-кабардинок, которые приходят туда как невестки. И то же самое считают и балкарские семьи, которые уверены, что, если девушка-балкарка выходит в кабардинскую семью, её будут там третировать»* (ж., преподаватель). Другая ось – это взаимоотношения русского меньшинства и остального населения республики: *«Они делят, типа, все остальные: ну, типа, кабардинцы, балкарцы и русские. Вот как-то делят»* (м., муниципальный служащий). Исследователи отмечают устойчивую этнокультурную границу, разделяющую русское население с кабардинцами и балкарцами [14, с. 129].

¹ Указ Президента РФ «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» (В редакции Указа Президента Российской Федерации от 06.12.2018. № 703) // Официальный интернет-портал правовой информации : [сайт]. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102161949> (дата обращения: 27.09.2023).

Причём, по мнению информантов, отношение к русским не всегда однозначно. С одной стороны, их воспринимают как своих «кавказских» русских: *«Наши русские, они другие, чем русские в Москве»* (м., студент старшего курса гуманитарного факультета); *«Те, кто живёт у нас в республике, отличаются даже по интонации от тех, кто там, в России – в Ростове, в Москве, где-то ещё. Они влились в нашу культуру»* (м., муниципальный служащий). По результатам опроса, 88% русских не сталкивались с негативом по отношению к себе (среди балкарцев и кабардинцев таких 92–93%). Однако каждый десятый русский, проживающий в КБР (11%), утверждает, что сталкивался со случаями неприязненного отношения к представителям своей национальности, что свидетельствует, на наш взгляд, о скрытой напряжённости в межнациональных отношениях: *«Давления никогда такого нет. Но просто всё равно ты живёшь в определённых рамках и то, что можешь где-то там себе позволить, здесь не позволяешь. Не потому, что кто-то меня, там, принуждает, а потому что я уже так воспитана»* (ж., историк).

На отношение к русским влияет много разных обстоятельств, поэтому оценки располагаются на континууме от неприятия (*«Встречаются ситуации, когда не принимают русских»*, ж., студент старшего курса гуманитарного факультета; *«Люди, которые постоянно помнят о геноциде черкесского народа, они очень негативно относятся к русским из-за этого»*, м., муниципальный служащий) до притяния (*«Именно к русскому населению, по-моему, прекрасное отношение»*, м., преподаватель; *«Русские как буфер, я очень рад, что у нас есть русские, потому что есть надежда, что это будет позитивные какие-то отголоски давать, потому что, если не будет русских, у нас будет радикализация. Представьте, сейчас нет русских, что было бы? Не было бы всех этих... более светских мероприятий, всё ушло бы»*, *«Русские дают нам позитивный эффект, культурный, ...они смягчают»*, м., муниципальный служащий).

Оценка отношений «центр – республика» – это отдельный значимый эпизод, влияющий на то, как население воспринимает отношения между республикой, которая ассоциируется с национальностями, дающими ей название, и федеральным центром. В обыденных представлениях, с точки зрения жителей территории, за «центром», понимаемым как центр принятия решений (политических, экономических и т. д.), стоят русские: *«Отношение к русским вообще – это показатель лояльности, это показатель того, насколько ты одобряешь, там, курс... общий политический... Русские ассоциируются с властью»* (м., представитель научного сообщества); *«Вот эта зависимость, вот эта обиженность, наверное, на русских какая-то. То есть это и так ваше государство, и так ваша*

страна. *Ещё вы будете ещё сверху*» (м., представитель научного сообщества). Именно на примере взаимоотношений с русскими наиболее отчётливо проявляется степень «регионального иждивенчества» республики в зависимости от центра. По мнению специалистов, Кабардино-Балкария относится к ряду тех регионов, которые не могут встать на путь устойчивого экономического роста и экономической модернизации за счёт внутренних ресурсов и собственных сил [15, с. 122]. *«Отсутствие, может быть, какой-то инициативы, ресурсов, самостоятельности, оно как бы фоном есть в сознании»* (м., преподаватель). Существуют постоянные надежды на усиление федеральной помощи и обида на центр: *«Вот “златоглавая Москва и многострадальная Русь”, и к “многострадальной Руси” также относится наша бедная республика сельскохозяйственная»* (м., преподаватель).

Полиэтничность Кабардино-Балкарии выступает одним из главных факторов, определяющих тренды социального взаимодействия в республике и потенциал межэтнической напряжённости. Вместе с тем этническая мозаичность КБР не препятствует формированию в регионе позитивных паттернов межэтнических отношений, основанных на традициях совместного проживания балкарцев, кабардинцев, русских, представителей других национальностей, значительном историческом опыте социального взаимодействия людей разных национальностей, сложившихся институтах урегулирования конфликтов.

Вопросы землепользования и исторической памяти

Важный фактор, способный повлиять на состояние межнациональных отношений, – *территориальный*. Территориально-ситуационно возникающие проблемы в сфере земельных отношений относятся к самым сложным и опасным источникам межнациональных и этнополитических конфликтов. Основа этих конфликтов зачастую кроется в экономической сфере (борьба за ресурсы, собственность на определённой территории), но с вовлечением этничности сторон противостояния происходит трансформация изначально экономического конфликта в локальный межэтнический: *«Сложности появляются тогда, когда задевают этническое и когда идёт стремление захватывать территорию»* (м., журналист); *«Были сначала территориальные споры, претензии, и естественно, территориальные всегда перерастают в национальные, это неизбежно просто»* (ж., представитель бизнес-сообщества). Территориальный фактор, лежащий в основе процесса репатриации ранее депортированных народов, и вынужденные переселения стали источниками споров и взаимных претензий между кабардинцами и балкарцами, периодиче-

ски обуславливающих межнациональную напряжённость в республике: *«Здесь, конечно, спорный вопрос – это территория. ...Их (кабардинцев, балкарцев. – прим. авт.) подводят к этому. Здесь начинают разбираться и любую разборку настолько регулируют, что к этническому вопросу подводят»* (м., журналист). Особую остроту вопрос «спорных земель» получил в начале 90-х гг. во время «парада суверенитетов». До сих пор представители репрессированных народов считают, что Закон о реабилитации соблюден не в полной мере. Наши информанты-эксперты разделяют это мнение: *«Очень много сил, и времени, и нервов потратили на реабилитацию. Реабилитация прошла условно, на бумаге, а в реальной жизни практически никакой»* (м., журналист).

Территориальные вопросы и проблемы, связанные с использованием и распределением земли, выступают фактором нестабильности и поводом к этнической мобилизации в республике. Обострение земельных споров провоцирует напряжение между кабардинцами и балкарцами, усугубляющееся также и другими накопленными проблемами в обществе.

Нерешённые территориально-земельные вопросы, в свою очередь, поддерживают в общественном пространстве республики актуальность дискурса, связанного с *исторической памятью народа*, поскольку они тесно переплетены с историческими причинами возникновения конфликтов [16, с. 115–166]. Историческая память аккумулирует в себе события разных периодов, имевшие неодинаковые последствия для населения республики: иммиграционную политику Российской империи и советских властей, проведение административных границ без учёта исторически сложившихся реалий Северного Кавказа¹. Представители основных этнических сообществ являются носителями и трансляторами различающихся версий исторических событий. Примечательно, что не фиксируется какое-либо историческое событие, в равной степени важное для представителей всех национальных групп [17, с. 141]. Для кабардинцев исторически значимыми являются Кавказская война (1817–1864 гг.) и массовое выселение черкесов как её итог: *«Это память о Кавказской войне. Хотя, казалось бы, прошло 160 лет уже с тех пор почти, но, во-первых, у нас есть и дни памяти: вот 21 мая – это день памяти погибших в Кавказской войне, это вот день, когда Александр II подписал указ о выселении адыгов в пределы Османской империи. Это помнят»* (м., преподаватель); *«Обида на то, что не рассказывают, что не признают геноцид»* (м., муниципальный служащий); *«...Кабардинцам нужно, чтобы их признали хотя бы пострадавшими в ходе Русско-кавказской*

¹ Паленая Е. Необходимость контроля общества и государства над СМИ // Информационно-аналитический портал «Евразия»: [сайт]. URL: <http://evrazia.org/article/1927> (дата обращения: 10.09.2023).

войны» (высказывание, озвученное на групповой дискуссии преподавателей); *«Такая точка зрения встречается. Мы – кабардинцы, нам эта Россия вообще не нужна, Россия навязала нам свои устои, русификацию. Они нас завоевали, да, вот эта 100-летняя война, очень часто вспоминают и используют в этом ключе, что вот, нас подчинили. Мы столько-столько сражались за свою независимость»* (м., студент старшего курса гуманитарного факультета). Для балкарцев ключевое историческое событие – это депортация 1944 года: *«У балкарцев это обязательно нарративы про депортацию. То есть вот эти травматические какие-то исторические события. Травма, она одно из ядер, если не ядро идентичности балкарцев. Она воспроизводится, эта межпоколенческая передача вот эта, травма»* (м., представитель научного сообщества). Для русских – претензии со стороны титульных этнических групп в период «парада суверенитетов». Всё это события, оставившие след в исторической памяти народа, что говорит об их значимости для населения.

Вместе с тем стоит отметить, что высокий интерес не всегда гарантирует получение достоверной информации о том или ином событии из надёжного источника, чаще это тематические группы в социальных сетях. Кроме того, интерес к историческим событиям часто эпизодический, обусловленный широким общественным резонансом вокруг памятных дат. Именно в такие моменты обостряются межнациональные противоречия, активисты национальных движений в своих дискуссиях доходят до взаимных оскорблений, провокаторы стравливают народы республики между собой [18].

Память народа формируют не только события прошлого, но и современная конъюнктура. Так, в 2008 и 2018 гг. произошли межнациональные столкновения между кабардинцами и балкарцами в связи с разной трактовкой исторических событий, связанных с Канжальской битвой 1708 года. Приведём высказывания, озвученные в ходе групповой дискуссии в Нальчике в 2021 году: *«До сих пор более старшее поколение, они вспоминают про события депортации балкарцев в 1943 году. И кабардинцы к балкарцам в этом плане жёстче относятся... И это до сих пор вспоминается, и когда кабардинцы занимали земли балкарцев, и эти аспекты играют роль. А потом [балкарцы] вернулись, потом начались территориальные споры»*. Мероприятия, посвящённые Канжальской битве, на современном этапе являются скорее инструментом выражения определённых интересов, чем данью исторической памяти.

Историческая память – это важный фактор, который может работать как на укрепление общности изнутри, так и на разделение народов республики между собой: *«Нужно выбрать какие-то ключевые собы-*

тия, там, юридические и травматические, которые тебя мобилизуют. И тебя, и всех остальных» (м., представитель научного сообщества); «У балкарцев, наверное, историческая обида на репрессии сталинского режима» (м., преподаватель).

В некоторых ситуациях историческая память, сохраняя в себе национальные обиды и притязания, может становиться фундаментом для консолидации этнических групп на основе противоречий или враждебного отношения к другим этническим группам или государственным институтам. Эксперты разделяют мнение о том, что вопросы исторической памяти становятся камнями преткновения, используя которые легко вызвать провокацию: «...Из такого маленького локального инцидента (о событиях в Кёнделене в 2018 году – прим. авт.), если грамотно его подготовить и как-то грамотно интерпретировать, можно выйти на какой-то более, к сожалению, глобальный» (ж., историк); «У нас тоже очень много людей, которые обижены, особенно те, кто этим занимается на профессиональной, так скажем, основе, и те, кто является каким-то вот активистом национальным» (м., студент старшего курса гуманитарного факультета).

Таким образом, можно говорить о том, что, с одной стороны, характер межэтнических отношений в Кабардино-Балкарии отчасти осложняется шлейфом исторической памяти, наполненной противоположными версиями значимых событий, а с другой, актуальные межнациональные проблемы могут влиять на историческое сознание.

Особенности этнического самосознания

Исторический дискурс, обусловленный событиями прошлого, перипетиями их правильной или неправильной интерпретации, тесно связан с вопросами этничности.

В общественно-политической жизни на Кавказе играли и будут играть огромную роль проблемы этнической идентичности: «Знаете, мне кажется, особенность менталитета кавказского. Здесь идентификация национальности этнической – она очень, очень остро стоит» (ж., представитель бизнес-сообщества); «У нас это на Кавказе принято. Первый вопрос: “Ты кто по национальности?” В определённых семьях детям с малых лет внушают: “Ты – кабардинец, ты – балкарец”» (ж., работник сферы образования). В Кабардино-Балкарии мы наблюдаем ситуацию первостепенности этничности при построении социальных взаимодействий: «Вот у нас так принято спрашивать фамилию. Это у нас национальная особенность. Вообще даже это какое-то проявление безразличия, если я не спрашиваю» (ж., психолог).

Данные республиканских социологических исследований последних лет подтверждают значимость этнической принадлежности для населения региона [19, с. 142]. Этническая идентичность актуализирована у большинства граждан республики, но у кабардинцев и балкарцев её значение существенно выше, чем у русских [20].

Этничность зачастую выступает как основа системы социальных связей, неоспоримая часть повседневной жизни: *«Этнические связи, они, конечно, важнее, в целом, я думаю. Это играет огромную роль»* (м., муниципальный служащий). Мы наблюдаем восприятие людей через призму этничности: *«“Что с неё взять? – Русская”, – типа, не очень уважает, там, старших»* (ж., историк). Этничность не является инструментом разделения или объединения, она определяющая во взаимоотношениях. Практика восприятия других с точки зрения этнической принадлежности преимущественно распространена среди выходцев из сельской среды, людей старшего возраста, т. е. среди тех, кто исповедует традиционализм.

По данным исследований среди молодёжи республики, для 66% респондентов этническая принадлежность имеет существенное значение [17, с. 140]. По мнению наших информантов, можно говорить о тенденции к изменению интенсивности этнической идентичности вслед за изменением социальных границ, выходом за рамки этничности, особенно у молодёжи: *«Люди в возрасте от 16 до 25 приблизительно, они не обращают, как правило, внимания на национальность. Они не спрашивают: “Откуда ты?” – именно, там, по сёлам, там... Иногда может проскользнуть вопрос “Откуда ты, из города или из села?”, но он не является определяющим»* (ж., студент старшего курса гуманитарного факультета); *«Не вижу разницы между тем, кто как думает. Какие национальности – это не имеет значения, именно среди молодёжи»* (м., студент старшего курса гуманитарного факультета). Острее культурные различия, связанные с этничностью, воспринимаются жителями старшего возраста, для которых особенности повседневного бытового поведения молодёжи могут выступать в качестве фактора межэтнической напряжённости.

Этнический проект связан с формированием на уровне повседневности специфической этнической картины мира как основы национальной идентичности. Кабардино-Балкария не является уникальным регионом с точки зрения культурного многообразия, но здесь существует своя особенность, связанная с приданием чрезмерной значимости этнокультурному фактору в обществе, и население в течение долгого времени живёт именно в таком социальном поле [21]. Осознание принадлежности к определённой этнической общности может приводить к восприятию происходящих со-

бытий и явлений с позиций этой этнической группы, осознанию её членами своего единства и отличия от других этнических общностей [22, с. 126]. Это обстоятельство необходимо учитывать при принятии решений, поскольку ситуации, когда инаковость любого рода интерпретируется в терминах этничности, могут приводить к росту напряжённости, особенно в случаях столкновения интересов: *«Делая упор на народе, на этносе, на национальности, мы можем создать дискриминирующие условия, какую-то дискриминирующую ситуацию. Примем стратегию кабардинского народа, возмутится балкарский народ. Примем балкарского – возмутится русский и еврейский народы, которые проживают на территории КБР. У нас же многонациональная страна и многонациональный регион»* (ж., студент старшего курса гуманитарного факультета).

Практически все социальные связи в республике носят локальный, персонифицированный, межличностный характер [23], и зачастую люди оценивают не столько по их личным достоинствам и способностям, сколько по тому, оснащены они капиталом полезных (первичных) неформальных связей или нет: *«...Иногда я тоже думаю: “А что на самом деле в головах у людей?” Потому что несколько раз за свою профессиональную деятельность я сталкивалась с такими вещами, что вроде я с человеком общаюсь, и продуктивно общаюсь, ...а меня оценивают с позиции того, что я русская»* (ж., историк). У населения республики прочно закрепилось представление о незыблемом свойстве кабардино-балкарского общества, заключающемся в том, что при продвижении по службе предпочтение отдаётся лицам, чьи родственники или знакомые занимают определённые позиции во властных структурах, либо «своим» по признаку этнической принадлежности. Пользуясь известной теоремой Томаса, которая гласит, что «если люди воспринимают некоторую ситуацию в качестве реальной, то она будет реальной и по своим последствиям», можно сказать, что в данной ситуации даже не важно, так ли это на самом деле. Важно то, насколько люди убеждены в этом.

Проблемы «этнического представительства»

Социальная конкуренция основных акторов в республике, у которых акцентировано чувство этнической идентичности, может обострять ощущения дискриминации и несправедливости.

По данным опроса ФНИСЦ РАН в 2021 году, балкарцы в два раза чаще, чем кабардинцы (14% и 7%, соответственно) отмечали практики ограничения своих прав из-за национальной принадлежности. Отчасти это объясняется тем, что балкарский народ имеет численное меньшинство в населении Кабардино-Балкарии.

Русское население республики отмечает дискриминационные практики не чаще кабардинцев (7%): *«Я не могу сказать, что я вот по отношению к себе как к представителю русской национальности испытывала какие-то негативные вещи, которые там мне мешали где-то получить образование, работу там, да, или что-то»* (ж., филолог, преподаватель). Материалы интервью дают основание считать, что именно из-за притеснений русских в сложные 1990-е гг., когда на волне суверенизации на русских перекаладывалась ответственность как за текущие кризисные общественно-политические трансформации, так и за травматичные события прошлого, в тот период произошёл их отток из республики: *«Русские выехали же в основном. Притесняли. Сначала евреи, у нас же вот здесь Еврейская колонка. Одними из первых, кто вот это поселение организовал, – это евреи были, ремесленники. Соответственно, где-то в 90-х годах их притесняли здесь, они уехали, потом уже и, конечно, русскоговорящие, допустим, другие народности»* (м., журналист). Отъезд русского населения из республики обусловлен общим изменением «этнических пропорций в пользу населения титульных этносов», а также переживанием русскими статусных потерь, слабой представленностью в органах власти: *«[Русским] не хватает, я думаю, представительства. Ну, на мой взгляд, потому что у нас кабардинцы и балкарцы представлены в органах государственной власти»* (высказывание, озвученное в ходе групповой дискуссии преподавателей). В связи с этим уместно привести результаты исследований А. Г. Здравомыслова и А. А. Цуциева [24]. Изучая миграционные процессы в Северо-Кавказском регионе, они пришли к выводу, что главный фактор, влияющий на масштаб русской миграции из региона, состоит в том, что русские гораздо в меньшей степени, чем «представители коренных народов», обладают капиталом первичных неформальных связей. Недостаточность такого социального капитала, представляющего собой совокупность связей, которые могут быть эффективно конвертированы в доступ к дефицитным или престижным позициям, подталкивает людей к вынужденному поиску применения себе в других регионах страны.

В сложившихся условиях накопленного комплекса взаимных обид и претензий роль одного из стабилизаторов межнациональных отношений, позволяющих избежать общественной напряжённости, призван выполнять так называемый принцип смешанного правления, обеспечивающий равенство народов независимо от национальной принадлежности и вероисповедания: *«Этот паритет сохраняется ещё со времён Советского Союза. По сей день он сохраняется. Мы проводили исследования, насколько этот паритет работает, оказывается, он имеет место быть»* (м., политолог); *«Этот негласный паритет органы нашей*

власти соблюдают» (м., преподаватель). На сегодняшний день в КБР действует «кабардинская монополия» на должность главы республики: «Не может стать балкарец, например, президентом КБР» (м., муниципальный служащий). Две прочие ключевые должности – главы правительства и председателя парламента – закреплены за представителями балкарского и русского народов: «У нас президент всегда кабардинец, премьер-министр может быть русским или балкарцем. Если русский премьер-министр, то тогда спикер у нас балкарец, и наоборот» (м., преподаватель). В целом же система неформального квотирования государственных должностей значительно шире и пронизывает всю управленческую систему республики: «Например, в университете соблюдается политика того, что всегда один проректор – это русский, один проректор – это балкарец, один проректор – это кабардинец» (ж., преподаватель); «Было три заместителя, один русский, один кабардинец, один балкарец. И сейчас там тоже один русский, один кабардинец, один балкарец» (ж., филолог, преподаватель).

Такой негласный принцип смешанного этнического представительства по своему замыслу направлен на предотвращение напряжённостей: *«Ну, повторяю, это вот, это нигде не записано, но это стараются соблюдать именно для того, чтобы не возникало разговоров ненужных о том, что кого-то притесняют, какую-то нацию притесняют, не дают продвигаться. Русским, например, или не дают там продвигать, кабардинцы там всех прижали, потому что их больше» (ж., филолог, преподаватель); «Балкарцы говорят: “Ага, наш, в принципе, там сидит где-то наверху. Нормально. Как бы мы имеем представительство”. То же самое кабардинцы: “Вот у нас глава республики кабардинец, всегда был кабардинцем. Это неотъемлемо. Это обязательно”. Русские тоже как бы не ущемляются, тоже они занимают посты. Это баланс, в принципе, удерживает. Но я не считаю, что это правильно» (м., студент старшего курса гуманитарного факультета).*

В последние десятилетия наметилась тенденция превращения смешанного правления из пропорционального в паритетное. Обратная сторона этого баланса интересов – дисбаланс, поскольку распределение благ, доступ к властным, образовательным и другим ресурсам осуществляется поровну, а не пропорционально: *«Паритет приводит к дисбалансу. У 10% населения столько же ресурсов. Вот их (балкарцев. – прим. авт.) в четыре раза меньше, их 10%, кабардинцев 40%, у них в четыре раза больше ресурсных точек получается, и в течение времени это приводит к перекосу» (м., политолог). Это ведёт не к ослаблению, а к увеличению конфликтного потенциала, который может привести к торможению социально-экономического развития республики.*

Обладающие эффективной численностью представители большинства имеют больше возможностей оказывать прямое и непосредственное влияние на своё положение в иерархии власти, что ограничивает доступ к управленческим и экономическим ресурсам представителей меньшинства. Подозрительность, обида и ощущение несправедливости в таких условиях возникают гораздо чаще у наиболее малочисленных народов, и кабардино-балкарское общество в этом плане не исключение [25]. Судя по материалам интервью и групповых дискуссий, дискурс ущемления присутствует в сознании населения республики: *«Претензия по поводу того, что постоянно глава кабардинец»* (ж., преподаватель); *«Если на государственный уровень смотреть, то смотрите, сколько представителей этой нации в государственных органах, а нашей нации здесь меньше»*; *«Посмотрите, что на табличке: сначала написано на кабардинском языке, а потом на балкарском языке»* (ж., студент старшего курса гуманитарного факультета). Это претензии с акцентом на то, что малочисленные народы имеют непропорционально большее реальное право на сохранение и развитие, на представительство в структурах власти, во всех других престижных сегментах общества. Но *«претензии балкарцев воспринимаются как несправедливые, потому что кабардинцы привыкли тут быть главными»* (м., представитель научного сообщества).

Принцип этнического представительства выходит за пределы властных структур, закрепляя роли за представителями основных национальных групп республики: *«Работу, конечно, тянет русский. Всё, что нужно выполнять нормально, это делают они. Руководят кабардинцы. Исполняют другие, если они есть»* (м., журналист). Кроме того, этот принцип распространяется на другие сферы деятельности, например, бизнес: *«Приэльбрусье и горы, то есть весь бизнес – он балкарский. Сложно ли будет пробиться туда кабардинцу? Опять-таки, думаю, будет очень сложно. Русскому, думаю, тоже. Всем, кто не балкарцы»* (ж., студент старшего курса гуманитарного факультета).

Известно, что мобильность необходима для обеспечения стабильности общества, поскольку открытый доступ к привлекательным позициям позволяет способным людям продвигаться вверх по социальной лестнице. Но когда идёт отбор по этническому признаку, а не по профессиональным качествам, тогда система отторгает лучших людей: *«Если это баланс, то если я понимаю, что эта должность должна принадлежать, условно, кабардинцу, но есть человек русской национальности, который гораздо профессиональней, квалифицированней, но потому что это “его” место, т. е. только по национальной принадлежности, которую он никак не завоевывал, он никак не шёл к ней, он с этим родился. Это нелогично»* (ж., студент старшего курса гуманитарного факультета).

Проблема этнического представительства в органах власти и различных социальных сферах рассматриваемого региона продолжает оставаться актуальной. С одной стороны, нарушение негласного этнического баланса в одну или другую сторону чревато серьёзными осложнениями в области межнациональных отношений и способно породить кризисную ситуацию в политической области. *«Есть этот ресурс согласия, и не только на уровне вот этих управленческих элит, но и на уровне населения, общества, разных сообществ. Это в основе вот мира у нас в республике. И в этом смысле это... консенсус для них, для них это показатель. Для них это какой-то вот признак баланса какого-то. И они думают, что если этого не будет, то обязательно что-то будет»* (м., представитель научного сообщества); *«Когда происходит нарушение паритета – это становится инфоповодом для каких-то этнических движений, этнических группировок и т. д.»* (м., политолог). С другой стороны, негибкое следование принципу смешанного правления ограничивает возможности социального продвижения и создаёт препятствия для устойчивого развития республики.

Заключение

Доминирование положительных оценок межнационального климата по результатам массового опроса позволяет говорить, что Кабардино-Балкарская Республика – территория, на которой сформировалась и сохраняется стабильность в сфере межнациональных отношений. Использование данных качественной фазы исследования подтвердило эти выводы и дополнило картину, представленную материалами массового опроса, позволило зафиксировать проблемные точки, определяющие характер межэтнических отношений, потенциальные источники напряжённости в республике на национальной почве и обозначить факторы, способствующие межнациональному согласию. Другими словами, интеграция качественных и количественных стратегий позволила взглянуть на межнациональные отношения в республике с позиций разных измерений и заключить, что на состояние и характер межэтнических отношений, наряду с факторами общероссийского порядка, существенное влияние оказывают локальные факторы. Основываясь на полученных данных, в КБР можно выделить следующие особенности, которые создают специфическую среду, влияющую на межнациональный климат в регионе: этнокультурный состав, земельно-территориальные споры и вопросы исторической памяти народа, проблемы этнического представительства и дисбаланс в доле представителей основных этнических сообществ Кабардино-Балкарии во власти. Анализ позволил конкрети-

зировать и положительные ресурсы этнокультурного взаимодействия, и потенциально конфликтогенные практики в республике со сложным составом населения. В зависимости от их влияния ситуация в сфере межнациональных отношений может меняться как в позитивном, так и в негативном направлении.

Отмечаемая информантами напряжённость в этнокультурных процессах в Кабардино-Балкарии может определяться различиями в демографических, культурных, социально-экономических особенностях взаимодействующих национальностей. Существенное значение для характера межэтнических отношений имеет культурная специфика взаимодействующих общностей. Полиэтнический состав населения региона предполагает сочетание на его территории различных этнических культур и ценностных систем, зачастую совершенно непохожих друг на друга.

Непростая этническая структура республики может перевешивать чашу весов межэтнического баланса в сторону напряжённости в случае, когда общероссийские проблемы здесь манифестируются как межэтнические. Придание чрезмерной значимости этничности с определённой вероятностью влечёт за собой локальный этноцентризм в отношении территорий, собственности, ресурсов и власти, этноклановость, этнократизм.

Перспектива неблагоприятной динамики межэтнических отношений в значительной степени также может быть обусловлена политикой, проводимой в межнациональной сфере. Так, просчёты в национальной политике могут проявляться в том, что народы, проживающие на одной и той же территории, не имеют равных возможностей. Это характерно для жителей Кабардино-Балкарии, где по-прежнему сохраняются сферы противостояния основных взаимодействующих сторон: балкарцев, кабардинцев и русских.

Однако, анализируя предпосылки возможного обострения межнациональных отношений в Кабардино-Балкарской Республике, следует отметить также условия для позитивной динамики межэтнических взаимодействий. Необходимо в полной мере использовать преимущества кабардино-балкарского общества. Упомянутые выше различия ментальных программ и поведенческих стратегий могут быть как источниками межэтнической напряжённости, так и ресурсом для развития межнациональных взаимодействий на основе согласия.

Благотворное влияние на состояние межнациональных отношений оказывают выработанные традиции толерантного сознания и поведения местного населения. Этническое разнообразие, этнополитический и национально-культурный активизм, этнокультурная корпоративность и ассоциированность, приверженность консервативным семейно-родственным ценностям, сочетание традиций и новаций общественной жизни,

исторически сложившиеся почтительность, благожелательность, благодарность местного населения являются ресурсом взаимодействия на основе согласия.

В Кабардино-Балкарии активно работают общественные организации этнокультурной направленности. Они проводят мероприятия, посвящённые историческим и культурным событиям в жизни народов, особое внимание уделяют гармонизации межэтнических отношений в республике. Миротворческий потенциал НКО значителен, но местные власти на муниципальном уровне этот потенциал почти не используют. Важно распространять позитивный опыт межкультурного взаимодействия, не ограничиваясь «фестивальными» ресурсами (проведение концертов и праздников), развивать просветительский и информационный форматы работы с населением.

Таким образом, к чувствительным зонам межэтнических отношений основных национальностей в Кабардино-Балкарии можно отнести этническое разнообразие, трудности, связанные с вопросами земельных отношений, историческую память этнических групп, фиксирующую национальные обиды, большую представленность кабардинцев в органах власти республики. Комплекс неразрешённых проблем в КБР является серьёзной провоцирующей силой для всплеска конфликтного потенциала в условиях текущих изменений внешне- и внутривнутриполитической обстановки, санкционных вызовов экономике, сложной социально-экономической ситуации, отражающейся на социальном самочувствии и настроениях людей. Все эти обстоятельства диктуют необходимость формирования адекватных подходов и действенных методов для сохранения на территории республики социальной и политической стабильности и поддержания межнационального мира и согласия в Кабардино-Балкарии.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Семёнова В. В. Стратегия комбинации качественного и количественного подходов при изучении поколений // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2014. Т. 6, № 8. С. 5–15. EDN **TDOXMX**.
2. Российская нация: становление и этнокультурное разнообразие / В. А. Тишков, В. В. Степанов, Н. И. Новикова [и др.] ; Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, Центр этнополитических исследований. М. : Наука, 2011. 462 с. ISBN 978-5-02-037653-3. EDN **QONJLB**.
3. Авксентьев В. А., Гриценко Г. Д. Этнополитическая ситуация на Северном Кавказе: экспертная оценка // Социологические исследования. 2016. № 1 (381). С. 92–99. EDN **VSLWXJ**.
4. Щеголькова Е. Ю. Межэтнические отношения в оценках россиян: социологический анализ // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 4 (158). С. 499–520. DOI **10.14515/monitoring.2020.4.1260**. EDN **ZYVZVI**.

5. Межнациональное согласие в общероссийском и региональном измерении. Социокультурный и религиозный контексты : [монография] / Л. М. Дробижева, Е. М. Арутюнова, А. Т. Бердин [и др.]. М. : ФНИСЦ РАН, 2018. 552 с. ISBN 978-5-89697-302-7. EDN **YKTWRF**.
6. Межнациональное согласие как ресурс консолидации российского общества : [монография] / Л. М. Дробижева, Е. М. Арутюнова, К. С. Григорьева [и др.] ; отв. ред. Л. М. Дробижева ; Ин-т социологии РАН. М. : Ин-т социологии РАН, 2016. 400 с. ISBN 978-5-89697-276-1. EDN **XDAYQD**.
7. *Аккиева С. И., Теммеев И. Ю.* Этноконфессиональная ситуация в Кабардино-Балкарской республике (апрель–июнь 2018 г.) // Этноконфессиональная ситуация в субъектах Российской Федерации Северо-Кавказского федерального округа. Первое полугодие 2018 г. : Экспертный доклад. Ставрополь : Северо-Кавказский федеральный университет, 2018. С. 94–104. ISBN 978-5-9296-0969-5. EDN **LYKMMX**.
8. *Хубиев Б. Б., Атабиева З. А., Азаматова Г. К.* Этносоциальные процессы в северокавказском социуме в постсоветский период: концептуальные аспекты // Электронный журнал «Кавказология». 2023. № 3. С. 386–402. DOI **10.31143/2542-212X-2023-3-386-402**. EDN **LEIOOI**.
9. Межэтнические отношения в полиэтничном регионе: особенности восприятия населением (на материалах Юга России) / А. В. Дятлов, Ю. С. Панфилова, Г. С. Пшегусова, Г. И. Герасимов // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2017. № 4 (209). С. 170–179. EDN **YQGPSH**.
10. *Кушхабиев А. В., Алхасов М. М., Табаксов И. А.* К проблеме трансформации экономических ценностей населения Кабардино-Балкарии в современный период (по результатам социологического исследования) // Вестник Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований. 2018. № 4 (39). С. 80–87. DOI **10.31007/2306-5826-2018-4-39-80-87**. EDN **YPTDZR**.
11. *Кушхабиев А. В., Алхасов М. М., Табаксов И. А.* К проблеме трансформации системы ценностей населения Кабардино-Балкарии в современный период (по результатам экспертного опроса) // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2018. № 3 (224). С. 88–99. EDN **VMXFXK**.
12. Межкультурные отношения на постсоветском пространстве / В. Н. Галяпина, Д. У. Берри, Д. С. Григорьев [и др.]. М. : Менеджер, 2017. 492 с. ISBN 978-5-8346-0349-8. EDN **KXHZRR**.
13. *Дробижева Л. М.* Ресурс межнационального согласия и баланс нетерпимости в современном российском обществе // Мир России. Социология. Этнология. 2012. Т. 21, № 4. С. 91–110. EDN **PEBAVD**.
14. *Тхамокова И. Х.* Русское население Кабардино-Балкарии в XIX – начале XXI в.: динамика этнокультурных границ. Нальчик : Издательский отдел КБИГИ, 2014. 152 с. ISBN 978-5-91766-087-5. EDN **ТСІРАР**.
15. *Боров А. Х.* Экономика Кабардино-Балкарской Республики и ее проблемы // Электронный журнал «Кавказология». 2018. № 3. С. 93–128. DOI **10.31143/2542-212X-2018-3-93-128**. EDN **YLNHWP**.
16. *Тетуев А. И.* Этнополитические процессы на Северном Кавказе в постсоветский период. Нальчик : Принт Центр, 2020. 224 с. ISBN 978-5-907150-49-2. EDN **YPPRWC**.
17. *Апажева С. С., Мамсиров Х. Б.* Межнациональные отношения в молодёжной среде Кабардино-Балкарской Республики // Электронный журнал «Кавка-

- зология». 2021. № 2. С. 135–153. DOI [10.31143/2542-212X-2021-2-135-153](https://doi.org/10.31143/2542-212X-2021-2-135-153). EDN [DHIUTC](#).
18. *Атласкиров А. Р.* Состояние исторического сознания населения Кабардино-Балкарской Республики в оценках экспертного сообщества региона // Электронный журнал «Кавказология». 2019. № 4. С. 76–91. DOI [10.31143/2542-212X-2019-4-76-91](https://doi.org/10.31143/2542-212X-2019-4-76-91). EDN [DGJOQR](#).
 19. Этносоциальные процессы и межконфессиональные отношения на Северном Кавказе / А. М. Кумыков, Б. Б. Хубиев, З. А. Атабиева, А. О. Виндижева // Теории и проблемы политических исследований. 2017. Т. 6, № 6А. С. 122–142. EDN [YUTETK](#).
 20. Российская идентичность и межэтнические отношения. Публичный дискурс и социальная практика : [монография] / Л. М. Дробижева, Е. М. Арутюнова, М. А. Евсева [и др.] ; отв. ред. И. М. Кузнецов, С. В. Рыжова ; ФНИСЦ РАН. М. : ФНИСЦ РАН, 2022. 434 с. DOI [10.19181/monogr.978-5-89697-404-8.2022](https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-404-8.2022). EDN [WGDKYE](#).
 21. *Бгажноков Б. Х.* Основания гуманистической этнологии. М. : Российский университет дружбы народов, 2003. 272 с. ISBN 5-209-02274-9. EDN [SGDGDX](#).
 22. *Савченко В. В.* Межнациональные отношения среди молодёжи в контексте безопасности Северо-Кавказского региона: проблемы, тенденции, пути решения // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2010. Т. 6, № 12 (69). С. 124–129. EDN [MCDHN](#).
 23. *Хамдохов Д. З.* Социальное самочувствие в «малом» многокультурном обществе (на примере Кабардино-Балкарской Республики) // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2007. № 2. С. 163–168. EDN [KBCTJD](#).
 24. *Здравомыслов А. Г., Цуциев А. А.* Этничность и этническое насилие: противостояние теоретических парадигм // Социологический журнал. 2003. № 3. С. 20–50. EDN [PZQNYL](#).
 25. *Бгажноков Б. Х.* Позитивные и негативные факторы малых многоэтнических обществ (по материалам исследований в Кабардино-Балкарии) // Россия и мусульманский мир. 2016. № 4 (286). С. 44–58. EDN [VXVXVP](#).

Сведения об авторе

Е. Ю. Щеголькова

научный сотрудник

AuthorID РИНЦ: [687863](#)

Статья поступила в редакцию 04.10.2023; одобрена после рецензирования 03.11.2023; принята к публикации 20.11.2023.

Original article

DOI: [10.19181/snsp.2023.11.4.8](https://doi.org/10.19181/snsp.2023.11.4.8)

FEATURES OF INTERETHNIC RELATIONS IN THE PERCEPTIONS OF RESIDENTS OF A MULTIETHNIC REGION (A CASE STUDY OF THE KABARDINO-BALKAR REPUBLIC)

Elena Yur'evna Shchegolkova

Institute of Sociology of FCTAS RAS,

Moscow, Russia,

le_na_3@mail.ru,

ORCID [0000-0002-6982-6674](https://orcid.org/0000-0002-6982-6674)

For citation: Shchegolkova E. Yu. Features of interethnic relations in the perceptions of residents of a multiethnic region (a case study of the Kabardino-Balkar Republic). *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. 2023;11(4):178–203. (in Russ.). DOI [10.19181/snsp.2023.11.4.8](https://doi.org/10.19181/snsp.2023.11.4.8).

Abstract. The aim of this article is to present the results of an analysis of interethnic relations among the population of the Kabardino-Balkar Republic, with a focus on identifying local peculiarities and key trends in everyday life that impact ethnic interactions. The research methodology is based on a comprehensive approach to the study of the phenomenon of interethnic relations in a comparative context. For the purposes of this research, this approach combines quantitative and qualitative methods of sociology, statistical data, elements of expert analysis, and personal interviews in various situations. The integration of qualitative and quantitative strategies allows us to examine interethnic relations in the republic from different perspectives. Comparative sociological analysis reveals the spatial levels of interethnic relations and the extent to which they are influenced by specific local-territorial contexts. The use of data from mass republican surveys and materials from interviews and group discussions has enabled the presentation of assessments of interethnic relations, the analysis of the specifics of ethno-cultural composition and land use, the historical memory of the people, the features of ethnic self-awareness, and issues related to ethnic representation. The heterogeneity of the socio-economic space, varying levels of urbanisation in the territory, persistent unemployment levels, and active migration processes were taken into account as circumstances that influence the interethnic climate in the republic. The analysis conducted revealed specific regional features and issues that directly and indirectly determine the level of interethnic tension and stimulate mobilisation strategies. The obtained results can be a part of the social diagnosis of development resources for the republic within the multiethnic North Caucasus macro-region and the development of an effective strategy for regulating interethnic relations that meet the needs and interests of the residents of Kabardino-Balkaria.

Keywords: interethnic relations, interethnic harmony, North Caucasus, Kabardino-Balkar Republic, interethnic tension

REFERENCES

1. Semenova V. V. Strategy of combination of qualitative and quantitative approaches in the study of generations. *Interaction. Interview. Interpretation=Interakciya. Interv'yu. Interpretaciya*. 2014;6(8):5–15. (In Russ.).
2. Tishkov V. A., Stepanov V. V., Novikova N. I. [et al.] The Russian Nation: formation and ethnocultural diversity. N. N. Miklukho-Maklay Institute of ethnology and anthropology of the Russian academy of sciences, center for ethnopolitical research. Moscow: Nauka; 2011. 462 p. (In Russ.). ISBN 978-5-02-037653-3.
3. Avksent'ev V. A., Gritsenko G. D. Ethnopolitical situation in North Caucasus: experts' evaluation. *Sociological studies=Sociologicheskie issledovaniya*. 2016;(1):92–99. (In Russ.).
4. Shchegolkova E. Yu. Interethnic relations in the assessments of Russians: a sociological analysis. *Monitoring of public opinion: Economic and social changes=Monitoring obshhestvennogo mneniya: e'konomicheskie i social'ny'e peremeny'*. 2020;(4):499–520. (In Russ.). DOI [10.14515/monitoring.2020.4.1260](https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.4.1260).
5. Drobizheva L. M., Arutyunova E. M., Berdin A. T. [et al.] Interethnic harmony in the all-Russian and regional dimension. Sociocultural and religious contexts: [monograph]. Moscow: FNISCSZ RAN; 2018. 552 p. (In Russ.). ISBN 978-5-89697-302-7.
6. Drobizheva L. M., Arutyunova E. M., Grigor'eva K. S. [et al.] Interethnic accord as a resource for the consolidation of Russian society. L. M. Drobizheva, ed. Moscow: Institut sociologii RAN; 2016. 400 p. (In Russ.). ISBN 978-5-89697-276-1.
7. Akkieva S. I., Temmoev I. Yu. The Ethno-confessional situation in the Kabardino-Balkarian Republic (April–June 2018). In: The ethno-confessional situation in the subjects of the Russian Federation of the North Caucasus Federal district. First half of 2018: Expert report. Scientific publication. Stavropol: Severo-Kavkazskij federal'ny'j universitet; 2018. p. 94–104. (In Russ.). ISBN 978-5-9296-0969-5.
8. Khubiev B. B., Atabiyeva Z. A., Azamatova G. K. Ethno-social processes in the north caucasian society: challenges and response. *Electronic journal «Caucasology=E'lektronny'j zhurnal «Kavkazologiya»*. 2023;(3):386–402. (In Russ.). DOI [10.31143/2542-212X-2023-3-386-402](https://doi.org/10.31143/2542-212X-2023-3-386-402).
9. Dyatlov A. V., Panfilova Yu. S., Pshegusova G. S., Gerasimov G. I. The interethnic relations in the multiethnic region: features of perception by the population (from materials of the South of Russia). *The bulletin of Adyghe state university: internet scientific journal. Series 1: regional studies: philosophy, history, sociology, law, political science, cultural studies=Vestnik Ady'gejskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 1: regionovedenie: filosofiya, istoriya, sociologiya, yurisprudenciya, politologiya, kul'turologiya*. 2017;(4):170–179. (In Russ.).
10. Kushkhabiev A. V., Alkhasov M. M., Tabaksoev I. A. To the problem of transformation of the economical values of population of the Kabardino-Balkaria in the modern period (by results of the sociological research). *KBIHR Bulletin=Vestnik KBIGI*. 2018;(4):80–87. (In Russ.). DOI [10.31007/2306-5826-2018-4-39-80-87](https://doi.org/10.31007/2306-5826-2018-4-39-80-87).
11. Kushkhabiev A. V., Alkhasov M. M., Tabaksoev I. A. On current transformation of system of values of the population in Kabardino-Balkaria (according to results of expert poll). *The bulletin of Adyghe state university: internet scientific journal*.

- Series 1: regional studies: philosophy, history, sociology, law, political science, cultural studies*=*Vestnik Ady'gejskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 1: regionovedenie: filosofiya, istoriya, sociologiya, yurisprudenciya, politologiya, kul'turologiya*. 2018;(3):88–99. (In Russ.).
12. Galyapina V. N., Berry D. U., Grigoriev D. S. [et al.] Intercultural relations in the post-soviet space. Moscow: Menedzher; 2017. 492 p. (In Russ.). ISBN 978-5-8346-0349-8.
 13. Drobizheva L. M. The resource of interethnic harmony and the balance of intolerance in modern Russian society. The world of Russia. Sociology. Ethnology=Mir Rossii. Sociologiya. E'tnologiya. 2012;21(4):91–110. (In Russ.).
 14. Tkhamokova I. H. The Russian population of Kabardino-Balkaria in XIX – the beginning of the XXI century: dynamics of ethno-cultural borders. Nal'chik: Izdatel'skij otdel KBIGI; 2014. 152 p. (In Russ.). ISBN 978-5-91766-087-5.
 15. Borov A. H. The Kabardino-Balkaria Republic's economy and its problems. *Electronic journal «Caucasology»=E'lektronny'j zhurnal «Kavkazologiya»*. 2018;(3):93–128. (In Russ.). DOI [10.31143/2542-212X-2018-3-93-128](https://doi.org/10.31143/2542-212X-2018-3-93-128).
 16. Tetuev A. I. Ethnopolitical processes in the North Caucasus in the post-soviet period. Nal'chik: Print Centr; 2020. 224 p. (In Russ.). ISBN 978-5-4211-0029-4.
 17. Apazheva S. S., Mamsirov H. B. Interethnic relations among the youth of the Kabardino-Balkarian Republic. *Electronic journal «Caucasology»=E'lektronny'j zhurnal «Kavkazologiya»*. 2021;(2):135–153. (In Russ.). DOI [10.31143/2542-212X-2021-2-135-153](https://doi.org/10.31143/2542-212X-2021-2-135-153).
 18. Atlaskirov A. R. State of historical consciousness of the population of Kabardino-Balkarian Republic in the assessments of the regional expert community. *Electronic journal «Caucasology»=E'lektronny'j zhurnal «Kavkazologiya»*. 2019;(4):76–91. (In Russ.). DOI [10.31143/2542-212X-2019-4-76-91](https://doi.org/10.31143/2542-212X-2019-4-76-91).
 19. Kumykov A. M., Khubiev B. B., Atabieva Z. A., Vindizheva A. O. Ethnosocial processes and interfaith relations in the North Caucasus. *Theories and problems of political studies*=*Teorii i problemy' politicheskix issledovanij*. 2017;6(6A):122–142. (In Russ.).
 20. Drobizheva L. M., Arutyunova E. M., Evseeva M. A. [et al.] Russian identity and interethnic relations. Public discourse and social practice: [monograph]. I. M. Kuznetsov, S. V. Ryzhova, eds. Moscow: FNISC RAN; 2022. 434 p. (In Russ.). ISBN 978-5-89697-404-8. DOI [10.19181/monogr.978-5-89697-404-8.2022](https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-404-8.2022).
 21. Bgazhnokov B. H. The foundations of humanistic ethnology. Moscow: Rossijskij universitet družby' narodov; 2003. 272 p. (In Russ.). ISBN 5-209-02274-9.
 22. Savchenko V. V. Interethnic relations among young people in the context of the security of the North Caucasus region: problems, trends, solutions [Mezhnatsional'nye otnosheniya sredi molodezhi v kontekste bezopasnosti Severo-Kavkazskogo regiona: problemy, tendentsii, puti resheniya]. *Natsional'nye interesy: priority i bezopasnost'*=*Nacional'ny'e interesy': priority' i bezopasnost'*. 2010;6(12):124–129. (In Russ.).
 23. Khamdokhov D. Z. Social well-being in a “small” multicultural society (on the example of the Kabardino-Balkarian Republic) [Social'noe samochuvstvie v «malom» mnogokul'turnom obshhestve (na primere Kabardino-Balkarskoj Respubliki)]. *The bulletin of Adyghe state university: internet scientific journal. Series 1: regionals studies: philosophy, history, sociology, law, political science, cultural studies*=*Vestnik Ady'gejskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 1: Regionovedenie: filosofiya, istoriya, sociologiya, yurisprudenciya, politologiya, kul'turologiya*. 2007;(2):163–168. (In Russ.).

24. Zdravomyslov A. G., Tsutsiev A. A. *Ethnicity and ethnic violence: confrontation of theoretical paradigms [E'tnichnost' i e'tnicheskoe nasilie: protivostoyanie teoreticheskix paradigm]. Sociological journal=Sociologicheskij zhurnal. 2003;(3):20–50. (In Russ.)*.
25. Bgazhnokov B. H. Positive and negative factors of small multi-ethnic societies (based on research materials in Kabardino-Balkaria). *Russia and the moslim world=Rossiya i musul'manskij mir. 2016;(4):44–58. (In Russ.)*.

Information about the author

E. Yu. Shchegolkova

Research associate

ResearchID: **H-9733-2018**

The article was submitted 04.10.2023; approved after reviewing 03.11.2023; accepted for publication 20.11.2023.

СМЫСЛЫ И СМЫСЛОВЫЕ НЮАНСЫ НА ОТКРЫТЫХ ИНТЕРНЕТ-ПЛАТФОРМАХ КАК ПРЕДМЕТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ

(НА ПРИМЕРЕ БЛОГОВ ПАТРИОТИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ В «ДЗЕНЕ»)

Тамара Завеновна Адамьянц

Институт социологии ФНИСЦ РАН,

Москва, Россия,

tamara-adamiants@yandex.ru,

ORCID 0000-0002-3911-2769

Для цитирования: Адамьянц Т. З. Смыслы и смысловые нюансы на открытых интернет-платформах как предмет социологического изучения (на примере блогов патриотической направленности в «Дзене») // Социологическая наука и социальная практика. 2023. Т. 11, № 4. С. 204–220. DOI 10.19181/snsp.2023.11.4.9. EDN UOQHTI.

Аннотация. В центре внимания в статье – латентные смыслы и смысловые нюансы в блогах патриотической направленности на открытой интернет-платформе «Дзен»; выявлялись, во-первых, побудительные стимулы к вступлению в коммуникацию и, во-вторых, вербально проявленные эмоции и эмоциональные состояния авторов комментариев и ответов на них. Исследовательская задача состояла в получении данных, позволяющих понимание и прогнозирование тенденций и вектора развития социально значимых процессов, на которые влияют (могут влиять) коммуникационные взаимодействия в выбранных для изучения блогах. Использовался комплекс взаимодополняющих методов: мотивационно-целевой анализ и контент-анализ. Доминирующим побудительным стимулом для вступления в коммуникацию у авторов анализируемых блогов оказалось стремление детально разобрать фактологические и морально-нравственные аспекты освещаемых событий и проблем и дать личностный прогноз с учётом интересов страны. Доминирующим побудительным стимулом авторов ответных комментариев оказалось желание получить оценку волнующих их проблем, сообщить о своей точке зрения и, главное, получить надежду на благоприятный исход. Типичной для всех участников коммуникации латентной смысловой особенностью, позволяющей позитивные прогнозы и оптимизм, является уверенность в действенности морально-нравственных принципов, следование которым приведёт к желаемому результату. Данные контент-анализа зафиксировали высокий уровень показателей оптимизма, обретения уверенности и снятия тревожности у авторов комментариев и ответов на них. Комплекс полученных данных позволяет вывод о высоком потенциале проанализированных блогов в оптимизации процессов социальной адаптации как среди непосредственных участников коммуникации, так и в рамках той социокуль-

турной группы, которую они условно представляют. Полученные данные можно использовать при принятии оперативных управленческих, политических, социокультурных и других решений.

Ключевые слова: авторский блог, коммуникационные взаимодействия, мотивационно-целевой анализ, смысл, социокультурные группы, гражданское участие, социальная адаптация

Введение

Распространение Интернета качественно расширило возможности и масштабы участия непубличных людей в обсуждении и оценке актуальных политических, социально-политических, экономических и прочих событий и проблем (имеются в виду личностные комментарии, ответы на комментарии и так называемые «лайки» к онлайн выпускам/материалам¹ СМИ, сайтов и блогов). Непрерывно продолжающийся процесс виртуальных обсуждений и оценок, в который вовлечено огромное число наших соотечественников, является, по сути дела, *стихийным вариантом гражданского участия*, побуждающим, благодаря специфике открытых интернет-платформ, к включению в многоуровневую интеракцию людей с активной жизненной позицией, имеющих собственное мнение и/или личностные эмоции в связи с предметом обсуждения. Привлекательны такие обсуждения и для пассивных наблюдателей, получающих возможность проверить свою точку зрения или выработать её, соглашаясь или не соглашаясь с мнением участников.

Феномен массовых коммуникационных взаимодействий² не мог остаться вне поля внимания представителей самых разных направлений современной социологической науки, констатирующих возникновение «виртуальных социокультурных миров» [1], «сетевой интериоризации» [2], «сетевых узлов», «неформальных групп единомышленников» [3; 4] и т. д.

При изучении новой виртуальной реальности, отражающей и/или влияющей, в той или иной степени, на политические, социально-политические, экономические и т. д. процессы в социуме, применяются как количественные, так и качественные методы и подходы. При этом специфика коммуникации в Интернете, где, как известно, используется не только текст (в традиционном понимании термина), но также и звук, и изображение, равно как и «разнобой» материалов по содержанию, форме подачи,

¹ Термины «материал» и «выпуск» (блога) рассматриваются как синонимы. Объединяющий признак – целостность и завершённость, независимо от использованных при их создании средств выражения (это может быть слово печатное, изображение, звук, равно как и любые варианты их сочетаний).

² Термин «коммуникационные взаимодействия» определяется нами как общение в рамках известного и понятного его участникам социокультурного пространства.

частоте и времени появления, нередко обращают к поиску таких методов и подходов, которые позволяют изучать те важные для социологических выводов компоненты, которые кроются *между* слов, звуков, изображений.

В исследовании, о котором пойдёт речь, предметом анализа оказались латентные смыслы¹ [5], ставшие побудительными стимулами к участию в массовых коммуникационных взаимодействиях на открытой интернет-платформе «Дзен», а также вербально проявленные эмоциональные состояния, которые также являются компонентами сложного смыслового ядра. В соответствии с семиосоциопсихологической концепцией социальной коммуникации² [6; 7], в русле которой выполнено исследование, *в каждом целостном, завершённом произведении наличествует константный смысл, который представляет собой виртуальный многоуровневый конструкт, состоящий из комплекса взаимоподчинённых коммуникативно-познавательных программ, ориентированных на коммуникативную (авторскую) интенцию, или «равнодействующую мотивов и целей (точнее – искомого результата)... общения и взаимодействия людей...»* [7, с. 16]. Углублённое представление о смысле и способе его реализации позволяет выявлять в изучаемых материалах (в нашем случае в отдельных блогах и комментариях к ним) латентные многоуровневые структуры, служащие для донесения *авторских интенций* или, что равнозначно, *константных смыслов*, включая при этом в анализ не только тексты в традиционном понимании термина, но и звуки, и изображения, и видео, а также любые варианты их сочетаний.

Объект, предмет, цели и задачи изучения коммуникационных взаимодействий на открытой интернет-платформе «Дзен»

Актуальным и широко востребованным интернет-пространством для наших соотечественников оказывается платформа «Дзен»³, имеющая канал для блогеров и рекомендательную ленту контента для пользователей

¹ Внимание к смысловым особенностям общения и взаимодействия людей находится в мейн-стриме социальной мысли. Среди представителей современной западной науки назовем Дж. Александера, В. Дильтея, Э. Гуссерля, М. Вебера, Н. Лумана, П. Рикера, А. Шюца; советскую и российскую науку в нашем перечне представляют Т. М. Дридзе, В. В. Знаков, А. Н. Леонтьев, Д. А. Леонтьев, Ж. Т. Тощенко и др.

² Автор семиосоциопсихологической концепции социальной коммуникации – российский учёный, доктор психологических наук, главный научный сотрудник ИС РАН Т. М. Дридзе (1930–2000).

³ «Дзен» (до недавнего времени «Яндекс. Дзен») – интернет сервис, принадлежащий с апреля 2022 г. холдингу «VK». На основе технологии специализированного искусственного интеллекта формируется лента публикаций, подстраивающаяся под интересы и запросы пользователей. Подбор публикаций осуществляется на основе анализа истории посещённых страниц и указанных пользователем предпочтений.

Суточная аудитория, по данным 2021 года, составляла более 21,3 млн человек.

с возможностью принять участие в обсуждении (оставить комментарий, ответ на комментарий, знак согласия или несогласия). Практически любой выпуск блога, в соответствии со спецификой жанра, является авторским комментарием на ту или иную волнующую автора тему, что, в свою очередь, оказывается стимулом к появлению потока ответных комментариев; далее ситуация продолжает развиваться по принципу снежного кома: комментарии от посетителей обрастают так называемыми ответами, большинство которых фактически также являются комментариями; наконец, и к комментариям, и к ответам на них можно поставить знак одобрения («плюс») или несогласия («минус»).

В качестве *объекта изучения* в проведённом исследовании первоначально рассматривались блоги общественно-политического содержания на платформе «Дзен», имеющие многотысячное число подписчиков, а также, в добавление к этому параметру, – многотысячное число комментариев, ответов на комментарии и знаков «плюс» – «минус» в рамках отдельных материалов/выпусков. Таковыми, исходя из приведённых на платформе статистических данных, оказались блоги патриотической¹ направленности, посвящённые анализу актуальных общественно-политических событий.

Предмет изучения оказался комплексным: исследовались смыслы и смысловые нюансы коммуникационных взаимодействий в рамках обозначенных блогов, которые, в дополнение к традиционному желанию одной стороны рассказать (а другой – узнать) об актуальном событии или проблеме, вносят в общение новое, притягательное для обеих сторон качество и тем самым побуждают к интеракции. Такой ракурс анализа позволяет понимание ключевых позиций в системе личностных ценностей и социальных представлений большого числа наших соотечественников – той социокультурной группы², своеобразными постпредами которой являются участники многотысячных интеракций: что «предпочитается в наибольшей степени... чем восхищаются... что считается нормальным, правильным... что не одобряется, порицается и, на крайнем полюсе, считается аморальным, преступным» [9, с. 559].

Цель изучения состояла в анализе и обобщении опыта применения комплекса исследовательских методов и подходов, позволяющих выявление глубинных смыслов и смысловых нюансов в любом целостном,

¹ Концепт «патриотизм» рассматривается как «нравственный и политический принцип, социальное чувство, содержанием которого является любовь к отечеству, гордость за его прошлое и настоящее, готовность подчинить свои интересы интересам страны, стремление защищать интересы родины и своего народа» [8, с. 713].

² Концепт «социокультурные группы» определяется нами как условные, но реально существующие группы людей, объединённых едиными смысловыми, ценностными и эмоциональными полями при ориентировании в сфере социальной коммуникации.

завершённом коммуникативном акте [5]. *Задачами изучения* оказалось, во-первых, выявление латентных смыслов и смысловых нюансов в блогах патриотической направленности, а также, во-вторых, предоставление научно обоснованных выводов об особенностях их влияния на социальные представления и эмоции наших соотечественников. *Гипотезой* изучения было предположение о позитивном влиянии блогов патриотической направленности на процессы социальной адаптации¹ участников многоуровневых интеракций.

Актуальность изучения обусловлена социальной значимостью интерактивных взаимодействий в Интернете, которые стали одной из основных коммуникационных платформ общения и взаимодействия наших соотечественников. Актуальность обусловлена также социальной целесообразностью научного поиска таких форм и способов коммуникационных взаимодействий, которые способствуют укреплению патриотизма, оптимизма, снимают неуверенность и тревожность населения в условиях проходящей СВО, санкционной политики Запада и информационно-смыслового давления извне, ориентированного на деморализацию и раскол российского общества.

Эмпирическая база, методы сбора и обработки данных

К проблеме репрезентативности исследовательских данных. Жанровые особенности большинства блогов в Интернете двойки: с одной стороны, все их компоненты реальны, в силу возможности удостовериться в подлинности профиля (учётной записи) любого участника обсуждений, а с другой, поскольку у авторов есть право удалять не устраивающие их комментарии, – все компоненты блога проходят, при желании автора, предварительный отбор². Кроме того, согласно правилам и условиям «Дзен», при размещении материалов действуют ограничения в содержании и стилистике, т. е. своего рода цензура³. Перед нами, следовательно, специфический, возможный только в условиях интернет-коммуникации жанр с преобладанием достоверных, но все же прошедших несколько ступеней отбора составных блоков, в связи с чем экстраполяция полу-

¹ Концепт «социальная адаптация» рассматривается как «процесс приспособления, освоения, как правило, активного, личностью или группой новых для неё социальных условий или социальной среды... как такой социальный процесс, в котором и адаптант, и социальная среда... активно взаимодействуют, оказывают активное воздействие друг на друга...» [10, с. 941].

² По данным автора блога «Тест Опросыч», 56% авторов «Дзена» удаляют комментарии негативного содержания из своих постов. URL: <https://zen.yandex.ru/media/id/5d0236379415b000b0340c52/56-avtorov-dzena-udaliaiut-negativnye-komentarii-iz-svoih-postov-6076f05f12a6102f166561e9> (дата обращения 05.09.2023).

³ Согласно правилам «Дзен», ограничиваются в показе материалы, нарушающие российское законодательство, а также содержащие детальные описания трагических происшествий, шокирующий или откровенный контент, оскорбления и т. д.

ченных данных об особенностях коммуникационных взаимодействий в рамках изучаемых блогов на весь социум была бы некорректной. Речь может идти о репрезентативности и научной обоснованности исследовательских результатов только в рамках изучаемых нами блогов, а также о прогнозировании их возможного влияния (на уровне тенденций) на представителей тех социокультурных групп, которые разделяют схожие ценности.

Всего было проанализировано 1200 текстовых единиц: в каждом из названных блогов по 25 выпусков и по 275 комментариев/отзывов к ним. Началом временных рамок изучения была определена дата 1 сентября 2022 г., однако окончание наблюдений не было одновременным, поскольку частота создания и транслирования выпусков не регламентирована и зависит исключительно от воли и решений авторов блогов. Учитывая соблюдение нами важного для социологического анализа *принципа минимальной базовой группы*, согласно которому следует изучить не менее 25–30 единиц анализа по каждой из независимых переменных [11; 12], полученные данные репрезентативны в рамках обозначенного выше ограничения. Исследование позиционируется как *качественное, направленное на прослеживание тенденций* в особенностях влияния блогов патриотической направленности на процессы социальной адаптации в условиях проходящей СВО и санкционного давления Запада.

Использованные методы и подходы. Для решения поставленных задач потребовалось применение различных методов и подходов, комплекс которых позволил получить представление о тенденциях в динамике и векторе реакций больших групп людей по отношению к обсуждаемым событиям или проблемам. При выявлении глубинных смыслов в материалах блогов, отвечающих «злобе дня», но разноплановых как по частоте и времени выхода, так и по содержанию и форме подачи, был использован *метод мотивационно-целевого анализа*, разработанный в рамках семиосоциопсихологической концепции социальной коммуникации [6].

Для доказательного выявления латентных смыслов в анализируемых блогах была использована *типовая мотивационно-целевая структура*, традиционно применяющаяся в исследованиях прикладного плана [13, с. 15–19]. Типовая структура имеет форму сужающегося кверху конуса и состоит из нескольких взаимосвязанных и взаимозависимых уровней, каждый из которых ориентирован на авторскую интенцию (смысл) и служит целям её реализации; все уровни структуры «пронизывает» проблемная ситуация, являющаяся первопричиной создания конкретного материала/текста:

- I уровень (вершина структуры) – авторская интенция (смысл);
- II уровень – тезисы;

- III уровень – аргументы и контраргументы;
- IV уровень – иллюстрации и контриллюстрации к тезисам, контртезисам, аргументам, контраргументам;
- V уровень – фоновый материал к любому из вышестоящих уровней;
- VI, VII уровни (нижняя часть структуры) – фоны к фонам.

Каждый отдельный материал отличается от других оригинальной модификацией типовой мотивационно-целевой структуры, посредством которой автор/коммуникатор обозначает на виртуальном плане актуальную для него проблемную ситуацию и своё представление о способе её решения.

Процедура изучения смысловых нюансов в анализируемых нами блогах состояла, во-первых, в определении проблемных ситуаций, вызвавших к жизни каждый конкретный выпуск, и, далее, в проявлении их мотивационно-целевых структур, вершиной которых оказываются их уникальные латентные смыслы.

Выделение латентных смыслов происходит в соответствии с *абдукцией* – универсальной познавательной процедурой [14]. Как правило, ментальный поиск начинается с нижних уровней мотивационно-целевой структуры, т. е. с деталей, подробностей, проявленных эмоциональных состояний. Далее следует своеобразное «ментальное оперирование», состоящее из неоднократных выдвижений и опровержений гипотез об особенностях структурной организации (тезисы, аргументы, иллюстративные элементы, фоновый уровень, их взаимодействие между собой) изучаемого материала; залогом верности ментальных перемещений оказывается стройность проявляющейся в сознании многоуровневой структуры и невозможность выстроить её как-либо иначе; итоговым результатом оказывается «смысловой контакт», или искомый латентный смысл.

При изучении вербально проявленных эмоциональных состояний авторов комментариев и ответов на них использовался *метод контент-анализа* – «исследовательская техника анализа содержания текстов для получения информации о состояниях и свойствах социальной реальности» [15, с. 192]. Данные об эмоциональных состояниях участников интеракции дают представление об аффективном (эмоциональном) уровне социальной установки по отношению к обсуждаемым темам или проблемам; как известно, аффективный (эмоциональный) уровень социальной установки [16], вкупе с когнитивным, оказывает влияние на тенденции в направленности поведения личности.

В центре внимания на данном этапе изучения оказались смысловые значения слов, словосочетаний и фраз, использованных в комментариях и ответах на них. Для отбора и дальнейшего анализа были определены следующие категории изучения, которые при дальнейшем анализе рассматрива-

лись как показатели качества социальной адаптации личности: оптимизм, патриотизм, уверенность в благоприятном исходе, неуверенность, тревожность, снятие тревожности, раздражительность, негодование.

Полученные данные о вербально проявленных эмоциях и эмоциональных состояниях позволили оценить не только особенности отношения к обсуждаемым темам и проблемам представителей тех социокультурных групп, которые репрезентируют участники, но и к глубинным смыслам, циркулирующим в рамках анализируемых блогов.

Исследовательские результаты: латентные смыслы блогов патриотической направленности

Для изучения были выбраны следующие авторские блоги: «Константин Двинский» (268 К¹ подписчиков), «Исторические напёрстки» (254,6 К подписчиков), «Захар Прилепин» (284,5 К подписчиков), «Наталья Ефимова» (192,9 К подписчиков). Выбор был обусловлен рекомендательными предложениями платформы «Дзен» при запросе материалов общественно-политического содержания и подтверждён данными об их смысловых доминантах, полученными посредством мотивационно-целевого анализа. Все избранные для изучения блоги представляют собой авторский анализ актуальных, в большинстве случаев уже известных из официальных источников политических, социально-политических или экономических событий/проблем.

Результаты проведённого мотивационно-целевого анализа показали, что доминирующими стимулами для включения в процесс коммуникации авторов блогов оказалось комплексное стремление детально разобрать фактологические и морально-нравственные² аспекты освещаемых событий и проблем и *дать личностный прогноз с учётом интересов страны*. Лидирующую позицию в транслируемых смыслах всех проанализированных нами блогов занимает патриотизм во всех нюансах проявления этого качества: здесь и любовь к своей стране, и гордость её успехами, и огорчения из-за неудач и прочих проблем, и осуждение разного рода недоброжелателей. *Аргументами для донесения искомых смыслов оказываются доказательства точности, логической обоснованности, соответствия морально-нравственным ценностям*. На основании этих критериев ведутся дальнейшие рассуждения о справедливости, честности, порядочности, правильности той или иной точки

¹ 1 К – значит тысяча подписчиков.

² Концепт «морально-нравственный» рассматривается нами как комплекс взаимозависимых и взаимопроникающих регуляторов социальной и духовной жизни общества и человека. Включает сформированные социумом подвижные нормы, правила, законы, рекомендации и т. д. (сфера морали) и неизменяемые, единые для всех духовные скрепы (сфера нравственности).

зрения, действия или решения. Вот как выстраиваются латентные мотивационно-целевые структуры авторских материалов в блогах патриотической направленности:

- I уровень: авторская интенция (смысл) – личностные выводы о фактологических особенностях и/или мотивационно-целевых нюансах обсуждаемого события или проблемы с учётом интересов страны, то особенное и принципиально важное, что автор «видит» и желает сообщить;
- II уровень: тезисы и контртезисы – заявление о своей точке зрения, оценке, выводе/заявление о точке зрения, с которой автор не согласен;
- III уровень: аргументы или контраргументы – объяснение, доказательство своей оценки, точки зрения/объяснение причины несогласия (*почему?*);
- IV уровень: иллюстрации к тезисам и аргументам – факты, события, слова, фразы, изобразительный и/или звуковой ряд в рамках обсуждаемого события;
- V уровень: фоны – упоминания о случаях, фактах, наблюдениях из личного опыта автора, ссылки на высказывания авторитетных персон, историю вопроса, примеры аналогичных ситуаций и т. д.;
- VI уровень: фоны к фонам – вербально проявленные эмоции, дополнительные детали и т. д.

Приведём в качестве примера латентную мотивационно-целевую структуру выпуска блога Наталии Ефимовой от 12 сентября 2022 г.

- I уровень (авторская интенция, или смысл): реалии современной жизни касаются каждого: вербально заявлена дважды: как название выпуска и фразой в самом конце;
- II уровень (тезисы): важно единение по ключевым вопросам (заявлен автором в конце передачи); необходимо патриотическое воспитание в школе (авторский текст об обсуждении проблемы в телепрограмме А. Норкина);
- II уровень (контртезисы): в обществе нет единого консенсуса; социум не видит целесообразности патриотического воспитания в школе (авторский текст о словах Б. Надеждина в телепрограмме);
- III уровень (аргументы к тезисам): авторский текст о данных ФОМ об одобрении присоединения новых регионов России; авторский текст с примерами из личного опыта автора и её дочери о целесообразности патриотического воспитания в школе;
- III уровень (контраргументы): авторский текст о словах Б. Надеждина в телепрограмме: «Дети и так перегружены»; «Пусть этим занимаются те, кто хочет стать военным»;

- IV уровень (иллюстрации к тезису и аргументам к тезису): авторский текст и сделанные автором сканы сайта Института региональных проектов и законодательства, президентом которого является Б. Надеждин: на сайте во всех ипостасях значится он один, следовательно, представляет только самого себя; авторский текст: размышления о непростых отношениях А. Ахматовой с властью и о её патриотической позиции в трудное для страны время;
- V уровень (фоны к тезисам, аргументам и иллюстрациям): цитата из стихотворения А. Ахматовой, написанного в 1942 году: «Мы знаем, что ныне лежит на весах и что совершается ныне. Час мужества пробил на наших часах и мужество нас не покинет».
- VI уровень (фоны к фонам): сканы телепрограммы А. Норкина (общий план, телеведущий, участники, вопрос-лозунг на заднем плане телестудии: «Касается каждого?!»).

Комплекс латентных смыслов и способов их проявления в авторских материалах создаёт для посетителей блога эффект уникальности авторской интенции и заинтересованности в дальнейших встречах именно с этим автором¹, что гарантирует большое количество ответных комментариев, ответов на них и знаков согласия или несогласия.

Что же происходит на противоположном полюсе интеракции, т. е. у воспринимающей стороны? Основным смысловым посылом *в материалах авторов комментариев (и ответов на них)* большей частью обнаруживается желание оказаться вовлечёнными в обсуждение, сообщить о своей точке зрения, дать оценку, а также, опираясь на транслируемый автором блога позитивно-патриотический смысловой посыл и складывающееся в результате интеракции коллективное мнение, получить надежду на благоприятный исход.

Отправной точкой, позволяющей позитивные прогнозы и оптимизм у всех участников, является *уверенность в действенности традиционных морально-нравственных принципов* [1; 17], на основе апелляций к которым происходит виртуальная многоликая интеракция и которые, по совокупному негласному согласию, приведут (не могут не привести!) к желаемому результату. В этой связи актуально мнение бесспорного авторитета в вопросах нравственности и морали И. Канта о том, что «...человеческий разум в сфере морального, даже при самом обыденном рассудке, легко может достигнуть высокой степени правильности и обстоятельности» [18, с. 226].

¹ Популярность всех проанализированных нами блогов не случайна: автор блога «Наталья Ефимова» в молодости была журналистом и руководителем редакционной службы в США от газеты «Московский комсомолец»; автор блога «Захар Прилепин» – известный писатель, публицист и общественный деятель; автор блога «Исторические напёрстки» – журналист, писатель и поэт Вячеслав Дорошин; автор блога «Константин Двинский» – политолог, анализирующий преимущественно сферу экономики.

Таким образом, для блогов патриотической направленности характерна, с одной стороны, ориентация авторов блогов на позитивно-поддерживающую миссию по отношению к потенциальной аудитории и, с другой, стремление участников ответной интеракции оказаться причастными к оценке и решению обсуждаемой проблемы, а также, что немаловажно, получить некую утешительно-поддерживающую опору. Полученные результаты находятся в соответствии с данными исследований, проведённых российскими социологами, о том, что «...главными смыслами жизни россиян» являются «социальная справедливость, социальная защищённость и стремление понять, какое общество строится в России» [19, с. 13].

Исследовательские результаты: вербально проявленные эмоциональные состояния авторов комментариев и ответов на них

Ориентиром в векторе эмоциональных реакций посетителей блогов оказываются продуцируемые авторами блогов *социально значимые смыслы*, которые в процессе восприятия одобряют (либо напротив, не одобряют) участники многоуровневых интеракций.

При использовании авторами блогов позитивно-оптимистических смысловых нюансов в ответных комментариях и ответах на них были зафиксированы, в диапазоне 90–95% от общего числа анализируемых текстовых единиц (на данном этапе изучения), такие эмоциональные состояния, как *оптимизм, патриотизм, уверенность, снятие тревожности*; при подсчёте считалось достаточным наличие в анализируемой текстовой единице слов, словосочетаний или фраз, смысловое значение которых адекватно хотя бы одному из обозначенных показателей качества социализации и социальной адаптации личности.

При наличии в авторских материалах интенциональных нюансов с элементами осуждения или недовольства складывающимися обстоятельствами в ответных комментариях и ответах на них были зафиксированы, в диапазоне 85–90% от общего числа анализируемых текстовых единиц (на данном этапе изучения), такие эмоциональные состояния, как *раздражительность, тревожность, негодование*, сопровождающиеся в большинстве случаев *предложениями способов оптимального выхода и надеждой на благоприятный исход*; при подсчёте и в данном случае считалось достаточным наличие в анализируемой текстовой единице слов, словосочетаний или фраз, смысловое значение которых адекватно хотя бы одному из обозначенных показателей.

Вместо заключения

Проведённое исследование показало эффективность комплексного применения методов мотивационно-целевого анализа и контент-анализа для выявления глубинных смыслов и смысловых нюансов в любом целостном, завершённом коммуникативном акте. Полученное в результате комплексного изучения знание о латентных смысловых нюансах коммуникационных взаимодействий на открытых платформах Интернета позволяет понимание сущностных, глубинных особенностей социальных представлений, системы ценностей и эмоциональных реакций большого числа людей, объединённых едиными смысловыми и эмоциональными полями. И поскольку полученные результаты с некоторой долей условности можно распространить и на представителей той социокультурной группы, своеобразными полпредами которой являются многотысячные участники интеракций, для социальной науки открывается возможность практически наглядно и в режиме реального времени изучать «способы самоорганизации и воспроизводства вещества и форм социальности» [20, с. 19].

Комплекс полученных знаний свидетельствует о положительном влиянии и, следовательно, высоком потенциале проанализированных блогов патриотической направленности на процессы социальной адаптации как непосредственных участников обсуждений, так и представителей той социокультурной группы, которая разделяет их ценности. Превалирующими смысловыми нюансами в проанализированных блогах оказались любовь к своей стране, её истории и традициям, а также стремление поддержать или получить в процессе коммуникации надежду на благоприятный для общества и страны результат. Характерно при этом, что надежду и уверенность всем участникам придаёт вера в приоритет морально-нравственных ценностей, которые живут в обществе и которые, как считает большинство участников, приведут к желаемому результату¹. Зафиксирован также высокий уровень показателей оптимизма, обретения уверенности и снятия тревожности среди участников интеракций в рамках проанализированных блогов.

Социологические данные о смысловых и эмоциональных особенностях коммуникационных взаимодействий на открытых площадках Интернета могут служить основанием для принятия различного рода управленческих, политических и других решений и действий (эффект «пальца на пульсе»). Так, выводы о позитивном влиянии проанализированных блогов на процессы социальной адаптации в современной России актуализи-

¹ Полученные данные созвучны российской гуманитарной мысли, а также исторической памяти народа.

руют целесообразность вмешательства Роскомнадзора в организационное и правовое регулирование взаимоотношений авторов патриотически ориентированных блогов с модераторами платформы «Дзен»; речь идёт о ситуациях необоснованных «ограничений», задержек и даже «забаниваний», о которых нередко сообщают авторы в своих материалах.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Адамьянц Т. З.* Виртуальные социокультурные миры на открытых платформах Интернета // Социологическая наука и социальная практика. 2022. Т. 10, № 1 (37). С. 58–72. DOI [10.19181/snsp.2022.10.1.8860](https://doi.org/10.19181/snsp.2022.10.1.8860). EDN [TKSBBA](https://www.edn.ru/TKSBBA).
2. *Воронкова О. А.* Сетевая интериоризация – становление новой мотивационной матрицы социально-политического участия // Социально-политические исследования. 2020. № 1 (6). С. 17–28. DOI [10.20323/2658-428X-2020-1-6-17-28](https://doi.org/10.20323/2658-428X-2020-1-6-17-28). EDN [GIOCPV](https://www.edn.ru/GIOCPV).
3. *Люблинский В. В., Михайленок О. М.* Развитие сетевого общества и цифровых технологий в зеркале социальной политики (международный опыт и Россия) // Социально-гуманитарные знания. 2023. № 2. С. 15–22. DOI [10.34823/SGZ.2023.2.51976](https://doi.org/10.34823/SGZ.2023.2.51976). EDN [MFFLKR](https://www.edn.ru/MFFLKR).
4. *Михайленок О. М., Щенина О. Г.* Гуманитарная экспертиза цифровизации: политологический аспект // Социально-гуманитарные знания. 2022. № 5. С. 130–134. DOI [10.34823/SGZ.2022.5.518906](https://doi.org/10.34823/SGZ.2022.5.518906). EDN [MKGNHT](https://www.edn.ru/MKGNHT).
5. *Адамьянц Т. З.* Социальные смыслы как предмет социологического анализа // Социологические исследования. 2021. № 9. С. 16–25. DOI [10.31857/S013216250015252-0](https://doi.org/10.31857/S013216250015252-0). EDN [NKIHOT](https://www.edn.ru/NKIHOT).
6. *Дридзе Т. М.* Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации. М. : Наука, 1984. 268 с.
7. *Дридзе Т. М.* Две новые парадигмы для социального познания и социальной практики // Социальная коммуникация и социальное управление в эконоцентрической и семиосоциопсихологической парадигмах: в 2 кн. М. : Институт социологии РАН, 2000. Кн. 1. С. 5–42. ISBN 5-89687-005-2.
8. *Винокурова С. П.* Патриотизм // Социология: Энциклопедия / Сост. А. А. Грицанов, В. Л. Абушенко, Г. Н. Соколова, О. В. Терещенко. Минск : Книжный дом, 2003. С. 713. ISBN 985-428-619-3.
9. *Яковлев А. М.* Ценность социальная // Социологический словарь / Отв. ред. Г. В. Осипов, Л. Н. Москвичев. М. : Норма, 2008. С. 559. ISBN 978-5-468-00195-0.
10. *Леверовская Я. В., Балцевич В. А., Балцевич С. Я.* Социальная адаптация // Социология: Энциклопедия / Сост. А. А. Грицанов, В. Л. Абушенко, Г. Н. Соколова, О. В. Терещенко. Минск : Книжный дом, 2003. С. 941–942.
11. *Гурвич Ф. М.* Методы и процедуры получения экспертной информации (ч. 1) // Экономика и математические методы. 1973. Т. IX, № 5. С. 962–975.
12. *Гурвич Ф. М.* Методы и процедуры получения экспертной информации (ч. 2) // Экономика и математические методы. 1973. Т. IX, № 6. С. 1157–1169.
13. *Адамьянц Т. З.* Социальные смыслы глобальных процессов и перемен: механизмы и катализаторы: (монография). М. : Институт социологии РАН, 2017. 69 с. URL: <http://www.isras.ru/publ.html?id=5020>. (дата обращения: 01.06.2023). ISBN 978-5-89697-287-7. EDN [ZAVGHF](https://www.edn.ru/ZAVGHF).

14. *Peirce Ch.* Collected Papers. Vol. 6. Cambridge, MA : The Belknap Press of Harvard University Press, 1956.
15. *Таршис Е. Я.* Контент-анализ // Социологический словарь / Отв. ред. Г. В. Осипов, Л. Н. Москвичев. М. : Норма, 2008. С. 192–194. ISBN 978-5-468-00195-0.
16. *Smith M. B.* Attitude Change // International Encyclopedia of the Social Sciences / Ed. by D. L. Sills. New York : Crowell, Macmillan Reference USA, 1968.
17. Российское общество и государство в условиях пандемии: социально-политическое положение и демографическое развитие Российской Федерации в 2020 году : [монография] / Г. В. Осипов, В. К. Левашов, С. В. Рязанцев [и др.] ; отв. ред. В. К. Левашов. М. : ИТД Перспектива, 2020. 532 с. ISBN 978-5-905790-48-5. DOI [10.38085/978-5-905790-48-5-2020-1-532](https://doi.org/10.38085/978-5-905790-48-5-2020-1-532). EDN [KINMZW](https://www.edn.ru/KINMZW).
18. *Кант И.* Основы метафизики нравственности (1785) // Собрание сочинений: в 6 т. / И. Кант. М. : Мысль, 1965. Т. 4. Ч. 1. С. 221–313.
19. *Тощенко Ж. Т.* Смыслы как качественная и сущностная характеристика социологии жизни // Гуманитарий Юга России. 2017. Т. 6, № 5. С. 13–28. DOI [10.23683/2227-8656.2017.5.1](https://doi.org/10.23683/2227-8656.2017.5.1). EDN [ZNGTTH](https://www.edn.ru/ZNGTTH).
20. *Дридзе Т. М.* Станет ли социология «наукой наук об обществе?» // Социологические исследования. 2001. № 3. С. 19–20.

Сведения об авторе

Т. З. Адамьянц

доктор социологических наук, профессор,
главный научный сотрудник
AuthorID РИНЦ: [76399](https://www.authorid.ru/76399)

Статья поступила в редакцию 05.06.2023; одобрена после рецензирования 11.09.2023; принята к публикации 23.10.2023.

Original article

DOI: [10.19181/snsp.2023.11.4.9](https://doi.org/10.19181/snsp.2023.11.4.9)

MEANINGS AND SEMANTIC NUANCES ON OPEN INTERNET PLATFORMS AS A SUBJECT OF SOCIOLOGICAL STUDY (ON THE EXAMPLE OF PATRIOTIC BLOGS IN ZEN)

Tamara Zavenovna Adamyants

Institute of Sociology of FCTAS RAS,
Moscow, Russia,

tamara-adamiants@yandex.ru,

ORCID [0000-0002-3911-2769](https://orcid.org/0000-0002-3911-2769)

For citation: Adamyants T. Z. Meanings and semantic nuances on open Internet platforms as a subject of sociological study (on the example of patriotic blogs in Zen). *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. 2023;11(4):204–220. (In Russ). DOI [10.19181/snsp.2023.11.4.9](https://doi.org/10.19181/snsp.2023.11.4.9).

Abstract. The article focuses on latent meanings and semantic nuances in patriotic blogs on the open Zen Internet platform; first, the motivating incentives to enter into communication and, secondly, the verbally manifested emotions and emotional states of the authors of comments and responses to them were revealed. The research task was to obtain data that allows understanding and forecasting trends and the vector of development of socially significant processes that are influenced (may be influenced) by communication interactions in the blogs selected for study. A set of complementary methods was used: motive-target analysis and content analysis. The dominant incentive for the authors of the analyzed blogs to enter into communication was the desire to analyze in detail the factual and moral aspects of the events and problems covered and to give a personal forecast taking into account the interests of the country. The dominant incentive of the authors of the response comments turned out to be the desire to get an assessment of the problems that concern them, to report their point of view and, most importantly, to get hope for a favorable outcome. A typical latent semantic feature for all participants of communication, which allows positive forecasts and optimism, is confidence in the effectiveness of moral principles, following which will lead to the desired result. The content analysis data recorded a high level of optimism, gaining confidence and relieving anxiety among the authors of comments and responses to them. The complex of the data obtained allows us to conclude that the analyzed blogs have a high potential in optimizing the processes of social adaptation both among the direct participants of communication and within the socio-cultural group that they conventionally represent. The data obtained can be used in making operational managerial, political, socio-cultural and other decisions.

Keywords: author's blog, communication interactions, meaning, motive-target analysis, socio-cultural groups, civic participation, social adaptation

REFERENCES

1. Adamyants T. Z. Virtual socio-cultural worlds on open Internet platforms. *Sociological Science and social practice=Sociologicheskaja nauka i sochil'naja praktika*. 2022;10(1):58–72. DOI [10.19181/snsp.2022.10.1.8860](https://doi.org/10.19181/snsp.2022.10.1.8860) (In Russ.).

2. Voronkova O. A. Network internalization – the formation of a new motivational matrix of socio-political participation. *Social and political research=Social`no-politicheskie issledovaniya*. 2020;(1):17–28. DOI [10.20323/2658-428X-2020-1-6-17-28](https://doi.org/10.20323/2658-428X-2020-1-6-17-28) (In Russ.).
3. Lyublinsky V. V., Mikhaylenok O. M. The development of a network society and digital technologies in the mirror of social policy (international experience and Russia). *Socio-humanitarian knowledge=Social`no-gumanitarny`e znaniya*. 2023;(2):15-22. (In Russ.).
4. Mikhaylenok O. M., Shchenina O. G. Humanitarian expertise of digitalization: a political aspect. *Socio-humanitarian knowledge=Social`no-gumanitarny`e znaniya*. 2022 ;(5):130–134. DOI [10.34823/SGZ.2022.5.518906](https://doi.org/10.34823/SGZ.2022.5.518906) (In Russ.).
5. Adamyants T. Z. Social meanings as a subject of sociological analysis. *Sociological research=Sociologicheskie issledovaniya*. 2021;(9):16–25. DOI [10.31857/S013216250015252-0](https://doi.org/10.31857/S013216250015252-0). (In Russ.).
6. Dridze T. M. Textual activity in the structure of social communication. Problems of semiosociopsychology [Tekstovaya deyatel`nost` v strukture social`noj kommunikacii]. Moscow: Nauka; 1984. 268 p. (In Russ.).
7. Dridze T. M. Two new paradigms for social cognition and social practice [Dve novy`e paradigmy` dlya social`nogo poznaniya i social`noj praktiki]. In: Social communication and social management in ecoanthropocentric and semiosociopsychological paradigms: in 2 books. Book 1. [Social`naya kommunikaciya i social`noe upravlenie v e`koantropocentricheskoj i semiosociopsixologicheskoj paradigmax: v 2 kn. Kn. 1]. Moscow: Institut sociologii RAN; 2000. p. 5–42. ISBN 5-89697-005-2. (In Russ.).
8. Vinokurova S. P. Patriotism. In: Sociology: Encyclopedia. A. A. Gritsanov, V. L. Abushenko, G. N. Sokolova, O. V. Tereshchenko, compilers. Minsk: Knizhny`j dom; 2003. p. 713. ISBN 985-428-619-3. (In Russ.).
9. Yakovlev A. M. Social value. In: Sociological dictionary. G. V. Osipov, L. N. Moskvichev, compilers. Moscow: Norma; 2008. p. 559. ISBN 978-5-468-00195-0. (In Russ.).
10. Leverovskaya Y. V., Baltsevich V. A., Baltsevich S. Y. Social adaptation. In: Sociology: Encyclopedia. Compiled by A. A. Gritsanov, V. L. Abushenko, G. N. Sokolova, O. V. Tereshchenko, compilers. Minsk: Knizhny`j dom; p. 941–942. ISBN 985-428-619-3. (In Russ.).
11. Gurvich F. M. Methods and procedures for obtaining expert information (Part 1). *Economics and mathematical methods=E`konomika i matematicheskie metody*. 1973;IX(5):962–975. (In Russ.).
12. Gurvich F. M. Methods and procedures for obtaining expert information (Part 2). *Economics and mathematical methods=E`konomika i matematicheskie metody*. 1973;IX(6):1157–1169. (In Russ.).
13. Adamyants T. Z. Social meanings of global processes and changes: mechanisms and catalysts (monograph). Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences. Moscow. 2017. Available at: <http://www.isras.ru/publ.html?id=5020>. (accessed: 01.06.2023). ISBN 978-5-89697-287-7. (In Russ.).
14. Peirce Ch. Collected papers. Vol. 6. Cambridge: MA; The Belknap Press of Harvard Univ. Press. 1956.
15. Tarshis E. Y. Content analysis [Kontent-analiz]. In: Sociological dictionary [Sociologicheskij slovar]. G. V. Osipov, L. N. Moskvichev, eds. Moscow: Norma; 2008. P. 192–194. ISBN 978-5-468-00195-0. (In Russ.).
16. Smith M. B. Attitude Change. In: International encyclopedia of the social sciences. D. L. Sills, ed. New York: Crowell, Macmillan Reference USA, 1968.

17. Osipov G. V., Levashov V. K., Ryazantsev S. V., [et al.]. Russian society and the state in the conditions of the pandemic: socio-political situation and demographic development of the Russian Federation in 2020 [monograph]. Levashov V. K., ed. Moscow: ITD Perspektiva; 2020. 532 p. ISBN 978-5-905790-48-5. DOI [10.38085/978-5-905790-48-5-2020-1-532](https://doi.org/10.38085/978-5-905790-48-5-2020-1-532) (In Russ.).
18. Kant I. Fundamentals of the metaphysics of morality. (1785). In: Collected Works: in 6 volumes. I. Kant. Moscow: Mysl; 1965. Vol. 4, Part 1, P. 221–313 (In Russ.).
19. Toshchenko J. T. Meanings as a qualitative and essential characteristic of the sociology of life. *Humanities of the South of Russia=Gumanitarniy Yga Rossii*. 2017;6(5):13–28. DOI [10.23683/2227-8656.2017.6.4](https://doi.org/10.23683/2227-8656.2017.6.4) (In Russ.).
20. Dridze T. M. Will sociology become “the science of the sciences of society?” [Stanet li sociologiya “naukoj nauk ob obshhestve?”]. *Sociological Studies=Sociologicheskie issledovaniya*. 2001;(3):19–20. (In Russ.).

Information about the author

T. Z. Adamyants

Doctor of Sociology, Professor,

Main Researcher

ResearcherID: [ABD-1686-2020](https://orcid.org/0009-0001-9310-4000)

Scopus AuthorID: 56951112600

The article was submitted 05.06.2023; approved after reviewing 11.09.2023; accepted for publication 23.10.2023.

РАСПРОСТРАНЕНИЕ САМОГОНОВАРЕНИЯ В РОССИИ В ПЕРИОД СОЦИАЛЬНЫХ КРИЗИСОВ

Виктория Владимировна Брюно¹
Маргарита Ефимовна Позднякова²

^{1,2} Институт социологии ФНИСЦ РАН,
Москва, Россия,

¹ victoria.bruno@mail.ru,

ORCID 0000-0001-9735-024X

² margo417@mail.ru,

ORCID 0000-0002-7896-5115

Для цитирования: Брюно В. В., Позднякова М. Е. Распространение самогонования в России в период социальных кризисов // Социологическая наука и социальная практика. 2023. Т. 11, № 4. С. 221–247. DOI 10.19181/snsp.2023.11.4.10. EDN OSNCQM.

Аннотация. Статья посвящена исследованию проблемы производства и потребления незарегистрированного алкоголя – самогона. На основе данных количественных и качественных исследований изучена вовлечённость различных групп населения России в употребление самогона и самогонование. Показано, что после многолетнего спада потребление самогона с 2012 года вновь начало расти, увеличившись почти в 2 раза. Анализ выявил, что потребление самогона больше свойственно малообеспеченным слоям населения и широко распространено в сельской местности и малых городах, где его пьют чаще и в больших количествах. С повышением благосостояния потребление самогона падает, однако при дальнейшем росте благосостояния потребление самогона вновь начинает расти.

Анализ материалов интервью с производителями и потребителями самогона с применением методов качественной социологии, а также данные экспертного опроса позволили определить специфику факторов и социальных предпосылок, побуждающих граждан к самогонванию и переходу части населения к производству и употреблению самогона: экономические (экономия, доступность самогона, самогон как средство обмена), фактор безопасности (забота о качестве производимого самогона) и социально-культурологические (самогонвание как традиция и образ жизни, как средство для коммуникации, как хобби и форма досуга). На основе анализа материалов экспертных интервью выявлено двойственное отношение государства к производству и потреблению самогона – признание необходимости введения мер регулирования в данной сфере и неразвитость необходимых инструментов контроля как за реализацией самогонных аппаратов, так и за незаконными продажами самогона.

Ключевые слова: алкоголь, самогон, факторы, самогонвание, сельское население, уровень благосостояния

© Брюно В. В., 2023

© Позднякова М. Е., 2023

Введение

Материалы данной статьи представляют собой один из этапов широко-масштабного социологического исследования трансформации алкогольной ситуации в России в последние годы. Как показывают данные исследований сектора социологии девиантного поведения ИС ФНИСЦ РАН, несмотря на заметное фиксируемое снижение употребления алкоголя в России в последнее десятилетие, ситуация с потреблением спиртного сохраняется напряжённой. Начиная с 2020 года, после многолетнего спада алкопотребления, спрос на спиртное и вовлечённость населения в его употребление носили волнообразный характер, а с началом специальной военной операции на Украине и введения беспрецедентных анти-российских санкций наблюдается новый виток употребления спиртного. На этом фоне обозначилась и новая тенденция – увеличение объёмов изготовления алкоголя в домашних условиях.

Целью данной работы является изучение проблемы производства и потребления незарегистрированного алкоголя – самогона. Основные задачи исследования: изучить вовлечённость различных групп населения в самогонование; проанализировать причины, побуждающие граждан к производству и употреблению самогона; исследовать проблему отношения государства к производству и потреблению самогона.

Проблема самогонования и употребления самогона достаточно широко освещена в научной литературе, однако большинство исследований проведены историками, криминологами или юристами и посвящены историческим, административно-правовым и криминалистическим аспектам феномена самогонования. Так, значительный пласт литературы посвящён распространению самогонования в России в начале и первой половине XX в. (А. И. Кузнецов [1], А. П. Шекшеев [2], С. А. Сафронов [3]). Интерес представляет работа историка А. А. Терсковой, которая на основе данных различных ведомств, в частности Управления акцизного надзора, проанализировала протоколы, составленные на самогонщиков в течение 1914–1916 гг., и представила социальный портрет самогонщика тех лет. По данным её анализа, значительная часть самогонщиков производила спиртную продукцию в сельской местности, а в город вывозила только для продажи. Большинство из торгующих и производящих самогон относились к малообеспеченным слоям общества, для них производство и торговля самогоном были основным заработком [4].

Часть работ посвящена региональному опыту борьбы с пьянством, в котором главным считается борьба с самогонованием с помощью правоохранительных органов [5; 6; 2].

Важный вклад в понимание феномена самогонования вносят медики и проводимые ими эпидемиологические и токсикологические исследования [7; 8; 9; 10].

Наибольший интерес представляют социологические исследования самогонарения. Одним из первых авторов, описавших проблему самогонарения как социальный феномен, был доктор социологических наук, профессор Г. Г. Заиграев. В своём исследовании 1988 года автор показал, что в то время в структуре алкоголепотребления среди сельских жителей преобладал самогон (до 80%), а основным мотивом самогонарения была его дешевизна в производстве [11]. Социолог А. А. Вяльшина рассматривает пространственные, возрастные и гендерные особенности употребления алкоголя и самогона, в том числе касается вопроса вовлечённости в употребление самогона жителей сельской местности [12]. Н. А. Романович, рассматривая представления жителей Воронежа о самогоне, показывает двойственное отношение к этому напитку у населения, а также доказывает, что рост спроса на самогонные аппараты связан не только с ценой, но и с низким качеством алкогольной продукции [13].

Интерес представляет социологическое исследование М. О. Макушевой и Е. Г. Чо, посвящённое анализу теневого рынка алкоголя. На основе серии интервью с потребителями продукции теневого рынка алкоголя авторы приходят к выводу, что постоянно или ситуативно к его услугам прибегают прежде всего самые низкодоходные слои населения [14].

Известный социолог, доктор экономических наук, профессор В. В. Радаев, исследуя структуру и факторы потребления домашнего алкоголя в современной России на основе данных общероссийского опроса взрослого населения RLMS-HSE за 2014 год, показал, что группы потребителей самогона и домашнего вина близки по масштабам, почти не пересекаются по составу и демонстрируют контрастирующие стили потребления. Потребители самогона чаще подвергают риску собственное здоровье, а потребители домашнего вина демонстрируют более здоровые и цивилизованные привычки [15].

Несмотря на значительное количество исследований по самогонарению, на сегодняшний день практически нет работ, посвящённых анализу нового цикла вовлечённости населения в самогонарение и употребление самогона в последние несколько лет, а также изучению причин, побуждающих граждан к производству самогона. В статье предпринята попытка в какой-то мере заполнить данный пробел.

Эмпирическая база и методы исследования

Работа опирается на результаты как количественных, так и качественных исследований. При изучении вовлечённости различных групп населения России в употребление самогона были использованы данные

российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE)¹ за 1994–2021 гг.

Важным этапом исследования было проведение полуструктурированных интервью с производителями и потребителями самогона с целью выявления основных причин самогонварения. Выборка целеориентированная, дополненная методом «снежного кома»². В ходе исследования мы старались отбирать информационно богатые случаи, на основании которых можно было сделать выводы, имеющие значение для задач исследования. Опрос проходил как онлайн, так и очно. Способы достижения респондентов: через личные контакты, поиск в интернете в группах производителей самогона, обращение к местным экспертам, например, сельским участковым полицейским, непосредственное знакомство с производителями в месте проведения исследования (например, в областях).

Критерии отбора целевой группы. Поскольку самогонварение, согласно оценкам многих экспертов, распространено практически во всех возрастных группах, мы старались организовать исследование так, чтобы в нашу выборку попали респонденты различного возраста – от молодых до пожилых, однако в процессе отбора мы столкнулись с высокой долей отказов от интервью среди более молодых респондентов, связанных с высокой латентностью явления и, соответственно, страхом ответственности³. Также важно отметить, что, согласно результатам социологических опросов, молодёжь в возрасте 18–25 лет употребляет самогон реже, чем в более старших возрастных группах [12; 13, с. 81]. В результате в выборку попали люди в возрасте 36–71 года.

Для нашего исследования мы отбирали респондентов, которые как сами занимаются производством самогона, так и употребляют его. Потребители самогона, не занимающиеся самогонварением, не являлись эмпирическим объектом нашего исследования. Количество производителей самогона, которые сами не употребляют самогон, исчезающе мало,

¹ Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE), проводимый Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» и ООО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел-Хилле и Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН. Сайты обследования RLMS-HSE: URL: <http://www.hse.ru/rlms> и <https://rlms-hse.cpc.unc.edu> (дата обращения: 05.06.2022).

² Выборка «снежного кома» относится к методу невероятностной выборки (который включает и целеориентированную выборку), при котором исследователь начинает с небольшой популяции известных ему индивидов и расширяет выборку, прося этих первоначальных участников идентифицировать других, которые соответствуют определённым критериям в исследовании и могут принять участие в опросе. Недостатком выборки «снежного кома» является смещённость выборки и погрешность (поскольку люди предпочитают тех, кого они знают и кто обладает схожими характеристиками).

³ Самая серьёзная ответственность за самогонварение в России может наступить, если на домашнего изготовителя алкоголя заведут дело по уголовной статье 238. Она подразумевает санкции для тех, кто производит, а также хранит и транспортирует товары, которые могут нанести вред жизни и здоровью потребителя.

поэтому они также не вошли в выборку. Стаж и производства, и употребления самогона мы определили как «не менее 3 лет», поскольку в процессе поиска и отбора респондентов было обнаружено, что малоопытные самогонщики (то есть те, которые имеют опыт самогонварения менее 3 лет) имели недостаточно устойчивый интерес к самогонварению и у многих из них наблюдались большие временные перерывы в производстве и употреблении. Напротив, самогонщики, занимающиеся самогонварением 3 года и более, как правило, имели устойчивый и стабильный интерес к самогонварению.

Опрос проводился в 2022–2023 гг. Ареал исследования: Москва, Чита, Омск, Новосибирск, Московская, Тверская, Липецкая и Пензенская области, Краснодарский край, Чувашская Республика. Всего было проведено 32 глубинных полуструктурированных интервью.

Дополнительно для оценки алкогольной ситуации последних лет и проблем самогонварения в России был проведён анализ мнений аналитиков алкогольного рынка, экспертов рынка самогонных аппаратов, представленных в различных онлайн-СМИ. Для более глубокого изучения проблемы самогонварения авторами был проведён собственный опрос экспертов. Было сформировано несколько групп экспертов с различной степенью вхождения в проблему. Критерии отбора экспертов: компетентность в теме распространения и употребления алкоголя, в том числе домашнего производства; знание алкогольного рынка и его тенденций; непосредственная работа с потребителями (и/или производителями) алкоголя. Первая группа экспертов – медработники. Вторая группа – социологи, занимающиеся проблемами девиаций и распространения психоактивных веществ. Третья группа – сотрудники правоохранительных органов (участковые инспекторы, сотрудники районных подразделений). Считается, и с этим мнением согласны и авторы статьи, что местные правоохранители являются наиболее компетентными экспертами в проблемах самогонварения на местах, так как сталкиваются с этой проблемой практически ежедневно. Всего было проведено 30 интервью (2022–2023 гг.).

Проведение онлайн-опросов и интервью сопровождалось анализом статистических данных по исследуемой проблематике (Росстат, Минздрав, МВД, Росалкогольрегулирование), а также специальной научной литературы.

Вовлечённость россиян в производство и употребление самогона

Россия пережила несколько волн распространённости самогонварения (1914–1925 гг., 1985–1988 гг., 1996–2002 гг., 2013 г. – по настоящее

время.). С началом первой мировой войны царское правительство ввело запрет на продажу водки, что дало временный эффект снижения алкопотребления в стране – удалось добиться того, что в условиях мобилизации в конце 1914 г. не было пьяных проводов новобранцев. Однако уже ко второй половине 1915 г. начался всплеск изготовления и потребления самогона, выросло количество алкогольных отравлений и алкогольных заболеваний [4]. Новая советская власть продолжила политику запрета производства и продажи спиртных напитков в домашних условиях по всей территории России (самогоноварение приравнивалось к уголовному преступлению на основании ст. 140 Уголовного кодекса РСФСР 1922 г.), но ситуация гражданской войны, нестабильности и неуправляемости в обществе, дефицита водки привела к ещё большему распространению самогоноварения. По данным исследования, проведённого Госспиртом (1923 г.), число крестьянских хозяйств, занимающихся изготовлением и реализацией самогона, превысило 10 млн, или больше 10% всех хозяйств [11].

В последующие десятилетия, особенно в период после Второй мировой войны, домашнее изготовление самогона в определённой мере сдерживалось жёсткими законами (1948 и 1961 гг.), однако есть все основания полагать, что в послевоенные годы проблема самогоноварения стала носить латентный характер. Специалисты отмечают резкое увеличение потребления сахара в те годы. Так, среднедушевое потребление сахара в семьях промышленных рабочих только в Свердловской области с 1946 по 1952 год увеличилось с 3,9 кг в 1946 году до 22 кг в 1952 году, то есть почти в 6 раз [16].

Вторая волна распространения спиртного домашней выработки в России наблюдалась в годы широкомасштабной антиалкогольной кампании 1985–1988 гг. Резкое сокращение объёмов производства и продажи винно-водочных изделий, снижение реализации абсолютного алкоголя с 10,4 до 3,8 л на душу населения (в 2,7 раза) за эти годы при сохранении у населения прежнего спроса на алкоголь послужили толчком к образованию огромного дефицита спиртных напитков, что, в свою очередь, вызвало массовое распространение самогоноварения. По данным исследования, проведённого профессором Г. Г. Зиграевым в 1988 году, самогоноварение охватило практически все социальные группы и слои населения: в среднем у 68% опрошенных работников сельского хозяйства, у 45% рабочих промышленных предприятий и у 24% представителей интеллигенции в их ближайшем окружении часто или периодически употреблялись спиртные напитки домашней выработки [11].

С началом «демократических» преобразований 1990-х гг. страна захлебнулась суррогатными напитками из синтетического спирта: в деревнях продажный спирт становится дешевле самогона. Уже через несколько лет те, кто не спился и не умер от алкогольного отравления,

вернулись к производству самогона. Развернувшиеся в стране политический и социально-экономический кризисы, резкое ухудшение условий жизни и обнищание значительной части населения, особенно сельских жителей, отказ от государственной монополии на производство и продажу алкогольной продукции (1992 г.), отмена в 1996 году уголовной, а в 2002 году и административной ответственности за изготовление спиртных напитков в домашних условиях без цели сбыта способствовали тому, что население стало вновь массово производить домашнюю спиртную продукцию. Новый пик самогонварения в России пришёлся на середину 1990-х – начало 2000-х гг. (см. рис. 1). По данным исследования, проведённого Научно-исследовательским институтом МВД России в 1999 году в 6 регионах (было опрошено 1600 человек – представителей разных социальных групп населения), в среднем каждый второй опрошенный (а среди сельских жителей – каждые трое из четырёх) отметил наличие на территории своего проживания массовое производство самогона [11]. Согласно результатам международного исследования 2001 года «Изучение моделей потребления некоммерческого алкоголя: сравнительное изучение культурных традиций»¹, самогон являлся основным потребляемым алкогольным напитком в сельской местности в те годы. Соотношение потребляемых самогона и водки составляло 4,8:1. Почти каждый второй участник обследования употреблял самогон 4 раза в неделю и чаще. Потребление самогона было типично для всех возрастных групп, но наибольшее потребление самогона было зарегистрировано в возрастных группах 30–49 лет и 50 лет и старше [10].

В последние 10 лет, благодаря принятым государством профилактическим мерам, в России происходило последовательное снижение потребления алкоголя среди населения [17; 18]. Некоторые опрошенные эксперты подчёркивают, что происходит не столько снижение алкопотребления, сколько увеличение латентности алкоголизации населения, в частности из-за высокой доли рынка нелегального алкоголя, а также роста объёмов изготовления алкоголя (самогона) в домашних условиях для себя [9]. Дело в том, что на сегодняшний день самогон входит в сегмент алкогольной продукции так называемого «незарегистрированного потребления», если производится не на продажу. Этот сегмент не рассматривается в составе нелегального рынка алкоголя. Согласно расчётам Минздрава, в 2014–2017 гг. более половины потребления крепкого алкоголя

¹ Исследование было инициировано Международным центром алкогольной политики в Вашингтоне. В исследовании принимали участие четыре страны: Танзания, Мексика, Индия и Россия. В каждой стране было отобрано три региона, где проводилось исследование производителей и потребителей нелегального спиртного, а также осуществлялся сбор образцов самогона. В России были обследованы 75 сельских семей, проживающих в Нижегородской, Воронежской и Омской областях (210 человек) [10].

было незарегистрированным¹. Таким образом, самогонование остаётся очень латентным явлением. Важными факторами латентности явления самогонования являются два аспекта: во-первых, опросы по данной теме обычно не включают населённые пункты, где проживают менее 250 тыс. человек. Во-вторых, несмотря на рост популярности самогона, не все готовы признаваться, что занимаются самогонованием. Данная тема подвержена воздействию эффекта социальной желательности, что приводит к занижению показателей распространённости явления. Официальная статистика в этой сфере не ведётся, и оценить реальный объём рынка самодельного алкоголя практически невозможно. Об увеличении производства самогона можно судить по косвенным признакам – увеличению продаж сахара, дрожжей или самогонных аппаратов.

Опрошенные эксперты отмечают цикличность моды на самогон. Новые поколения по-новому открыли для себя некогда популярные традиции. С начала десятых годов XXI в. начался самый настоящий ренессанс самогонования. По подсчётам Центра исследований федерального и региональных рынков алкоголя (ЦИФРРА), в 2010 году россияне произвели около 250 млн л самогона, что в три раза превысило годовой объём производства такого водочного гиганта, как московский «Кристалл»². О возвращении интереса россиян к самогонанию свидетельствуют и данные российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE), согласно которым, после многолетнего падения, употребление самогона с 2012 по 2020 г. выросло почти в 2 раза: с 4,7 до 8,4% (см. рис. 1).

Важную роль в росте увлечения самогонанием сыграло развитие интернета и социальных сетей, сделавших процесс обмена опытом самогонования предельно простым. Уже с середины нулевых годов на интернет-форумах начали образовываться виртуальные группы, объединявшие людей, интересующихся производством качественных алкогольных напитков в домашних условиях. Начавшись как простое обсуждение на форумах, к началу десятых годов эти группы оформились в сообщества любителей самогона, некоторые из которых со временем превратились в полупрофессиональную отрасль. Сегодня на различных интернет-площадках блогеры с сотнями и тысячами подписчиков ведут свои каналы, посвящённые самогонанию (например: «Азбука Винокура», «Русская Дымка», «Самогон Саныч» и др.).

¹ См.: Гальчева А., Левинская А. Власти провели трезвый перерасчёт // РБК : [сайт]. 17.10.2019. URL: <https://www.rbc.ru/newspaper/2019/10/17/5da5baff9a7947b9dbfcb123> (дата обращения: 08.07.2023).

² В России может быть запрещено самогонование // Retail.ru : [сайт]. 2011. URL: <https://www.retail.ru/news/v-rossii-mozhet-byt-zapreshcheno-samogonovarenie/> (дата обращения: 02.08.2023).

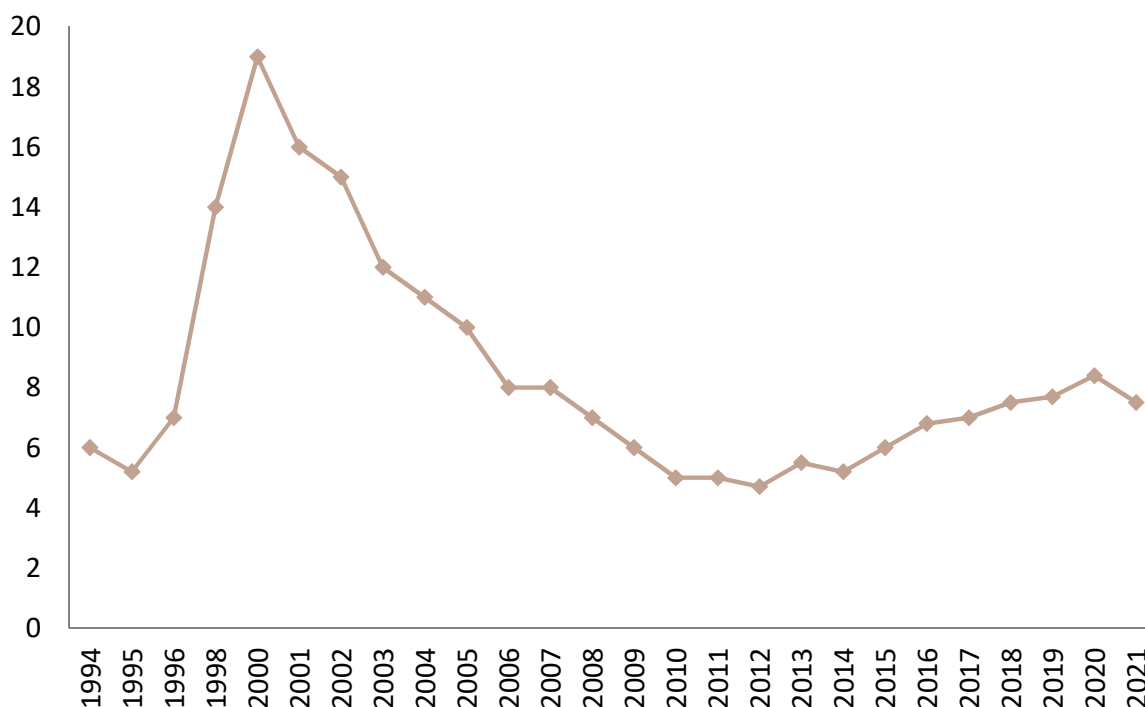

Рис. 1. Доля респондентов в возрасте 15 лет и старше, употреблявших самогон за последние 30 дней, предшествующих опросу, 1994–2021 гг., %

О стабильном росте интереса к самогонарению говорит и статистика поисковых запросов в интернете. Рост запросов на самогон начался в 2008 году, был особенно резким в 2014–2017 гг. и продолжается по сей день [9]. В январе 2017 г. был зафиксирован максимум покупательского спроса на самогонные аппараты – на руках у населения находилось 1,5 млн устройств¹. Уже в январе 2018 г. популярность самогонных аппаратов упала на 17%, и негативная динамика сохранялась до конца 2019 г. Второй пик продаж пришёлся на 2020 год – самоизоляция и переход на «удалёнку» спровоцировали новый всплеск интереса к аппаратам и ингредиентам для самогона. За десять месяцев 2020 года спрос на аппараты вырос в 13 раз по сравнению с аналогичным периодом 2019 года².

Исследование, проведённое Институтом социально-экономических исследований Финансового университета при Правительстве РФ, показало, что в сентябре 2019 г. наблюдалось снижение и производства, и потребления самодельного алкоголя: в городах с населением более 250 тыс. человек только 4,5% респондентов отметили, что им известны примеры

¹ Вербицкая Ю. На самогонных аппаратах можно неплохо заработать // Ведомости : [сайт]. 02.02.2018. URL: <https://www.vedomosti.ru/management/articles/2018/02/02/749754-samogonnih-apparatah> (дата обращения: 12.07.2023).

² Сухорукова Е. Самоизоляция увеличила спрос на самогонные аппараты // РБК : [сайт]. 18.11.2020. URL: <https://www.rbc.ru/business/18/11/2020/5fb3bb489a7947849a9a23c5> (дата обращения: 05.07.2023).

изготовления алкоголя в домашних условиях. Однако в 2020 году так ответили уже 7% опрошенных¹. Исследователи предположили, что рост производства и потребления самогона свидетельствует о сложной экономической ситуации и падении реальных доходов населения, а уменьшение потребления указывает на повышение его платёжеспособности.

Самогоноварение в России – необходимость или искусство?

Большинство опрошенных специалистов отмечают двойственность феномена самогоноварения в России. Руководитель ЦИФРРА Вадим Дробиз уверен – рост продаж самогонных аппаратов не отражает реальные масштабы явления, поскольку увеличение продаж аппаратов происходит в основном за счёт наиболее обеспеченных самогонщиков, или «творцов», в то время как основной объём этого сегмента (около 200 млн л в год) формируют малообеспеченные или даже «маргинальные» слои населения, которые не обзаводятся новыми аппаратами – им это не по карману².

Анализ материалов опросов экспертов, а также производителей и потребителей самогона позволил выявить некоторые причины, побуждающие граждан к производству и употреблению самогона.

Самогон для бедных. Опрошенные эксперты подчёркивают, что производство и потребление самогона характерно в основном для малообеспеченных групп граждан. Главный мотив самогоноварения для них определяется его экономической доступностью. Как правило, это жители сёл, деревень, посёлков городского типа – для них цена на покупной алкоголь имеет большое значение, а производство самогона обходится в несколько раз дешевле бутылки водки.

Данные российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE)³ также свидетельствуют, что употребление самогона распространено в менее обеспеченных слоях населения. В исследовании для оценки уровня своего благосостояния респондентам была предложена шкала, представляющая собой девятиступенчатую лестницу экономического положения, где 1-я ступень – самая низкая позиция (нищие), а 9-я – самая высокая (богатые). Респондентов просили поместить себя на одну из ступеней. В ходе анализа ответы респондентов были распределены по трём иерархическим уровням материального благосостояния: нижний (1–3-я ступени), средний (4–6-я

¹ В России растёт потребление самогона // Simple Wine News : [сайт]. 13.05.2020. URL: <https://swn.ru/articles/v-rossii-rastet-potreblenie-samogona> (дата обращения: 11.07.2023).

² См.: Жуков Н. Варим отсюда // Такие дела : [сайт]. 06.02.2018. URL: <https://takiydel.ru/2018/02/varim-otsyuda/> (дата обращения: 20.07.2023).

³ Здесь и далее используются данные российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE) за 1994–2021 гг.

ступени) и верхний уровень (7–9-я ступени). Оказалось, что в группе респондентов, отнёсших себя к нижнему уровню, употребляли самогон в последние 30 дней, предшествовавших опросу, 12,3% опрошенных, в группе среднего уровня благосостояния – 5,6%, в группе верхнего уровня – 3%. Имеется зависимость между материальным положением и частотой и объёмом потребляемого самогона: самая высокая доля потребителей самогона – в группе респондентов, отнёсших себя к 1-й ступени (нищие), – 16%. В среднем они пьют 5,8 дней в месяц и по 353,3 мл за день. С повышением субъективного ощущения благосостояния потребление самогона падает. Так, респонденты, отнёсшие себя к 4–7-й ступени, в среднем пьют реже и меньше – 3,5 дня в месяц по 282 мл за день. Однако с дальнейшим ростом благосостояния потребление самогона вновь начинает расти: респонденты, отнёсшие себя к 8–9-й ступени, в среднем пьют чаще остальных – 7,5 дней в месяц, хотя и в несколько меньшем объёме, чем самые бедные, – по 330,5 мл в день.

Материалы мониторинга подтверждают слова экспертов о том, что потребление самогона больше распространено в сельской местности (см. рис. 2). И частота, и объёмы потребления самогона в сёлах и посёлках городского типа выше, чем в городах. Если в городах самогон употребляют в среднем 3,6 дней в месяц (по 288,4 мл в день), то в посёлках городского типа – 5,7 дней в месяц (по 295 мл в день), а в сёлах – 4,1 день в месяц (по 306,5 мл).

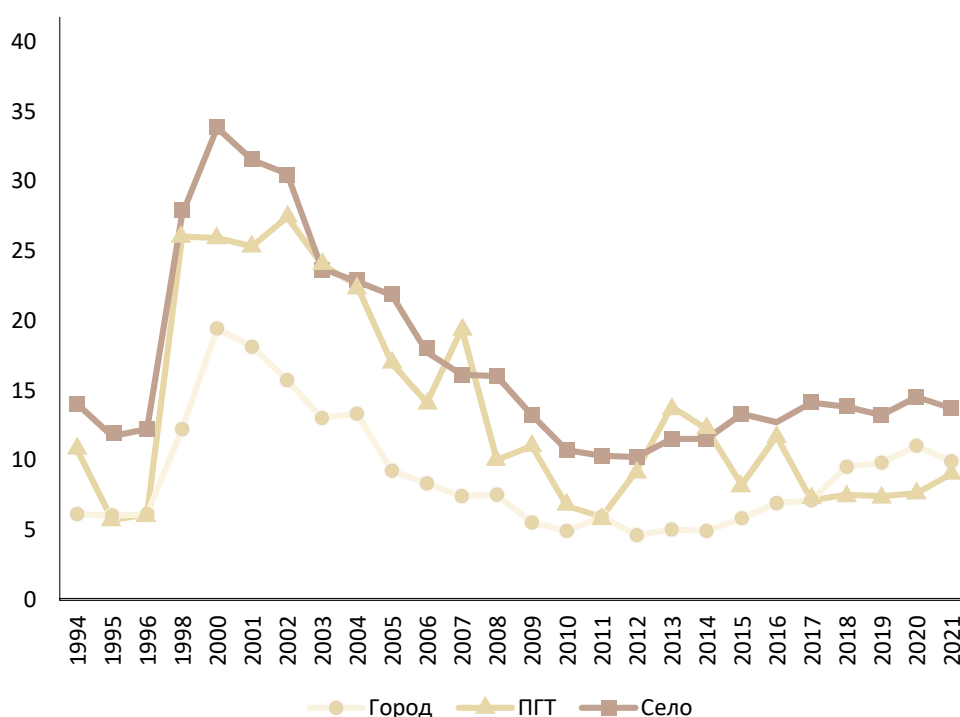

Рис. 2. Удельный вес респондентов, употреблявших самогон в последние 30 дней, предшествующих опросу, 1994–2021 гг., в зависимости от типа населённого пункта, в % от соответствующей группы

Согласно данным мониторинга, потребление самогона больше всего распространено среди бедных жителей сёл и посёлков городского типа. Доля потребителей самогона среди самых бедных жителей посёлков составляет 22,3%, среди жителей села – 23%. Бедные жители посёлков городского типа пьют чаще всех остальных групп – 7 дней в месяц (по 302 мл в день), на втором месте по частоте – бедные жители деревень, пьющие в среднем 4,8 дней в месяц, причём в значительном объёме (по 329 мл). Среди богатых сельчан употребление самогона распространено меньше, но всё равно значительно – каждый десятый пил самогон в течение последнего месяца, причём в существенных объёмах – 333,1 мл в день (см. табл. 1).

Таблица 1

*Употребление самогона в зависимости от типа поселения
 и субъективной оценки уровня материального благосостояния, 1994–2021 гг.*

Тип поселения	Уровень материального благосостояния	Доля респондентов, употреблявших самогон в течение последних 30 дней, %	Число дней в месяц (в среднем), в течение которых респондент употреблял самогон	Объём самогона (в среднем), который респондент обычно выпивал за день, граммы
Город	Нижний уровень (1–3-я ступени)	12,9	4,2	311
	Средний уровень (4–6-я ступени)	6,5	3,2	273
	Верхний уровень (7–9-я ступени)	2,6	3,5	336
ПГТ	Нижний уровень (1–3-я ступени)	22,3	7	302
	Средний уровень (4–6-я ступени)	8,9	7	328
	Верхний уровень (7–9-я ступени)	5,6	4,9	256
Село	Нижний уровень (1–3-я ступени)	23	4,8	329
	Средний уровень (4–6-я ступени)	12,3	3,6	301,8
	Верхний уровень (7–9-я ступени)	10,6	3,5	333,1

Примерно в равной мере распространено употребление самогона среди горожан среднего материального достатка (6,5%) и жителей посёлков городского типа высокого благосостояния (5,6%). Однако характер потребления самогона различен: горожане пьют реже, но больше: 3,2 дня в месяц, 276 мл за день, а зажиточные жители посёлков городского типа пьют чаще, но в меньшем количестве: 4,9 дней в месяц, 256 мл за день. Менее всего распространено употребление самогона среди самых богатых горожан (2,6%): они пьют самогон нечасто, всего в среднем 3,5 дней за месяц, однако в самом большом объёме за раз, по сравнению с другими группами, – 336 мл (см. табл. 1). Следует согласиться с профессором В. В. Радаевым и Я. М. Роциной, что нужно быть аккуратными при оценке объёма потребляемого спиртного при анализе опросных данных, так как существует проблема недооценки респондентами потребляемого ими объёма спиртного, который может быть чуть ли не в два раза больше, чем выявленный по результатам опроса [18].

Для лучшего понимания роли самогона в жизни малообеспеченных и сельских жителей мы обратились к сельским и районным участковым полиции (эксперты третьей группы). Оценки экспертов разделились. Часть опрошенных специалистов считают, что за самогоном, как и в прежние времена, закреплена функция своеобразной «жидкой валюты»: *«Самогон здесь до сих пор – средство выживания и поэтому всегда в ходу: за услуги рассчитаться, выменять на что-нибудь нужное для хозяйства. Старшее поколение зачастую варит самогон, чтобы расплатиться таким способом за помощь в хозяйстве»*. В то же время другая часть экспертов утверждают, что роль самогона в сельской местности изменилась: *«Всё это было распространено в 70–90-е гг. Самогон тогда действительно являлся средством расчётов за целый ряд услуг. Хозяйства были большие, держали скотину, без поллитровки просто нельзя было обойтись: ни огород вспахать, ни дров привезти. Колхозные трактористы предпочитали тогда брать "натурой". Сегодня люди предпочитают расплачиваться деньгами, а не бутылками»*.

Анализ материалов интервью с жителями сёл и экспертами показывает, что основной мотив самогонарения в сёлах – дешевизна производства (себестоимость в 3–5 раз ниже стоимости водки). Для приготовления самогона в деревне требуется не так много. Малообеспеченные граждане и жители деревень предпочитают самостоятельно собирать аппараты, не прибегая к готовой автоматике, – так дешевле. Житель Твери отмечает: *«У меня самый простой аппарат – дистиллятор без сухопарника. Беру пшеницу, сахар, воду. Если учесть, что себестоимость одной бутылки "сэма"¹ обходится в 100 рублей, то выходит неплохо!»*.

¹ «Сэм» – сленговое название самогона.

В то же время опрошенные участковые областей сообщают, что сегодня и до сельских, и до малообеспеченных жителей, хоть и с опозданием, дошла мода на современные самогонные аппараты: *«самогонных аппаратов сегодня на рынке столько, что даже при самой маленькой зарплате, даже на пенсию можно приобрести недорогой аппарат, и вроде ты как “белый человек”»*. Часть опрошенных жителей сёл – производителей самогона указали на то, что за последнее время поменяли свой старый самодельный аппарат на более современное изделие. Вышесказанное косвенно подтверждает возросший интерес к самогоноварению у населения.

Одним из латентных мотивов самогоноварения, выявленных в ходе исследования, является выгодность торговли им. Принято выделять три экономических типа самогоноварения, определяющихся целями его производства: потребительский (производство для личных потребностей), потребительско-товарный (производство одновременно и для личных нужд, и на продажу) и товарный (производство только на продажу) [1]. Чтобы составить представление о соотношении этих экономических типов самогоноварения на селе, необходимы дальнейшие исследования, включая количественные анкетные опросы. Однако материалы наших опросов экспертов и производителей самогона в сельской местности свидетельствуют, что в небольших деревнях, посёлках и малых городах подпольная торговля самогоном до сих пор процветает. Так, один из опрошенных участковых указывает: *«Гонит 100% населения. Половина для себя, остальные на продажу. Это нужно всех тогда поголовно наказывать, но ты его оштрафуешь, а через неделю он опять за своё»*. Житель Липецкой области отмечает: *«До сих пор торгуют самогоном. Некоторые покупают эти аппараты и гонят. Правда, не утруждаются. Берут обычный сахар и дрожжи, выгоняют спирт-сырец. Разводят до кондиции. Может, на чём-то настаивают. И торгуют»*.

Изготовление и продажа самогона является способом заработать для некоторых пенсионеров. Так, в 2022 году жители Дзержинска разоблачили один из подпольных магазинов самогона в Нижегородской области, который много лет держала пенсионерка, изготавливавшая суррогат и продававшая его местным алкоголикам¹. Важным фактором латентности торговли самогоном является то, что в небольших поселениях все друг друга знают, а сама торговля ведётся в основном среди «своих», о чём свидетельствуют высказывания местных жителей:

¹ Пенсионерка продавала самогон рядом с пунктом участкового в Дзержинске // Рен ТВ: [сайт]. 15.12.2022. URL: <https://ren.tv/news/v-rossii/1057149-pensionerka-prodavala-samogon-riadom-s-punktom-uchastkovogo-v-dzerzhinske> (дата обращения: 10.08.2023).

«У нас на углу каждый день сидят и пьют. Закончится – скинутся, сходят на точку и опять пьют. Говорили с участковым: все всё знают, кто и где гонит. Сделать ничего не могут. Чтобы оштрафовать – нужно за руку поймать при продаже. А продавцы кому попало не продают». Нередко деревенские участковые полиции сами закрывают глаза на проблему самогонварения, будучи такими же потребителями самогона, как и их односельчане.

Материалы интервью позволяют предположить, что большинство самогонщиков в областях производят самогон и для личного потребления, и для дополнительного заработка. При этом соотношение потребительского и товарного компонентов детерминировано наличием рынков сбыта.

В некоторых регионах исторически сложилась культура производства и потребления самогонварения. Причины не только в экономической целесообразности, но и в образе жизни. Самогонщик, житель Липецкой области сообщает: *«Люди консервируют для себя огурцы, помидоры, грибы. Варят варенье, компоты. Так же и самогон. Это часть бытовой культуры, часть традиции».* Житель Пензенской области говорит: *«У меня тут своё подсобное хозяйство, огород, плодовые деревья, птица. Спиртное в хозяйстве – всегда необходимая вещь. Но не покупать же технический спирт, хотя нам привозят. Так своё же можно сделать, это ж и вкуснее и лучше. Самогон – это часть сельской жизни».*

Зимой, когда в полях нет работы и появляется много свободного времени, в хозяйстве наступает активная пора для самогонварения. Некоторые жители готовят самогон к праздникам. Самогонщик из Чувашии сообщает: *«Пойти к кому-то в гости, на праздник – без своего самогона никто не придёт. А там уже начинается дегустация, у кого на грецких орехах, на цедре цитрусовых, на травах. Бывает на гулянках водка и коньяк магазинные, так и остаются нетронутыми».*

Таким образом, явление самогонварения в сельской местности представляет собой разновидность «неформальных» форм хозяйственной деятельности или, по выражению А. И. Кузнецова, своеобразную форму мелких «кустарных промыслов». По своей экономической сути и с учётом социальных функций самогонварение можно идентифицировать как вид неформальной экономики, целью которой является поддержание существования микросообщества [19]. Более того, самогонварение как форму экономической деятельности вне легально разрешённых форм (на продажу) можно считать и разновидностью «теневой» экономики.

Качество продукции. Несмотря на то, что доля нелегального алкоголя за последние несколько лет, по сравнению с нулевыми и десятими годами, заметно сократилась, проблема некачественной алкогольной про-

дукции сохраняется. По оценке экспертов Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), в 2021 году объём нелегального оборота крепкой алкогольной продукции в России составил 27% (около 611 млн бутылок) от общего количества, представленного на российском рынке¹. По результатам испытаний Роскачества, в 52% исследованного коньяка, закупленного в магазинах розничной торговли, были выявлены признаки фальсификации². Употребление контрафактного алкоголя зачастую приводит к тяжёлым отравлениям, потере зрения и даже смертям. В поддельных спиртных напитках нередко используется некачественный этиловый спирт, может содержаться токсичный метиловый спирт. Руководитель ЦИФРРА Вадим Дробиз поясняет, что *«последние несколько лет потребителя алкоголя просто запугали регулярными сообщениями о подделках импортного крепкого алкоголя, которые обнаруживаются даже в дорогих ресторанах. Виски, ром, текила, премиальная водка, обычная водка – подделывается всё»*³.

О ситуации с распространённостью в России самогонварения резко высказался один из опрошенных экспертов-медиков: *«С 2022 г. катастрофически испортился алкоголь: водка стала очень низкого качества. Особенно всех напугали нашумевшие истории отравления суррогатным алкоголем в 2022 г. и массовым отравлением сидром в 2023 г. Основной мотив у всех самогонщиков сегодня – это свой продукт, а не “отравилка”»*.

Большинство опрошенных нами самогонщиков, как жителей сёл, так и городов, проявляют недоверие и имеют устоявшиеся предубеждения по отношению к официально продаваемому алкоголю, который между собой называют «казёнщина», и, напротив, проявляют положительные установки по отношению к самогону. Приводя аргументы в пользу самогонварения, самогонщики говорят об уверенности в качестве своего напитка: *«Я точно знаю, из каких ингредиентов выгнан мой самогон. Сахар, фрукты, спиртовые спрессованные дрожжи, колодезная вода. Однако я совершенно не в курсе, какой спирт использовали на винно-водочном заводе – картофельный, зерновой или из опилок. А может, туда добавили синтетический?»*

¹ См.: Карabut Т. Глава Росалкогольрегулирования: Что пьют россияне вместо водки и боярышника // Российская газета. 09.02.2022. URL: <https://rg.ru/2022/02/09/glava-rosalkogolregulirovaniia-chto-piut-rossiiane-vmesto-vodki-i-boiaryshnika.html> (дата обращения: 09.07.2023).

² Роскачество: доля фальсификата среди российского коньяка массового сегмента составила 52% // Роскачество : [сайт]. 27.04.2023. URL: <https://roskachestvo.gov.ru/news/roskachestvo-dolya-falsifikata-sredi-rossiyskogo-konyaka-massovogo-segmenta-sostavila-52/> (дата обращения: 09.08.2023).

³ Цит. по: Трофимова Е. Двухликый самогон: как самогонварение в России стало элитным хобби // Ридус : [сайт]. 15.04.2016. URL: <https://www.ridus.ru/dvulikij-samogon--kak-samogonovarenie-v-rossii-stalo-elitnym-hobbi-218442.html> (дата обращения: 01.08.2023).

Все опрошенные самогонщики проявляют уверенность в безопасности своего продукта: *«Покупая любой алкоголь в магазине, есть вероятность нарваться на контрафакт и получить последствия вплоть до летальных. При употреблении своего продукта вы можете максимум аллергию заработать на какой-нибудь натуральный компонент настоек»*.

Подобная переоценка качества собственной продукции может иметь серьёзные негативные последствия. Самогонварение – достаточно наукоёмкий процесс и сопряжено со значительными рисками, а население в большинстве своём не обладает достаточными знаниями химии. Например, выделение такого опасного вещества, как метанол, является частью процесса производства самогона. Учитывая отсутствие регулирования самогонварения и отсутствие эффективного и доступного способа проверки продукции на метанол, употребление самогона может быть опасным для любого, особенно если производитель неопытный или продукт приобретён у неизвестных лиц. Так, если самогон делается на продажу с целью получить как можно больше жидкости, невзирая на качество, в надежде на увеличение прибыли, риски многократно возрастают. В этом контексте тревожно выглядят результаты исследования, проведённого компанией «Квалитас» среди жителей Воронежа, согласно которым около половины населения (49%) склоняется к тому, что самогон является натуральным, экологически чистым продуктом, и только треть населения Воронежа считает самогон суррогатом, весьма далёким от эталона качества (31%) [13].

Самогонварение как хобби. По оценкам как опрошенных экспертов, так и специалистов, мнения которых представлены в СМИ, в течение последних десяти лет увеличилось количество производителей самогона среди представителей среднего класса и интеллигенции, которые изготавливают для себя и своего ближнего круга виски, кальвадос и другие экзотические алкогольные напитки. Производством самогона увлекаются финансовые аналитики, сотрудники IT-компаний, представители бизнеса, сотрудники научно-образовательной и медицинской сфер и др. Обычно это достаточно обеспеченные люди, которые могут позволить себе хорошие самогонные аппараты, и их больше беспокоит качество и безопасность алкоголя, а не его цена.

Помимо малообеспеченных самогонщиков нами были опрошены представители среднего класса: научная и творческая интеллигенция, сотрудники здравоохранения и сферы образования, владельцы бизнеса, госслужащие. Было выявлено, что у самогонщиков есть свои клубы по интересам, где происходит обмен опытом, а иногда и непосредственно получаемым продуктом. Анализ контента нескольких интернет-форумов

и интернет-клубов по самогоноварению показал, что активность участников на этих площадках высокая – темы и новостные ленты постоянно обновляются. Помимо обсуждений технических сторон изготовления и рецептуры, участники регулярно проводят дегустационные встречи, участвуют в совместных закупках сырья. Между самогонщиками существует и некоторая конкуренция – периодически устраиваются различные конкурсы в некоторых регионах страны.

Большинство самогонщиков, разбирающихся в самогоноварении на экспертном уровне, сходятся во мнении, что производство самогона – достаточно сложный, трудоёмкий процесс, требующий определённых навыков и знаний, а также понимания технологических мелочей. Как отмечает один из опрошенных, *«без должного уровня знаний и определённой квалификации можно не просто запороть продукт, но и получить токсичное пойло, в котором будет вся таблица Менделеева, несмотря на дорогое оборудование»*. Энтузиасты покупают оборудование за сотни тысяч рублей, дорогие качественные ингредиенты, вникают в тонкости как химических процессов, так и непосредственно производства, изучают различные рецептуры, заказывают дизайнерские этикетки на бутылки. Один из самогонщиков отмечает: *«Самогон – это не дёшево. Хорошее оборудование, дрожжи, качественное сырьё, время – всё это стоит денег. Проще и дешевле купить водки, чем горючить это всё. Другое дело, что есть тяга к изучению, экспериментам и разработке. Тогда это уже не просто пить, это уже чтобы творить, восхищаться»*. Большинство опрошенных нами самогонщиков среднего класса отмечают *«приятное чувство элитарности»*, возникающее от процесса: *«Мы, винокуры, мы же принадлежим к такому “закрытому клубу”»*.

Как показали материалы интервью, производство домашнего алкоголя среди представителей среднего класса достаточно распространено. Если человек не производит самогон или другой алкоголь сам, он, скорее всего, знает кого-то, кто этим занимается. Один из опрошенных нами самогонщиков (замдиректора научно-образовательного центра, 42 года, стаж самогоноварения 10 лет) на вопрос о том, насколько и где, по его мнению, распространено самогоноварение, отвечает: *«В регионах гонят поголовно все. Когда в Омске работал, гнали все, приехал в Тулу, бухгалтерша приносит бутылку – муж её гонит. Питер тоже, но там ещё и культура делать домашнее крафтовое пиво развита, это уже сложнее. Москва тут несколько особняком стоит, москвичи больше заморочены на хорошем иностранном алкоголе. Но, с учётом санкций, скоро и Москва подтянется»*.

Опрошенный изготовитель самогона (проректор по учебно-воспитательной работе в одном из вузов, 44 года, стаж самогоноварения 8 лет)

рассказал о том, кто, по его мнению, в основном занимается самогонварением: *«Если речь именно о качественном, хорошем домашнем алкоголе, то в основном это средний класс и выше. Есть те, кто перешёл с домашнего самогонварения на мини-заводики, например – в своём элитном посёлке».*

Эксперт-социолог говорит о распространённости самогонварения в среде интеллигенции и предпринимателей более сдержанно: *«Можно говорить о тенденции, о моде – да, это фиксируется уже несколько лет. Однако заядлым самогонщикам, кто погружён в тему, закупает дорогостоящее оборудование, кажется, что этим занимаются поголовно все, что, конечно, не так. Просто в круг общения этих людей входят такие же любители самогона».*

Как показали материалы опросов, в группе среднего класса так же, как и среди малообеспеченных, широко распространена скрытая торговля самогоном. По словам одного из производителей самогона, несмотря на то, что официальная продажа при условии оформления всех бумаг возможна, на практике это совершенно нерентабельно, а потому мало кто из производителей самогона переходит на легальные продажи. Юрист Алексей Голубев говорит: *«Дело не только в оформлении лицензии на производство, которую могут получить только полноценные ликёро-водочные заводы. Дело ещё и в акцизах, системе ЕГАИС и тому подобной отчётности, вести которую – слишком большие издержки для небольшой частной винокурни»¹.* Опрошенные винокуры также подтверждают, что вся торговля самогоном ведётся очень аккуратно, главным образом среди знакомых и почитателей. Но всё же чаще самогон производят не на продажу, а для себя, на подарки, также распространён обмен напитками и бартер.

Таким образом, материалы бесед с производителями самогона среднего класса позволили сделать вывод, что участие в производстве самогона для этой группы в значительной степени является формой поведения, направленного на удовлетворение некоторых социальных потребностей: в аффилиации (стремление быть в контакте с себе подобными), познании, самореализации и творчестве, достижении и признании, повышении престижа и статуса, доминировании, адаптации. Самогонварение в крупных городах перестало быть маргинальным занятием и превратилось в элитарное хобби, своеобразную субкультуру, где главным движущим мотивом является интерес и любовь к самому процессу.

¹ Цит. по: Размахин А. Самогонварение стало любимым развлечением богатых россиян // МК.ru : [сайт]. 09.11.2022. URL: <https://www.mk.ru/economics/2022/11/09/samogonovarenie-stalo-lyubimym-razvlecheniem-bogatykh-rossiyan.html> (дата обращения: 12.08.2023).

Отношение государства и общества к производству и употреблению самогона

В обществе сложилось двойное отношение к феномену самогонварения. Одни специалисты и законодатели выступают за введение жёстких мер регулирования в данной сфере, другие более сдержанны и считают, что к решению проблемы нужно подходить взвешенно и аккуратно, поскольку на сегодняшний день не сформированы эффективные инструменты контроля. Так, у специалистов большую озабоченность вызывает безопасность самодельной продукции, ведь большая часть всего производимого самогона, по оценкам экспертов, это кустарный самогон, который гонят на самодельных аппаратах маргинальные слои населения, жители деревень и лица, для которых главное прибыль, а не качество. По данным ЦИФРРА, из нескольких миллионов российских самогонщиков только около сотни тысяч занимаются этим «для души» и озабочены качеством продукта¹. Директор барнаульского ликёро-водочного завода Максим Байкалов говорит: «Разговоры, что качество кустарного самогона превосходит заводскую продукцию, вызывают серьёзные сомнения. Образцы самодельного продукта, которые изучали специалисты нашего предприятия, как правило, содержали огромное количество сивушных масел, а в худших образчиках даже метиловый спирт»². Именно такой некачественный кустарный самогон, по словам экспертов, чаще всего и идёт на продажу.

О рисках самогонварения свидетельствуют и участвовавшие случаи взрывов самогонных аппаратов³. Эксперты считают, что к трагедии приводят как ошибки самих самогонщиков, так и снижение качества самих самогонных аппаратов из-за повышения на них спроса и желания некоторых производителей сэкономить на комплектующих.

В связи с обозначенными рисками аппарат уполномоченного при президенте России по защите прав предпринимателей Бориса Титова совместно с Росалкогольрегулированием предложили серьёзно ужесточить правила реализации самогонных аппаратов⁴. Однако на сегодняшний день (сентябрь 2023 г.) никакого нового закона о самогонварении не появилась. В настоящее время на территории нашей страны

¹ См.: Житкова В. Крафтовый первач. Как заработать на производстве самогонных аппаратов // РБК : [сайт]. 03.08.2016. URL: <https://www.rbc.ru/newspaper/2016/08/04/57a09dc39a7947465cc9f52a> (дата обращения: 05.08.2023).

² Цит. по: Жоган Я. «Миллениалы выросли». Почему самогонварение набирает обороты // Толк : [сайт]. 07.06.2022. URL: <https://tolknews.ru/ekonomika/124169-pochemu-v-rossii-nabiraet-ovoroti-samogonovarenie-i-kakie-u-nego-perspektivi> (дата обращения: 02.08.2023).

³ В России стали чаще взрываться самогонные аппараты // РИА Новости : [сайт]. 15.05.2023. URL: <https://ria.ru/20230515/samogon-1871874698.html> (дата обращения: 08.08.2023).

⁴ См.: В России озвучили возможные меры контроля за самогонными аппаратами // МК.ru : [сайт]. 28.05.2021. URL: <https://www.mk.ru/economics/2021/05/28/v-rossii-ozvuchili-vozmozhnye-mery-kontrolya-za-samogonnyimi-apparatami.html> (дата обращения: 15.08.2023).

действует закон, в котором чётко разрешено изготавливать самогон только для личных нужд – реализовывать такую продукцию другим лицам запрещено.

По мнению противников жёстких мер, предложение Бориса Титова отражает общий настрой алкогольного лобби – перекрыть кустарный рынок спиртного. Многие эксперты убеждены: даже если полностью искоренить торговлю самогоном, люди не перейдут на «официальное» спиртное. Эксперт популярной сети магазинов самогонных аппаратов считает: *«Если вытеснить с рынка самогонные аппараты, люди начнут собирать их своими руками. Не каждый способен собрать аппарат правильно. Вырастет количество взрывов, пожаров, на рынке станет больше некачественного самогона»*¹. Публицист Павел Пряников подчёркивает: *«Рынок никуда не денется – сегодня у людей на руках миллионы аппаратов. В СССР чёрный рынок существовал всегда, хотя гонение на самогонщиков было более сильным»*².

Большинство опрошенных экспертов убеждены, что основная причина существования нелегального рынка алкоголя заключается не в торговле самогонными аппаратами, а в том, что значительная часть населения принадлежит к малообеспеченным категориям граждан. Руководитель ЦИФРРА Вадим Дробиз отмечает: *«Нелегальная продукция – это продукт для малоимущих. Не будет самогона – маргинальная часть потребителей перейдёт на что-то ещё нелегальное, например, спиртосодержащие жидкости, а более значительная часть самогонщиков просто уйдёт в “тень”»*³.

Заключение

Материалы исследований позволяют заключить, что, несмотря на позитивный тренд последних десяти лет на последовательное снижение потребления алкоголя в России, в последние годы обозначилась новая тенденция – увеличение объёмов изготовления и потребления самогона в различных группах населения. Обобщая полученные результаты качественных интервью с производителями и потребителями самогона, а также данные экспертного опроса, можно выделить основные причины, побуждающие граждан к самогонварению и переходу части населения к производству и употреблению самогона.

¹ Цит. по: *Проскуряков Е.* Ваш сэм, сэр: Самогонварение в России неожиданно стало модным хобби успешных людей // Комсомольская правда : [сайт]. 17.06.2021. URL: <https://www.kp.ru/daily/27292/4430030/> (дата обращения: 12.08.2023).

² Цит. по: *Касс А.* Это хобби не задушишь, не убьёшь: чем грозит запрет самогонных аппаратов // Nwes.ru : [сайт]. 27.05.2021. URL: <https://yandex.ru/turbo/news.ru/s/society/eto-hobbi-ne-zadushish-ne-ubyosh-chem-grozit-zapret-samogonnyh-apparatov/> (дата обращения: 15.08.2023).

³ Цит. по: *Проскуряков Е.* Указ. соч.

Экономические факторы. Главный мотив самогонварения определяется его экономической доступностью: в большинстве случаев самогон начинают делать из желания сэкономить. В основном это касается малообеспеченных слоёв населения (не маргиналов, а людей с невысокими доходами) или сельских жителей, однако, как показало исследование, вопрос цены спиртного в некоторой степени важен и для самогонщиков-любителей, которые могут позволить себе дорогие самогонные аппараты, так как при домашнем производстве так называемого «элитного» алкоголя экономия может быть в 10–20 раз, даже с учётом затрат на качественное сырьё и аксессуары для самогонварения. Другим важным экономическим мотивом самогонварения, выявленным в ходе исследования, является выгода торговли им. В этом контексте самогонварение является формой неформальной «теневой» экономической активности. Кроме того, в условиях неразвитости в сельской местности рынка товаров и сферы бытовых услуг (заготовка кормов, вспашка земельных участков, ремонт жилищ и т.п.), в которых особенно нуждаются люди пожилого возраста, самогон для многих жителей села до сих пор выступает в некоторых регионах своеобразным суррогатом денег, посредством которого они рассчитываются за эти услуги или удовлетворяют ряд других насущных потребностей.

Фактор безопасности и качества. Недостаточная способность государства эффективно контролировать качество продаваемой алкогольной продукции, новый всплеск на алкогольном рынке фальсифицированных спиртных напитков, увеличение смертельных отравлений от алкоголя породили у части населения устойчивые предубеждения против покупного алкоголя и побудили к изготовлению спиртных напитков в домашних условиях как более безопасной альтернативы. В исследовании выявлена убеждённость производителей самогона в надёжности, безопасности и высоком качестве собственной продукции, причём эта убеждённость прослеживается во всех группах опрошенных самогонщиков: малообеспеченных, хорошо обеспеченных, сельских и городских жителей.

Социально-культурологические предпосылки. В некоторых регионах в сельской местности самогонварение представляет собой сложившуюся традицию, образ жизни и часть бытовой культуры. Важным аспектом самогонварения является и то, что оно выступает своеобразным средством для коммуникации, то есть производство и употребление самогона выполняют социальную функцию поддержания микросообщества. Что касается горожан и обеспеченных граждан, то в этой категории самогонварение перестало быть маргинальным занятием и превратилось в элитарное хобби, своеобразную субкультуру, где главным движущим мотивом является интерес к процессу.

Ответ на вопрос «чем же является самогонварение в России – необходимостью или искусством?» раскрывает двойственную природу этого социального явления. Несмотря на то, что в категорию самогонщиков входят граждане из самых разных социальных групп, примерно 75% объёма производства, по оценкам экспертов, приходится на людей, которые делают это из-за экономии или по «бедности», не желая тратить семейный бюджет на дорогое спиртное. В то же время в последние несколько лет выросло количество «творческих производителей» самогона. В этой среде получила распространение концепция «премиализации» самогона и процесса его производства. Таким образом, ответ на вопрос, чем же сегодня является самогонварение в России, отражает сегодняшнюю ситуацию в стране: для значительной части населения самогонварение – это необходимость, для меньшей части россиян – хобби и своего рода искусство.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Кузнецов А. И. Самогонварение в сибирской нэповской деревне как фактор конфликта между крестьянством и властью // Государство и личность в истории России : мат-лы регион. науч. конф. (Новосибирск, 24 мая 2004 г.) / Отв. ред. В. М. Рынков. Новосибирск : Сибирский хронограф, 2004. С. 75–82.
2. Шекшеев А. П. Самогонварение, потребление алкоголя и борьба с ним в енисейской деревне (1917–1930 гг.). Ч. 1 // Известия Лаборатории древних технологий. 2016. № 3 (20). С. 119–134. DOI [10.21285/2415-8739-2016-3-119-134](https://doi.org/10.21285/2415-8739-2016-3-119-134). EDN [WMGSAB](#).
3. Сафронов С. А. «Пьяный вопрос» в России и «сухой закон» 1914–1925 годов : в 2 т. / С. А. Сафонов ; Сибирский федеральный университет. Красноярск : СФУ, 2017. ISBN 978-5-7638-3600-4.
4. Терскова А. А. Борьба с самогонщиками в Енисейской губернии в годы Первой мировой войны // Социально-экономический и гуманитарный журнал. 2018. № 1 (7). С. 193–203. EDN [OSMILL](#).
5. Королева Л. А., Давыдов А. С. О борьбе с самогонварением на селе в СССР в конце 1950-х гг. (по материалам Пензенской области) // Успехи современной науки. 2016. Т. 7, № 10. С. 67–69. EDN [XCHXDB](#).
6. Фирсов И. Ф. Борьба с пьянством и самогонварением как одно из направлений деятельности органов тюменской милиции в годы их становления и развития // Вестник Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД РФ. 2013. № 1 (1). С. 101–109. EDN [SJIVPN](#).
7. Оценка характера и масштабов потребления неучтённого алкоголя в некоторых областях средней полосы России / Е. А. Кошкина, Н. И. Павловская, К. В. Вышинский [и др.] // Наркология. 2013. Т. 12, № 8 (140). С. 28–36. EDN [RBGCNF](#).
8. Анализ структуры потребления и потенциальной токсичности неучтённых алкогольных напитков, реализуемых в Ярославской и Калужской областях / В. В. Рожанец, М. А. Зиновьева, И. А. Горбачев, М. Б. Ершов // Наркология. 2013. № 4 (136). С. 57–65. EDN [OJILLM](#).

9. Немцов А. В., Гридин Р. В., Чо Е. Г. Оценка потребления нелегального алкоголя по запросам в интернете // Вопросы наркологии. 2020. № 3 (186). С. 67–77. DOI [10.47877/0234-0623_2020_3_67](https://doi.org/10.47877/0234-0623_2020_3_67). EDN [UJJRWF](#).
10. Нужный В. П., Савчук С. А., Каюмов Р. И. Химико-токсикологическое исследование крепких алкогольных напитков домашнего изготовления (самогона) из разных регионов России // Наркология. 2002. Т. 1, № 5. С. 43–48. EDN [QZCXKX](#).
11. Заиграев Г. Г. Особенности российской модели потребления некоммерческого алкоголя // Социологические исследования. 2002. № 12. С. 33–41.
12. Вяльшина А. А. Потребление алкоголя населением России: пространственные, возрастные и гендерные особенности // Социальное пространство. 2022. Т. 8, № 1. DOI [10.15838/sa.2022.1.33.6](https://doi.org/10.15838/sa.2022.1.33.6). EDN [ZAMUZY](#).
13. Романович Н. А. Алкоголь в России: мифы общественного мнения и реальность // Социологический журнал. 2015. Т. 21, № 3. С. 63–87. DOI [10.19181/socjour.2015.21.3.2378](https://doi.org/10.19181/socjour.2015.21.3.2378). EDN [UKAKGN](#).
14. Макушева М. О., Чо Е. Г. Теневой рынок алкоголя: к определению основных типов и мотивов потребителей // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 5 (159). С. 90–111. DOI [10.14515/monitoring.2020.5.1642](https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.5.1642). EDN [BNSJTS](#).
15. Радаев В. В. Не самогоном единым: структура и факторы потребления домашнего алкоголя в современной России // Журнал социологии и социальной антропологии. 2016. Т. 19, № 4. С. 121–141. EDN [VNMWVS](#).
16. Мамяченков В. Н. Потребление алкоголя как элемент повседневной жизни населения Свердловской области в 1946–1991 годах // Вестник ЧелГУ. 2011. № 23 (238). С. 158–163. EDN [OWJXAB](#).
17. Позднякова М. Е., Брюно В. В. Употребление алкоголя в России в условиях пандемии COVID-19 // Социологическая наука и социальная практика. 2022. Т. 10, № 3. С. 25–44. DOI [10.19181/snsp.2022.10.3.9195](https://doi.org/10.19181/snsp.2022.10.3.9195). EDN [IEOPXY](#).
18. Радаев В. В., Рощина Я. М. Измерение потребления алкоголя как методологическая проблема // Социология: методология, методы, математическое моделирование (Социология: 4М). 2019. № 48. С. 7–57. EDN [DSPNRJ](#).
19. Виноградский В. Г. «Орудия слабых»: неформальная экономика крестьянских домохозяйств // Социологический журнал. 1999. № 3-4. С. 36–48. EDN [PZQKX](#).

Сведения об авторах

В. В. Брюно

кандидат социологических наук,
старший научный сотрудник
AuthorID РИНЦ: [181955](#)

М. Е. Позднякова

кандидат философских наук,
ведущий научный сотрудник
AuthorID РИНЦ: [140027](#)

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Авторы внесли эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Статья поступила в редакцию 22.08.2023; одобрена после рецензирования 11.10.2023; принята к публикации 27.10.2023.

Original article

DOI: 10.19181/snsp.2023.11.4.10

THE SPREAD OF MOONSHINE PRODUCTION IN RUSSIA DURING SOCIAL CRISES

Viktoriiia Vladimirovna Briuno¹
Margarita Efimovna Pozdniakova²

^{1,2}Institute of Sociology of FCTAS RAS,
Moscow, Russia,

¹victoria.bruno@mail.ru,

ORCID 0000-0001-9735-024X

²margo417@mail.ru,

ORCID 0000-0002-7896-5115

For citation: Briuno V. V., Pozdniakova M. E. The spread of moonshine production in Russia during social crises. *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. 2023;11(4):221–247. (In Russ.). DOI 10.19181/snsp.2023.11.4.10.

Abstract. The article investigates the issue of the production and consumption of unregistered alcohol, specifically moonshine. Based on quantitative and qualitative research data, the involvement of various population groups in Russia in moonshine consumption and production is examined. It is shown that after years of decline, moonshine consumption began to rise again from 2012, almost doubling in volume. The analysis revealed that moonshine consumption is more prevalent among low-income segments of the population and is widely spread in rural areas and small towns, where it is consumed more frequently and in larger quantities. As prosperity increases, moonshine consumption decreases; however, with further economic growth, moonshine consumption starts to rise again. Analysis of interviews with moonshine producers and consumers using qualitative sociology methods, along with expert survey data, helped identify the specific factors and social reasons that drive citizens toward moonshine production and consumption. These include economic factors (savings, accessibility, moonshine as a medium of exchange), safety factors (concern for the quality of the produced moonshine), and socio-cultural factors (moonshine production as a tradition and lifestyle, a means of communication, a hobby, and a form of leisure). Based on the analysis of expert interview data, the state's ambivalent attitude towards moonshine production and consumption is revealed, recognising the need for regulatory measures in this area but lacking the necessary control tools for moonshine stills and illegal moonshine

Keywords: alcohol, moonshine, factors, moonshine production, rural population, level of well-being

REFERENCES

1. Kuznecov A. I. Moonshine brewing in the Siberian Nep village as a factor of conflict between the peasantry and the authorities [Samogonovarenie v sibirskoj ne`povskoj derevne kak faktor konflikta mezhd u krest`yanstvom i vlast`yu]. In: Rynkov V. M. ed. State and personality in the history of Russia: materials of the regional scientific conference (Novosibirsk, May 24, 2004) [Gosudarstvo i lichnost` v istorii Rossii : mat-ly` region. nauch. konf. (Novosibirsk, 24 maya 2004 g.)]. Novosibirsk: Sibirskij xronograf; 2004; P. 75–82. (In Russ.).

2. Sheksheev A. P. Moonshine, alcohol consumption and fighting them in the Yenisei village (1917–1930). Part 1. *Reports of the Laboratory of Ancient Technologies=Izvestija Laboratorii drevnih tehnologij*. 2016;(3):119–134. (In Russ.). DOI [10.21285/2415-8739-2016-3-119-134](https://doi.org/10.21285/2415-8739-2016-3-119-134).
3. Safronov S. A. “The drunken question” in Russia and the Prohibition Law of 1914–1925: in 2 volumes. Siberian Federal University. Humanitarian Institute. Krasnoyarsk: SFU; 2017. (In Russ.). ISBN 978-5-7638-3600-4.
4. Terskova A. A. The fight against moonshiners in the Yenisei province during the years of the first world war. *The Socio-economic and Humanitarian journal=Social'no-jekonomicheskij i gumanitarnyj zhurnal*. 2018;(1):193–203. (In Russ.).
5. Koroleva L. A., Davydov A. S. On the fight against moonshine brewing in rural areas in the USSR in the late 1950s (based on the materials of the Penza region). *Advances of Modern Science=Uspehi sovremennoj nauki*. 2016;7(10):67–69. (In Russ.).
6. Firsov I. F. The fight against drunkenness and moonshine as one of the areas of activity of the Tyumen police in the years of their formation and development. *Bulletin of the Tyumen Institute for Advanced Training of Employees of the Ministry of Internal Affairs of Russia=Vestnik Tjumenskogo instituta povyshenija kvalifikacii sotrudnikov MVD Rossii*. 2013;1(1):101–109. (In Russ.).
7. Koshkina E. A., Pavlovskaja N. I., Vyshinskij K. V., [et al.]. Assessment of the nature and scale of consumption of unrecorded alcohol in some regions of central Russia. *Narcology=Narkologiya*. 2013;2(8):28–36. (In Russ.).
8. Rozhanec V. V., Zinov'eva M. A., Gorbachev I. A., Ershov M. B. Analysis of the consumption structure and potential toxicity of unaccounted alcoholic beverages sold in the Yaroslavl and Kaluga regions. *Narcology=Narkologija*. 2013;(4):57–65. (In Russ.).
9. Nemtsov A. V., Gridin R. B., Cho E. G. Assessing illegal alcohol consumption based on internet search queries. *Questions of narcology=Voprosy narkologii*. 2020;(3):67–77. (In Russ.). DOI [10.47877/0234-0623_2020_3_67](https://doi.org/10.47877/0234-0623_2020_3_67).
10. Nuzhnyy V. P., Savchuk S. A., Kayumov R. I. Chemical-toxicological study of strong home-made alcoholic beverages (moonshine) from different regions of Russia [Ximiko-toksikologicheskoe issledovanie krepkix alkogol'ny`x napitkov domashnego izgotovleniya (samogon) iz razny`x regionov Rossii]. *Narcology=Narkologiya*. 2002;1(5):43–48. (In Russ.).
11. Zaigraev G. G. Features of the Russian model of non-commercial alcohol consumption. *Sociological Studies=Sotsiologicheskie Issledovaniia*. 2022;(12):33–41. (In Russ.).
12. Vyal'shina A. A. Alcohol consumption by the Russian population: spatial, age and gender features. *Social space=Social'noe prostranstvo*. 2022;8(1):1–20. (In Russ.). DOI [10.15838/sa.2022.1.33.6](https://doi.org/10.15838/sa.2022.1.33.6).
13. Romanovich N. A. The alcohol in Russia: public opinion myths and reality *Sociological journal=Sotsiologicheskij zhurnal*. 2015.21(3):63–87. (In Russ.). DOI [10.19181/socjour.2015.21.3.2378](https://doi.org/10.19181/socjour.2015.21.3.2378).
14. Makusheva M. O., Cho E. G. Shadow Alcohol Market: Defining the Main Types and Motives of Consumers. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes=Monitoring obshhestvennogo mnenija: jekonomicheskie i social'nye peremeny*. 2020;(5):90–111. (In Russ.). DOI [10.14515/monitoring.2020.5.1642](https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.5.1642).
15. Radaev V. V. Not moonshine alone: structure and factors of homemade alcohol consumption in modern Russia. *The Journal of Sociology and Social Anthropology=Zhurnal sotsiologii i sotsialnoj antropologii*. 2016;19(4):121–141. (In Russ.).

16. Mamjachenkov V. N. Alcohol consumption as an element of everyday life of the population of the Sverdlovsk region in 1946–1991. *Bulletin of Chelyabinsk State University=Vestnik ChelGU*. 2011;(23):158–163. (In Russ.).
17. Pozdniakova M. E., Briuno V. V. Alcohol consumption in Russia during the COVID-19 pandemic. *Sociological Science and Social Practice=Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. 2022;10(3):25–44. (In Russ.). DOI [10.19181/snsp.2022.10.3.9195](https://doi.org/10.19181/snsp.2022.10.3.9195).
18. Radaev V. V., Roshchina Ya. M. Measuring alcohol consumption as a methodological problem. *Sociology: methodology, methods, mathematical modeling (Sociology: 4m)=Sociologija: metodologija, metody, matematicheskoe modelirovanie (Sociologija:4M)*. 2019;(48):7–57. (In Russ.).
19. Vinogradskij V. G. “Tools of the weak”: the informal economy of peasant households [«Orudiya slaby`x»: neformal`naya e`konomika krest`yanskix domox-ozyajstv]. *Sociological journal=Sotsiologicheskij zhurnal*. 1999;(3-4):36–48. (In Russ.).

Information about the Authors

V. V. Briuno

Candidate of Sociology,

Senior Researcher

ResearcherID: [ABD-9883-2020](https://orcid.org/0009-0001-9883-2020)

M. E. Pozdniakova

Candidate of Philosophy,

Leading Researcher

Scopus AuthorID: [25641649100](https://orcid.org/0009-0001-2564-1649)

The authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

The article was submitted 22.08.2023; approved after reviewing 11.10.2023; accepted for publication 27.10.2023.

МОЛОДЫЕ ПЕДАГОГИ МЕЖДУ «СЦИЛЛОЙ» И «ХАРИБДОЙ»: О ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ДЕФИЦИТАХ В СОЦИОЛОГИЧЕСКОМ РАКУРСЕ (НА ПРИМЕРЕ СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ)

Елена Викторовна Прямикова¹
Елена Владимировна Шалагина²
Ольга Николаевна Шихова³

^{1, 2, 3} Уральский государственный педагогический университет,
Екатеринбург, Россия,
¹ pryamikova@yandex.ru,
ORCID 0000-0002-6783-008X
² elshal96@gmail.com,
ORCID 0009-0001-5140-705X
³ krutikol@mail.ru,
ORCID 0000-0003-4398-062X

Для цитирования: Прямикова Е. В., Шалагина Е. В., Шихова О. Н. Молодые педагоги между «Сциллой» и «Харибдой»: о профессиональных дефицитах в социологическом ракурсе (на примере Свердловской области) // Социологическая наука и социальная практика. 2023. Т. 11, № 4. С. 248–272. DOI 10.19181/snsp.2023.11.4.11. EDN RИHJIY.

Аннотация. Тема профессиональных дефицитов педагогов сегодня становится крайне распространённой. Нехватка педагогических кадров не только в малых, но и в больших городах приводит к тому, что заполнять пустующие места приходится специалистами разного уровня и качества образования. При этом проблема состоит не только в том, чтобы найти педагога, но и удержать его на рабочем месте. Одним из способов разрешения данной ситуации является система наставничества, которая снимает психологическую напряжённость ситуации, но не решает её полностью в силу системных сбоев школьного образования в целом.

С целью определения факторов, обуславливающих профессиональные дефициты молодых педагогов, в 2021–2022 гг. было проведено социологическое исследование. Эмпирическую базу анализа составили данные опроса молодых учителей Свердловской области (n = 918), а также материалы фокус-групп, организованных с учителями-стажистами и молодыми педагогами.

Анализ результатов исследования выявил, что компетентностная дефицитарность молодых учителей носит адаптационный характер при переходе от вузовской

подготовки к работе в школе. Установлен типичный набор профессиональных дефицитов: сложности в заполнении обязательной образовательной документации, тематическом планировании урока; наличие высоких амбиций и отсутствие навыков конструктивной оценки реальной ситуации; неудачи в организации дисциплины на уроке; слабая теоретическая и практическая подготовленность в области коммуникации с детьми и реализации специальных образовательных технологий; трудности в работе с отдельными категориями учащихся, в том числе с ограниченными возможностями здоровья. Профессиональные дефициты выступают причиной неуспешной адаптации молодых специалистов, обуславливают её болезненный характер и высокую вероятность отказа от профессии.

Выявлены основные факторы, обостряющие проблему дефицитов: сокращение периода адаптации молодых учителей к работе в школе; усиление контрольно-оценочной деятельности со стороны разных инстанций по поводу деятельности педагога; высокие требования к профессионализму молодёжи уже в первые годы работы в школе; увеличение рабочей нагрузки разного содержания.

Ключевые слова: профессиональные дефициты, молодой педагог, закрепление в профессии, адаптация, школьная среда, вузовская подготовка, системные противоречия, социальные изменения

Благодарности: статья подготовлена в рамках научного проекта «Современное наставничество: способы профессиональной поддержки молодых учителей в общеобразовательных школах Свердловской области» 2021–2022 гг. коллективом кафедры философии, социологии и культурологии Уральского государственного педагогического университета (УрГПУ) по заказу Центра непрерывного повышения профессионального мастерства педагогических работников «Учитель будущего» УрГПУ г. Екатеринбурга. Авторы выражают благодарность И. В. Шапко – кандидату философских наук, доценту кафедры философии, социологии и культурологии за помощь в обработке данных исследования.

Введение

Научная дискуссия о профессиональной готовности молодого учителя к педагогической деятельности в открытом и меняющемся образовательном пространстве предполагает не только изучение теоретических и практических аспектов перехода от вузовской подготовки к реальным требованиям школы, но и анализ противоречий института образования, в частности – реализации системно-деятельностного подхода в обучении.

При всей очевидности проблем, возникающих в период адаптации начинающих педагогов к образовательной организации: разноликий контингент обучающихся, сложности в учебно-методической работе, организации и проведении уроков, во взаимодействии с родителями, актуальным остаётся выявление социальных и личностных факторов массового ухода молодых учителей из школы в первые годы работы (первые

3–5 лет)¹. Такая ситуация имеет противоречивый, и даже парадоксальный характер уже потому, что в образовательную организацию преимущественно идут молодые люди, осознающие высокую ценность миссии педагогической профессии².

Большинство исследователей основную причину видят в недостатках вузовской подготовки будущих учителей, проявляющихся в их компетентностной дефицитности на местах. Студенческая практика в данном случае мало показательна, потому что дефициты в таком случае рассматриваются как что-то неизбежное и временное в силу незавершённости образования. На наш взгляд, особую значимость имеет то, как функционирует школьное образовательное пространство в контексте современных вызовов: личностно-ориентированного обучения, субъект-субъектного подхода к взаимодействию педагога и ученика, реализации методологии системно-деятельностного обучения, непрерывного развития личности и профессионализма учителя. Важно и то, как принимает школа бывшего студента уже в новом качестве, помогает ли ему занять устойчивое профессиональное место в педагогическом сообществе.

Высокий темп социокультурных изменений накладывает свой отпечаток на процессы профессионального становления и развития в педагогическом профиле, а усиливающийся контроль над деятельностью современного педагога обостряет напряжённость в школьной среде. Начинающий специалист оказывается в ситуации «между Сциллой и Харибдой», то есть между необходимостью нести просветительскую и воспитательную миссию с опорой на современные образовательные технологии и обязанностью выполнять функции наёмного работника, подвергающегося контрольно-оценочным процедурам, разработанным как самой системой образования, так и формирующимся извне (например, со стороны родительского сообщества, СМИ, массового сознания).

Профессиональные дефициты молодых учителей, таким образом, порождаются не только качеством вузовской подготовки, но и свиде-

¹ Так, согласно данным, представленным в итоговом докладе о результатах экспертной работы по актуальным проблемам социально-экономической стратегии России на период до 2020 года, за последние пять лет доля учителей со стажем до двух лет немного увеличилась, а со стажем от двух до пяти лет – сократилась. См.: Стратегия-2020: Новая модель роста – новая социальная политика. Итоговый доклад о результатах экспертной работы по актуальным проблемам социально-экономической стратегии России на период до 2020 года. Кн. 1 / Под научн. ред. В. А. Мау, Я. И. Кузьминова. М. : Дело; РАНХиГС, 2013. 430 с. URL: <http://2020strategy.ru/2020> (дата обращения: 10.08.2023).

² См.: Отчёт по результатам международного исследования учительского корпуса по вопросам преподавания и обучения TALIS–2018 (Teaching and Learning International Survey). Ч. 1. М. : Рособрназор, 2019. 42 с. URL: <https://fioco.ru/Media/Default/Documents/TALIS/Национальный%20отчет%20TALIS-2018.pdf> (дата обращения: 15.08.2023); TALIS – The OECD Teaching and Learning International Survey // OECD : [сайт]. URL: <https://www.oecd.org/education/talis/> (дата обращения: 15.08.2023).

тельствуют о социокультурных противоречиях, методических сдвигах в школьном образовании.

В статье анализируется ряд противоречий в школьном образовании, выявляются факторы дезадаптации молодых специалистов, имплицитно провоцирующих их профессиональные дефициты.

Эмпирическая база и методы исследования

Объектом проведённого исследования выступали молодые педагогические работники (со стажем работы до 5 лет) и «стажисты»-наставники. В качестве предмета было обозначено определение профессиональных дефицитов молодых учителей и факторов их обуславливающих.

Сложность и сензитивность рассматриваемой проблемы, а также разноплановость поставленных задач обусловили решение исследовательской группы использовать две взаимодополняющие стратегии исследования: количественную и качественную.

Эмпирическую базу исследования составили данные онлайн опроса молодых учителей Свердловской области (n=918), двух фокус-групп, проведённых с учителями-стажистами и двух – с начинающими педагогами (всего 22 информанта).

На основании имеющихся статистических данных дадим группе молодых педагогов краткую характеристику¹.

На сентябрь 2020 г. (более поздняя информация пока отсутствует) в Свердловской области насчитывалось 35 860 педагогических работников, средний возраст педагогического состава – 44,5 лет.

Распределение по возрастным группам было следующим (см. рис. 1).

Из этих данных следует, что две группы – учителя до 35 лет и учителя старше 55 лет (именно такое деление на группы предлагают, например, исследователи Высшей школы экономики²) – примерно в равных долях (около 25% каждая) представлены в структуре педагогических работников Свердловской области. Такое соотношение не слишком сильно отличается от общероссийских показателей: по данным Высшей школы экономики доля молодых учителей (до 35 лет) составляет 23%, а «стажистов» (старше 55 лет) – 26% от общего числа педагогических работников.

¹ Источник статистических показателей по педагогическим работникам Свердловской области: Сведения об общеобразовательных организациях Свердловской области на начало 2020–2021 учебного года (по отчёту № ОО-1 суммарно по городской и сельской местности по организациям государственной и частной собственности данные на 20.09.2020) // Министерство образования и молодёжной политики Свердловской области : [сайт]. 20.09.2020. URL: <https://minobraz.egov66.ru/site/section?id=800> (дата обращения: 28.05.2023).

² См.: Образование в цифрах: 2020: краткий статистический сборник / Л. М. Гохберг, О. К. Озерова, Е. В. Саутина, Н. Б. Шугаль; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М. : НИУ ВШЭ, 2020. 120 с.

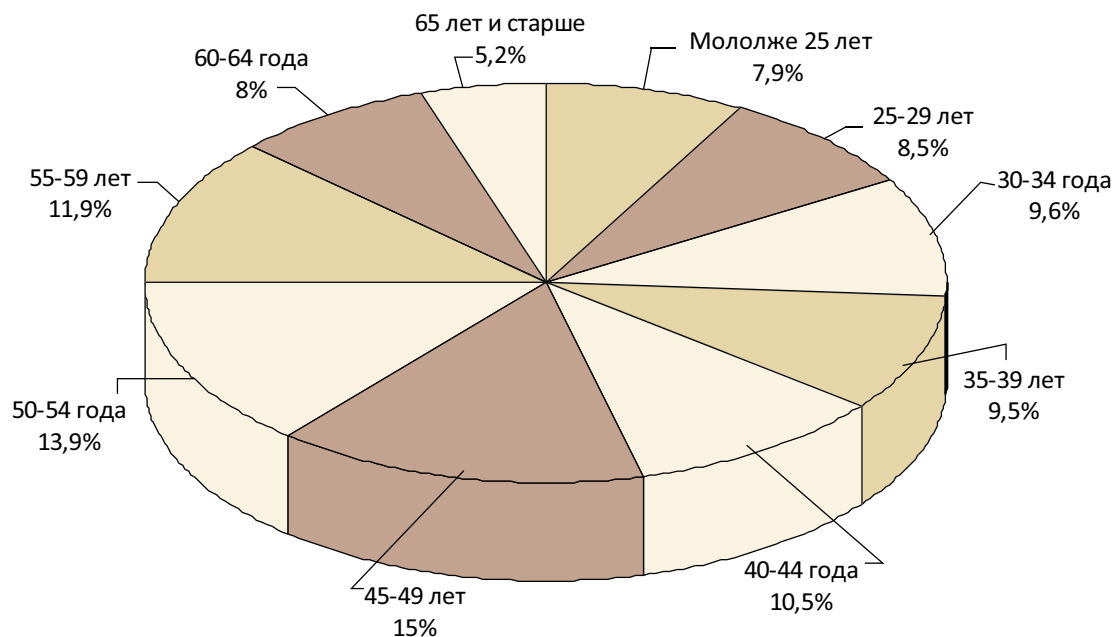

Рис. 1. Распределение педагогических работников Свердловской области по возрасту, 2020 г., %

Для выполнения задач исследования был важен не только возраст, но и стаж работы, хотя очевидно, что эти два показателя коррелируют между собой. Распределение учителей Свердловской области по этому показателю выглядит следующим образом (см. рис. 2).

Таким образом, доля тех учителей, которые составляют объект исследования, в общем составе педагогических работников Свердловской области (стаж работы до 5 лет) – 20% (иными словами, генеральная совокупность равна 7140 человек) по состоянию на 2020 год. Совокупность опрошенных составила на выходе после ремонта выборки 918 человек (13% генеральной совокупности), что обеспечивает репрезентативность полученных эмпирических данных. Отбор респондентов, как и информантов для фокус-групп, производился на информационной базе Центра непрерывного профессионального мастерства педагогических работников Свердловской области «Учитель будущего». Учителям в личный кабинет направлялась информация о размещенной на платформе Google анкете, которую предлагалось заполнить. Распределение респондентов в сформированной таким способом выборочной совокупности по параметрам стажа, возраста, пола, семейного положения, наличия детей и типа поселения совпадает с соответствующим в генеральной совокупности.

В работе фокус-групп учителей-стажистов приняли участие 14 специалистов; в работе групп молодых учителей – 8 специалистов из ряда городов. Учитывался тип поселения и распределение по территориальным округам области.

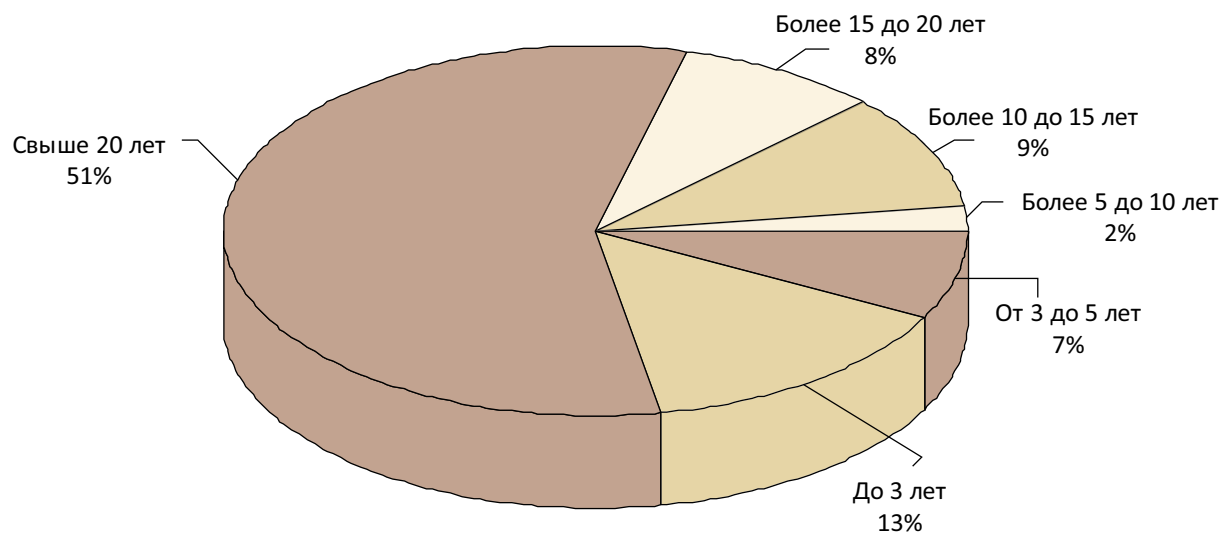

Рис. 2. Распределение педагогических работников Свердловской области по стажу работы, 2020 г., %

Основными показателями для изучения факторов профессиональных дефицитов молодых учителей выступили: готовность участвовать в разработке подходов к созданию контента обучения; владение и реализация различных методик преподавания, характер участия в формировании образовательной среды (взаимодействие с администрацией, родителями и детьми). Исследовательский проект также был нацелен на поиск связи дефицитарных зон с объективными и субъективными факторами: социально-демографические характеристики профессиональной группы, стаж «пребывания» в профессии, референтная среда, престиж профессии, мотивация деятельности, ценностные ориентации, самооценка и т. д. Иными словами, разработчики программы исследования исходили из убеждения в том, что профессиональные дефициты связаны с уровнем социального и профессионального самочувствия молодых педагогов; из того, что формирование их профессиональных перспектив зависит от целого ряда влияющих факторов и составляющих элементов, что создаёт своеобразные сложности в изучении предмета исследования.

Учитывалась и практическая значимость исследования, заключающаяся в выявлении и анализе возникающих проблем на этапе адаптации молодых специалистов к работе в школе для более глубокого понимания как настроения самих молодых педагогов, так и отношения к их работе со стороны старших коллег.

Подходы к изучению профессиональных дефицитов молодых учителей

Проблематика готовности к профессиональной деятельности учителя наиболее полно разработана в психолого-педагогической литературе и строится на основе деятельностного подхода. Профессиональные дефициты толкуются исследователями как затруднения педагога в понимании, осознании и применении отдельных профессиональных единиц (теории, технологии, методики и пр.) [1; 2; 3]. Основанием для разработки критериев оценки профессиональных дефицитов является профессиональный стандарт педагога № 544 н, утверждённый Министерством труда и социальной защиты Российской Федерации 18 октября 2013 г (с изменениями от 05.08.2016 г.), реализуемый с 1 января 2017 г. Отметим, что значительная часть видов педагогической деятельности, которые раньше фиксировались в Положении о стимулирующих выплатах и дополнительно поощрялись, теперь является обязательной для педагогов [4, с. 18]. В результате расширился спектр работы с разными категориями детей, усилились требования в области информационно-коммуникативной компетентности и, как следствие, оценка деятельности педагога обрела более нормативный характер.

В рамках ситуационно-средового подхода профессиональные дефициты типологизируются в зависимости от ситуаций неопределённости в работе молодого педагога. В данном направлении недостаточность развития профессиональных компетенций обосновывается изменчивостью образовательной среды, конфликтностью при взаимодействии «учитель – ученик – родитель», противоречивостью между имеющимися личностными качествами учителя и усложняющимися требованиями среды [5, с. 225]. В рамках данного подхода подчёркивается, что профессиональные затруднения молодого педагога носят естественный характер и зависят от особенностей протекания адаптационных процессов на конкретном месте работы [3, с. 13]. Доказано, что на первой стадии вхождения в профессию (первые 1–2 года) начинающие педагоги в большей мере ориентируются на внешние признаки: правила, образцы, рекомендации. Это объясняется небольшим опытом, страхом потерпеть неудачу, совершить ошибку. На второй стадии (следующие 2–5 лет) молодые специалисты испытывают трудности при разграничении важных учебно-воспитательных характеристик от второстепенных, стремятся выделить компоненты реальной педагогической ситуации и подвергнуть их педагогическому и психологическому анализу. На третьей стадии (по прошествии 5–10 лет) активного погружения в профессию учителя оказываются способными самостоятельно планировать как свою деятельность, так и деятельность

обучающихся, а главное – у них развивается умение справляться с неординарными ситуациями, возникающими на практике [6, с. 132].

Отметим, что в современном меняющемся мире трудности в педагогической деятельности могут проявляться у учителей вне зависимости от возраста, опыта и квалификационной категории. Однако среди молодых специалистов эта проблема приобретает болезненный характер, ведь актуализируется проблема трудностей закрепления в профессии. Существующие подходы к изучению профессиональных дефицитов молодых учителей, на наш взгляд, не позволяют в должной мере выявить особенности проблемы, остающейся «за кадром».

Обращение к социологическому подходу обусловлено возможностями изучения латентных факторов, а также объективно-субъективной составляющей «укоренения» молодёжи в профессии.

В работах последних лет по данной теме отмечается, что истоки трудностей, с которыми сталкиваются молодые учителя, находятся в их профессиональной подготовке (см., напр. [7, с. 102]). М. Пинская, А. Пономарёв, С. Косарецкий предлагают осуществлять педагогическую подготовку непосредственно в школе. Среди нововведений – учебные курсы, интегрированные в школьную практику. Однако по данному направлению не представлен анализ того, насколько сама школа готова к таким вариантам обучения потенциальных учителей.

В рамках Всероссийского онлайн-тестирования педагогической грамотности учителей были выявлены профессиональные дефициты и предложены рекомендации по их минимизации, включающие готовность учителя применять специальные методы обучения, предлагать различные способы передачи теоретических знаний, развивать учебную мотивацию у детей [8, с. 60]. В упомянутом исследовании трудности в педагогической деятельности были соотнесены с элементами функциональной грамотности. Изучались готовность учителей с разным стажем к развитию критического мышления у детей, к реализации воспитательных практик с учётом индивидуальных особенностей учащихся, умение работать с мотивацией школьников. В целом были зафиксированы недостаточный уровень внимания к индивидуализации обучения в условиях поликультурной и многоязычной среды, недостаток теоретических знаний в области гуманистических принципов воспитания, педагогики сотрудничества, сложности с организацией подходов к самоопределению учащихся.

Как отмечается в международном исследовании учительского корпуса по вопросам преподавания и обучения TALIS–2018, профессиональное развитие педагогов важно рассматривать в системной связке с работой над обновлением образовательных стандартов, особенно в отношении

вопросов развития критического и креативного мышления учащихся¹. С научно-практической точки зрения обновление подходов к обучению обуславливает непрерывное профессиональное саморазвитие учителя. Однако ещё в 2016 году Ф. Э. Шереги по результатам Всероссийского социологического исследования, посвящённого изучению вопроса о нормировании труда учителей, фиксировал проблему перегрузки педагогов сверх нормы во внеучебное время (около 70% школ) [9, с. 111]. В. А. Ильин также отмечал возросшую рабочую нагрузку и низкий уровень удовлетворённости психологическим климатом в трудовом коллективе среди молодых учителей [10, с. 56]. Д. Л. Константиновский, М. А. Пинская, Р. С. Звягинцев обозначили проблему «выгорания» учителей как постепенную утрату энтузиазма в разных областях деятельности, утрату идеалов как следствие высокой нагрузки, не связанной с преподаванием [11, с. 20].

Обозначенные выше исследовательские проекты показали, что проблема профессиональных дефицитов молодых учителей выражается не только в недостатке педагогической грамотности, но и в недостаточной готовности к личностному и профессиональному саморазвитию.

Методология исследования

Описывая постиндустриальное общество, Д. Белл отчётливо указал на возрастающую роль знаний, которые становятся ценны не сами по себе, а как личностно освоенный капитал [12]. Ф. Махлуп отметил, что «объективная интерпретация, соответствующая тому, что известно, будет менее удовлетворительной, чем субъективная интерпретация в соответствии со значением, которое знающий придаёт известному» (цит. по: [12, с. 222]). Социальная динамика показывает, что современное общество и образование несёт в себе противоречие между высокой ролью знаний как экономического капитала, провоцирующего риски «поточной»/конвейерной логики его потребления, и востребованностью специалистов с инновационным потенциалом, готовых развиваться на основе ценностно-смыслового и рационального познания. Образование переходит в антропологическое измерение, усиливается ценность его содержания и методик работы над личностным потенциалом обучающегося и самого учителя, при том, что внешние условия диктуют иную логику. Это противоречие было зафиксировано Е. А. Антюховой [13]. Авторы согласны с ней в том, что «распространённой ошибкой аналитических рассуждений концепции постмодерна и цифрового общества является смешение категорий

¹ См.: Отчёт по результатам. URL: <https://fioco.ru/Media/Default/Documents/TALIS/Национальный%20отчет%20TALIS-2018.pdf> (дата обращения: 15.08.2023).

неопределённости и предопределённости. Технократическая перспектива лишает образование аксиологической ценности» [13, с. 300].

«Текущее» состояние, практикоориентированность знания как социокультурного конструкта не могут не сказаться на функционировании современного образовательного пространства и деятельности учителя. Так, позиции участников обучающих ситуаций, отношение к учебным практикам, освоение культурного капитала смещаются от относительной статичности к постоянному познавательному движению. При этом траектории движения в меньшей степени задаются извне, они рождаются из практик, взаимодействий учителей и учащихся. В силу этого компетентностная модель обучения логично встраивается в процессы, в основе которых заложена способность личности применять знания на практике, решать профессиональные, социальные, культурные задачи и нести ответственность за их воплощение в реальной жизни [14, с. 159].

Смеем предположить, что корень проблемы профессиональных дефицитов молодых учителей в том, что они сталкиваются в процессе своей адаптации с разными моделями обучения, которые «эkleктично» действуют в образовательном пространстве школы. Увеличивающаяся нагрузка, «подстройка» под так называемый «родительский заказ» на образовательные услуги, ориентация на объём «выданных/полученных» знаний (а не на развивающийся личностный потенциал ребёнка), бюрократизированность педагогической деятельности, нормативная оценка её деятельности – всё это встраивается, по нашему мнению, в логику постиндустриальности. В итоге это выливается в проблему уменьшения свободы и творчества учителя, где усиливается контроль над содержанием урока [15, с. 70].

Современная версия ЕГЭ в качестве итоговой контрольно-измерительной процедуры, по нашему мнению, «работает» над скреплением рассыпающегося остова знаниевой парадигмы. Системно-деятельностный подход, призывающий к активной познавательной деятельности самого ребёнка, однако, не может гарантировать чёткого и определённого результата, который можно было бы легко формально измерить, тем более что он, по своей сути, настраивает школьника скорее не на результат, а на процесс создания и прохождения пути собственных проб и ошибок. Здесь добавляется ещё один весьма весомый фактор: сама модель «массовой» школы, которая продолжает оставаться основой всего школьного образования в современных условиях. 40 минут на проведение урока и тридцать обучающихся в классе, как показывает реальный опыт педагогической деятельности, плохо стимулируют внедрение инновационных практик. Сегодня к этому следует добавить ещё увеличение количества часов в рабочей нагрузке педагога, разрастание и усложнение школьных

программ, формализацию образования, об опасности которой писал ещё Джон Дьюи [16].

Тем не менее, образовательные практики сегодня обретают характер «движения», процессуальности, и, как отмечал П. Штомпка, движущей силой становится способность человека к созиданию, наращиванию багажа знаний, и, в связи с этим образование можно рассматривать в рамках модели текучего социокультурного поля. В этом поле происходят изменения на уровне сплетения идей, правил, интеракций и интересов [17, с. 65]. Модель «поля» соответствует тенденциям трансформирующегося образа учительства, где главными ценностями становятся индивидуализация, мобильность, личностно освоенный социальный и культурный опыт.

Работа над собственной профессиональной и учебной мотивацией обучающихся, «наличие условий для работы над собой и своим мастерством» [18, с. 183], понимание того, что «важна не столько передача опыта, сколько сам процесс формирования личного опыта детей» [19, с. 81], ориентированы на логику постмодерна. Если рассматривать молодых учителей как представителей особого поколения, то можно предположить, что они скорее предрасположены к процессуальным ценностям образования. Вместе с тем реализация модели «поля» в обучении будет требовать от них (и от опытных учителей) высокого уровня педагогического мастерства, уверенного оперирования знаниями в предметной области, владения исследовательской культурой, общей функциональной грамотностью и в целом эффективных и адекватных образовательных решений в учебных ситуациях. Однако сразу после окончания вуза такой уровень профессионализма продемонстрировать весьма сложно. Нужен определённый срок для адаптации к условиям школы и наращивания метапредметных компетенций.

Результаты исследования

В ходе анализа результатов исследования было важно посмотреть на процесс адаптации начинающих учителей как на возможность обрести ими своё профессиональное место в школьном пространстве и понять причины, по которым этого не происходит.

Прежде всего, необходимо отметить, что подавляющее большинство – 89% респондентов – утвердительно ответили на вопрос «Нравится ли Вам работать в Вашей школе?». Более того, удовлетворённость местом работы не связана ни с полом, ни с возрастом, ни с типом поселения – эти факторы оказались слабо дифференцирующими.

Между тем привлекательность места работы нетождественна привлекательности профессии, а именно это обстоятельство для предпринятого

авторами исследования являлось наиболее важным – понять, что «удерживает» молодых (мобильных, активных, креативных и т. п.) педагогов в профессии. Вопрос по этому поводу был сформулирован несколько завуалированно: «Что, по Вашему мнению, сегодня может привлечь молодёжь в профессии учителя?». Расчет был на то, что предположения о профессиональной мотивации потенциальных педагогов так или иначе отражают структуру собственной мотивации респондентов. Ответы молодых педагогов распределились следующим образом (см. рис. 3).

Рис. 3. Представления молодых педагогов Свердловской области о привлекательности профессии учителя, 2022 г., %

Как видно из представленных на рисунке данных, потенциальных молодых учителей может привлечь, прежде всего, творческий характер работы, креативность, возможность реализовать себя. Немаловажное значение имеет и большой летний отпуск вкупе с гарантированностью выплат.

В процессе дискуссий в формате фокус-групп молодые педагоги объясняли основные мотивы выбора работы в школе тем, что у них хорошо получается взаимодействие с детьми, нравится предмет, который преподают. Большинство из них рассказывали, что принимали решение работать в школе не из-за материальных соображений, а в связи с наличием определённого интереса к профессии. Молодые информанты подчёркивали: «Для молодого педагога важно испытывать интерес к профессии и получать положительный отклик от детей и родителей» (И 5, ж., 24 г.).

Рис. 4. Представления молодых педагогов Свердловской области о причинах ухода из профессии учителя, 2022 г., %

Анализ привлекательности профессии учителя для молодого человека был дополнен «зеркальным» вопросом: «Молодые учителя не всегда остаются работать в школе. Как Вы думаете, почему?» (см. рис. 4).

Как видим, на первый план в качестве причины ухода из профессии выходит невысокий уровень заработной платы – эту причину отметили 70% респондентов. Вторая по значимости причина – высокие психологические нагрузки в общении с учениками (54%) и их родителями (48%).

Данное исследование позволило зафиксировать весьма противоречивую ситуацию, которая выражается, с одной стороны, в наличии важной профессиональной мотивации молодёжи по отношению к профессии учителя, а именно – в желании развивать свой творческий потенциал (что немаловажно сегодня), и, с другой стороны, в постепенном разочаровании в профессии из-за небольшой заработной платы и вынужденного формального отношения к работе в силу, прежде всего, большой нагрузки. Остановимся на этом чуть подробнее.

Анализ полученных данных показал, что уровень заработной платы пусть незначительно, но возрастает по мере увеличения стажа работы (см. табл. 1).

Из приведённых выше данных видно, что для педагогов со стажем 0–5 лет характерно возрастание среднего размера заработной платы от 25 тыс. руб. на первом году работы, до 29–30 тыс. руб. на 4-м – 5-м году работы. При этом достаточно высоким является разброс данных (стандартное отклонение).

Понятно, что причиной такого разброса является разница в объёме нагрузки. Корреляционный анализ полученных данных свидетельствует о том, что имеется определенная взаимосвязь между объёмом нагрузки и размером заработной платы.

Таблица 1

Средние уровни заработной платы у педагогов со стажем не более 5 лет, 2022 г.

Стаж	Средняя заработная плата, тыс. руб.	Ст. отклон. (+/-)
Менее 1 года	25,3	8,8
1–2 года	26,8	8,2
3–4 года	28,3	8,9
5 лет	29,5	8,6

Можно прийти к выводу о том, что средний размер зарплаты увеличивается по мере возрастания нагрузки, но данное увеличение является статистически значимым лишь при нагрузке менее 25–27 часов¹, что позволяет говорить об отсутствии статистических оснований считать увеличение нагрузки свыше 25–27 часов в неделю фактором увеличения зарплаты. Однако увеличение нагрузки с одной ставки (18 ч. / нед.) до полутора ставок (25–27 ч. / нед.) даёт статистический эффект значимости увеличения зарплаты. Правда, в абсолютных числах такой значимый разрыв равен примерно 8 тыс. руб. между группами педагогов, работающих с нагрузкой на одну ставку и работающих на полторы ставки.

Продолжая анализ, можно сказать, что респонденты имеют в виду не столько низкий уровень дохода, сколько «недополученную» долю заработной платы. По мере «вхождения» в школьное пространство индивид начинает осознавать меру включённости и ответственности, что выражается в дополнительной учебной и внеучебной нагрузке, напряжённых психологических состояниях в работе с современными детьми и родителями, большие временные затраты на заполнение учебной документации. На этом фоне и наблюдается у педагогов осознание собственных трудозатрат, что может приводить к снижению мотивации к творчеству в профессиональной деятельности и собственному саморазвитию. 38% респондентов указали, что в будущем планируют сменить место работы, не покидая систему образования, 34% опрошенных намерены перейти в другую сферу профессиональной деятельности.

¹ В данном исследовании значимыми различиями считаются значения альфа (α) менее 0,1 по критерию Стьюдента. Были получены следующие результаты: сравнение первой группы (нагрузка менее 18 ч.) и второй группы (18–21 ч.) ($\alpha = 0,0006$) – различия значимы. Сравнение второй группы (18–21 ч.) и третьей группы (22–24 ч.) ($\alpha = 0,04$) – различия значимы. Сравнение третьей группы (22–24 ч.) и четвёртой группы (25–27 ч.) ($\alpha = 0,01$) – различия значимы. Сравнение четвёртой группы (25–27 ч.) и пятой группы (28–30 ч.) ($\alpha = 0,99$) – различия НЕ значимы. Сравнение пятой группы (28–30 ч.) и шестой группы (более 30 ч.) ($\alpha = 0,13$) – различия НЕ значимы.

Вместе с тем подавляющее большинство молодых педагогов считает, что они получили весьма серьёзную подготовку в вузе (колледже), которая позволяет им успешно преподавать свой предмет в школе. Они оценивают уровень своей профессиональной компетентности как достаточно высокий. При этом самооценка большинства молодых специалистов уровня предметной компетентности, как правило, выше, нежели самооценка методической и психолого-педагогической компетентности. «Стажисты» об этом говорят так: *«Они много знают, но не знают, как донести это до детей. Им кажется, что все задачи можно решить через применение технических средств. Но недооценивают при этом значение коммуникации с ребёнком»* (И 12, ж., 50 л.).

Следует подчеркнуть, что в ходе дискуссий участниками фокус-групп было отмечено, что оценки собственных компетенций со стороны молодых педагогов оказались завышены по сравнению с оценками, предложенными опытными педагогами: *«...давайте конкретный пример: провожу входные диагностические работы у ребят по параллели на предмет качества оценивания их молодыми специалистами. Результат – молодые не видят ошибок у детей. Ведь эту тетрадь увидит родитель. Он пойдёт в администрацию с требованием “дайте компетентного педагога”»* (И 11, ж., 47 л.). Другой информант прямо заявил: *«...считаю, что сегодня есть проблема в высокой самооценке и низкой самокритичности молодых»* (И 9, ж., 51 г.). На основании полученных эмпирических материалов можно предположить, что у молодых учителей слабо развито рефлексивное сознание, что сегодня важно с точки зрения развития «себя» как профессионала. Однако рефлексивность не возникает в первые годы работы, она развивается позже с накоплением педагогического опыта и наличия «свободного времени» как капитала, позволяющего осмыслить результаты собственного труда.

Одну из причин такого положения дел респонденты связывали с недостатками в организации педагогических практик, осуществляемых современным вузом. Опытные педагоги подчёркивали, что видят «пробелы», например – на уровне подготовки студентом-практикантом конспектов будущих уроков, которые должны проверяться и курироваться его вузовским научным руководителем, что на деле, по их мнению, не всегда происходит. Им приходится подключаться к этой работе и фактически «доделывать» её в полевых условиях. Неслучайно при расшифровке видеозаписей и формировании стенограмм фокус-групп мы обратили внимание на глагол «доучивать», который звучал по отношению к молодым специалистам. Кроме того, подчёркивался ещё один аспект педагогической деятельности. «Стажисты» говорили: *«...нас учили держать дисциплину. Это простые вещи. Для этого существуют организационные приёмы. А молодые их не*

знают и им сложно...» (И 13, ж., 42 г.). То есть, по их мнению, непростым делом для новичка сегодня оказывается не только разработать структуру урока, его содержание, форму представления и объём учебного материала, но и организовать сам образовательный процесс в рамках урочной деятельности. Этот сюжет интересен, во-первых, как пример оценивания компетенций молодых учителей со стороны сообщества опытных педагогов. Во-вторых, эти данные показывают, как протекает адаптация специалиста в начальный период работы в школе. Поясним: в качестве параметров, на основании которых педагоги-стажисты оценивают деятельность молодых, по сути, берётся классическая знаниевая модель обучения. Это такие позиции, как дисциплина, конспект урока, формализованное оценивание. Спорно, но смеем предположить, что молодые специалисты с первых шагов придерживаются более свободного варианта обучения, в связи с чем и теряют организационную составляющую коллективного подхода к преподаванию. Этот момент показателен с точки зрения особенностей методик внедрения образовательного стандарта, соотношения привычного классического подхода и системно-деятельностного. С точки зрения процесса адаптации мы видим, как от молодых учителей ожидают проявления профессионализма уже с начала трудовой деятельности. Это означает, что молодёжь не всегда проходит естественный процесс адаптации к педагогической деятельности, который в идеальном варианте длится в течение 5–10 лет. За последнее время этот путь ускоряется.

Как показывают результаты нашего исследования, значительная часть молодых педагогов, начиная свою трудовую деятельность, не имеют каких-либо специально созданных для них организационных условий. Как правило, многие из них работают на 1,5 или 2 ставки, преподают 2–3 предмета, взаимодействуют с обучающимися различных возрастных категорий. О нехватке времени, перегрузке, слишком широком и разноплановом спектре учительских обязанностей рассказывали информанты.

Опытные педагоги на это отвечали так: *«...как сделать нужное и важное с наименьшими затратами сил и энергии – вот что должны показать стажисты [начинающим учителям]»* (И 11, ж., 47 л.).

Однако восприятие начала профессионального пути нередко происходит в весьма острой форме: *«...из личного опыта: я поняла, что неуспешна, уже после первого месяца работы. Мне “дали” детей, от которых все остальные отказались. В результате – растрчиваешь себя. Много болевых точек, которые не успеваешь и не можешь проработать. Мне просто не хватает времени»*. Другой пример: *«...у меня дети 7–8 классов с большими пробелами в знаниях и ещё второй класс (новый). Знаний нет... Идёт несостыковка их знаний и программы, которую я должна реализовать. Мне необходимо её подстраивать под них. Что ж мне – не*

спать? Я ведь не робот...» (И 2, ж., 25 л.). Таким образом, вопросы развития учебной мотивации у не очень успешных детей, а также процессы их дифференцированного обучения попадают в разряд трудных и дефицитарных зон.

Итак, мы видим, как высокие учебные и психологические нагрузки становятся деформирующим фактором и осложняют процесс адаптации молодых учителей к школе (см. табл. 2).

Таблица 2

Трудности в реализации профессиональной деятельности учителя, мнение молодых педагогов, 2022 г., доля от числа ответивших, %

Перечень наиболее сложных видов работ для молодого учителя	Доля от числа ответивших
Освоение материально-технического оснащения класса	11,68
Подведение итогов урока	9,50
Отбор содержания учебного материала для урока	21,72
Построение и проведение урока	25,87
Вовлечение детей во внеурочную деятельность	14,63
Заполнение различных документов (журналов, бланков мониторинга)	60,92
Разрешение конфликтов между детьми	21,72
Поддержание дисциплины в классе	43,45
Выстраивание отношений с администрацией	11,46
Вовлечение всех детей в активную работу в классе	22,27
Убеждение родителей в необходимости предпринять воспитательные действия в отношении собственных детей	28,38
Вовлечение детей в работу в условиях дистанционного обучения	14,41
Выстраивание отношений с коллегами	11,24
Оценивание работы обучающихся	17,90
Достижение понимания в общении с родителями	21,18
Другое	0,66

Отметим, американский исследователь феномена аномии Р. Мертон указывал, что социальные структуры могут оказывать давление на членов общества и тем самым подталкивать их к неподчинению общепризнанным нормам, «бегству» от институциональных требований [20]. Форси-

рованное достижение цели, акцент на успешности усиливает требование к результату, что может ослаблять процесс самореализации и удовлетворённость от деятельности. Вероятно, одной из причин ухода молодых учителей из школ является чувство потери баланса между усложняющимися требованиями к результатам труда и отсутствием психологической поддержки со стороны наставника и педагогического сообщества в целом.

По мнению опытных учителей, закреплению молодых педагогов в общеобразовательных организациях способствуют, в первую очередь, психологическая поддержка и помощь со стороны коллег, обеспечение методического сопровождения и назначение наставника. По мнению самих молодых специалистов, их закреплению в школе в первую очередь способствовали помощь и поддержка со стороны коллег, которые они сами могли выбрать в тех формах и так часто, как им было необходимо, по индивидуальному запросу (что весьма важно!). Опытные педагоги комментируют это следующим случаем: *«...иду я по коридору, а мне навстречу молодая коллега... подходит и говорит: "Обнимите меня, Татьяна Альбертовна". Сиюминутно что ей нужно? И обнять, и помочь проверить контрольные работы. То есть, быть добрее и щедрее»* (И 10, ж., 54 г.).

Об особенной ситуации во взаимодействии школы и семьи, которая сложилась в современном образовательном пространстве и которая входит в перечень обозначенных трудностей, информанты говорили весьма эмоционально.

Молодые педагоги отмечали: *«Сейчас родители резко расслоены и принадлежат [к] разным социальным стратам. Например, есть требовательные и культурные, а есть с низким уровнем культуры и при этом с амбициями. Возникают сложные ситуации»* (И 3, ж., 26 л.).

«Стажисты», подчёркивая противоречивый характер сложившейся системы «педагог – родитель» в современной образовательной организации, тоже говорят об этом: *«...раньше на нас "работал" имидж профессии, а сейчас родители совсем другие, они разные...»* (И 11, ж., 47 л.). Недаром в публикациях последних лет мы замечаем появление новых понятий «буллинг учителя» и «родительский террор». В связи с этим учителя считают важным следующее: *«...хорошо, что сейчас начала меняться сама государственная риторика: образование – это не парикмахерская и не может быть комплексом услуг»* (И 13, ж., 42 г.).

Выводы

Современное учительское сообщество остаётся многочисленной профессиональной группой, которая реализует трансляцию и воспроизводство культуры. В достижении стратегических целей модернизации си-

стемы образования педагогические кадры общеобразовательной школы играют ключевую роль. Однако в открытом обществе и образовании способы освоения культуры меняются: они приобретают более контекстуальный, смыслоопределяющий и рациональный характер. Обозначенный в образовательном стандарте личностно-ориентированный подход отвечает вызовам меняющейся современности. Однако его реализация предполагает высокий уровень профессионализма педагога в предметной области, психолого-педагогической грамотности, использования разных образовательных технологий и готовность к саморазвитию. Поэтому молодой учитель оказывается перед непростой задачей реализации обновлённых образовательных целей при ещё формирующемся собственном профессиональном мастерстве. К сожалению, в условиях массовой школы личностно-ориентированный подход может превращаться в деформированную форму – «подстройку» под запросы детей и родителей, инстанций, контролирующих результаты обучения. Иными словами, молодой учитель подвержен влиянию разных сообществ, ценностных систем.

Современность обнажила необходимость «быстрого» темпа адаптации молодого учителя к профессии и требованиям школы, в связи с чем обострились системные противоречия в образовании и дефицитные зоны между:

- высоким темпом обучения по школьной программе и нехваткой времени на осмысление метапредметных и личностных результатов обучающихся;
- усилением психологических нагрузок в работе учителя и снижением качества преподавания в целом;
- положительной мотивацией молодых учителей по отношению к профессии, работе с детьми и «выгоранием» в процессе педагогической деятельности;
- имеющейся профессиональной подготовкой, ориентированной на образовательный стандарт, и «эkleктичным» образовательным пространством школы в отношении разных подходов к обучению.

В ходе анализа мы пришли к выводу о том, что у молодых педагогов имеется типичный набор дефицитов: затруднения с выполнением действующих регламентов при работе с документацией (например, с заполнением форм разного рода отчётности), сложности в соотношении методики обучения и реального преподавания учебного предмета в рамках действующих ФГОС (федеральных государственных образовательных стандартов), неуверенность в выборе методов и приёмов работы с различными категориями обучающихся и их родителями. На современном этапе важно понимание самими педагогами необходимости развития на-

выков самоорганизации и саморегуляции в ситуации высоких эмоциональных и психологических нагрузок. К сожалению, профессиональная рефлексия данного противоречия у вчерашних выпускников педагогических вузов вполне может приводить к гибели самого важного – желания молодого учителя развивать своих учеников.

Очевидно, что в этом направлении весьма востребованной может оказаться поддержка коллег, организационная культура конкретного педагогического коллектива. Вопрос об адаптации молодых учителей к профессии в школе в итоге оказывается не таким уж и простым. Во-первых, внимания заслуживают подходы к формированию у молодёжи устойчивой мотивации на учительскую профессию, которая закладывается ещё на этапе вузовской подготовки; во-вторых, необходимо развивать конструктивное рефлексивное сознание у молодого поколения учителей, навыки стрессоустойчивости; в-третьих, возрастает значимость формирования системы отношений «молодой – опытный» в контексте готовности той и другой стороны к социально-профессиональному взаимодействию; в-четвёртых, в поле проблематики включается феномен «разрыва» между институциональной организацией школы и тенденцией индивидуализации молодого поколения как на уровне социальных, так и профессиональных установок.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Белолуцкая А. К., Мкртчян В. А., Щербакова Т. В. Профессиональные дефициты начинающих учителей московских школ // Вестник МГПУ. Серия: Педагогика и психология. 2022. № 1 (59). С. 55–77. DOI [10.25688/2076-9121.2022.16.1.03](https://doi.org/10.25688/2076-9121.2022.16.1.03). EDN [THSZHJ](https://www.edn.ru/THSZHJ).
2. Вороткова И. Ю., Усачёва А. В. Диагностика профессиональных дефицитов современных педагогов на основании результатов профессиональной деятельности // Педагогическое образование в России. 2022. № 2. С. 105–112. EDN [ELXFWK](https://www.edn.ru/ELXFWK).
3. Шайденко Н. А. Подходы к оценке дефицитов профессиональных компетенций молодых учителей // Образование личности. 2019. № 3-4. С. 12–18. EDN [DIVMLS](https://www.edn.ru/DIVMLS).
4. Профессиональный стандарт педагога и процесс аттестации: возможности, ограничения, риски: методические рекомендации / Государственное автономное образовательное учреждение дополнительного профессионального образования Свердловской области «Институт развития образования» ; сост. М. Л. Жигулина, И. А. Тарасова, Н. А. Степанова. Екатеринбург : ГАОУ ДПО СО «ИРО». 2019. 80 с.
5. Ускова С. А. Повышение качества профессионально-педагогической деятельности учителя в решении ситуаций неопределённости: дефициты, конфликты, кризисы // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2020. № 2. С. 224–241. EDN [VWXEBN](https://www.edn.ru/VWXEBN).

6. Прохорова И. К. Актуальные проблемы профессиональной адаптации молодых педагогов // Научно-педагогическое обозрение. 2019. № 1 (23). С. 130–138. DOI [10.23951/2307-6127-2019-1-130-138](https://doi.org/10.23951/2307-6127-2019-1-130-138). EDN [YTFZBB](https://elibrary.ru/ytfzbb).
7. Pinskaya M., Ponomareva A., Kosaretsky S. Professional Development and Training for Young Teachers in Russia // Educational Studies. Moscow. 2016. № 2. P. 100–124. DOI [10.17323/1814-9545-2016-2-100-124](https://doi.org/10.17323/1814-9545-2016-2-100-124). EDN [WGEVUB](https://elibrary.ru/wgevub).
8. Коновалов А. А., Заглодина Т. А., Сажин А. Ю. Профессиональные дефициты: в каких компетенциях нуждаются учителя и родители // Образовательная политика. 2021. № 4 (88). С. 52–65. DOI [10.22394/2078-838X-2022-1-52-65](https://doi.org/10.22394/2078-838X-2022-1-52-65). EDN [ULLBEU](https://elibrary.ru/ullbeu).
9. Шереги Ф. Э. Педагоги общеобразовательных организаций: труд или повинность? // Социологические исследования. 2016. № 1. С. 108–116. EDN [VSLWYD](https://elibrary.ru/vslwyd).
10. Ильин В. А., Леонидова Г. В., Головчин М. А. Российский учитель в реформирующемся обществе: взгляд из региона // Социологические исследования. 2017 № 3 (395). С. 51–57. EDN [YMFZPX](https://elibrary.ru/ymfzpx).
11. Константиновский Д. Л., Пинская М. А., Звягинцев Р. С. Профессиональное самочувствие учителей: от энтузиазма до выгорания // Социологические исследования. 2019. № 5. С. 14–25. DOI [10.31857/S013216250004949-6](https://doi.org/10.31857/S013216250004949-6). EDN [RBKSMV](https://elibrary.ru/rbksmv).
12. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / Д. Белл ; пер. с англ. М. : Academia. 1999. 956 с. ISBN 5-87444-07-4.
13. Антюхова Е. А. Ценности успешной личности: постмодерн образования в постиндустриальном обществе // Вестник российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2020. Т. 22, № 2. С. 290–304. DOI [10.22363/2313-1438-2020-22-2-290-304](https://doi.org/10.22363/2313-1438-2020-22-2-290-304). EDN [YMKUJU](https://elibrary.ru/ykkuju).
14. Шихова О. Н. Роль исследовательских практик в преодолении «познавательного разрыва», возникающего в компетентностной модели обучения студентов // Стратегические ориентиры современного образования: сборник научных статей (Екатеринбург, 05–06 ноября 2020 года). Ч. 3. Екатеринбург : Уральский гос. педагогический ун-т, 2020. С. 156–160. DOI [10.26170/Kso-2020-252](https://doi.org/10.26170/Kso-2020-252). EDN [OLISVP](https://elibrary.ru/olisvp).
15. Попов Д. С., Стрельникова А. В., Григорьева Е. А. Учителя в условиях «кризисной цифровизации» на пороге «нового луддизма»? // Социологический журнал. 2023. Т. 29, № 1. С. 55–77. DOI [10.19181/socjour.2023.29.1.3](https://doi.org/10.19181/socjour.2023.29.1.3). EDN [ESQYNE](https://elibrary.ru/esqyne).
16. Дьюи Дж. Демократия и образование / Дж. Дьюи ; пер. с англ. М. : Педагогика-Пресс, 2000. 384 с. ISBN 5-7155-0773-1.
17. Штомпка П. Социология социальных изменений / П. Штомпка ; пер. с англ., под ред. В. А. Ядова. М. : Аспект-Пресс, 1996. 416 с. ISBN 5-7567-0053-6.
18. Зборовский Г. Е. Образование: от XX к XXI веку. Екатеринбург : Изд-во Урал. гос. проф-пед. ун-та, 2000. 301 с. ISBN 5-8050-0003-2.
19. Григорьев С. И., Матвеева Н. А. Неклассическая социология образования начала XXI века. Барнаул: АРНЦСОРАО, 2000. 158 с. ISBN 5-93957-003-8. EDN [WZSQOJ](https://elibrary.ru/wzsqoj).
20. Мертон Р. К. Социальная структура и аномия // Социология власти. 2010. № 4. С. 212–223. EDN [MQHTVT](https://elibrary.ru/mqhtvt).

Сведения об авторах

Е. В. Прямикова

доктор социологических наук, доцент,
профессор
AuthorID РИНЦ: 416263

Е. В. Шалагина

кандидат социологических наук,
доцент
AuthorID РИНЦ: 476878

О. Н. Шихова

кандидат социологических наук,
доцент
AuthorID РИНЦ: 621567

Авторы внесли эквивалентный вклад в подготовку публикации.
У авторов нет конфликта интересов для декларации.

Статья поступила в редакцию 15.07.2023; одобрена после рецензирования 04.09.2023;
принята к публикации 19.10.2023.

Original article

DOI: 10.19181/snsp.2023.11.4.11

YOUNG TEACHERS CAUGHT BETWEEN “SCYLLA” AND “CHARYBDIS”: PROFESSIONAL DEFICITS IN A SOCIOLOGICAL PERSPECTIVE (CASE OF SVERDLOVSK REGION)

Elena Viktorovna Pryamikova¹

Elena Vladimirovna Shalagina²

Olga Nikolaevna Shikhova³

^{1, 2, 3} Ural State Pedagogical University,
Ekaterinburg, Russia,

¹ pryamikova@yandex.ru,

ORCID 0000-0002-6783-008X

² elshal96@gmail.com,

ORCID 0009-0001-5140-705X

³ krutikol@mail.ru,

ORCID 0000-0003-4398-062X

For citation: Pryamikova E. V., Shalagina E. V., Shikhova O. N. Young teachers caught between “Scylla” and “Charybdis”: professional deficits in a sociological perspective (case of Sverdlovsk region). *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. 2023;11(4):248–272. (in Russ.). DOI 10.19181/snsp.2023.11.4.11.

Abstract. The topic of professional deficits among teachers has become increasingly widespread. The shortage of teaching staff affects not only small but also large cities,

leading to the need to fill vacant positions with professionals of varying levels and educational quality. The issue is not just about finding teachers but also retaining them. One solution to this problem is mentorship programmes, that relieve the psychological tension in the situation but do not fully resolve it due to systemic issues in the education system. To identify the factors leading to professional deficits among young teachers, a sociological study was conducted in 2021–2022. The empirical basis for the analysis included survey data from young teachers in the Sverdlovsk region (n = 918) and materials from focus groups with teacher trainees and young educators. The analysis of the research results revealed that the competence deficits of young teachers have an adaptive nature during their transition from university education to working in schools. A typical set of professional deficits includes difficulties in completing mandatory educational documentation, thematic lesson planning, high ambitions, a lack of skills in constructive assessment of real situations, problems in maintaining discipline in the classroom, weak theoretical and practical preparation for communicating with students and implementing special educational technologies, as well as difficulties in working with specific student groups, including those with disabilities. Professional deficits are a cause of unsuccessful adaptation for young professionals, making the process challenging and increasing the likelihood of them abandoning the profession. The main factors exacerbating the issue of deficits include the reduction in the adaptation period for young teachers, increased control and assessment activities by various authorities concerning teachers, high demands for the professionalism of young educators in their first years of teaching, and increased workload of different contents.

Keywords: professional deficits, young teachers, professional retention, adaptation, school environment, university education, systemic contradictions, social changes

Acknowledgments: this article was prepared as part of the research project “Modern mentorship: methods of professional support for young teachers in general education schools in the Sverdlovsk Region” in 2021–2022 by the team of the Department of philosophy, sociology, and cultural studies at the Ural state pedagogical university (USPU), on behalf of the Center for continuous professional development of pedagogical personnel “Teacher of the Future” at USPU in Yekaterinburg. The authors express their gratitude to I. V. Shapko, PhD in Philosophy, Associate Professor at the Department of philosophy, sociology, and cultural studies, for assistance in data analysis for the study.

REFERENCES

1. Belolutsкая A. K., Mkrtychyan V. A., Sherbakova T. V. Professional deficits of novice teachers in Moscow schools. *Herald of Moscow state pedagogical university. Issue Pedagogy and psychology=Vestnik MGPU. Seriya: Pedagogika i psixologiya*. 2022;(1):55–77. (In Russ.). DOI [10.25688/2076-9121.2022.16.1.03](https://doi.org/10.25688/2076-9121.2022.16.1.03).
2. Vorotkova I. Yu., Usachyova A. V. Diagnosis of professional deficits of modern teachers based on the results of professional activity. *Pedagogical education in Russia=Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii*. 2022;(2):105–112. (In Russ.).
3. Shajdenko N. A. Approaches to assessing the deficits of professional competencies of young teachers. *Education of personality=Obrazovanie lichnosti*. 2019;(3-4):12–18. (In Russ.).
4. Zhigulina M. L., Tarasova I. A., Stepanova N. A., compilers. Practical issues of application of professional standard in educational organizations: guidelines.

- GAOU dop. obraz. Sverdlovskoj oblasti «Institut razvitiya obrazovaniya. Ekaterinburg: GAOU DPO SO «IRO»; 2019. 80 p. (In Russ.).
5. Uskova S. A. Improving the quality of professional and pedagogical activity of a teacher in dealing with situations of uncertainty: deficits, conflicts, crises. *Herald of A. S. Pushkin Leningrad state university=Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina*. 2020;(2):224–241. (In Russ.).
 6. Prohorova I. K. Actual problems of professional adaptation of young teachers. *Pedagogical Review=Nauchno-pedagogicheskoe obozrenie*. 2019;1(23):130–138. (In Russ.). DOI [10.23951/2307-6127-2019-1-130-138](https://doi.org/10.23951/2307-6127-2019-1-130-138).
 7. Pinskaya M. A., Ponomaryova A. A., Kosarecky S. G. Professional development and training of young teachers in Russia. *Educational Studies. Moscow*. 2016;(2):100–125. DOI [10.17323/1814-9545-2016-2-100-124](https://doi.org/10.17323/1814-9545-2016-2-100-124).
 8. Konovalov A. A., Zaglodina T. A., Sazhin A. YU. Professional deficits: what competencies teachers and parents need. *Educational policy=Obrazovatel'naya politika*. 2021;(4):52–65. (In Russ.). DOI [10.22394/2078-838X-2022-1-52-65](https://doi.org/10.22394/2078-838X-2022-1-52-65).
 9. Sheregi F. E. Teachers of general education organizations: work or duty? *Sociological studies=Sociologicheskie issledovaniya*. 2016;(1):108–116. (In Russ.).
 10. Ilyin V. A., Leonidova G. V., Golovchin M. A. Russian teacher in a reforming society: a view from the region. *Sociological studies=Sociologicheskie issledovaniya*. 2017;(3):51–57. (In Russ.).
 11. Konstantinovsky D. L., Pinskaya M. A., Zvyagincev R. S. Professional wellbeing of teachers: from enthusiasm to burnout. *Sociological studies=Sociologicheskie issledovaniya*. 2019;(5):14–25. (In Russ.). DOI [10.31857/S013216250004949-6](https://doi.org/10.31857/S013216250004949-6).
 12. Bell D. The coming post-industrial society. Experience of social forecasting. Moscow: Akademiya; 1999. 956 p. ISBN 5-87444-07-4.
 13. Antyukhova E. A. Values of a Successful Personality: Postmodern Education in a Post-Industrial Society. *RUDN Herald. Issue Politology=Vestnik rossijskogo universiteta druzhby' narodov. Seriya: Politologiya*. 2020;22(2):290–304. (In Russ.). DOI [10.22363/2313-1438-2020-22-2-290-304](https://doi.org/10.22363/2313-1438-2020-22-2-290-304).
 14. Shihova O. N. The role of research practices in overcoming the “cognitive gap” that arises in the competence-based model of student learning. In: Strategic guidelines of modern education: collection of scientific articles (Ekaterinburg, 05-06 November 2020). Part 3. Ekaterinburg: Ural'skij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet; 2020. P. 156–160. (In Russ.). DOI [10.26170/Kso-2020-252](https://doi.org/10.26170/Kso-2020-252).
 15. Popov D. S., Strelnikova A. V., Grigorieva E. A. Teachers in the conditions of “crisis digitalization” on the threshold of a new “Luddism”. *Sociological journal=Sociologicheskij zhurnal*. 2023;(1):55–77. (In Russ.). DOI [10.19181/socjour.2023.29.1.3](https://doi.org/10.19181/socjour.2023.29.1.3).
 16. Dewey Dzh. Democracy and education. Moscow: Pedagogika-Press; 2000. 384 p. ISBN 5-7155-0773-1.
 17. Shtompka P. Sociology of social change. V. A. Yadov, ed. Moscow: Aspekt-Press. 1996; 416 p. ISBN 5-7567-0053-6.
 18. Zborovsky G. E. Education: from the 20 th to the 21 st century. Ekaterinburg: Ural. gos. prof-ped. un-ta; 2000. 301 p. (In Russ.). ISBN 5-8050-0003-2.
 19. Grigoriev S. I., Matveeva N. A. Non-classical sociology of education at the beginning of the 21 st century. Barnaul: ARNTsSORAO; 2000. 159 p. (In Russ.). ISBN 5-93957-003-8.
 20. Merton R. K. Social structure and anomie. *Sociology of power=Sociologia vlasti*. 2010;(4):212–223. (In Russ.).

Information about the Authors

E. V. Pryamikova

Doctor of Sociology, Associate Professor,
Professor

E. V. Shalagina

Candidate of Sociology,
Associate Professor

ResearcherID: **JAC-5507-2023**

O. N. Shikhova

Candidate of Sociology,
Associate Professor

ResearcherID: **AGQ-2230-2022**

The authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

The article was submitted 15.07.2023; approved after reviewing 04.09.2023; accepted for publication 19.10.2023.

РЕДАКЦИЯ БЛАГОДАРИТ НАУЧНЫХ И ПЕДАГОГИЧЕСКИХ РАБОТНИКОВ,
ВЫСТУПАВШИХ РЕЦЕНЗЕНТАМИ ПО РУКОПИСЯМ
ПОСТУПИВШИХ В 2023 ГОДУ СТАТЕЙ!

НАДЕЕМСЯ НА ДАЛЬНЕЙШЕЕ СОТРУДНИЧЕСТВО.

Адамьянц Тамару Завеновну
Андреева Андрея Леонидовича
Аксёнову Ольгу Владимировну
Атласкирова Альберта Руслановича
Бараш Раису Эдуардовну
Башеву Ольгу Александровну
Бессокирную Галину Петровну
Богданова Владимира Сергеевича
Воронина Геннадия Леонидовича
Воронкову Ольгу Алексеевну
Гавра Дмитрия Петровича
Георгиевскую Юлию Викторовну
Григорьеву Ирину Андреевну
Григорьеву Ксению Сергеевну
Гурко Татьяну Александровну
Гуторович Ольгу Викторовну
Данилову Любовь Сергеевну
Дорофееву Злату Евгеньевну
Епихину Юлию Борисовну
Журавлеву Ирину Владимировну
Земскову Анастасию Юрьевну
Зорину Анну Евгеньевну
Зубок Юлию Альбертовну
Иванову Елену Юрьевну
Каравай Анастасию Вадимовну
Карандашёва Глеба Владимировича
Козыреву Полину Михайловну
Колосову Галину Владимировну
Комиссарова Сергея Николаевича

Константиновского Давида Львовича
Кочеткова Александра Павловича
Кузину Ольгу Евгеньевну
Кузнецова Игоря Михайловича
Кулагину Елену Викторовну
Майкову Элеонору Юрьевну
Марееву Светлану Владимировну
Мещерякову Наталию Николаевну
Минкину Наталию Ильиничну
Михайленка Олега Михайловича
Морозова Арсения Аркадьевича
Низамову Альфию Энварьевну
Пинскую Марину Александровну
Попову Екатерину Сергеевну
Ромашкину Гульнару Фатыховну
Седых Ольгу Геннадьевну
Селивёрстову Нину Анатольевну
Смирнова Александра Ильича
Тихонову Наталью Евгеньевну
Троцук Ирину Владимировну
Чепуренко Александра Юльевича
Чередниченко Галину Анатольевну
Чернышову Любовь Алексеевну
Чирикову Аллу Евгеньевну
Чумикова Александра Николаевича
Шилову Валентину Александровну
Шлыккову Елену Викторовну
Шульгу Марину Михайловну
Щеголькову Елену Юрьевну

СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ НАУКА И СОЦИАЛЬНАЯ ПРАКТИКА

Сетевой научный журнал

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Эл № ФС77-85089 от 31 марта 2023 года
ISSN 2413-6891

Учредитель – Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской
академии наук (ФНИСЦ РАН)

Адрес: 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, к. 5

Сайт: <https://www.fnisc.ru>. Телефон: 8 499 125-00-79

Главный редактор
Горшков М. К.

Заместитель главного редактора-ответственный секретарь – *Мозговая А. В.*

Заместитель главного редактора – *Кравченко С. А.*

Заведующая редакцией – *Зорина А. Е.*

Научные редакторы:

Камышан В. В., Мищенко Д. Ф. Савоськина А. П.

Технический редактор: *Ломантёрова С. И.*

Оригинал-макет; верстка: *Чичилов Е. В.*

Журнал «Социологическая наука и социальная практика» включен в базу РИНЦ,
перечень ВАК – категория К1, индексируется в WoS RSCI

Журнал открытого доступа. Доступ к контенту журнала бесплатный.

Плата за публикацию с авторов не взимается

Адрес редакции: 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, к. 5

Электронная почта редакции: mozgovai@yandex.ru

Телефон редакции: 8 499 120-82-57. Факс редакции: 8 495 719-07-40

Официальный сайт журнала: <https://www.socnp.ru>

2023. Том 11, № 4. Дата выхода в свет 27.12.2023.